

ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия: История.
Международные отношения

2023

Том 23

Выпуск 2

IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS

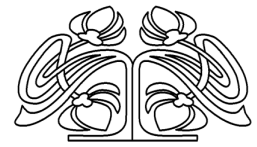
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского»

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Новая серия

Серия История. Международные отношения, выпуск 2

Продолжение «Известий Императорского Николаевского Университета» 1910–1918, «Ученых записок СГУ» 1923–1962, «Известий Саратовского университета. Новая серия» 2001–2004

Научный журнал
2023 Том 23
ISSN 1819-4907 (Print)
ISSN 2542-1913 (Online)
Издается с 2005 года

СОДЕРЖАНИЕ

Научный отдел

Отечественная история

- Втюрин А. С.** Придворная служба Баима Болтина 144
- Ларин А. Б.** «Появление таких трудов необходимо для пользы русского дела на Востоке»: постановка вопроса об аккумуляции и систематизации «знания о Востоке» в публикационных проектах МИД (1909–1915 гг.) 153
- Боброва И. В.** Политика привлечения иностранного предпринимательского капитала С. Ю. Витте в англо-американской историографии 159
- Мулевая М. С.** Антисемитская риторика иеромонаха Илиодора (Труфанова) как отражение кризиса Русской Православной Церкви в начале XX века 167
- Мраморнов А. И.** Изучение Поместного Собора 1917–1918 гг. и региональных (окружных) Соборов 1918–1920 гг. в современной российской историографии 173
- Стрельников М. А.** Проблемы применения историко-антропологического и микроисторического подходов на примере реконструкции подвигов связистов в Сталинградской битве 182
- Синицын Ф. Л.** Военная помощь Советского Союза национально-освободительному движению Югославии в годы Второй мировой войны 189

Всеобщая история и международные отношения

- Болдырева И. И.** Положение жены правителя в Англии второй половины X века: королева Эльфтрида 198
- Кузьмин Д. И.** «Злые годы» после гибели короля Пржемысла Оттокара II в Чехии и регентство Оттона Бранденбургского (1278–1283) 207
- Смирнов Н. А.** Словацкие города в конце XIV – первой половине XV века. Специфика положения и причины расцвета 213
- Нуждин О. И.** Карл VI – rex inutilis? (к вопросу о кризисе королевской власти во Франции начала XV века) 218
- Евсеев В. А.** Городские финансы и муниципальные власти в английских городах эпохи Тюдоров (на примере Вустера) 226
- Бельцер А. А.** Проект Томаса Уортона и проблема организации управления англо-шотландским пограничьем в 1540-х годах 232
- Голуб Ю. Г., Шенин С. Ю.** Глобальное потепление: подходы России и реакция Запада 238

Региональная история и краеведение

- Рабинович Я. Н.** Воевода Саратова стольник Никита Иванович Головин (1657–1659) 244
- Кочукова О. В., Кочуков С. А.** Саратовский губернатор М. Н. Галкин-Враский и председатель Московского славянского комитета И. С. Аксаков: материалы переписки (1877–1878 гг.) 255
- Филимонов А. В.** Землеустройство евреев в Псковском крае в 1920-е годы 265

Приложения

Хроника

- Мякшев А. П.** Феномен многонационального Советского Союза: по итогам работы международной научной конференции 276

Журнал «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия “История. Международные отношения”» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Запись о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76642 от 26 августа 2019 года

Журнал включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (специальности: 5.6.1; 5.6.2; 5.6.5; 5.6.7). Журнал входит в международную базу данных DOAJ

Журнал выходит 4 раза в год. Подписной индекс издания 36018. Подписку на печатные издания можно оформить в Интернет-каталоге ГК «Урал-Пресс» (ural-press.ru). Цена свободная. Электронная версия находится в открытом доступе (imo.sgu.ru)

Директор издательства

Бучко Ирина Юрьевна

Редактор

Батищева Татьяна Федоровна

Художник

Соколов Дмитрий Валерьевич

Редактор-стилист

Агафонов Андрей Петрович

Верстка

Степанова Наталия Ивановна

Технический редактор

Каргин Игорь Анатольевич

Корректор

Батищева Татьяна Федоровна

Адрес учредителя, издателя и издательства (редакции):

410012, Саратов, Астраханская, 83

Тел.: +7(845-2) 51-29-94, 51-45-49,

52-26-89

E-mail: publ@sgu.ru, izdat@sgu.ru

Подписано в печать 22.05.23.

Подписано в свет 31.05.23.

Формат 60 × 84 1/8.-

Усл. печ. л. 16.3 (17.5).

Тираж 100 экз. Заказ 48-Т

Отпечатано в типографии Саратовского университета.

Адрес типографии:

410012, Саратов, Б. Казачья, 112А

© Саратовский университет, 2023

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСЕЙ

Журнал принимает к публикации оригинальные, ранее не публиковавшиеся научные статьи по всеобщей и отечественной истории, региональной истории и краеведению, истории международных отношений, источниковедению и историографии, а также обзорные статьи, рецензии и сообщения.

К рассмотрению принимаются статьи, написанные научными сотрудниками и преподавателями – специалистами по истории, истории международных отношений, докторами и кандидатами наук, аспирантами, соискателями.

Объем статей должен составлять 20–40 тыс. знаков с пробелами через полуторный интервал и содержать до 5 рисунков и 4 таблиц, объем рецензий и сообщений – 10–20 тыс. знаков с пробелами и до 2 рисунков. Рецензии оформляются так же, как статьи. Статья должна быть оформлена строго в соответствии с правилами и тщательно отредактирована. Последовательность предоставления материала:

- на русском языке: тип статьи (научная статья, обзорная статья, рецензия, краткое сообщение), индекс УДК, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, место работы, должность (с указанием структурного подразделения), e-mail, ORCID, Author ID своей странички в e-library), аннотация, ключевые слова (7–10), благодарности и ссылки на гранты (если есть), текст статьи, примечания (при наличии), список литературы;

- на английском языке: тип статьи, название статьи, инициалы и фамилия автора, сведения об авторе (имя, инициал отчества, фамилия, ORCID, Author ID своей странички в e-library, место работы, почтовый адрес организации (с указанием индекса), e-mail), аннотация, ключевые слова.

Требования к аннотации:

- должна отражать краткое содержание статьи;
- оптимальный объем 300–500 знаков;
- не должна содержать сложных формулировок, повторять название статьи, быть насыщена общими словами, не излагающими сути исследования.

Имеющиеся примечания и комментарии помещаются перед списком литературы. Каждое примечание обозначается концевой сноской и нумеруется арабской цифрой.

Список литературы составляется в пронумерованном с [1] по [последняя] ссылке порядке. Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены в порядке упоминания в тексте, с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера и через запятую номеров соответствующих страниц (листов архивного дела). Каждое архивное дело одного фонда считается отдельным источником в нумерации списка литературы. Более подробную информацию о правилах оформления статей можно найти по адресу: <https://imo.sgu.ru/ru/dlya-avtorev>

Материалы, отклоненные редколлекцией, не возвращаются.

Адреса для переписки с редколлекцией серии: imo_sgu@mail.ru; 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, Саратовский университет, Институт истории и международных отношений, заместителю главного редактора журнала «Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия История. Международные отношения» Л. Н. Черновой.

CONTENTS

Scientific Part

Russian History

- Vtyurin A. S.** The court service of Baim Boltin 144
- Larin A. B.** “The appearance of such works is necessary for the benefit of the Russian mission in the East”: Problem statement of the accumulation and systematization of “knowledge about the Orient” in the publication projects of the Ministry of Foreign Affairs (1909–1915) 153
- Bobrova I. V.** Sergey Witte and his Foreign Investment Policy in the studies by English-speaking scholars 159
- Mulevaya M. S.** Anti-Semitic rhetoric of Hieromonk Ilidor (Trufanov) as a reflection of the crisis of the Russian Orthodox Church at the beginning of the XX century 167
- Mramornov A. I.** The research of the All-Russian Local Council 1917–1918 and regional (district) Councils of the Russian Church in 1918–1920 in the modern Russian historiography 173
- Strelnikov M. A.** Problems of application of historical-anthropological and microhistorical approaches on the example of reconstruction of the feats of signalers in the Battle of Stalingrad 182
- Sinityn F. L.** Military aid of the Soviet Union to the National Liberation Movement of Yugoslavia during the World War II 189

World History and International Relations

- Boldyreva I. I.** The Position of King’s Wife in England in the Second Half of the 10th century: Queen Aelfthryth 198
- Kuzmin D. I.** The “Evil Years” after the death of King Przemysl Ottokar II in Bohemia and the regency of Otto of Brandenburg (1278–1283) 207
- Smirnov N. A.** Slovak cities at the end of the XIV – first half of the XV century. The specifics of the situation and the reasons for the heyday 213
- Nuzhdin O. I.** Charles VI – rex inutilis? (on the issue of the crisis of royal power in France at the beginning of the 15th century) 218
- Evseev V. A.** Urban finance and municipal government in English Tudor cities (using the example of Worcester) 226
- Beltser A. A.** Thomas Wharton project and the problem of Anglo-Scottish border government in 1540s 232
- Golub Yu. G., Shenin S. Yu.** Global warming: Russia’s approaches and the West’s reaction 238

Regional History and Local Studies

- Rabinovich Ya. N.** Governor of Saratov steward Nikita Ivanovich Golovin (1657–1659) 244
- Kochukova O. V., Kochukov S. A.** Saratov governor M. N. Galkin-Vrasky and Chairman of the Moscow Slavic Committee I. S. Aksakov: Correspondence materials (1877–1878) 255
- Filimonov A. V.** Land management of Jews in the Pskov region in the 1920s 265

Appendices

Chronicle

- Myakshev A. P.** The phenomenon of the multinational Soviet Union: Based on the results of the international scientific conference 276

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА
«ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА. НОВАЯ СЕРИЯ.
СЕРИЯ: ИСТОРИЯ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ»**

Главный редактор

Данилов Виктор Николаевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Заместитель главного редактора

Чернова Лариса Николаевна, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Ответственный секретарь

Рабинович Яков Николаевич, кандидат ист. наук, доцент (Саратов, Россия)

Члены редакционной коллегии:

Барабанов Олег Николаевич, доктор полит. наук, профессор (Москва, Россия)

Голуб Юрий Григорьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Дённингхаус Виктор, доктор истории, профессор (Люнебург, Германия)

Кабытов Петр Серафимович, доктор ист. наук, профессор (Самара, Россия)

Любичанковский Сергей Валентинович, доктор ист. наук, профессор (Оренбург, Россия)

Мезин Сергей Алексеевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Монахов Сергей Юрьевич, доктор ист. наук, профессор (Саратов, Россия)

Рейли Дональд, доктор истории, профессор (Чапел-Хилл, США)

Репина Лорина Петровна, доктор ист. наук, чл.-корр. РАН (Москва, Россия)

Тисье Мишель, доктор истории, доцент (Ренн, Франция)

Федоров Сергей Егорович, доктор ист. наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия)

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор ист. наук, ведущий научный сотрудник (Москва, Россия)

Черевичко Татьяна Викторовна, доктор экон. наук, профессор (Саратов, Россия)

**EDITORIAL BOARD OF THE JOURNAL
«IZVESTIYA OF SARATOV UNIVERSITY.
HISTORY. INTERNATIONAL RELATIONS»**

Editor-in-Chief – Victor N. Danilov (Saratov, Russia)

Deputy Editor-in-Chief – Larisa N. Chernova (Saratov, Russia)

Executive secretary – Yakov N. Rabinovich (Saratov, Russia)

Members of the Editorial Board:

Oleg N. Barabanov (Moscow, Russia)

Yury G. Golub (Saratov, Russia)

Victor Dönningkhaus (Lüneburg, Germany)

Pyotr S. Kabytov (Samara, Russia)

Sergey V. Lyubichankovsky (Orenburg, Russia)

Sergey A. Mezin (Saratov, Russia)

Sergey Yu. Monakhov (Saratov, Russia)

Donald J. Raleigh (Chapel Hill, USA)

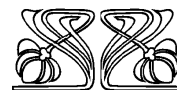
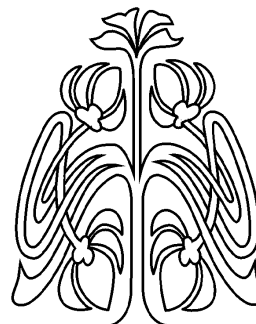
Lorina P. Repina (Moscow, Russia)

Michel Tissier (Rennes, France)

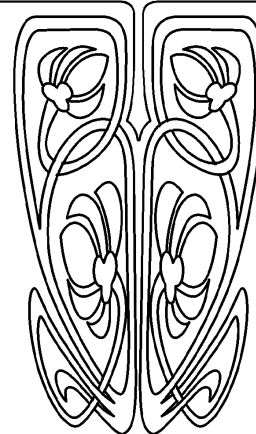
Sergey E. Fyodorov (St. Petersburg, Russia)

Susanna K. Tsaturova (Moscow, Russia)

Tatyana V. Cherevichko (Saratov, Russia)

**РЕДАКЦИОННАЯ
КОЛЛЕГИЯ**

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

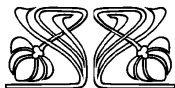
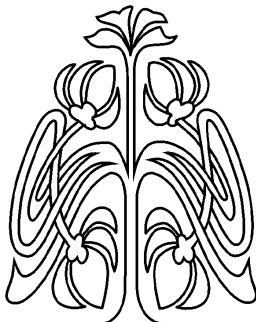
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 144–152

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 144–152

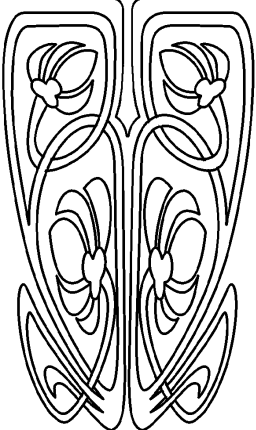
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-144-152>, EDN: ZQCODG

Научная статья

УДК 94-057.34(470+571)|16|+929Болтин

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Придворная служба Баима Болтина

А. С. Втюрин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Втюрин Андрей Сергеевич, аспирант кафедры истории России и археологии, andrej.vtiurin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1294-1516>, Author ID: 1108641

Аннотация. В статье впервые подробно рассматривается придворная служба государственного деятеля первой половины XVII в. Баима Федоровича Болтина. В начале своего служебного пути он был арзамасским дворянином. В 1624 г. поступил на придворную службу, затем несколько лет служил дьяком Новгородской чети. Принимал активное участие в придворных мероприятиях, посольских встречах. В последние годы жизни Михаила Романова был ясельничим и первым судьей Конюшенного приказа.

Ключевые слова: придворная служба, дьяк, Новгородская четь, ясельничий, дворцовые разряды

Для цитирования: Втюрин А. С. Придворная служба Баима Болтина // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 144–152. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-144-152>, EDN: ZQCODG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The court service of Baim Boltin

A. S. Vtyurin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Andrey S. Vtyurin, andrej.vtiurin@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1294-1516>, Author ID: 1108641

Abstract. The article for the first time examines in detail the court service of the statesman of the first half of the XVII century, Baim Fedorovich Boltin. At the beginning of his career, he was an Arzamas nobleman. In 1624 he entered the court service, then served for several years as a clerk of the Novgorod's quarter. He took an active part in court events, embassy meetings. In the last years of Mikhail Romanov's life, he was a marshal's assistant and the first judge of the Ministry of Cavalry.

Keywords: court service, clerk, Novgorod couple, nursery, palace ranks

For citation: Vtyurin A. S. The court service of Baim Boltin. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 144–152 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-144-152>, EDN: ZQCODG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Баим Федорович Болтин (конец XVI в. – 1655 г.) был видным государственным и военным деятелем первой половины XVII в., вышедшим из арзамасской служилой корпорации. Род его не обладал высоким положением в местнической системе. Однако благодаря своему трудолюбию и личным качествам Болтин сумел подняться по служебной лестнице к высоким придворным должностям. Баим Федорович

приобрел известность сразу в нескольких областях. В первую очередь он является автором Столяровского хронографа, который был введен в научный оборот Н. М. Карамзиным [1, с. 18–28]. Также он известен как военный деятель: принял участие в походе князя Д. Т. Трубецкого на Новгород в 1614 г., а в годы Смоленской войны отличился при взятии г. Новгорода-Северского. Исполнял воеводскую службу в таких городах, как Терки, Стародуб, Тобольск, был стрелецким головой в Казани.

Столяровский хронограф и события Смоленской войны в связи с биографией Болтина уже являлись объектом внимания исследователей [1; 2, с. 83–88; 3, 4]. Малоизвестной остается служба Б. Ф. Болтина при царском дворе, которая не нашла подробного отражения в историографии и является предметом исследования настоящей статьи. Так, будучи сперва московским дворянином, а затем и дьяком Новгородской чети, он, помимо исполнения прямых обязанностей, присутствовал на царских и патриарших застольях, встречал послов, оставался в Москве в период отъезда государя. Мы условно поделим наше повествование на два периода – до Смоленской войны и после нее, ибо успехи Б. Ф. Болтина в военное время обусловили его дальнейший служебный рост. В довоенном периоде отдельно отметим его службу в качестве дьяка Новгородской чети, которая не являлась придворной, но в случае Болтина имела тесную связь с ней и оказала влияние на рост при дворе. Также постараемся рассмотреть придворную службу Б. Ф. Болтина в контексте трансформации служилого сословия в годы правления первых Романовых.

Царский двор – это огромный административный аппарат, состоящий из верхушки княжеской и боярской аристократии, дворян и выходцев из других сословий (к примеру, духовенства). Помимо тех, кто находился непосредственно в Москве, к царскому двору относились и выборные дворяне из городов. К концу XVI в. численность двора составляла около 1100 чел., из которых свыше половины были выборными по городам [5, с. 255].

К 1630 г. двор расширился до 4000 чел. Так как Баим Болтин уже в 1613 г. относился к выборным по Арзамасу [6, с. 508], то можно говорить, что членом двора он был задолго до его появления непосредственно при царском дворе. Однако удаленность от Москвы мало способствовала росту по службе.

Впервые в качестве придворного в столице Баим Болтин присутствовал 14 сентября 1624 г. на свадьбе царя Михаила Федоровича Романова и Марии Владимировны Долгорукой. В первый день свадьбы он был в списке дворян, стоявших по пути шествия процессии. Так, в разрядной записи указано: «... От столовой избы к соборной палате, у дверей, Обоим Федоров сын Болтин» [7,

стб. 639]. Ранее Болтин не присутствовал на придворных мероприятиях. До этого он не менее 2-х лет был воеводой в Терках (1620–1622 гг.) [7, стб. 484; 8, стб. 720, 764, 871]. Возможно, что в список московских дворян он был внесен как раз по возвращении с места Терской службы.

В рамках придворной службы Баим Болтин 26 апреля 1626 г. был оставлен в Москве Михаилом Федоровичем Романовым, который отправился в Троице-Сергиев монастырь молиться. Главным в Москве был назначен боярин Федор Иванович Шереметев, под чьим руководством находился Болтин. С Ф. И. Шереметевым в числе московского руководства были: боярин, князь Андрей Васильевич Сицкий, окольничий князь Григорий Константинович Волконский, думный разрядный дьяк Федор Лихачев. К боярину Шереметеву были приписаны дворяне, которые должны были «на государевом дворе вверху дневать и ночевать». Баим Болтин записан во вторую половину списка. Упомянутые дворяне находились в личном распоряжении Федора Шереметева на период отъезда царя. Таким образом, это первое упоминание, в котором Баим Болтин получил столь важное назначение, а именно находился в распоряжении боярина, замещавшего государя. Аналогичный список, но уже с другими дворянами, закреплен за Андреем Васильевичем Сицким [7, стб. 818]. В период этого отъезда государя в Москве случился большой пожар, настолько серьезный, что горели Китай-город и Кремль, в котором огонь уничтожил казну, государев и патриарший дворы [9, с. 152–153]. Данный пожар уничтожил огромное количество актового материала. Однако сведений об участии Баима Болтина в разборе последствий пожара и восстановлении утраченных документов мы не имеем. Можем предположить, что работы у подчиненных Федора Шереметева было много.

Назначение Баима Болтина дьяком Новгородской чети (четвертного приказа) произошло 16 февраля 1627 г., а 17 февраля он был приведен к целованию креста. Молитвенное имя ему было дано – Сидор [10, с. 456]. 20 февраля был утвержден состав дьяков четверти – вместо Андрея Шипова дьяками были назначены Баим Болтин и Дементий Образцов [10, с. 458]. Назначенный Б. Ф. Болтину оклад в качестве дьяка чети составлял 900 четей и 130 руб. [11, с. 561].

Б. Ф. Болтин часто упоминается как участник царских и патриарших застолий. 14 марта 1627 г. у государя «был стол» по случаю празднования дня Федоровской иконы Божьей Матери – «праздник пречистые Богородицы Федоровские». Баим Болтин указан в числе присутствовавших дьяков третьим вслед за Михаилом Даниловым и Максимом Матюшкиным [10, с. 470].

В день Вербного воскресенья 18 марта 1627 г. «был стол» у патриарха Филарета в столовой палате. В росписи Болтин также присутству-

ет в числе дьяков. На этот раз он оказался первым в списке. Изначально Болтин должен был идти вслед за ранее упомянутым Михаилом Даниловым, однако имя последнего было зачеркнуто [10, с. 472]. В дворцовых же разрядах пометки о том, что имя М. Данилова было вычеркнуто, отсутствуют [7, стб. 907].

По случаю рождения у Михаила Романова дочери Ирины 25 апреля 1627 г. «был стол» в Грановитой палате. Баим Болтин был третьим в списке простых дьяков, включавшем 31 чел. Также за столом были 4 дьяка служивших у патриарха. Два стольника стояли подле государя, а три стольника «в столы смотрели» [7, стб. 915]. В записной книге московского стола Б. Ф. Болтин указан пятым в списке. Стоит отметить, что он на этот раз опередил дьяка Максима Матюшкина (ранее 14 марта Болтин указывался после него) [10, с. 486].

В некоторых событиях участие Болтина планировалось, но по каким-то причинам не состоялось. Так, 13 июня 1627 г. Баим Болтин должен был принимать участие в шествии в Троице-Сергиев монастырь для празднования дня Святой Троицы. Изначально он был указан третьим в числе дьяков, однако его имя и имя Венедикта Махова были вычеркнуты [10, с. 497].

На время поездки в Новодевичий монастырь 27 июля 1627 г. государь оставил вместо себя в Москве боярина князя Даниила Ивановича Мезецкого и окольничего Артемия Васильевича Измайлова. Вместе с ними были 29 дворян и 19 дьяков [10, с. 506]. Шестым в списке дьяков стоял Баим Болтин (между Петром Овдокимовым и Дементием Образцовым). Также в том списке значилось имя Никифора Шипулина, стоявшего после Болтина. Этот человек в дальнейшем будет служить рядом с Болтиным.

На время поездки в Симонов монастырь 31 июля 1627 г. государь оставил вместо себя Михаила Борисовича Шеина и Даниила Ивановича Мезецкого. Баим Болтин также был в числе дьяков одиннадцатым в списке из сорока, после Петра Овдокимова [10, с. 509].

Выход московских царей на богомолье – это важное, торжественное мероприятие, призванное подчеркнуть значимость церковных праздников. Народ и иностранцы могли увидеть царскую процессию, каждый шаг которой подчинялся четкому регламенту. Пышные одеяния были у всех участников выхода. Свита государя распределялась по старшинству. Впереди шли нижние чины, бояре, окольничие и думные люди шли ближе к государю. Регламентированный церемониал – важная черта традиционного общества [12, с. 376–378].

По случаю празднования Успения Богородицы 15 августа 1627 г. «был стол» у патриарха Филарета с участием государя. В праздновании принимали участие всего лишь 6 дьяков, Бол-

тин был пятым в списке между Иваном Грязевым и Венедиктом Маховым [10, с. 515].

В день памяти Петра Чудотворца 21 декабря 1627 г. в столовой патриаршей палате у патриарха Филарета состоялся стол в присутствии государя Михаила Романова. В застолье принимали участие бояре, думные дьяки, дворяне и дьяки. В этот раз Баим Болтин числится в списке первым дьяком, что свидетельствует о его служебном росте при дворе [7, стб. 969].

В канун празднования Рождества 6 января 1628 г. у государя Михаила Романова «был стол» в золотой подписной палате. Здесь Болтин почему-то указан после Максима Матюшкина, третьим в списке. Возможно, последний получил повышение и вновь опередил Болтина [7, стб. 972].

В день празднования Федоровской иконы Божией Матери 14 марта 1628 г. у государя Михаила Романова «был стол» в золотой подписной палате, в котором принимал участие патриарх Филарет. Баим Болтин снова был в числе дьяков десятым в списке из 13 дьяков, заняв место между Никифором Спиридоновым и Венедиктом Маховым [7, стб. 995].

Очередной раз первым среди дьяков мы видим Болтина за столом у государя 6 апреля 1628 г. [7, стб. 1001].

По случаю рождения дочери Пелагеи 20 апреля 1628 г. в Грановитой палате у государя «был стол» с участием патриарха Филарета. Перечисление присутствовавших лиц занимает два столбца. Баим Болтин указан в списке дьяков восемнадцатым из тридцати двух [7, стб. 1006].

Баим Болтин снова присутствовал за столом государя в праздник Успения Богородицы 15 августа 1628 г. Был в числе дьяков на том же самом месте, что в 1627 г. [7, стб. 1029].

Впервые Болтин принял участие во встрече иноземных послов 13 февраля 1629 г. Тогда в Грановитой палате царь Михаил Федорович и патриарх Филарет принимали посла персидского шаха Аббаса Мамета Силибека и купца Агасана. Перед царской аудиенцией по церемониалу было две встречи – на крыльце и в сенях. Баим Болтин вместе с князем Андреем Андреевичем Хованским встречал посла в сенях и указан в качестве дьяка Новгородской чети [13, стб. 27]. Процесс приема послов вплоть до второй половины XVII в, когда начали заключаться договоры о посольском церемониале с другими государствами, опирался на обычаи и прецеденты и был неотъемлемой частью посольской и придворной жизни [14, с. 204]. Для придворного считалось почетным находиться как можно ближе к залу для приема послов государем. Таким образом, встречать послов на въезде в Москву почетнее, чем встречать их на границе. Также уже непосредственно на пути следования послов на прием к государю, более почетными считались встречи в сенях, чем на крыльце. Это обуславливалось

обычаем, по которому послам должна оказываться все большая честь по мере приближения к государю [14, с. 70].

В Грановитой палате 26 февраля 1632 г. состоялся прием царем Михаилом Федоровичем и патриархом Филаретом Ахмета Аги – посла турецкого султана Мурада IV. В дворцовых разрядах подробно описывается, кто сидел по левую и правую руку от государя. Объявлял посла и дары государю князь Прозоровский. Было две встречи посла: меньшая на крыльце, большая в сенях. В сенях посла встречали князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский и дьяк Новгородской чети Баим Болтин [13, стб. 251].

Остановимся подробнее на службе в Новгородской чети. Данное учреждение представляло собой административный, финансовый и судебный орган власти [15, с. 195–217], ведавший такими городами, как Новгород, Псков, Нижний Новгород, Вологда, Архангельск, и рядом других городов с их уездами. Во главе четвертного приказа стоял дьяк, у которого мог быть в подчинении еще один дьяк «в товарищах».

Дьяки, будучи центральными фигурами приказного управления, пользовались всеми правами служилого сословия и в период Смуты по своему социальному уровню стояли между столичными чинами и уездными выборными дворянами [5, с. 263, 348]. В царствование Михаила Романова они в основном комплектовались из дворян (к 1635 г. свыше трети дьяков составляли выходцы из гостей и духовенства [5, с. 350]. На 1628 г. они составляли 79% от общей численности дьяков [16, с. 224–225]. В 1626 г. их всего было 83 человека, а в 1633–90. Приказной аппарат развивался и вместе с тем росла численность дьяков. Росла и численность подьячих [5, с. 348]. По своему социальному положению в годы правления Михаила Романова дьяки были сравнимы с московскими жильцами, однако получали оклады, сравнимые со стольниками [5, с. 350]. Из этого можно сделать вывод о понижении в статусе Болтина, поскольку тот перешел из московских дворян в дьяки.

Первое известное действие Баима Болтина в качестве дьяка Новгородской чети датируется 5 марта 1627 г., почти сразу после назначения. Болтин направил Ивана Клементьевича Чулкова в Архангельск стрелецким головой [10, с. 465]. Стоит отметить, что все назначения и распоряжения делались от имени государя.

Болтин в Новгородской чети рассматривал вопрос о выводе д. Нерыб в Чердынском уезде из оклада, поскольку люди в деревне бедны и не могли даже содержать церковь. 27 ноября 1627 г. воеводе г. Чердынь князю Петру Клобкову-Мосальскому было велено перестать взимать окладные налоги и подати с деревни и отписаться о выводе ее из оклада в Новгородскую четь [17, с. 243].

Через Баима Болтина 1 января 1628 г. была передана грамота, освобождавшая от всех налогов некоторые земли в Обонежской пятине, принадлежавшие Исаку Герасимову. Ранее эти земли были пожалованы за то, что отец его поп Ермолай Герасимов в годы ссылки и заточения при Борисе Годунове в тех местах матери Михаила Федоровича – инокине Марии Ивановне – всячески помогал. Своей грамотой государь оградил его от всех претензий и нападков со стороны приказных людей и подтвердил ранее обещанные привилегии, которые, судя по всему, местными чиновниками нарушались [18, с. 248].

В декабре 1629 г. из Новгородской чети было поручено уже новому Чердынскому воеводе Сарычу Линеву заняться сыском беглых посадских людей городов Слободского и Шестакова и крестьян из их уездов. Беглые люди обязаны были платить налоги и подати в четь [19, с. 289]. Их поиск и постановка на учет требовались для восстановления денежных поступлений.

21 июля 1630 г. сысольским старостам и целовальникам была направлена грамота, в которой требовалось прислать в Москву «таможенных, кабацких, неокладных и четвертных денежных доходов». У местных чиновников за 1628 и 1629 гг. образовалась неуплата по ним, хотя окладные доходы они присылали исправно. От старост и целовальников требовалось тотчас прислать в Новгородскую четь дьякам Баиму Болтину и Дементию Образцову указанные в грамоте суммы под страхом отправки к ним приставов. 14 сентября 1630 г. в тот же Сысольский уезд была направлена грамота с требованием прислать окладные четвертные денежные доходы за 1629 г. [20, стб. 500–502]. Видимо, в Сысольском уезде возникли трудности со сбором денег или же местные чиновники захотели их утаить.

20 января 1631 г. была отправлена грамота в г. Чердынь воеводе Сарычу Никитичу Линеву, в которой требовалось составить список каменщиков, кирпичников и гончаров, отказавшихся отправиться в Вязьму и Можайск для проведения там работ. Данный список было велено передать в Новгородскую четь дьякам Баиму Болтину и Дементию Образцову [21, с. 274–275].

Через Баима Болтина решался вопрос относительно земель, принадлежавших Черногорскому монастырю на р. Пинеге. 9 февраля 1631 г. Двинскому воеводе князю Василию Ахмашукову-Черкасскому было велено передать грамоту в монастырь, в которой определялся размер налогов и границы земель, коими тот владел [22, с. 292–294].

Баимом Болтиным в Новгородской чети рассматривался спор, возникший у самоедов Меншичко Анципина и Семейки Вотьева с местными русскими людьми. По словам самоедов, русские люди без разрешения вторгались в их владения вдоль рек Индига и Волонга и занимались добычей рыбы и зверей. Более того, они не уплачивали

оброк государю с этих промыслов. Судя по всему, дьяки Баим Болтин и Дементий Образцов установили преимущественное право владения за самоедами, закрепленное еще за их дедами. 7 сентября 1631 г. была отправлена грамота воеводе в Кевролу и Мезень, в которой подтверждалось право самоедов Меншичко Анципина и Семейки Вотьева на владение реками Индигой и Волонгой и добычу рыбы и зверей в них [23, с. 280–281]. Поскольку спором занимались дьяки Новгородской чети, уплачиваемый оброк с промыслов на этих реках шел в нее.

Баим Болтин занимался вопросами составления сметы по ремонтным работам оборонительных сооружений г. Гдова, который располагался к северу от Пскова. Псковские воеводы князь Никита Михайлович Мезецкий и Пимен Матвеевич Юшков сообщали, что после обстрелов шведами во время Смуты крепость Гдова была повреждена, а в местах, где шведы проводили подкопы, стены обрушились. Временные деревянные укрепления на месте разрушений сгнили. Также воеводы сообщили о плачевном состоянии гдовской артиллерии, которая не имела соответствующей инфраструктуры для размещения и хранения: «... Да во Гдове же де наряду поставить негде, роскат сгнил и развалился ... станков и колес нет, а у иных с мочи огнили». Также боеприпасы и ядра хранились в колокольне за деревянной дверью, на чем заострил внимание воевода. Поскольку рядом с колокольней проживают гражданские лица, необходимо хранить припасы за железной решеткой. Судя по всему, здесь имеет место указание на риск бунта и захвата боеприпасов или же просто на возможное воровство. Так как местные власти не могли своими силами исправить положение, в декабре 1631 г. им было велено составить смету необходимого и отправить ее Баиму Болтину в Новгородскую четь [24, с. 282–283].

Первый выделенный нами период службы Баима Болтина завершился. В это время он пополнил ряды московского бюрократического аппарата вместе с большим количеством других служилых людей. Дальнейший рост по службе Баима Болтина косвенно свидетельствует о повышении роли бюрократического аппарата.

В начале Смоленской войны Б. Ф. Болтин на некоторое время покидает придворную службу. Он участвовал в Северском походе в качестве второго воеводы и руководил захватом Новгорода Северского в декабре 1632 г [25, стб. 390–391; 26, с. 369–370]. Затем он недолгое время прибывал в качестве воеводы в захваченном им городе и в завоеванном Стародубе [13, стб. 310, 341]. За эту службу Баим Болтин получил солидные награды от государя, однако прибавку к окладу ему пришлось добиваться путем челобитья [13, стб. 317; 27, с. 484–487]. После прибытия в Москву он уже 21 апреля 1633 г. указан среди многочисленных дворян и дьяков, которых

Государь Царь и Великий Князь Всея Руси Михаил Федорович пожаловал и «велел им свои государские очи видеть» на празднике Светлого Воскресенья [13, стб. 864]. 21 июня 1633 г. при угрозе татарского набега на Москву Б. Ф. Болтин был назначен воеводой в Симоновом монастыре [25, стб. 526].

В июне 1634 г. на р. Поляновке подписывался мир с Речью Посполитой. Баим Болтин был первым в списке голов, сопровождавших послов Федора Ивановича Шереметева и Алексея Михайловича Львова [13, стб. 357–358]. После возвращения в Москву все послы получили награды, состоялось повышение в чине – Алексей Михайлович Львов из окольных в бояре, а Степан Матвеевич Проестев стал думным дворянином. 5 июля 1634 г. у государя был стол. Список участвовавших в столе несколько отличался от ранее приведенного. Здесь мы видим в основном участников переговоров на р. Поляновке. Имя Баима Болтина помещено между двумя князьями – Савой Козловским и Иваном Львовым [28, с. 562]. Учитывая хаотичность составленного списка, мы не можем сделать каких-либо выводов.

В конце 1634 г. Баим Болтин вместе с вышеупомянутым князем Львовым отправляется в Варшаву для ратификации мирного договора и выполнения ряда иных заданий по выкупу пленных и тела царя Василия Шуйского [13, стб. 404; 29, л. 909–910]. Это назначение породило первый местнический спор в жизни Болтина. На него подали челобитную дворяне, указанные в списке сопровождавших князя Львова: Илья Васильевич Наумов и Ждан Васильевич Кондырев (последний ранее уже был поставлен ниже Баима при переговорах на р. Поляновке). Они считали, что по своему местническому статусу они должны стоять выше Болтина, на что государь ответил, что им всем следует быть без места [13, стб. 404]. Как уже говорилось, по социальному положению дьяки считались ниже стряпчих и дворян московских. Это не могло не сказаться на отношении московских чинов к дьякам как к нижестоящим. По мнению Ю. М. Эскина, это местническое дело Болтина свидетельствует о том, что даже кратковременное пребывание в дьяках оставляло «пятно» в карьере служилого человека [30, с. 339]. Однако тот факт, что государь встал на сторону бывшего дьяка, свидетельствует об усилении значения служилых людей, занятых решением общегосударственных вопросов. Поэтому переход в дьяки из дворян, хотя и воспринимался современниками как понижение, фактически обусловил дальнейший служебный рост Болтина.

По прибытии из посольства Болтин вернулся к придворной службе в Москве и занимался ею вплоть до своего посольства в Данию в 1647 г. [31, с. 227], за исключением двух случаев, связанных с участием в размежевании спорных с Речью

Посполитой территорий в районе Путивля в 1637 и 1642 г. [13, стб. 538, 683]. Там в 1642 г. у него возник местнический конфликт с Кузьмой Трусовым и Василием Протасовым. Государь снова встал на сторону Болтина [13, стб. 683].

Размежеванию земель предшествовала встреча польского посла Адама Орлика, который прибыл в Москву с жалобой на русских межевых судей, ответственных за разграничение земель по Поляновскому мирному договору [32, с. 119–122]. Государь его принял 30 января 1637 г. в золотой подписной палате [13, стб. 529]. Баим Болтин указан в числе встречающих. Адам Орлик был отправлен с опровержением претензий [13, стб. 869–874]. Столяровский хронограф также сообщает, что к польскому королю были отправлены с аналогичными претензиями послы, жаловавшиеся на литовских людей, что занимают земли в районе Путивля, которые принадлежат Московскому государству [26, с. 377–378]. Вероятно, именно эти переговоры и привели к вышеупомянутому размежеванию земель. Присутствие Болтина на встрече посла, обусловило его участие в размежевании в районе Путивля.

Далее Болтин встречал посла «крымского царя» Бахты Гирея на въезде в Москву. Встреча состоялась 23 мая 1638 г. за Калужскими воротами, «за Москвою рекою», за Деревянным городом. В длинном списке встречавших с указанием званий, имен и фамилий, среди пятерых голов родовых дворян упоминается Баим Федоров сын Болтин. Перед ним указаны Михаил Петрович Волынский и Ульян Семенович Ляпунов, за Болтиным в списке идут Федор Иванович Голенищев и Степан Иванович Исленьев [13, стб. 575–578].

Следующим существенным служебным повышением Болтина является пожалование в ясельничие 17 марта 1641 г. [33, с. 203]. По рангу ясельничий считался выше стольника, иногда наравне с думными дворянами. Данную должность занимали представители таких известных дворянских родов, как Татищевы, Воейковы, Биркины. Ясельничий – это помощник конюшенного, в отсутствие которого управлявший Конюшенным приказом [34, с. 177].

19 августа 1641 г. государь послал Баима Болтина «за город» с лошадьми навстречу датскому королевичу Вальдемару и королевскому думному дворянину Григорию Крабу. Здесь Баим указан в должности ясельничего. За городом послов встречали приставы Степан Иванович Исленьев и дьяк Федор Степанов [13, стб. 658]. Первый приезд королевича Вальдемара не оставил такого следа в истории, каким был последующий, поскольку обсуждались в основном торговые вопросы.

19 сентября 1641 г. государь предпринял поездку в Рубцово (по другим сведениям – в Покровское), а из него в Троице-Сергиев монастырь

на молитву. В Москве царь оставил бояр Федора Ивановича и Василия Петровича Шереметевых. А ясельничий Баим Болтин был включен в состав сопровождавших государя [13, стб. 671].

Второй приезд королевича Вальдемара состоялся 21 января 1644 г. Помимо королевича, также прибыли великие послы датского короля Кристиана IV. В числе встречающих за Тверскими воротами указан ясельничий Баим Болтин вместе с дьяком Григорием Пятовым. Причем они в списке числились отдельно от других – Болтин и Пятов встречали «с санми» [13, стб. 722]. В этот раз Вальдемар прибыл в Москву с целью заключения брака с дочерью Михаила Федоровича Ириной. Возможная свадьба вызвала волну дипломатических обсуждений и религиозных споров [35, с. 744–764]. Соглашения достигнуто не было. Королевич был отпущен из Москвы 13 августа 1645 г. после смерти царя Михаила [36, с. 19–96]. Баим Болтин в этом участии уже не принимал.

В качестве ясельничего Болтин был судьей Конюшенного приказа. Известен следующий эпизод из его службы в этом ведомстве. В феврале 1646 г. по «татарским вестям» князю Алексею Никитичу Трубецкому было велено готовиться к походу. Из Москвы к нему должны были отправиться служилые люди. Из Разрядного приказа в Конюшенный приказ был направлен список даточных людей, которые снаряжались за счет князей, бояр, дворян, окольных и прочих московских чинов и должны были явиться на службу. Этот список был запрошен самим Конюшенным приказом, чтобы выяснить, сколько даточных людей записалось в приказ, а сколько нет. За неявку их полагался штраф в 20 руб. за человека с того, кто обязан был их снарядить. Как ясельничий Баим Болтин занимался этим вопросом [37, с. 169–170].

Следующим ясельничим 9 ноября 1646 г. был назначен Ждан Васильевич Кондырев [38, стб. 49–50], который ранее вел местнический спор с Болтиным перед посольством в Варшаву. А Баим Болтин уже 21 января 1647 г. был назначен послом в Данию (в списке послов указан первым), откуда он вернется только спустя год в январе 1648 г. [31, с. 227]. Вероятно, его посольский опыт и опыт встреч датского королевича Вальдемара был важен для переговоров.

Ждан Кондырев в дальнейшем будет пожалован в думные дворяне [34, с. 178]. Болтин же таких высот при дворе не достигнет.

Последние сведения о Болтине как о придворном относятся к августу – сентябрю 1649 г. Так, 27 августа 1649 г. состоялся первый прием послов польского короля и великого князя литовского Яна Казимира в Грановитой палате. Послами были каштелян Чеховский Дебеслав Чеклинский, Петр Каземир Вяжевич, подкоморий Мстиславский и подвоевода Смоленский

и Жедровский, староста Петр Галинский. 30 августа состоялась вторая встреча уже в золотой палате, и в тот день у послов были пристава Баим Болтин и дьяк Василий Ушаков [38, стб. 129–130]. Приставами, сопровождавшими послов иностранного государства, назначались обычно московские чины или выборные дворяне из городов. Они передавали послам приглашения явиться к государю и сопровождали их от посольского двора прямо до государя. Их титулы должны были быть соотнесены с титулом прибывшего посла. Наиболее четкое соотнесение было как раз с титулами послов Речи Посполитой [14, с. 36]. Собственно, мы не видим знатных фамилий среди польских послов, однако можем отметить их обозначенные достаточно важные должности. Так, каштелян по значению шел за воеводой и мог замещать последнего в его отсутствие [39, с. 79]. Так же мы видим подвоеводу (второго воеводу) и старосту в списке послов. Все эти должности соотносились с прошлой службой Баима Болтина, который также был вторым воеводой и вторым человеком Конюшенного приказа.

Такой же прием послов в Грановитой палате состоялся и 6 сентября 1649 г. В качестве пристава у послов также был Баим Болтин [38, стб. 134]. На этом сведения о придворной службе Баима Болтина заканчиваются. Несколько позже, в 1652 г., он будет направлен вторым воеводой в Тобольск. Вместе с ним в другой сибирский город Томск вторым воеводой был назначен младший брат Баима Федоровича – Аверкий Болтин [40, с. 250]. Назначение на длительный срок воеводой в Тобольск удаляло пожилого Баима Болтина от царского двора. Возможно, молодому царю Алексею Михайловичу нужны были новые люди при дворе. Тому подтверждение и упомянутая отправка Болтина послом в Данию. На наш взгляд, такие назначения – это своего рода почетный уход с придворной службы. Последние сведения о нем относятся к Смоленскому походу Алексея Михайловича 1654 г.

Таким образом, нами был восстановлен практически весь служебный путь Баима Болтина как придворного. В начале службы он часто присутствовал на мероприятиях государственной важности и праздниках, сперва как дворянин, затем как дьяк. Его имя фигурировало в списках тех, кто остался в свите князей и бояр, замещавших в Москве государя. Важным событием в карьере Болтина является назначение его дьяком Новгородской чети. Этот период его службы и дальнейший рост демонстрируют трансформацию элиты русского общества после Смуты: превращение верхушки служилого сословия и придворной знати в политическую опору русской монархии. Бюрократизация знати стала необходимым адаптивным механизмом в условиях самодержавия [5, с. 366]. И Баим Болтин

в этом отношении служит ярким примером. После Смоленской войны он все чаще привлекался к участию в дипломатических мероприятиях, будь то встречи послов или в заграничное посольство. В местнических спорах государь вставал на сторону Болтина, что также подтверждает значимость его при дворе. Вершиной придворной службы Болтина непосредственно в Москве являлось назначение его ясельничим. Придворная служба составляла лишь часть всей деятельности Баима Болтина, но именно она обусловила его дальнейшую военную и посольскую карьеру. Ведь до 1632 г. ярких военных заслуг у него не было, а полученное им назначение вторым воеводой в Северском походе не соответствовало его военному опыту, из чего можно сделать вывод о том, что именно заслуги Баима Болтина как придворного и дьяка Новгородской чети и приобретенные связи позволили ему выделить в Смоленской войне.

Список литературы

1. Платонов С. Ф. Столяров хронограф и его автор // Сборник статей, посвященных Василию Осиповичу Ключевскому. М. : Т-во «Печатня С. П. Яковлева», 1909. С. 18–28.
2. Ракитин А. С. Северский поход в период Смоленской войны 1632–1634 годов в документах Российского государственного архива древних актов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История, Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 83–89.
3. Зиборов В. К. Болтин Баим (Боим, Обоим, «молитвенное имя» – Сидор) Федорович // Словарь книжников и книжности Древней Руси : в 3 вып. Вып. 3 (XVII в.), ч. 1 / под ред. Д. С. Лихачева. СПб. : Дмитрий Буланин, 1992. С. 147–148.
4. Зиборов В. К. Хронограф Столяровский // Словарь книжников и книжности Древней Руси : в 3 вып. Вып. 3 (XVII в.), ч. 4 / под ред. Д. С. Лихачева. СПб. : Дмитрий Буланин, 2004. С. 219–220.
5. Правящая элита Русского государства IX – начало XVIII в. : очерки истории / отв. ред. А. П. Павлов. СПб. : Дмитрий Буланин, 2006. 548 с.
6. Арзамасские поместные акты (1578–1618) / Собр. и ред. С. Б. Веселовский. М. : Имп. О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1915. 738 с.
7. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II Отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии (далее – Дворцовые разряды) : в 4 т. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1850. Т. 1 (1612–1628). [4], XXXVI, [2] с., 1184, XII стб.
8. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные 2-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии : в 2 т. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1853. Т. 1 (1614–1627). XV, II с., 1380 стб.

9. Новый летописец // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению императорской археографической комиссии : в 43 т. Т. 14. СПб. : Тип М. А. Александра, 1910. 161 с.
10. Записная книга Московского стола. 1626, мая 5 – 1627, августа 31: Записные книги Московского стола // Русская историческая библиотека (далее – РИБ) : в 40 т. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1884. Т. 9. С. 385–524.
11. Дело по челобитью Никиты Оладына о пожаловании его за службы и промысл поместную и денежную придачу и в приказ. 1634 ноябрь // Акты Московского государства, изданные Императорской Академией наук (далее – АМГ) / под ред. Н. А. Попова: в 3 т. СПб. : Тип. Имп. Акад. наук, 1890. Т. 1: Разрядный приказ. Московский стол, 1571–1634. № 601. С. 558–562.
12. Забелин И. Е. Домашний быт русского народа в XVI и XVII ст.: в 2 т. (Третье издание с дополнениями). Т. 1 (Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.). М. : Товарищество тип. А. И. Мамонтова, 1895. 751 с.
13. Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. 2 (1628–1645). [4], IV с., 976 стб., II с.
14. Юзефович Л. А. Как в посольских обычаях ведется... М. : Международные отношения, 1988. 216 с.
15. Сторожев В. Н. К вопросу о четвергичках // Журнал Министерства народного просвещения. 1892. № 80. С. 195–217.
16. Богоявленский С. К. Приказные дьяки XVII века // Исторические записки: в 138 т. М. : Издательство Академии наук СССР, 1937. Т. 1. 240 с.
17. Царская грамота Чердынскому воеводе князю Петру Клобкову Мосальскому, об устройении для церкви Николая Чудотворца, в Ныробском погосте, образов и написании пролога, пожаловании причету руги и обелении в пользу его деревни. 1627, ноября 17 // Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией (далее – АИ): в 5 т. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1841. Т. 3 (1613–1645), № 149. С. 241–244.
18. Обельная грамота Исаку Герасимову на волостку в Обонежской пятине, в Челможском погосте, в награду за услуги, оказанные отцом его матери Государевой инокине Марии Иоановне. 1628, января 1 // АИ. Т. 3, № 151. С. 245–249.
19. Царская грамота Чердынскому воеводе Сарычу Линеvu о сыске бежавших из городов Слободского и Шестакова посадских людей и уездных крестьян. 1629, декабрь // АИ. Т. 3, № 160. С. 288–289.
20. Царская грамота Сысольским старостам и целовальникам о доставлении в Москву таможенных, кабацких, неокладных и четвертных денежных доходов. 1630, июля 21, сентября 14 // РИБ. СПб., 1875. Т. 2. Стб. 500–502.
21. Царская грамота в Пермь Великую о переписании в Чердыни каменщиков, кирпичников и гончаров для Вяземского и Можайского городского дела. 1630, января 20 // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академией наук (далее – ААЭ): в 4 т. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1836. Т. 3 (1613–1645), № 188. С. 274–275.
22. Царская грамота Двинскому воеводе князю Василию Ахамашукову Черкасскому об утверждении за Черногорскою Пинежскую пустыню земли и угодьев. 1631, февраля 9 // АИ. Т. 3, № 160. С. 292–294.
23. Царская грамота в Кевролу и Мезень тамошнему воеводе о подтверждении, чтобы Самоеды Меньшичко Апицин с товарищами и Семейко Вотьев владеть реками Индегою и Волонгою попрежнему. 1631, сентября 7 // ААЭ. Т. 3, № 194. С. 280–281.
24. Царская грамота Псковским воеводам князю Мецецкому и Юшкову о посылке во Гдов дворянина с подьячим и подмастерьем для сделания сметы на исправление тамошнего города и огнестрельного снаряда. 1632, января 8 // ААЭ. Т. 3. № 196. С. 282–283.
25. Книги разрядные по официальным оных спискам, изданные 2-м Отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии: в 2 т. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1855. Т. 2. IX с., [1], 1398 стб.
26. Из Хронографа, принадлежащего историографу Карамзину (Столяровский список) // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции/собрал и издал Андрей Попов (приложение к Обзору хронографов русской редакции). М. : Тип. А. И. Мамонтова и К. Большая Дмитровка, д. № 7, 1869. С. 321–379.
27. Дело по челобитью Баима Болтина о придаче ему поместного и денежного окладов за службу «на Севере» // АМГ. Т. 1, № 512. С. 484–487.
28. Записная книга Московского стола. 1633, сентябрь – 1634, август // РИБ. СПб., 1884. Т. 9. С. 525–576.
29. РГАДА. Ф. 79 (Сношения России с Польшей – (коллекция) из фондов Боярской Думы, Посольского приказа, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718–1719 гг. Оп. 1. Ед. хр. 49.
30. Эскин Ю. М. Очерки истории местничества в России XVI–XVII вв. М. : Квадрига, 2009. 512 с.
31. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор Внешних сношений России (по 1800 год): в 4 ч. Ч. 1 (Австрия, Англия, Венгрия, Голландия, Дания и Испания). Издание комиссии печатания государственных грамот и договоров при московском главном архиве Министерства иностранных дел. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1894. 304 с.
32. Бантыш-Каменский Н. Н. Обзор Внешних сношений России (по 1800 год). Ч. 3 (Курляндия, Лифляндия, Эстляндия, Финляндия, Польша и Португалия). Издание комиссии печатания государственных грамот и договоров при московском главном архиве Министерства иностранных дел. М. : Тип. Э. Лисснера и Ю. Романа, 1897. 319 с.
33. Записная книга Московского стола 1640, сентябрь – 1641, август: в 39 т. // РИБ. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1886. Т. 10. С. 201–300.
34. Миллер Ф. И. Известия о дворянах российских. СПб. : Тип Рахманинова, 1790. 494 с.
35. Филина Е. И. Влияние придворной политической борьбы на духовное состояние русского общества начала 40-х гг. XVII в. (прения о вере, возникшие по делу

королевича Вальдемара и царевны Ирины Михайловны) // Герменевтика древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Менделеева. М. : Знак, 2005. № 12. С. 744–764.

36. Горбатов Е. Н. Отпускные челобитные московских чинов в начале царствования Алексея Михайловича // Российская генеалогия : научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2018. Вып. 4. С. 19–96.

37. Память из Разряда в Конюшенный приказ о даточных людях, взятых с разных чинов людей на службу // АМГ: в 3 т. Т. 2: Разрядный приказ. Московский стол, 1635–1659, № 267. СПб., 1894. С. 169–170.

38. Дворцовые разряды. СПб., 1852. Т. 3 (1645–1676). [4], IV, [2] с., 1656 стб., [4] с.

39. Веревкин-Шелюта В. Каштелян // Великое Княжество Литовское. Энциклопедия: в 3 т. Т. 2: Кадетский корпус – Яцкевич / гл. ред. Т. У. Бялова. Минск : БелЭн, 2005. 788 с.

40. Рабинович Я. Н. Аверкий Федорович Болтин, воевода Саратова (1644–1646) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История, Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 2. С. 244–255. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-2-244-255>

Поступила в редакцию 13.09.2022; одобрена после рецензирования 27.11.2022; принята к публикации 20.01.2023

The article was submitted 13.09.2022; approved after reviewing 27.11.2022; accepted for publication 20.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 153–158
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 153–158
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-153-158>, EDN: XKRMEY

Научная статья
УДК 94(5-15):[327:342.518](470+571)|1909/1915|+929

«Появление таких трудов необходимо для пользы русского дела на Востоке»: постановка вопроса об аккумуляции и систематизации «знания о Востоке» в публикационных проектах МИД (1909–1915 гг.)

А. Б. Ларин

Институт всеобщей истории Российской Академии наук, Россия, 119334, г. Москва, Ленинский пр., д. 32а

Ларин Андрей Борисович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела Новой и Новейшей истории, ab-larin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4932-3997>, Author ID: 717416

Аннотация. Статья посвящена вопросам рефлексии чинов российского МИД над проблемой накопления «знаний о Востоке», приведения их в систему и использования в политической практике. В качестве ключевого источника выступили изданные накануне и в начале Великой войны два выпуска «Материалов по изучению Востока», авторы и редакторы которых стремились поднять эту проблему и предложить пути ее решения. Ставится вопрос о роли экспертного знания в определении стратегии Петербурга на ближне- и средневосточном направлениях.

Ключевые слова: Ближний Восток, Средний Восток, востоковедение, К. В. Иванов, «Материалы по изучению Востока», В. Ф. Минорский, ориентализм

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00011 («Трансферы колониального порядка: модели внутренней безопасности после Великой войны»), <http://rscf.ru/project/22-18-00011>.

Для цитирования: Ларин А. Б. «Появление таких трудов необходимо для пользы русского дела на Востоке»: постановка вопроса об аккумуляции и систематизации «знания о Востоке» в публикационных проектах МИД (1909–1915 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 153–158. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-153-158>, EDN: XKRMEY

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

“The appearance of such works is necessary for the benefit of the Russian mission in the East”: Problem statement of the accumulation and systematization of “knowledge about the Orient” in the publication projects of the Ministry of Foreign Affairs (1909–1915)

A. B. Larin

Institute of World History of the Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky Ave., Moscow 119334, Russia

Andrey B. Larin, ab-larin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4932-3997>, Author ID: 717416

Abstract. The article is devoted to the reflection of the officials of the Russian Foreign Ministry on the problem of accumulating “knowledge about the Orient”, bringing them into the system and implementing into political practice. The key source for the analysis was the two issues of the “Materials on the Study of the East” published on the eve and at the beginning of the Great War, the authors and editors of which sought to raise this problem and propose ways to solve it. The question is raised about the role of expert knowledge in determining the strategy of St. Petersburg in the Near and Middle Eastern policy.

Keywords: Near East, Middle East, Oriental studies, K. V. Ivanov, “Materials for the study of the East”, V. F. Minorsky, orientalism

Acknowledgments. The research was carried out with the support of the Russian Science Foundation, Project № 22-18-00011 (“Transfers of the colonial order: Models of internal security after the Great War”), <http://rscf.ru/project/22-18-00011>.

For citation: Larin A. B. “The appearance of such works is necessary for the benefit of the Russian mission in the East”: Problem statement of the accumulation and systematization of “knowledge about the Orient” in the publication projects of the Ministry of Foreign Affairs (1909–1915). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 153–158 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-153-158>, EDN: XKRMEY

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Вопросы формирования архива востоковедческого знания, его функционирования, использования в политической, административной практиках, организации исследования Востока уже достаточно давно находятся в фокусе внимания исследователей [1–5]. Не меньший интерес историков вызывает проблематика взаимодействия ключевых европейских игроков в вопросах имперской и колониальной политики, межимперских трансферов, обмена знаниями и практиками и т. п. [6]. Опыт Российской империи вызывает особый интерес, поскольку она, с одной стороны, по своим ключевым параметрам была сообразна другим великим европейским державам Нового времени, с другой – обладала выраженной спецификой. Будучи колоссальным евразийским государством, Россия осуществляла свою окраинную политику, как и политику в отношении соседних неевропейских государств и народов, по собственным рецептам, отличающимся от подходов колониальных империй, таких как Британская, Французская или Португальская, хотя и с учетом опыта последних [7–11].

Развитие архива ориенталистского знания в России шло параллельно с расширением пределов империи в южном, юго-восточном и восточном направлениях в XVIII – XIX вв. на земли Кавказа и Закавказья, Средней Азии, Дальнего Востока. По мере развития и углубления контактов с неевропейскими народами (как теми, что вошли в состав империи, так и теми, что остались за ее пределами), шло накопление, пополнение тех знаний и представлений, что должны были, с одной стороны, описать, репрезентировать, объяснить те сообщества, с которыми сталкивались агенты империи, с другой – обеспечить возможность наилучшим образом осуществлять контроль и влияние на окраинных и сопредельных территориях. Этот архив облекался в самые различные формы письма: дипломатическую корреспонденцию, отчеты и донесения, сочинения по истории, географии, демографии, религии того или иного региона или страны, путевые заметки, воспоминания и т. д., и т. п. Множество материалов было опубликовано в открытой печати и становилось достоянием широкой образованной общественности, формируя ориенталистский дискурс и стиль мышления социума. В то же время значительная их часть была отпечатана лишь для служебного пользования сотрудников министерств (прежде всего – военного и иностранных дел), оседала в архивах.

По мере институционализации тех или иных имперских практик, стремления к оптимизации управления, отчасти его унификации перед государством вставал вопрос об упорядочении во многом хаотичного конгломерата знаний о Востоке, что был накоплен к тому времени. Эта проблема осознавалась самими имперскими

администраторами, стремившимися выработать способ обеспечить более прямую и прочную связь между накопленным колониальным знанием и решением задач, лежащих в практической плоскости. В рамках отдельных ведомств вырабатывались различные решения этой задачи. Так, хорошо известна продолжающаяся публикация Главного Штаба, посвященная широкому кругу вопросов, связанных со странами и народами Востока: «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», выпуски которой выходили с 1882 по 1914 г. [12].

Интересные сведения по осмыслению и попытке решения данной проблемы дает инициированное МИД издание «Материалы по изучению Востока», заслуживающее специального внимания. Первый выпуск был отпечатан в 1909 г. в военной типографии. Материалы не подлежали оглашению и выходили под грифом «Секретно». Второй (и последний) выпуск увидел свет в 1915 г., после чего издание прекратилось в связи с известными событиями [13, 14]. Между тем как взятые в целом, так и в смысле составляющих их статей, «Материалы» являют собой пример практической рефлексии служащих МИД в отношении подходов к организации сбора, систематизации и использованию знаний о Востоке.

Миссия нового издания изложена уже в редакционном введении, подготовленном И. А. Персиани. Отмечается, что сложившаяся к рассматриваемой эпохе практика публикации лишь тех консульских донесений, что касались экономических вопросов и могли быть доведены до всеобщего сведения, требует корректировки. «Наши агенты за границей, в особенности на Востоке, постоянно доставляют Министерству множество интересных и ценных материалов, являющихся плодом их деятельности по изучению района их ведения» [13, с. III]. Поскольку они преимущественно носят политический характер, публиковать их в открытой печати невозможно, однако ввиду их ценности стоило бы знакомить с ними российских дипломатических и консульских представителей. Утверждается, что существующий порядок вещей приводит к тому, что масса ценного материала оседает в архивах и не используется в практической работе. Это приводит к следующим последствиям: 1) демотивация агентов на Востоке разрабатывать в сочинениях какие-либо сложные вопросы, поскольку результаты будут «все равно бесплодно тлеть в архиве, если только сочинения, о которых идет речь, не найдут себе случайного приюта на страницах “Сборника материалов по Азии”, благодаря любезности редакции этого издания» [13, с. III–IV]. В то время как издание подобных трудов необходимо «для пользы русского дела на Востоке», их следует как можно шире распространять

среди российских агентов, что побудило бы тех высказываться по затрагиваемым вопросам, привело бы к обмену мнений. В свою очередь, «такой обмен мнений, такая полемика осветят многие неясные стороны нашего дела на Востоке и без сомнения дадут руководящие нити для деятельности как наших агентов, так и самого Министерства» [13, с. IV]. Именно в этом видела цель издания «Материалов». Редактор отмечает, что на момент публикации (1909 г.) сложно говорить о периодичности выпусков ввиду финансовой неопределенности, однако выражает надежду на то, что новые выпуски будут выходить от времени до времени. В этой связи редакция приглашает публиковаться тех агентов, которые желали бы разрабатывать вопросы, «относящиеся к познанию Востока и к русскому делу там» [15].

Шесть лет спустя, в 1915 г., к моменту выхода нового выпуска издания, уже можно было подвести некоторые промежуточные итоги публикационной деятельности и предложить дальнейшую программу развития. Это сделано в предисловии, опубликованном под инициалами «В. М.» (судя по всему – В. Минорский). С сожалением отмечая, что по-прежнему много серьезных и интересных работ продолжают лежать в архивах, автор предисловия высказывает свои соображения относительно «придания большей правильности изданию этой серии». Он перечисляет ключевые проблемы, связанные как с организацией накопления «знания о Востоке», так и с использованием полученных сведений в повседневной практике. Присутствуют отсылки к зарубежному опыту, к опыту Военного министерства. Прежде всего, составитель предисловия отмечает необходимость должного материального обеспечения в финансовом и в организационно-производственном смысле. Так, говоря о необходимости публикации работ чинов МИД, он упоминает положение дел в Англии. «Располагая собственной типографией, Британское Министерство Иностранных Дел печатает все поступающие материалы, что представляет громадное удобство для архивов и справок» [14, с. V]. При этом он утверждает, что, несмотря на ежегодный рост числа публикаций российского внешнеполитического ведомства, необходимо, чтобы в бюджет была внесена статья расходов на издание политических, географических и исторических работ общего характера, которые не могут быть (в силу объема или секретности) напечатаны в других изданиях МИД [14, с. VI].

Редактор делает акцент на том, что необходимо не просто собирать сведения, но и анализировать сводку имеющихся данных. «Было бы весьма важно иметь готовые архивные записки, например, о таких вопросах, как Багдадская жел.

дорога, политика России среди шахсевен за последние годы, положение на афганской границе, общая политическая деятельность отдельных консульств и т. д.» [14, с. VI]. Неоднократно подчеркивается необходимость привнесения в работу с данными элементами обобщения, подведения итогов.

Вновь ссылаясь на позитивный британский опыт, он констатирует: «В Англии не только для большинства стран, но и для каждого почти консульского округа имеются особые секретные *gazetteer*'ы, т.е. справочные книги, дающие обыкновенно в алфавитном порядке статистические данные о населении, краткое изложение главнейших политических вопросов, характеристику всех выдающихся лиц и т. д.» [14, с. VI]. Поскольку эти справочники, «своего рода энциклопедии», постоянно обновляются и пополняются, появляется некая основа для деятельности на местах, разрешения тех или иных вопросов. Соответственно, новоназначенным местным сотрудникам – консулам, секретарям – не приходится «изобретать велосипед», поскольку они могут воспользоваться опытом предшественников. Позволим себе пространную цитату: «Мы до настоящего времени в подобных случаях довольствуемся преимущественно устной традицией, которая разнится подчас даже в соседних учреждениях. Этим и объясняется то явление, что в одном месте с большим трудом установлен какой-нибудь факт, а рядом у соседей без всякого основания повторяются старые легенды; во многих донесениях речь ведется так, как будто все сообщаемое является открытием пишущего; забываются нередко даже собственные мнения, высказанные ранее. Неустановленность взгляда отражается на всем вплоть до формы донесений: между тем как одни стремятся приблизиться к сжатой деловой манере изложения, другие придерживаются округленных периодов с нарочитым подражанием старинному канцелярскому стилю. Словом, нет преемственности, нет сознания, что собрание сведений идет вперед, а не представляет собою повторения старых задов, нет необходимейшей “кристаллизации результатов”» [14, с. VII].

Существенной проблемой видится кадровая. Так, отмечается, что в силу значительного расширения сети консульств, во главе их зачастую оказываются люди без достаточного опыта, недавно начавшие службу. Нередки случаи, когда, переходя от канцелярских обязанностей к управлению на местах, подобные молодые сотрудники пропускают стадию «секретарства» под наставничеством опытных консулов. Соответственно, не возникает «школы», преемственности в деятельности. Каждый вновь прибывший начинает работать по своему усмотрению. Недостаток времени для ознакомления с делами, с обширным архивом, большое количество

разного рода мелочей и формальностей – «здесь и становится ясной важность общих фактических конспектов, общих описаний и справочных изданий. Казалось бы, что “Материалы по изучению Востока” могли в будущем по-настоящему восполнять роль русских “газетиров”» [14, с. VIII].

Наконец, помимо регулярного финансирования и планомерного содействия местных агентов, в качестве еще одного главного условия решения этой масштабной задачи, по мнению редактора, является систематическая разработка и редакция поступающих в МИД сведений. Ссылаясь на «Записку» консула Иванова (о которой речь пойдет ниже), он заявляет, что в министерстве «необходимо устройство своего рода генерального штаба или вернее “разведывательного и отчетного отделений”». Описывая ситуацию на текущий момент, автор предисловия замечает, что донесения консулов, за редкими исключениями, сдаются в архив и не подвергаются дальнейшей обработке. Здесь он прямо предлагает воспринять опыт военного ведомства и британских коллег. «Ничего подобного сводке, производимой за определенные сроки в каждом из военных штабов, у нас не имеется, а между тем такая работа, (хотя бы в виде зачета для дипломатического экзамена), была бы весьма полезна для лиц, начинающих службу». В свою очередь, «в английском *Foreign Office* составление всяких справок и записок возложено на архивно-библиотечный отдел с значительным персоналом» [14, с. VIII]. Более того, в своих идеях и предложениях он некоторым образом предвосхитил появление отдела со схожим функционалом уже в Форин Офис (созданное в 1918 г. Управление политической разведки) [16, с. 38]. Соответственно, он предлагает назначить особого редактора для издания сборников сводок и общих политических донесений консулов. В его обязанности должна была войти внешняя подготовка материалов к печати, в то время как отбор материалов, редакция по существу и пр. должны осуществляться особой комиссией, состоящей из лиц, по роду деятельности знакомых с вопросом: чинов политических отделов, заграничных агентов, находящихся в Петрограде, персонала Учебного отделения и проч. Как видно, эта программная часть предисловия является собой дальнейшую разработку той проблемы, что была поставлена еще в первом выпуске, в 1909 г. При этом видна эволюция, в сравнении с предисловием Персиани, например, notable влияние упомянутой программной работы консула Иванова. Так или иначе, данное предисловие внесло лепту в разработку вопроса о роли организации публикации тематических изданий в деле накопления и систематизации «знания о Востоке».

Опубликованные два выпуска «Материалов» включили в себя работы российских ди-

пломатических и консульских представителей на Востоке, прежде всего в Персии и примыкающих регионах Турции. Среди авторов можно увидеть такие имена, как В. Ф. Минорский («Отчет о поездке в Макинское ханство», «Казвин-Хамаданская дорога», «Объезд оккупированных Турцией персидских округов в 1911 г.» (совместно с Х. С. Шипле), «Турецко-персидская граница», «Сведения о населении некоторых пограничных округов»), А. Миллер («Малиат Керманской области»), Д. Беляев («Отчет о поездке из Кермана в Бендер-Аббас»), А. А. Орлов («Путевые дневники объезда турецко-персидской границы в 1913 г.»). Как видно, тематика достаточно разнообразна, при этом особое внимание в выпуске 1915 г. уделяется вопросам, связанным с турецко-персидским пограничьем, что совершенно не удивительно, учитывая как старую проблему разграничения двух стран, так и вызванные началом мировой войны известные обстоятельства.

Необходимо отметить, что и сами «Материалы» в целом, и отдельные публикации, вошедшие в издание, знакомы исследователям, занимающимся изучением соответствующей проблематики. Насколько удалось обнаружить, они используются, в первую очередь, в конкретно-исторических исследованиях, посвященных тем или иным вопросам (например – курдскому) [17–20]. Признается высокая ценность этих материалов. Вот как, например, они охарактеризованы М. С. Лазаревым: «Кстати, в издании русского Министерства иностранных дел “Материалы по изучению Востока”, вышедшем двумя выпусками в 1909 и 1915 гг., опубликованы важные и насыщенные большим количеством фактов работы не только Минорского, но и других русских дипломатических представителей в Иране и Турции, предназначенные только для служебного пользования и содержащие подробную характеристику внутривосточной обстановки, экономики и быта западных провинций Ирана и восточных вилайетов Турции. Здесь помещены также официальные отчеты, публикации документов и рекомендации по некоторым вопросам внешней политики России на Ближнем Востоке (см., например: “Записка по вопросу об организации изучения Ближнего Востока консула в Басре К. В. Иванова (по поводу отчета В. Ф. Минорского о поездке в Макинское ханство)”, – “Материалы по изучению Востока”, вып. I)» [17]. В то же время значительно меньшее внимание уделяется программному характеру этого издания, его смыслу в отношении определения перспектив и миссии чинов МИД в плане накопления и использования «знания о Востоке» для нужд имперской политики.

Особняком стоит вышеупомянутая опубликованная в выпуске 1909 г. работа консула

в Басре К. В. Иванова «Записка по вопросу об организации изучения Ближнего Востока (по поводу отчета В. Ф. Минорского о поездке в Макинское ханство)» [13, с. 63–118], заслуживающая особого внимания. Статья носит программный характер, что отмечено уже во введении к первому выпуску. Персиани специально упоминает эту работу, указывая на то, что она затрагивает одну из наиболее существенных сторон «нашего дела на Востоке», а именно – необходимость «взаимного согласования деятельности наших установлений на Востоке». Подчеркивается, что «рациональная постановка этой деятельности и систематическое согласование ее могут, безусловно, лишь принести пользу и именно с этой точки зрения было бы очень желательно обратить особенное внимание на записку названного автора». Отмечается, что дело не в отдельных положениях, высказанных Ивановым, часть из которых может быть подвергнута сомнению, а самом факте постановки «в высшей степени серьезного, имеющего основное значение вопроса» [13, с. IV]. В своей «Записке» поводом к появлению которой стал отчет В. Ф. Минорского о поездке в Макинское ханство и конкретные предложения Иванова в этой связи, консул выходит на более широкий круг вопросов, связанных с организацией сбора сведений о странах и народах Востока, их систематизацией и использованием на практике, теми организационными, финансовыми, кадровыми и прочими мероприятиями, которые необходимо предпринять в этой связи. Впрочем, этот важный и интересный документ заслуживает специального более глубокого исследования.

Проблема аккумуляции и систематизации «знания о Востоке» воспринималась чинами российского Министерства иностранных дел как значимая и практически актуальная. Причем это касалось как центрального аппарата, так и сотрудников на местах, прежде всего – консулов. Предпринятое незадолго до начала Великой войны издание «Материалов по изучению Востока» должно было стать важным этапом на пути ее разрешения. Характерно, что, помимо обширной фактографической части, первые два выпуска в своих предисловиях, а также в пространной работе консула Иванова содержат рефлексию заинтересованных лиц в отношении рассматриваемого вопроса. В программной части находим как артикуляцию имеющейся проблемы, так и предлагаемые конкретные и развернутые пути ее решения. Обращает на себя внимание подчеркивание необходимости заимствования чужого опыта, прежде всего – британского, а также практик Военного министерства. Очевидно намерение создателей издания превратить его в продолжающуюся регулярную серию, которое не было осуществлено по объективным причинам. Дальнейшее развитие практического

востоковедения происходило уже в совершенно иных условиях. Задачей настоящей публикации была постановка вопроса о роли экспертного знания в определении стратегии Петербурга на ближне- и средневосточном направлениях. Более предметный анализ конкретных исторических источников, характеризующих процесс выработки тех или иных управленческих решений, требует отдельного внимания.

Список литературы

1. Басханов М. К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб. : Нестор-История, 2018. 629 с.
2. Дыбовский А. С. Алексей Матвеевич Позднеев (1851–1920) и практическое востоковедение в России // Историческая и социально-образовательная мысль. 2018. Т. 10, № 4/2. С. 83–105.
3. История отечественного востоковедения с середины XIX века до 1917 года / ред. кол.: А. А. Вигасин, А. Н. Хохлов, П. М. Шаститко. М. : Издательская фирма «Восточная литература», 1997. 534, [2] с.
4. Полянская О. Н. Востоковедное образование России в начале XX в.: деятельность А. М. Позднеева по подготовке монголоведов-практиков // Ученые записки ЗабГУ. 2016. Т. 11, № 6. С. 143–148.
5. Тольц В. «Собственный Восток России»: Политика идентичности и востоковедение в позднеимперский и раннесоветский период. М. : Новое литературное обозрение, 2013. 332 с.
6. Imperium inter pares: роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) : сборник статей / ред. М. Ауст, Р. Вульпиус, А. Миллер. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 392 с.
7. Западные окраины Российской империи / науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 608 с.
8. Кушко А., Таки В. (при участии О. Грома). Бессарабия в составе Российской империи (1812–1917). М. : Новое литературное обозрение, 2012. 400 с.
9. Северный Кавказ в составе Российской империи / отв. ред. В. О. Бобровников, И. Л. Бабич. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
10. Сибирь в составе Российской империи / отв. ред. Л. М. Дамешек, А. В. Ремнев. М. : Новое литературное обозрение, 2007. 368 с.
11. Центральная Азия в составе Российской империи / отв. ред. : С. Н. Абашин, Д. Ю. Арапов, Н. Е. Бекмаханова. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 464 с.
12. Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии: в 87 вып. СПб. : Военно-ученый комитет Главного штаба, 1882–1914.
13. Материалы по изучению Востока / предисл. И. П. Вып. 1. СПб. : Военная типография (в здании Главного Штаба), 1909. 299 с.
14. Материалы по изучению Востока / предисл. В. М. Вып. 2. Пг. : Военная типография (в здании Главного Штаба), 1915. 591 с.
15. Ларин А. Б. «Русское дело в Персии»: содержание и интерпретации понятия в конце XIX – начале XX вв. //

Электронный научно-образовательный журнал «История». 2021. Т. 12, вып. 3 (101). URL: <https://history.jes.su/s207987840014605-4-1/> (дата обращения: 05.05.2021). <https://doi.org/10.18254/S207987840014605-4>

16. Улуян Ар. А. Туркестанский плацдарм. 1917–1922: Британское разведывательное сообщество и британское правительство. М. : Ленанд, 2020. 704 с.

17. Лазарев М. С. Курдский вопрос (1891–1917). М. : Наука, 1972. 472 с.

18. Ларионова А. Ю. Англо-русское соперничество в Персии в отечественной публицистике 1900–1940-х годов // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. 2012. № 2. С. 60–67.

19. Победоносцева-Кая А. О. Курды в истории и политике России на Ближнем Востоке в XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2016. 168 с.

20. Чичкин А. А. Друзья и враги за Кавказским хребтом. М. : Вече, 2013. 288 с.

Поступила в редакцию 01.10.2022; одобрена после рецензирования 07.10.2022; принята к публикации 20.01.2023

The article was submitted 01.10.2022; approved after reviewing 07.10.2022; accepted for publication 20.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 159–166
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 159–166
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-159-166>, EDN: VSNAVE

Научная статья
УДК [338.2(470+571):330.322(410)]|18/19|:930(410+73)+929Витте

Политика привлечения иностранного предпринимательского капитала С. Ю. Витте в англо-американской историографии

И. В. Боброва

Тюменский государственный институт культуры, Россия, 625003, г. Тюмень, ул. Республики, д. 19

Боброва Ирина Викторовна, аспирант кафедры музейных технологий, истории и туризма, ermolinskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0452-048X>, Author ID: 1027206

Аннотация. В статье предпринята попытка проследить развитие интереса англоязычных историков к политике привлечения иностранных инвестиций С. Ю. Витте. Показано значение «Всеподаннейшего доклада министра финансов С. Ю. Витте Николаю II...» 1899 г. для англо-американских исследователей иностранного капитала в Российской империи. Формулируется вывод, согласно которому российские и англоязычные историки, несмотря на политические потрясения XX в. находились в состоянии научного диалога.

Ключевые слова: Витте, иностранный капитал, иностранные инвестиции, доклад Витте Николаю II, российская индустриализация

Для цитирования: Боброва И. В. Политика привлечения иностранного предпринимательского капитала С. Ю. Витте в англо-американской историографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 159–166. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-159-166>, EDN: VSNAVE

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Sergey Witte and his Foreign Investment Policy in the studies by English-speaking scholars

I. V. Bobrova

The Tyumen State Institute of Culture, 19 Respubliki St., Tyumen 625003, Russia

Irina V. Bobrova, ermolinskaya@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0452-048X>, Author ID: 1027206

Abstract. The article discusses the development of the interest of English-speaking historians in the foreign investment policy of Sergey Witte. The paper also examines the role of the *Secret Memorandum of Sergey Witte* in the understanding of the foreign investment in the Russian economy. The author shows that Russian and English-speaking historians, despite the political upheavals of the 20th century, were engaged in a scholarly conversation in their discussion of the subject.

Keywords: Witte, foreign business, foreign investment, Secret Memorandum of Sergey Witte Nicolas II, Russian industrialisation

For citation: Bobrova I. V. Sergey Witte and his Foreign Investment Policy in the studies by English-speaking scholars. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 159–166 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-159-166>, EDN: VSNAVE

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Витте является одной из самых противоречивых фигур российской истории. Начиная с его современников, и до сегодняшнего дня вокруг этой личности идут споры. Они немного утихли в советский период, поскольку было установлено, что все, что делалось правительством в последние десятилетия существования царского режима было исторически безнадежным, режим был обречен и должен был уступить место новому бесконечно более прогрессивному строю. В западной же историографии экономическое развитие государства периода заката

Российской империи не переставало вызывать повышенный интерес.

Один из современников Витте профессор К. Сонин выразил в свое время следующую мысль: «Значительная часть российской истории не просто изложена иностранцами, она только иностранцами и изучена и, по-хорошему, известна в основном из зарубежных монографий» [цит. по: 1, с. 9]. Высказывание Сонины, на первый взгляд, может показаться вызывающим, но его слова способны принести большую пользу историкам. Они напоминают о важности

вчитываться в труды как можно большего количества зарубежных ученых. В XX в. многие западные и отечественные историки работали в определенной изоляции, их мировоззрение, ценности, интересы часто были разные. Изучение научного наследия англоязычных ученых способно обогатить наше представление об эпохе последних десятилетий существования Российской империи и, возможно, поможет избежать повторений.

Сейчас в российской историографии встречается утверждение, согласно которому «впервые термин «система Витте» был введен в историческую науку историками Б. В. Ананьичем и Р. Ш. Ганелиным в монографии «С. Ю. Витте и его время» [цит. по: 2, с. 66], но на современном этапе будет целесообразнее учитывать, что западные исследователи уже давно, говоря о Витте, употребляют слово «система». Например, С. Томпкинс уже в 1930-е гг. говорил про «патерналистскую систему правительства Витте» [3, с. 595], Т. фон Лауэ постоянно употреблял понятие «система Витте», возможно, вслед за самим С. Ю. Витте, который в документах нередко настаивал на том, что его политика является «четкой и продуманной системой, все части которой неразрывно связаны одна с другой» [4, с. 193].

Самые первые исследователи деятельности Витте в западных странах не придавали особого значения проблеме привлечения иностранного капитала в Россию в эпоху данного министра финансов. Современники Витте и исследователи в 1920-е гг. чаще давали обобщенную оценку его деятельности или просто перечисляли то, что он сделал в экономике, акцентируя внимание на его тарифной политике и на принятии золотого стандарта. Британцев интересовала его роль в становлении конституционной монархии в России, американцев – его участие в заключении Портсмутского мира. Для этого периода в целом характерно недостаточное количество конкретно-исторических работ. Возможно, исключением является труд 1926 г. британского экономиста Маргарет Миллер «Экономическое развитие России 1905–1914 гг. со специальной ссылкой на торговлю, промышленность и финансы», где автор разбирает и негативно оценивает тарифную политику Витте и введение золотого стандарта [5, с. 105–124].

К попытке англоязычных историков более детально исследовать экономическую деятельность Витте можно причислить работы канадского ученого С. Томпкинса, который к 1960 г. считался ведущим русистом Северной Америки. В молодости он принял участие в интервенции в Сибири. В 1989 г. была издана книга писем, которые он писал своей жене во время службы «Дорога канадца в Россию: письма Стюарта Рамсея Томпкинса» (*A Canadian's Road to Russia: The Letters of Stuart Ramsey Tompkins*).

Сборник признан одним из основных источников по истории участия канадских войск в интервенции в России [цит. по: 6]. После этих событий, вернувшись на запад, Томпкинс начинает пристально исследовать деятельность Витте. Он посвящает ему диссертацию и две статьи. Одна из статей 1932 г. называется «Почему Витте не удалось решить крестьянский вопрос» (*Why Witte Failed to Solve the Peasant Problem*) [7]. Во второй статье 1933 г. «Витте на посту министра финансов 1892–1903 гг.» (*Witte as Minister of Finance, 1892–1903*) [3] С. Томпкинс уже выделяет вопрос иностранного капитала в отдельную проблему, хотя и не интересуется из каких именно европейских стран идут потоки инвестиций. Информация носит достаточно общий характер.

Томпкинс не считает, что приток иностранных капиталов в Россию – это особая заслуга Витте. Иностранцы инвестировали в Россию в рамках более сложного процесса. Страны западной Европы испытывали избыток капиталов, поэтому денежные потоки отправились в государства, где в них наблюдалась острая необходимость. Главной причиной, по которой они направились в Россию, стало обещание большой прибыли. Движение инвестиций в Россию продолжалось, пока в мире не поменялась ситуация. Прекращение притока инвестиций не было связано с действиями российского государства. Излишки капитала в странах западной Европы перестали покидать свои страны и пошли на поддержку собственной промышленности или на финансирование войн [3, с. 594]. Несколькими годами ранее, Томпкинс также отмечает, что стабилизация рубля открыла двери потоку иностранного капитала и вселила в инвесторов чувство уверенности [3, с. 593].

Томпкинс подозревает, что Витте в своих воспоминаниях преувеличивает объем иностранных инвестиций, который поступил в Россию определяя его в 9 млрд руб. [3, с. 593]. Для критики этих данных он привлекает статистику П. В. Оля, на основании которой показывает, что к 1900 г. объем инвестиций насчитывал всего лишь 911 млн руб., а к 1915 г. 2 млрд 203 млн 500 000 руб. [3, с. 594]. Согласно В. И. Бовыкину, чьи данные используются современными экономистами, к 1900 г. российские инвестиции составляли 4,193 млрд руб., иностранные 3,848 млрд руб., доля иностранного капитала составляла 47,9%. К 1915 г. доля зарубежных инвестиций в российской экономике упала до 39,2% [8, с. 87]. Как бы то ни было, Томпкинс был прав в том, что цифры были сильно завышены.

Возможно, участие в гражданской войне на стороне белого движения повлияло на формирование противоречивого и более сложного образа Витте в работах С. Томпкинса. Пребывание в России, анализ происходящего, направили его взгляд в сторону именно этого деятеля.

В самом начале статьи 1933 г. Томпкинс отмечает, что Витте повсеместно все считают «отцом русской индустриализации». Сам Томпкинс не разделяет эту точку зрения: Витте повезло, практически все позитивные изменения его времени были удачным стечением обстоятельств. Изменения шли из глубины XIX в. и к концу столетия они только набрали силу [3, с. 590].

Работа Томпкинса типична для подобных исследований того времени в плане материала, на котором она основана. До 1950-х гг. историки были вынуждены ограничиваться узким количеством источников. Зачастую это были мемуары, документы и исследования, опубликованные до революции или в ранний советский период [цит. по: 9, с. 7]. Так, Томпкинс в основном использует работу С. Ю. Витте «Самодержавие и земство», мемуары самого Витте, мемуары А. А. Половцова и А. Н. Куропаткина, работы таких ученых, как М. И. Туган-Барановский, В. И. Ленин, П. В. Оль, П. В. Мигулин, М. Н. Покровский. Из документов – материалы Красного Архива.

Следующий исследователь А. Гершенкрон стал автором множества трудов, сегодня многими признанных классическими [1, с. 8]. Гершенкрон сыграл огромную роль в западном осмыслении экономической истории России. Он пристально изучал вопросы индустриализации, которые к середине XX в. стали очень актуальными, занимался сравнительной историей, развивал теорию преимуществ экономической отсталости.

Александр Гершенкрон родился в Одессе в 1904 г. Вместе со своей семьей он покинул Россию в 1920 г. Семья переехала в Австрию. В Венском университете А. Гершенкрон изучал экономику и политологию и в итоге получил степень доктора. В 1938 г. семья снова эмигрирует, на этот раз в США. В 1948 г. он начинает работать в Гарвардском университете на экономическом факультете. Многие студенты, писавшие у него диссертации, стали ведущими историками и советологами в США [10, с. 1011].

Гершенкрон делает акцент на том, что именно благодаря мерам лично самого Витте по улучшению состояния бюджета страны и реализации введения золотого стандарта в 1897 г. поток иностранного капитала, вложенного в российскую промышленность, возрос почти в 6 раз в период последнего десятилетия XIX в., достигнув пика в промежутке между 1895 и 1900 гг. Предшественники Витте И. А. Вышнеградский и Н. Х. Бунге в свое время предпринимали меры по стабилизации бюджета в надежде, что когда-нибудь страна сможет позволить себе ввести золотой стандарт [11, с. 144–174]. А. Гершенкрон считал, что изменения в совершенно отсталой

России могли идти только сверху, значение правительства было огромным, следовательно, роль Витте во всех изменениях в период 1892–1903 гг. была решающей.

Вклад в понимание роли, которую Витте сыграл в привлечении иностранного капитала в России, сделал еще один влиятельный американский историк Теодор фон Лауэ, который родился в 1916 г. и был сыном известного немецкого физика, удостоенного в 1914 г. Нобелевской премии, Макса Теодора Феликса фон Лауэ. Он вырос и получил образование в Германии, в 1937 г. с семьей переезжает в США, где получает степень доктора в Принстонском университете. Лауэ преподавал во многих университетах, в том числе и в Принстоне с 1943 по 1983 г., опубликовал книги по немецкой истории, истории поздней Российской империи, истории Советского Союза а также «глобальной истории» [12, с. 1].

Вклад в понимание значения зарубежных инвестиций в российской экономике фон Лауэ сделал в 1954 г., переведя с русского языка на английский документ «исторического значения» – «Всепогоднейший доклад министра финансов С. Ю. Витте Николаю II о необходимости установить и затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи». Под таким названием данный документ известен в российской историографии. Суть этого доклада, который датируется январем – февралем 1899 г., сводится к тому, что для России самой главной экономической и политической задачей современности является создание своей собственной промышленности. Единственный способ реализовать эту непростую задачу – обеспечить приток иностранных капиталов.

Лауэ обратил внимание на то, что сразу под заголовком Витте написал «Весьма секретно» [4, с. 172]. Он желал сохранить в тайне содержимое данного документа, и Лауэ решил назвать его «Секретная записка Витте» (*A Secret Memorandum of Sergey Witte*), что, возможно, было не совсем корректно с его стороны, поскольку самовольное название документа приводит к искажению восприятия источника. Сегодня многие англоязычные историки и экономисты продолжают называть этот документ «секретная записка» – *Secret Memorandum*.

Почему эта секретность стала так значима для Лауэ? В одной из сносок к упомянутому документу Лауэ сетует: «...Правда мало вероятно, что в ближайшем будущем советские историки опубликуют их [прочие доклады Витте, посвященные экономическим вопросам] в числе других документов императорского правительства» [13, с. 60]. В 1954 г. в словах Лауэ ощущалось политическое напряжение холодной войны. Тогда он был убежден в том,

что Витте был идейным родоначальником плановой экономики и пятилетнего плана быстрой индустриализации, в чем, по его мнению, большевики отказывались признаваться. В. И. Ленин и И. В. Сталин всего лишь продолжили индустриализацию, начатую Витте. Именно в этом «разоблачающем» эффекте Лауэ и видит самое большое значение данного документа для исторической науки.

Советский ученый И. Ф. Гиндин обратил внимание на то, что Лауэ, сделав такие заявления, рассчитывал на сенсацию. И. Ф. Гиндину принадлежит заслуга в публикации данного документа в Советском Союзе в 1959 г. в «Материалах по истории СССР» – на 5 лет позже Лауэ [4, с. 159–222]. В статье 1971 г. «Концепция капиталистической индустриализации России в работах Теодора фон Лауэ» [14] И. Ф. Гиндин анализирует работы Лауэ и одновременно полемизирует с ним, особенно критикуя его за впитанное им в Германии расистские представления о русском народе, подобные тем, что процветали во времена «третьего рейха». В данной статье в одной из сносок он объясняет, почему советская сторона задержалась с публикацией этого документа.

И. Ф. Гиндин отмечает, что советские историки обнаружили роковой доклад Витте еще в 1952 г. в личном фонде Николая II в ЦГИАМ, но опубликовать его сразу не представлялось возможным, так как сначала было необходимо установить его связь с другим «не менее важным документом Витте 1900 г.» и вообще найти всю серию сопутствующих документов, выстроив их в цепочку. Советский ученый имеет в виду, очевидно, всеподданейший доклад императору Николаю II «О положении нашей промышленности», который представлял интерес для тех, кто изучал иностранные инвестиции, поскольку Витте в этом докладе возвращается ко многим проблемам, связанным с необходимостью привлечения иностранного капитала. Однако Витте ставит проблему более остро и говорит, что, не откладывая, необходимо делать все, чтобы еще активнее привлекать иностранный бизнес в страну, иначе Россия потеряет единственный шанс на создание своей собственной промышленности, и ее собственный рынок и рынки Азии будут поглощены западными державами [15, с. 130–139].

Со своей стороны Лауэ в предисловии к публикации 1954 г. рассказывал, что «секретная записка Витте» попала в Славянское отделение библиотеки Конгресса в Вашингтоне в 1931 г. Документ был передан туда вместе с большой коллекцией книг, ранее составлявших часть императорской библиотеки в Зимнем Дворце. «Секретная записка Витте» была подарена покупателю продавцом книг [13, с. 60].

Итак, И. Ф. Гиндин опубликовал документ на 5 лет позже, чем Лауэ, и вместе с целым

рядом других документов 1899 г., с предисловием, представлявшим собой глубокий анализ всех источников и времени, в которое они были написаны. Ученый констатировал, что доклад Витте января – февраля 1899 г. (он же – «секретная записка») появился в крайне сложных исторических условиях: политическая борьба в правительственных кругах, надвигающийся экономический кризис [16, с. 160–171].

Позже, в 1976 г., Б. В. Ананьич подытожит, что доклад в переводе на английский язык опубликовал Теодор фон Лауэ, а на русском он был опубликован И. Ф. Гиндиным [17, с. 182]. Значение данного документа в западной историографии действительно трудно переоценить. Впоследствии все западные исследователи непременно ссылались и до сих пор ссылаются на него, когда затрагивают тему иностранного капитала в эпоху Витте.

В своем докладе Витте выразил все возможные доводы, чтобы убедить Николая II в необходимости продолжать начатый курс на привлечение иностранных капиталов, т. е. не отказываться от текущей финансовой политики и тарифного курса. Также он пытался уговорить царя сделать все, чтобы убрать бесчисленные правовые преграды, стоявшие на пути притока иностранного капитала: «...У нас существуют стеснения, отсутствующие во всех культурных странах... Между прочим, именно вследствие тех затруднений и мытарств, которые приходится претерпевать иностранным учредителям в России, всевозможных ходатайств, прошений, которые приходится подавать и в губернские и в центральные учреждения, постоянной зависимости не только от закона, но и от административных учреждений – прилив иностранных капиталов в Россию, несмотря на его оживляющее и производительное значение для всего нашего народного хозяйства, имеет еще слишком небольшие размеры» [4, с. 190–191].

Дальнейшее продвижение в исследовании проблемы влияния политики Витте на привлечение иностранного капитала связано с постепенным отходом англоязычных исследователей от тоталитарной модели. Большое внимание к вопросам индустриализации в отсталой деспотической стране, которое наблюдалось в 1940–1960 гг., постепенно ослабевает. У исследователей появляется интерес к новым сторонам экономического развития. Так, О. Крисп изучает вопросы, связанные с введением золотого стандарта и ростом внешней задолженности России немецким и французским кредиторам. В статье «Российская финансовая политика и золотой стандарт в конце 19 века» (*Russian Financial Policy and the Gold Standard at the End of the Nineteenth Century*) О. Крисп утверждает, что как только Витте удалось стабилизировать рубль в 1894 г., «в страну хлынул поток

иностранных инвестиций». В сноске она уточняет цифры, ссылаясь на данные из работы П. В. Оля [18, с. 157]. Теме французского капитала она посвятила статью «Некоторые проблемы французских инвестиций в российских акционерных компаниях, 1894–1914 гг.» (*Some Problems of French Investment in Russian Joint-Stock Companies, 1894–1914*) [19]. Таким образом, отсчет активного притока иностранного капитала Крисп начинает с 1894 г.

О. Крисп эмигрировала сразу после Второй мировой войны из Польши в Великобританию. Тут она поступила в Школу славянских и восточноевропейских исследований Лондонского университета и вскоре стала признанным экспертом по российской экономике среди западных исследователей [20].

Тема французских, бельгийских и немецких инвестиций в южнороссийской промышленности становится центральной в книге американского русиста Дж. Маккея «Пионеры прибылей. Иностранное предпринимательство и русская индустриализация» (*Pioneers for Profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization, 1885–1913*) [21]. Данная монография была очень высоко оценена Б. В. Ананьичем. В своей статье 1976 г. советский историк отмечал, что эта книга «занимает особое место, в частности, потому, что она послужила автору основой для конструирования общего взгляда на роль иностранного предпринимательства в русской истории, начиная с XVII в. и до наших дней» [17, с. 179].

Маккей опирается на уникальную источниковую базу, а именно на документы из французских и бельгийских банков, вкладывавших средства в русскую промышленность. Автор отмечает большое значение исследования И. Ф. Гиндина 1960 г. «Государственный банк и экономическая политика царского правительства, 1861–1892 годы». В работе он пользуется статистикой П. В. Оля, связывает приток капиталов в Россию с политикой государства и, в частности, с политикой Витте. Доклад Витте января – февраля 1899 г. Николаю II имеет историческое значение. Однако, если А. Гершенкрон, фон Лауэ, О. Крисп говорили о Витте как о финансовом гении, великом индустриализаторе и главном архитекторе русской экономической политики, то Маккей более сдержан. То, что делал Витте, делали в то время руководители других стран, его политика не была уникальна. Точно такую же политику протекционизма проводило правительство Мелина во Франции и Мак-Кинли в США. Для иллюстрации точки зрения Маккея тут можно вспомнить, что в США, когда Витте прибыл на подписание Портсмутского мира в 1905 г., его называли «самым способным последователем и помощником» Мак-Кинли [22, с. 440]. Маккей считает, что в активном строительстве железных дорог

тоже не было ничего уникального: все европейские страны, кроме Великобритании, полагались на государственную поддержку при строительстве своих сетей железнодорожных путей. Где политика Витте была новаторской, – продолжает исследователь, – так это именно в привлечении иностранных капиталов, то был «подлинно новаторский эксперимент» [цит. по: 20, с. 2].

Таким образом, Маккей изучает промышленность российского юга и не берет во внимание другие регионы. Он осознанно не касается английского капитала, но говорит о нем интересную вещь: английские капиталы, игравшие важную роль в нефтяной и золотодобывающей промышленности, были по своей природе наиболее «колониальными» [цит. по: 20, с. 332–335].

Кроме политики Витте, на поток капитала в Россию в 1890-е гг. оказывали стимулирующее влияние поступавшие из России сведения об успехах работавших здесь бизнесменов, а основным средством для получения большой прибыли было внедрение самых передовых технологий. Маккей продемонстрировал важность российской государственной пропаганды, которая культивировала благоприятный инвестиционный имидж России [20, с. 8].

Другой американский исследователь Ф. Карстенен в 1970-е гг. изучал семейные английские предприятия в России, работавшие в легкой промышленности. Ученый считал совпадением приток иностранных капиталов в Россию. Витте только удалось привлечь зарубежных руководителей и новые технологии [23, с. 8]. Карстенен обратил внимание на то, что Витте в основном стимулировал иностранный капитал, задействованный в тяжелой промышленности, например, на юге страны. Ученый выразил сожаление, что Витте, который постоянно подчеркивал значение личной инициативы и предпринимательского духа, не уделял внимание легкой промышленности. К 1890 гг. в ней уже работало множество иностранных, в частности английских компаний, нанимавших большое количество работников из местного населения. Иностранные фабрики были своего рода школой, где персонал мог многому научиться. Так же население получало новые товары [23, с. 28].

Возможно, лучшей из доступных работ, отражающих современный этап историографии, является диссертационная работа Томаса Джонса, защищенная в Университетском колледже Лондона (*University College London, UCL*) в 2016 г. Исследование называется «Британский бизнес в России 1892–1914 гг.» (*British Business in Russia, 1892–1914*) [24].

В своей работе Т. Джонс задает вопрос: насколько российское правительство следовало слову закона во взаимодействии с британским бизнесом? В диссертации сделан сильный акцент на правовые вопросы сотрудничества,

но, кроме анализа законодательной базы и случаев столкновения интересов британских компаний и российского правительства, автор также пытается показать динамику британских инвестиций, порой иллюстрируя повествование примерами из работы реальных предприятий. Т. Джонс выделяет периоды притока инвестиций: первый – 1892–1900 гг.; второй – 1904–1914 гг. Два периода разделяет экономический кризис, за время которого новые районы страны были открыты иностранцам – Кавказ, Урал, Сибирь, Дальний Восток, где иностранные компании стали активно осваивать нефтяную, металлургическую и горнодобывающую сферы.

Джонс обосновывает решение обозначить начало первого периода 1892 г., ссылаясь на исследование Н. Н. Гурушиной и И. В. Поткиной [25], согласно которому до начала 1890-х гг. в основном преобладали предприятия, управляемые семьями. Данные предприятия, работавшие в текстильной промышленности, производстве сельскохозяйственного оборудования, производстве паровых котлов и т. д., размещались вокруг крупных центров, таких как Москва, Санкт-Петербург, Одесса и др.

Т. Джонс приходит к выводу, согласно которому влияние Витте на иностранный бизнес было двойственным. С одной стороны, он способствовал своей политикой его привлечению, с другой стороны, его произвольное вмешательство в экономику «подорвало попытки вести последовательную экономическую политику и соблюдение законности в отношениях правительства с иностранными компаниями. Это противоречие было сведено на нет только после его ухода из Министерства финансов и экономического кризиса 1900–1904 гг.» [24, с. 74].

Витте попытался реформировать концессионную систему и систему уставов компаний. В этом ему помогал ученый Д. И. Менделеев. Витте пытался убедить Николая II отказаться от концессионной системы в пользу более либеральной явочной, существовавшей в Западной Европе [24, с. 84]. Так была организована комиссия под председательством П. П. Цитовича, которой было поручено изучить возможность введения явочной системы регистрации в России. Комиссия подготовила ряд рекомендаций по либерализации российского законодательства о компаниях, но ни одна рекомендация в итоге не была принята во внимание [24, с. 85].

Витте способствовал принятию закона в 1901 г., согласно которому изменения и дополнения в отношении объема капитала акционерных обществ и времени проведения общего собрания могли быть сделаны без предварительного обращения в соответствующие организации [24, с. 86].

Значение работы Т. Джонса заключается в том, что он первым из западных исследователей предпринял попытку экстенсивно исследо-

вать проблему английского капитала в России. Констатируется, что Витте особенно благоволил британским компаниям и предоставлял льготы некоторым из них. Желание содействовать британскому бизнесу было продиктовано, по мнению автора, тем, что эти компании открывали доступ к Лондонской фондовой бирже. Компании могли оказывать давление на Витте. Их представители требовали, чтобы министр финансов выступал на их стороне перед чиновниками и министрами. К сожалению, в работе мало материала, иллюстрирующего британский бизнес на Урале, в Сибири и Дальнем Востоке, но предпринята попытка составить каталог компаний в приложении к диссертации. В форме таблицы британские компании упорядочены по названию, месту работы, дате основания производимому продукту, прибыли, количеству работников [24, с. 256–271].

Краткий обзор англо-американской литературы, приведенный в статье, показывает, что изучение роли Витте в привлечении иностранного капитала в Россию прошло определенную эволюцию.

Самые первые исследователи деятельности Витте давали обобщенную оценку его политике, зачастую прибегая к перечислению всего того, что было сделано в эпоху этого министра финансов, не обращая внимание на привлечение иностранных инвестиций.

Начиная с 1930-х гг., по причине взятия в Советском Союзе курса на интенсивную индустриализацию и в связи с интересом западных исследователей к возможности проведения индустриализации в отсталой неевропейской стране, Витте начинает привлекать внимание как родоначальник плановой экономики и индустриализации сверху. Привлечение иностранного капитала Витте находится в тени внимания, но его роль как незаурядного деятеля, проводившего первую индустриализацию в нецивилизованной стране, стала огромной.

К 1970 г. появляются исследователи, которые не соглашались с мнением, что все в Российской империи решалось сверху, силой тоталитарного, деспотического режима. Так возникает интерес к иностранным компаниям, отдельным предпринимателям, семьям, управлявшим бизнесом, банкирам и т. д. Появляются работы, в которых исследуется влияние отдельных видов капитала (государственные займы, предпринимательский капитал) на российскую экономику. Внимание привлекают французский, немецкий, бельгийский, датский и, наконец, английский капиталы. Так, Витте открывает новые грани для изучения возможностей привлечения иностранного капитала и становится его активным приверженцем.

В отношении к влиянию Витте на приток иностранных инвестиций сформировалось три основных подхода. Одни ученые считают,

что приток иностранных инвестиций не сильно зависел от политики государства, это был результат внутреннего развития богатых европейских стран. Другие были убеждены в том, что Витте и его финансовая политика, особенно введение золотого стандарта, имели решающее значение. Благодаря Витте иностранный капитал хлынул в страну. Есть исследователи, признающие воздействие обоих факторов. Обострение политической борьбы во второй половине 1890 гг. и затем экономический кризис начала XX в. усилили стремление привлечь иностранный капитал. Все исследователи, посвятившие свои труды экономическому развитию России данной эпохи, отмечают противоречивость политики Витте и его времени в целом [26]. Политика предпочтения и поддержки иностранного капитала, задействованного в тяжелой промышленности, личная расположенность и лоббирование в министерствах одних компаний и равнодушие к другим, политика пропаганды России как благодатного инвестиционного поля в западной печати и литературе – все это вызывает двойственную реакцию у историков.

Несмотря на то, что влияние политики исследователям было не избежать, между российскими учеными и англоязычными историками осуществлялось плодотворное взаимодействие, которое можно назвать научным диалогом. Обмен точками зрения и новыми данными, почерпнутыми из недоступных источников, имел огромное значение.

Список литературы

1. Александр Гершенкрон: экономическая отсталость в исторической перспективе / под науч. ред. А. А. Бельх; пер. с англ. А. А. Бельх. М. : Издательский дом «Дело», 2015. 536 с.
2. Сперанский А. В., Сперанский П. А. Реформы С. Ю. Витте в свете современных дискуссий в истории России // Известия Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук. 2022. № 1 (53). С. 64–69.
3. Tompkins S. R. Witte as Minister of Finance, 1892–1903 // The Slavonic and East European Review. 1933. Apr. Vol. 11, № 33. P. 590–606.
4. Всеподданнейший доклад министра финансов С. Ю. Витте Николаю II о необходимости установить и затем непреложно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи // Материалы по истории СССР : в 7 т. Т. 6 / ред. коллегия: А. А. Новосельский (отв. ред.) [и др.] М. : Издательство Академии наук СССР, 1959. С. 172–195.
5. Miller M. S. The Economic Development of Russia 1905–1914. With Special Reference to Trade, Industry and Finance. London : P. S. King & Son, Ltd, 1926. 311 p.
6. Сахаров А. Н. Стюарт Рамсей Томпкинс: Долгий путь к истории России // Отечественная история. 1995. № 5. С. 89–103.
7. Tompkins S. R. Why Witte Failed to Solve the Peasant Problem // The Journal of Modern History University of Chicago Press. Jun. 1932. Vol. 4, № 2. P. 235–239.
8. Бовыкин В. Финансовый капитал в России накануне Первой мировой войны. М. : РОССПЭН, 2001. 319 с.
9. Ефимов О. В. Англо-американская историография реформ П. А. Столыпина: Становление и эволюция концепций : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1995. 25 с.
10. Rosovsky H. Alexander Gershenkron: A Personal and Fond Recollection // The Journal of Economic History. 1979. Vol. 39, № 4. P. 1009–1013.
11. Gershenkron A. The Rate of Growth in Russia: The Rate of Industrial Growth in Russia, Since 1885 // The Journal of Economic History. 1947. Vol. 7. P. 144–174.
12. Adelson R. Interview with Theodore H. von Laue // The Historian. AUTUMN. 1995. Vol. 58, № 1. P. 1–14.
13. Von Laue T. H. A Secret Memorandum of Sergey Witte on the Industrialisation of Imperial Russia // The Journal of Modern History. 1954. Mar. Vol. 26, № 1. P. 60–74.
14. Гундин И. Ф. Концепция капиталистической индустриализации России в работах Т. фон Лауэ // История СССР. 1971. № 4. С. 204–232.
15. Докладная записка Витте Николаю II // Историк-марксист. 1935. № 2/3. С. 130–139.
16. Гундин И. Ф. Об основах экономической политики царского правительства // Материалы по истории СССР. Т. 6. С. 172–195.
17. Ананьич Б. В. Иностранное предпринимательство и промышленное развитие России в конце XIX – начале XX в. (о книге Джона Маккея) // Критика новейшей буржуазной историографии : сборник статей / отв. ред. О. Л. Вайнштейн. Л. : Наука, Ленинградское отделение, 1976. С. 179–195.
18. Crisp O. Russian Financial Policy and the Gold Standard at the End of the Nineteenth Century // The Economic History Review. 1953. New Series. Vol. 6, № 2. P. 156–172.
19. Crisp O. Some Problems of French Investment in Russian Joint-Stock Companies, 1894–1914 // The Slavonic and East European Review. 1956. № 35 (84). P. 223–240.
20. Hoskin G. Professor Olga Crisp: Resistance worker who became an authority on Russian economic history. News Obituaries // Independent. 2011. Mar. 8.
21. McKay J. P. Pioneers for Profit. Foreign Entrepreneurship and Russian Industrialization. 1885–1913. Chicago ; London : The University of Chicago Press, 1970. 456 p.
22. Johnston C. Sergé Iulitch Witté // The North American Review. 1905. Sept. Vol. 181, № 586. P. 435–447.
23. Carstensen F. Foreign Participation in Russian Economic Life: Notes on British Enterprise: 1865–1914. P. 1–31. URL: https://www.wilsoncenter.org/sites/default/files/media/documents/publication/op55_foreign_participation_carstensen.pdf (дата обращения: 18.05.2022).
24. Jones T. British Business in Russia, 1892–1914. 272 p. URL: <https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/1559904/1/Final%20Thesis%201606.pdf> (дата обращения: 11.05.2020).
25. Гурушина Н. Н., Поткина И. В. Английские капиталы и частное предпринимательство в России // Иностранное предпринимательство и заграничные инвестиции в России / руководитель проекта В. И. Бовыкин. М. : РОССПЭН, 1997. С. 54–119.

26. *Зайцев М. В* Проблема преемственности государственной финансово-экономической политики в эпоху Николая II: Витте, Коковцов, Барк // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 305–314. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-3-305-314>*

Поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена после рецензирования 30.12.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 23.09.2022; approved after reviewing 30.12.2022; accepted for publication 20.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 167–172
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 167–172
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-167-172>, EDN: WVVVSO

Научная статья
УДК 271.2(470+571)(09)+929 Илиодор

Антисемитская риторика иеромонаха Илиодора (Труфанова) как отражение кризиса Русской Православной Церкви в начале XX века

М. С. Мулевая

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мулевая Мария Сергеевна, аспирант кафедры отечественной истории и историографии, mariamulevaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8101-6597>

Аннотация. В статье анализируется антисемитская риторика иеромонаха Илиодора (Труфанова) как одного из скандальных церковных деятелей Российской империи начала XX в. В контексте синодального кризиса рассматривается процесс политизация Русской Православной Церкви путем превращения ее в инструмент обслуживания национальной идеологии. Маркером кризиса церковной и всей государственной системы стал еврейский вопрос, раскрывающий причины упадка синодальной системы и политизация духовенства. Взгляды иеромонаха Илиодора – яркое тому подтверждение.

Ключевые слова: еврейский вопрос, антисемитизм, имперский национальный дискурс, Союз Русского народа (СРН), Русская Православная Церковь (РПЦ), иеромонах Илиодор, Саратовская епархия

Для цитирования: Мулевая М. С. Антисемитская риторика иеромонаха Илиодора (Труфанова) как отражение кризиса Русской Православной Церкви в начале XX века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 167–172. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-167-172>, EDN: WVVVSO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Anti-Semitic rhetoric of Hieromonk Iliodor (Trufanov) as a reflection of the crisis of the Russian Orthodox Church at the beginning of the XX century

M. S. Mulevaya

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Maria S. Mulevaya, mariamulevaya@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8101-6597>

Abstract. The article analyzes the anti-Semitic rhetoric of hieromonk Iliodor (Trufanov) as one of the most scandalous Clerical figures of the Russian Empire in the early XX century. The process of politicization of the Russian Orthodox Church for legitimizing power and serving the national ideology in the context of the Synodal crisis is reviewed. Many clergymen were the spiritual leaders of legal monarchical organizations and thus supported their national policies. The Jewish issue became a marker of the crisis of the Church. The views of hieromonk Heliodorus are the clear confirmation of this.

Keywords: jewish issue, antisemitism, imperial national discourse, Union of the Russian people, Russian Orthodox church (ROC), hieromonk Iliodor, the diocese of Saratov

For citation: Mulevaya M. S. Anti-Semitic rhetoric of Hieromonk Iliodor (Trufanov) as a reflection of the crisis of the Russian Orthodox Church at the beginning of the XX century. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 167–172 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-167-172>, EDN: WVVVSO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

В начале XX в. в деятельности Русской Православной Церкви (РПЦ) прослеживались те же кризисные тенденции, что и во всей государственной структуре. Неспособность российского правительства адаптировать свои имперские искания ввиду слабости и архаичности функци-

онала традиционных институтов впоследствии привела к тотальной трагедии официального православия. РПЦ все больше отдалялась от своей паствы, становясь замкнутой бюрократической ячейкой и отдельным звеном в составе аппарата власти. Факт синодальной разлуки признавал

П. А. Столыпин в одном из писем Николаю II, подчеркивая ее политическую обусловленность [1, с. 84–85]. В конечном итоге в результате усиления контроля со стороны государства и потери самостоятельности на рубеже XIX–XX вв. Церковь вступила в полосу кризиса, во многом предупредившего ее дальнейшее существование уже после падения самодержавия.

Подрыв авторитета Церкви привел к активизации рационалистических сект и иных антиклерикальных движений, среди последователей которых были не только выходцы из простого народа, но и представители дворянства и интеллигенции. Невзирая на сложившуюся не благоприятную ситуацию, РПЦ оставалась не только частью государственного аппарата, но и институтом господствующей национальной религии, что, безусловно, наделяло ее закрепленными в законодательстве привилегиями [2, с. 391]. Она все еще имела вес в общественной жизни за счет тенденций усиления церковной печати, создания религиозных братств, чья деятельность была направлена на агитацию населения для обеспечения лояльности и поддержки государства со стороны электората. Столь значительное место, занимаемое РПЦ, позволило наиболее видным ее представителям активно участвовать в политической жизни империи через Государственную думу и правые партии.

Вместе с тем в это время отмечалась беспрецедентная активность ряда представителей духовенства, которая совершенно не соотносилась с занимаемым ими весьма скромным положением в структуре церковной иерархии. Нравственный облик большинства из них, особенно тех, кто был позже канонизирован, никак не соответствовал образцу скромного пастырского служения. Опасные авантюры и скандальные высказывания «прославили» некоторых священнослужителей далеко не с лучшей стороны. В связи с этим можно говорить о трансформации духовенства из келейных проповедников в политических игроков.

Политизация и активные антиреволюционная и промонархическая позиции сблизили РПЦ с черносотенными организациями, имевшими довольно сомнительную репутацию. Известные духовные лица не только активно участвовали в деятельности монархических партий, но и являлись их лидерами, постоянными членами или главами местных отделений в своих епархиях. Это несмотря на то, что функционирование данных организаций, выражавшееся в призывах к погромам, во многом основывалось на насилии и ненависти по отношению к иноверцам.

Союзу русского народа (СРН) и подобным ему партиям придавалось значение своеобразных духовных орденов, народных ополчений, боровшихся с врагами Российской империи во имя незабвенных постулатов «Православия,

Самодержавия, Народности» [3, с. 8]. Соответствующие партийная атрибутика и символика, а именно знамена и хоругви, праздники и памятные даты также связывались с религиозными традициями. В руках черносотенцев был козырь под названием вера в Бога и его наместника – царя. По их логике, если большая часть населения мыслит в рамках данной парадигмы, а конституционные и антимонархические чаяния видят происками «жидов и революционеров», то в существующих реалиях она применима и имеет право на существование. Соответственно, союзничество с РПЦ стало необходимым и в то же время взаимовыгодным. Участие православного духовенства в какой-то степени легитимировало, особенно среди крестьянского и рабочего населения, далеко не всегда законную и «христианскую» деятельность черносотенных организаций, поскольку доля представителей РПЦ составляла всего около 3% от общего числа членов данных партий, но при этом их авторитет и влияние были неоспоримы [4, с. 120].

Представители РПЦ сыграли ключевую роль в конструировании и проведении в массовом сознании антиеврейской риторики в контексте правомонархического движения. Становление широкого еврейского дискурса нашло отражение в СМИ, партийных идеологиях, различных общественных и церковных нарративах. Антисемитские взгляды базировались преимущественно на религиозной, общественно-политической и экономической основах. Расовый подтекст о вирулентности и нечистоте евреев не играл практически никакой весомой роли из-за сложности его восприятия, требующего определенной научной подготовки, о наличии которой у значительной массы говорить не приходится [5, с. 33]. Выступая категорически против еврейского равноправия, черносотенцы призывали к дальнейшему ограничению и желательному последующему выселению евреев из Российской империи, путем создания невыносимых условий для их проживания на данной территории.

Обычным делом было присутствие антисемитских высказываний на страницах православных газет, разжигавших в умах населения ненависть к евреям. В издании «Руководство черносотенца-монархиста» четко прописана их принадлежность к внутренним врагам Российской империи, которые действуют с помощью революционной пропаганды, террора и финансовой поддержки всякого рода действий, направленных на свержение монархии [6, с. 8]. Осуществляя поддержку монархических партий, представители РПЦ вынуждены были соглашаться с их открытым антисемитизмом, инкорпорируя антиеврейскую риторику в свою пропаганду.

В среде провинциального духовенства начала XX в. снискал славу активного члена СРН, защитника православия и самодержавия, противника революционных идей и ярого антисемита

«безумный монах», как позже было названо его автобиографическое произведение, иеромонах Илиодор (Труфанов). В историографии его деятельность получила довольно широкое освещение. В частности, следует отметить современные изыскания таких исследователей, как Я. А. Седова [7], М. Л. Хижий [8], С. А. Степанов [5], А. И. Мраморнов [9], О. Ю. Редькина [10], М. Ю. Крапивин [11]. Однако, имея довольно широкую источниковую базу, антисемитский аспект его риторики как маркер кризисных тенденций в церковной структуре до сих пор не был рассмотрен в полной мере.

Имя иеромонаха Илиодора поистине гремело на всю Россию, что приводило к конфликтам как с местной администрацией, так и с Синодом. За его одиозной личностью тянулся шлейф беспрецедентных скандалов и беспощадной критики, разносившейся далеко за пределы Саратовской губернии. В общей сложности в рассматриваемый период епархия стала местом концентрации ярких монархистов и антисемитов, преимущественно из церковной среды, которая смогла монополизировать местное отделение СРН, переименовав его в 1907 г. в Православный Всероссийский Братский Союз Русского Народа (ПВБСРН). Крупной фигурой местных правых являлся руководитель и духовный лидер упомянутой выше организации епископ Саратовский и Царицынский Гермоген (Долганов), правой рукой которого фактически был иеромонах Илиодор, занявший следующее за ним место в партийной иерархии [12, с. 223].

Вплоть до своего увольнения из Саратовской епархии в январе 1912 г. иеромонах находился под защитой и покровительством епископа Гермогена, симпатизировавшего молодому и амбициозному коллеге. Он оказывал ему значительную поддержку, особенно в вопросе крайне негативного отношения к инородцам. Теплые отношения со своим патроном укрепили воинствующую позицию иеромонаха по охране православной веры и искоренению врагов Отечества. Илиодор нередко в письмах и телеграммах жаловался епископу Гермогену на несправедливые обвинения его в революционной наклонности [13, л. 41]. Он объяснял свои действия исключительным желанием пробудить любовь православных людей к Святой Церкви, донести до них мысль о роли самодержавного царя для русского государства. Оправдываясь за призыв к борьбе с инородческим засильем, иеромонах просил владыку о защите перед Синодом от газетной клеветы.

Любопытные стороны личности Илиодора, главным образом, излишняя политизированность и радикальность взглядов проявились задолго до службы на Царицынском подворье Свято-Духова монастыря Саратовской епархии и были негативно оценены современниками, как церковными деятелями, так и светскими. Резкие вы-

ступления, претенциозный характер проповедей, активно публиковавшихся в промонархических газетах «Почаевские известия», «Русское знамя», «Вече», характеризовали иеромонаха Илиодора еще в период его пребывания в Почаевской лавре на Волыни. Именно за это в 1908 г. его перевели в Саратовскую епархию и по той же причине он окажется высланным из нее в начале 1912 г. [8].

В высказываниях, произносимых во время богослужебных проповедей, иеромонах обычно не стеснялся в выражениях по отношению к богатым, представителям интеллигенции и власти, революционерам и «жидам». Вызывающее поведение, антиобщественные призывы и вредная агитация провоцировали конфликты с уездной администрацией и Саратовским градоначальником. К примеру, в одной из проповедей он назвал представителей власти жуликами, мошенниками и «жидомасонами», а губернатора С. С. Татищева и министра П. А. Столыпина призвал выпороть нагайками на конюшне [14, с. 25]. Прибегая к столь тенденциозным и обличительным речам, иеромонах тем самым пытался обеспечить себе популярность и авторитет среди аудитории, преимущественно неграмотного, но набожного и легковверного населения. Мотивацию своих действий о. Илиодор объяснял пастырским правом ругать развратников ради блага Святой Церкви [15, л. 135].

Особое место во взглядах иеромонаха занимал национальный вопрос. О ненависти по отношению к фабрикантам, заводчикам, богачам и инородцам, проявлявшейся в его проповедях, пишет Саратовский губернатор С. С. Татищев в письме епископу Вольскому Досифею [15, л. 22]. В контексте данного вопроса представляет интерес рапорт начальника Саратовского губернского жандармского управления на имя Саратовского губернатора от 11 ноября 1909 г. со ссылкой на интервью Илиодора с корреспондентом газеты «Славянский листок» относительно его службы в Почаевской Лавре, в котором он рассказал о том, как со страниц «Почаевского листка» провоцировал местное население на насильственные меры против «жидов». Деятельность иеромонаха имела настолько сильный эффект, что многие готовы были ехать в Петербург для борьбы с противниками царской власти. На реплику корреспондента о незаконности подобных действий Илиодор лишь отвечал, что так наоборот можно, должно и следует поступать [15, л. 52]. О ненависти к евреям Илиодор поведал журналисту газеты «Саратовский листок», прямо говоря о необходимости их истребления, «пожалуй, не перевешал бы всех к ряду, но вот разверзлись сейчас земля и поглотит этот народ со всеми их сокровищами, – я бы отслужил молебен» [16, с. 2].

По мнению иеромонаха, «жиды» оказывают пагубное воздействие на православный русский

народ. Революционные идеи он называет про-исками жидов, отрицающих Бога и роль царя, призывающих к свержению власти государя, дабы самим управлять Россией [17, с. 5]. В связи с этим следует разобраться с понятием «жид» – ключевым в его риторике. Одним антисемитизмом взгляды иеромонаха объяснить нельзя. Безусловно, его антиеврейские настроения с примитивными и обобщенными представлениями вписывались в рамки национального дискурса. Кроме того, «жид» – не столько архетип, состоящий из комплекса общественных стереотипов, мировоззренческих установок и религиозных представлений, сколько конструкт «образа врага», обобщенное наименование тех, кто отрицает Бога и власть русского царя, вне зависимости от этнической и религиозной принадлежности. Анализируя тексты проповедей, можно отметить многократное повторение устойчивой формулировки, в которой содержится перечень тех, кто, по мнению иеромонаха, является врагом Отечества: «жиды», русские дураки, развратники, безбожники и революционеры. Их Илиодор считает не менее вредными для благоприятного течения жизни Российского государства. В то же время вера – главный критерий и маркер антипода «жида», так как, по утверждению самого иеромонаха, «будь то татарин, но пусть верует в бога, не задевает православную веру, не как “жиды”, которые в бога не веруют и смеются над ним» [18, л. 45, 46].

В риторике Илиодора к категории «жиды» причислялись также актеры и писатели, в частности Л. Андреев, автор скандально известной пьесы «Анатэма», за запрещение которой иеромонах яростно боролся совместно с епископом Гермогеном. «Полон Царицын набит этой паршивой жидовней», – резюмирует он в заключении одной из проповедей [15, л. 123]. Часто объектами ненависти Илиодора становились журналисты, презрительно называемые им газетными стервятниками за беспощадную критику в его адрес, а также жандармы, намеренно искажавшие в своих рапортах слова иеромонаха.

В воззвании «Правда о Союзе Русского Народа, Союзе русских людей и других монархических партиях» Илиодор обвиняет «жидов» и безбожников в осквернении храмов и православных святынь. В качестве примера приводится случай, имевший место в Екатеринославской губернии, в г. Александров, когда во время пасхальной службы «злодеи» ворвались в храм, бросили туда бомбы, а прихожан изрезали кинжалами [19, с. 2–3]. Еще один инцидент произошел в Московской губернии, в с. Медведниковцы. Преступники кощунственно уничтожили чудотворную икону, разбили стекло топором и похитили драгоценную ризу. Бросившегося защищать святыню священника убили на месте. Основной посыл воззвания – призыв к защите православной веры и самодержавной власти от поругания

нечестивыми безбожниками и революционерами путем объединения двух антагонистических групп (крестьян и помещиков) для совместного выступления против инородцев.

О ненависти к евреям иеромонах Илиодор упоминает в автобиографическом произведении, написанном в США после его бегства из советской России в 1918 г. [20, р. 41]. Во взглядах бывшего иеромонаха, на тот момент просто С. М. Труфанова, они представляли источником мирового зла, потомками иудейских жрецов, преследовавших исключительно собственные интересы, при этом ничем особенно выдающимся не отличавшихся. Именно поэтому он не может назвать ни одного еврейского деятеля науки или искусства. В целом аргументы базируются на существующих в обществе стереотипных конструктах об убийстве христиан для употребления их крови и еврействе как среды, из которой в будущем выйдет Антихрист. В своей книге Труфанов признает, что о жизни объекта своей антипатии ему было почти ничего не известно, а его ненависть основывалась исключительно на религиозном фанатизме [20, р. 41].

Что касается еврейских погромов, то иеромонах не видел в них проявления человеческого произвола, тем самым он защищал погромщиков, прикрывая их злодеяния божьей волей и правосудием. По его мнению, применение насилия против евреев начато не русским человеком. Оно известно с тех пор, когда Господь проклял их и рассеял по Земле. Таким образом, погром – это не что иное, как заслуженное возмездие, расплата за грехи, а для православных русских людей – это способ охраны собственной веры, царя и Отечества [15, л. 77].

Между тем риторика Илиодора вызывала вовсе не беспочвенные опасения со стороны Саратовской администрации. В письме губернатора С. С. Татищева епископу Гермогену от 23 сентября 1908 г. Сергей Сергеевич просит владыку оказать влияние на деятельного иеромонаха, который в своих проповедях затрагивает «еврейский вопрос», призывая к погромам над евреями [21, л. 210]. Надеясь также найти помощь в лице министра внутренних дел и бывшего Саратовского губернатора П. А. Столыпина, Татищев сообщает ему о своих беспокойствах по поводу настроений населения г. Царицына. Призывы Илиодора «бить и вешать евреев» могут спровоцировать беспорядки и даже погром [21, л. 214, 216]. Он также жалуется на епископа Гермогена, который не принимает меры против иеромонаха, хотя Татищев его об этом не раз просил.

В свою очередь многочисленные сторонники Илиодора утверждали, что он никогда не занимался подстрекательством к погромам. В них виноваты сами «жиды» и русские дураки. Более того, они уверены в чистоте намерений иеромонаха, который никогда не допустит кровопролития. Однако распускаемые слухи о перепи-

си еврейского населения г. Царицына и скором их выселении из города и, наконец, телеграмма, помещенная в газете с агитацией к погрому, наводят на мысль о его непосредственной причастности к насильственным акциям [22, л. 47].

Между тем беспрестанный полицейский надзор за бурной деятельностью иеромонаха зачастую был не в силах пресекать его выходы, хотя и предпринимались меры для сдерживания чересчур активного священнослужителя. Органы полиции реагировали на жалобы со стороны местных евреев, причиной которых становился провокационный характер его действий. Например, 29 августа 1911 г. на монастырской площади толпа прихожан собралась на сожжение чучела «жида», но, узнав об этом, полицмейстер поставил в известность Илиодора, что не допустит подобного безобразия [18, л. 50].

Незадолго до несостоявшегося эпизода, 15 августа 1911 г., имел место инцидент, ставший апогеем антиреволюционных и антисемитских взглядов иеромонаха Илиодора. В тот день в монастырском храме иеромонах произнесил проповедь, после чего на прилегающую площадь был вывезен картонный дракон на колесах, раскрашенный маленькими красными и черными флагами с надписями на шее, боках и крыльях гласивших: ««Жидовство», революция, толстовцы, кадеты, демократы, безбожники, «жиды» богохульники и русские дураки» [18, л. 44]. Также был прикреплен шест с картонкой: «Аз есм революция, жена дьявола. В утробе моей сидят «жиды» и русские дураки-безбожники. Скоро придет конец мой». После вечернего богослужения дракона отвезли в овраг и подожгли под крики толпы прихожан: «Анафема, ура, «жиды» и русские дураки горят» [18, л. 45]. Многие бросали в него камни и плевались. Сожжение картонного змея олицетворяло собой уничтожение врагов России и революционного начала в целом.

За время службы в Саратовской епархии положение о. Илиодора в обществе значительно укрепилось, что в целом негативно отразилось на его поведении. Имея защиту и расположение со стороны влиятельных покровителей, не только в лице епископа Гермогена, но и И. Кронштадтского, Г. Распутина и даже самого царя Николая II, он чувствовал свою безнаказанность и вседозволенность. Его деятельность вышла за всякие рамки, особенно после пущенных, очевидно им же слухов о родстве с императором, подняв тем самым среди интеллигенции волну возмущения относительно нарушения всех правовых норм и клеветы на органы власти. Не оставалось сомнений, что иеромонах – новый самозванец, ничуть не лучше Емельяна Пугачева, такого же донского казака, как и он [14, с. 39]. Илиодора тем не менее нельзя назвать сумасшедшим. Он прекрасно понимал, что делал и умело использовал свои организаторские

способности. Перед нами пример выдающегося карьериста и приспособленца.

В эпоху социально-политических революций иеромонах сумел найти свою нишу, создав образ святого подвижника и защитника простого народа от угнетателей и притеснителей. Его фигура значительно выделялась в среде провинциального, по большей части безразличного, пьянствующего и безграмотного духовенства того периода. По воспоминаниям Феофана Полтавского, духового наставника царской семьи, из-за чрезмерной популярности в среде народных масс иеромонах Илиодор «все более и более предавался погибельной гордости» [цит. по: 23, с. 60]. Утрата необходимого для священнослужителя смирения, на смену которому пришли самоуверенность и самонадеянность, чрезмерная гордыня и карьеристские устремления позволили ему с легкостью менять свои политические взгляды, от праворадикальных к левым, а в конечном счете не менее свободно отречься от сана и веры.

Впрочем, риторика о. Илиодора была скорее похожа на пустую демагогию ввиду абсурдности аргументов, примитивности лексики, которую маскировала излишняя экспрессивность. Под маской благочестивого борца за чистоту христианской веры и преданного слуги русского царя скрывался авантюрист без особых убеждений, действовавший лишь для удовлетворения своего безмерного честолюбия и ведомый желанием занять место Г. Распутина, чей статус не давал ему покоя. Между тем провокации, которые он устраивал совместно с епископом Гермогеном, чтобы опорочить царского фаворита, скандальные выходы и конфликты с местной губернской администрацией в конечном итоге привели к краху карьеры обоих священнослужителей. В этой связи примечательно высказывание Саратовского губернатора П. П. Стремоухова, не понаслышке знавшего о. Илиодора, что «служить Богу, либо черту иеромонаху было совершенно безразлично ради достижения своих целей» [14, с. 48].

С именем иеромонаха связано понятие феномена «илиодоровщина» как явления религиозно-анархизма, появившегося еще при его жизни. Объяснение данному феномену находит историк С. Степанов. Сравнивая о. Илиодора с протопопом Аввакумом, он пишет о существовании параллельно с Россией эпохи модернизации патриархальной и традиционной по своему укладу и мировоззрению Руси [5, с. 351]. Однако впервые об «илиодоровщине» было сказано в газете «Речь» сразу после изгнания иеромонаха из Саратовской губернии. В статье с язвительным названием «Саратовские сироты» утверждается о «поражении рясофорных черносотенцев» (имелось в виду удаление из местной епархии о. Илиодора и епископа Гермогена) [24, л. 1]. Автор указывает на двоякость сложившейся ситуации. С одной стороны, они предстают борцами за православную веру, образцом святости

и жертвенности, а с другой, послужили ярким доказательством кризиса церковного управления.

Обобщая вышесказанное, следует отметить репрезентативность последствий упадка синодальной системы, породившей дурной плод в виде политизации и конформизма духовенства [8]. Имея в своем арсенале рычаги давления на умонастроения паствы, РПЦ как никакой другой институт государственного аппарата смог воздействовать на общественное мнение и регулировать его. В эту систему вписывалась и антисемитская риторика иеромонаха Илиодора.

В условиях кризиса государственной системы в антисемитской риторике воплотились определенные идеологические установки, призванные объединить народные массы под эгидой защиты устоев традиционного общества, триады «Православие, Самодержавие, Народность». Церковная пропаганда транслировала устоявшиеся стереотипы, оказывающие воздействие на простого обывателя преимущественно на религиозно-бытовом уровне. Популяризация «образа еврея» использовалась для спасения разваливавшейся и утратившей доверие общества системы. Однако примитивная политика поиска врага, которому можно делегировать ответственность за неудачи государственного курса, неизбежно приводила к углублению кризисных тенденций и общественных противоречий, продемонстрировавших несостоятельность имперского национального дискурса.

Список литературы

1. Из переписки П. А. Столыпина с Николаем Романовым // Красный архив : исторический журнал. 1928. Т. 5 (30). С. 80–88.
2. Клибанов А. И. Русское православие: вехи истории. М. : Политиздат, 1989. 719 с.
3. Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа / сост. А. Д. Степанов. М. : Институт русской цивилизации, 2011. 1136 с.
4. Политические партии России в период революции 1905–1907 гг.: Количественный анализ : сборник статей / под ред. А. П. Корелина. М. : Институт истории СССР, 1987. 243 с.
5. Степанов С.А. Черная сотня. М. : ЭКСМО, 2005. 538 с.
6. Руководство черносотенца-монархиста. М. : Университетская типография, 1906. 16 с.
7. Седова Я. А. Илиодор. Мистический друг Распутина: в 2 т. Т. 1. М. : Родина, 2022. 776 с.
8. Хижий М. Л. История одного расстриги: иеромонах Илиодор (Труфанов) // Альфа и Омега. 2006. № 2 (46). URL: <http://aliom.orthodoxy.ru/arch/046/hizhy46.htm> (дата обращения: 09.11. 2022).
9. Мраморнов А. И. Иеромонах Илиодор (С. М. Труфанов) в историографии // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2008. Вып. 2, № 19 (79). С. 114–125.
10. Редькина О. Ю. Илиодор в Советской России: 1918–1922 гг. // Стрежень: Ежегодник. Вып. 1 / под ред. М. М. Загорулько. Волгоград: ГУ «Издатель», 2000. С. 164–168.
11. Крапивин М. Ю. «Илиодоровское движение» в Царицыне и органы ВЧК (1918–1922 гг.) // Государство, общество, архивы в истории России / сост. Н. В. Штыков. СПб. : Лики России, 2009. С. 135–157.
12. Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / сост. А. Д. Степанов, А. А. Иванов ; отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2008. 640 с.
13. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 1132 (Фонд епископы Саратовские и Царицынские. Ведомства православного исповедания Святейшего Синода. г. Саратов. 1858–1920). Оп. 1. Д. 156.
14. Стремоухов П. П. Моя борьба с епископом Гермогеном и Илиодором // Архив русской революции : в 22 т. Т. 16. Берлин : Слово, 1925. С. 5–49.
15. ГАСО. Ф. 1 (Канцелярия Саратовского губернатора). Оп. 1. Д. 8297.
16. Мизякин Л. Посетитель // Саратовский листок. 1912. 25 дек. № 284.
17. Иеромонах Илиодор. Когда же конец? М. : Вече, 1907. 16 с.
18. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 8775.
19. Иеромонах Илиодор. Правда о Союзе Русского Народа, Союзе русских людей и других монархических партиях. Одесса: Одесский Союз русских людей, 1907. 16 с.
20. The mad monk of Russia, Iliodor: Life, memoirs, and confessions of Sergei Michailovich Trufanoff (Iliodor). New York : The century, 1918. 363 p.
21. ГАСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 7589.
22. Там же. Д. 8772.
23. Бэттс Р. Духовник царской семьи. Архиепископ Феофан Полтавский, Новый Затворник (1873–1940). М. : Даниловский благовестник, 2010. 368 с.
24. ГАСО. Ф. 1132. Оп. 1. Д. 130.

Поступила в редакцию 09.11.2022; одобрена после рецензирования 14.11.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 09.11.2022; approved after reviewing 14.11.2022; accepted for publication 20.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 173–181
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 173–181
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-173-181>, EDN: TXCJZJ

Научная статья
УДК 271.2(470+571)|1917/1920|:930(470+571)

Изучение Поместного Собора 1917–1918 гг. и региональных (окружных) соборов 1918–1920 гг. в современной российской историографии

А. И. Мраморнов

Некоммерческое партнёрство по защите и сохранению объектов культурного наследия «Спасское дело», Россия, 442823, Пензенская область, Кольшлейский район, с. Старая Потловка, ул. Светлая, д. 1

Мраморнов Александр Игоревич, кандидат исторических наук, доцент, руководитель партнерства, главный редактор издательства «Спасское дело», mramornov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4280-3752>, Author ID: 514287

Аннотация. В статье анализируются современные научные работы, исследующие Всероссийский Поместный Собор 1917–1918 гг., а также ряд региональных Соборов, состоявшихся в Русской Церкви в период проведения Собора и после него, в эпоху Гражданской войны: Всеукраинского, Сибирского Соборного совещания, Юго-Восточного (Ставропольского), а также попытки проведения Собора на Дальнем Востоке. Рассматриваются основные книжные серии и публикаторские проекты, осуществленные за истекшие четверть века, в рамках которых представление и изучение наследия Собора 1917–1918 гг. осуществлены наиболее глубоко. Обсуждены труды отдельных ученых, прежде всего тех, кто сформировал взгляд на место Поместного Собора в истории России и Русской Церкви. Дается оценка достижениям и провалам в опубликовании соборного наследия.

Ключевые слова: Русская Церковь, Поместный Собор, Октябрьская революция, Гражданская война, региональные соборы, историография, патриаршество

Для цитирования: Мраморнов А. И. Изучение Поместного Собора 1917–1918 гг. и региональных (окружных) соборов 1918–1920 гг. в современной российской историографии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 173–181. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-173-181>, EDN: TXCJZJ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The research of the All-Russian Local Council 1917–1918 and regional (district) Councils of the Russian Church in 1918–1920 in the modern Russian historiography

A. I. Mramornov

Non-profit partnership for defending and reserving the object of cultural heritage “Spaskoedelo”, 1 Svetlaya St., Staraya Potlovka village, Kolyshleyskiy district, Penza region 442823, Russia

Alexander I. Mramornov, mramornov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4280-3752>, Author ID: 514287

Abstract. The author of the paper analyses modern scientific works in which the All-Russian Local Council 1917–1918 is examined. Moreover, the historiography of the regional (district) councils that took place in the Russian Church during the Local Council and the Civil war (All-Ukrainian in Kyiv, Siberian in Tomsk, South-Eastern in Stavropol and also the attempt to convene the Council in the Far East), is researched. The author also talks about the key book series and publishing projects that have been accomplished during the last two decades. In the frames of these projects the representing and the investigation of the 1917–1918 Local Council’s heritage have been carried out. The works of individual scientists are discussed briefly, first of all of those historians who have their own views and their own approach on the place of the Local Council in the history of Russia and Russian Church. Achievements and failures in publishing Council heritage are assessed.

Keywords: Russian Church, Local Council, revolution, Civil War, regional Council, historiography, patriarchate

For citation: Mramornov A. I. The research of the All-Russian Local Council 1917–1918 and regional (district) Councils of the Russian Church in 1918–1920 in the modern Russian historiography. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 173–181 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-173-181>, EDN: TXCJZJ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

В 2022 г. исполнилось 105 лет со дня открытия и начала работы Всероссийского Поместного Собора – уникального события и явления в истории России и русского православного христианства. К сожалению, данная тема недостаточно исследована и в науке пока нет устоявшихся точек зрения историков (а также философов, теологов) на значение, наследие, историческую роль Собора и соборян. Ощущается недостаток концептуальной проработки темы, а порой и идейная ущербность подходов к описанию и анализу событий церковной жизни и церковно-государственных отношений в 1917–1918 гг. В советское время из-за официально объявленной борьбы с религией, а также идеологизации и политизации исторической науки Поместный Собор не мог стать предметом полноценного, объективного рассмотрения, хотя в советской историографии были предприняты попытки такого исследования. Общим недостатком зарубежной и эмигрантской историографии Собора на протяжении почти всего XX столетия было отсутствие доступа к соборному архиву и другим источникам, непосредственно отражавшим его деятельность. После празднования 1000-летия Крещения Руси в 1988 г., Поместного Собора 1990 г. и на фоне расширения в начале 1990-х гг. доступа к архивным документам начинаются постепенное изучение документов Собора 1917–1918 гг. и проведение специальных научных исследований. Все это требует соответствующей научной рефлексии и определения путей дальнейшего осмысления наследия Собора.

Конец 1980-х – 1990-е гг. были ознаменованы попыткой возвращения церковно-общественной жизни к исходным точкам, на которых Русская Церковь была остановлена большевистской революцией и Гражданской войной. В 1990-е гг. по инициативе архимандрита московского Новоспасского монастыря Иннокентия (Просвирнина) началось издание материалов Поместного Собора. Это было факсимильное воспроизведение документов в редакции Соборного Совета 1918 г.

В конце 1990-х гг. издательством московского Крутицкого подворья под руководством И. В. Соловьева начал реализовываться проект по составлению обзора стенограмм пленарных заседаний, в котором приняли участие видные специалисты в данной области – германский теолог Гюнтер Шульц (1936–2022) и российский филолог А. Г. Кравецкий. Его результатом стал выпущенный в 2000–2002 гг. трехтомник «Обзор деяний» Собора [1]. Эти меры активизировали интерес к наследию Собора как в ученой среде, так и со стороны общественности. Публикация соборных текстов и их резюме помогали исследователям на начальной стадии рассмотрения данной проблематики.

Для историографии первого и второго десятилетий XXI в., с одной стороны, характерно

появление многих работ, носящих новаторский характер; с другой стороны, не сокращается число трудов, повторяющих избитые определения и оценки. Наиболее часто встречающийся штамп о Соборе звучит так: «Главное решение Собора – восстановление патриаршества». Многих авторов и даже общественных деятелей, употребляющих это умозаключение, не сильно заботит то, что оно не соответствует ни свидетельствам исторических источников, ни мнению самих соборян, считавших главным восстановление соборного строя Русской Церкви и «поставление» во главу соборного механизма Патриарха (а не возрождение института патриаршества как такового).

В самом начале XXI в. начинает выходить очень важная для соборной историографии серия монографий с громоздким названием «Церковные реформы | Дискуссии в Православной Российской Церкви начала XX века | Поместный Собор 1917–1918 гг. и предсоборный период». Открыла ее монография протоиерея Н. В. Балашова [2], ставшего главным редактором всей серии. В указанном исследовании затронуты вопросы реформирования богослужения, в том числе в проектах Собора 1917–1918 гг. Впервые подробно изучена работа соборного Отдела о богослужении, проповедничестве и храме, а также его подразделов, в частности подраздела о богослуженном языке.

Вторая книга из этой серии – блестящее исследование С. Л. Фирсова «Русская Церковь накануне перемен» [3] – посвящено высшему церковному управлению, церковно-государственным отношениям и дискуссиям о церковных преобразованиях в период подготовки Собора. Книга является одной из самых цитируемых в современной историографии Русской Церкви. Собственно Собору в книге отведен только один параграф (третий в гл. 5) [3, с. 535–565], в котором довольно лаконично излагаются основные его этапы и ход дискуссий, без разбора всего спектра проблем, которыми Собор занимался. Исследователь считает, что Собор упрочил «с большим трудом утверждавшиеся» в «страшное время революционного лихолетья» принципы соборности [3, с. 560]. При этом, по мнению ученого, «и патриарх, и члены высшего церковного управления чувствовали свою ответственность за будущее соборно управлявшейся Церкви», не пытаясь сосредоточить в своих руках всю полноту церковной власти [3, с. 561].

Монография Е. В. Беляковой о церковном суде, также вошедшая в данную серию, носит преимущественно описательно-фактографический характер. Обильно насыщенная цитатами из документов, она слабо отражает авторский взгляд на значение Собора 1917–1918 гг. и проблему формирования в России института церковного суда [4].

Четвертой книгой серии стала фундированная работа о реформах епархиального управле-

ния [5]. Она принадлежит перу игумена (ныне епископа) Саввы (Тутунова), который подошел к предмету своего исследования с критически-консервативных позиций. Автор настоящей статьи уже высказывал в специальной рецензии свое мнение относительно этой работы [6]. В дополнение следует отметить некорректность постановки автором исследования ключевого вопроса о возможности отказа в современных условиях от соборной модели, предложенной в 1917–1918 гг. [5, с. 384]. Голословно критикуя демократические принципы управления Церковью, автор проводит параллель между Собором и созданным в 2009 г. Межсоборным присутствием, относя его к якобы «созымаемым для открытого обсуждения актуальных вопросов церковной жизни» форумам [5, с. 385]. Однако бюрократические принципы формирования Межсоборного присутствия не имели ничего общего со свободным и подлинно народным характером формирования Собора в 1917 г.

Следующая книга серии филолога А. Г. Кравецкого [7] до настоящего момента, по нашему мнению, остается лучшим трудом по миссионерским проблемам в русле работы Собора и предсоборных органов [8].

Завершила серию в 2021 г. фундаментальная, глубокая по содержанию и большая по объему (1000 с.) монография по приходскому вопросу, подготовленная доктором исторических наук А. Л. Бегловым [9], в которой представлены сюжеты, относящиеся к послеимперскому периоду, посвященные полутора годам работы Собора. Рассмотрению приходского вопроса на пленарных заседаниях Собора и на заседаниях соборного отдела «О благоустройении прихода» посвящен третий параграф гл. 4 монографии. В принятых Собором документах по этому кругу вопросов церковно-общественной жизни исследователь прослеживает «определенную консервативность в сравнении с предшествовавшими проектами» [9, с. 860].

Важнейшим центром изучения Поместного Собора 1917–1918 гг. за последние 25 лет стал Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (ранее – богословский институт). Еще в 1994 г. в его стенах был подготовлен и издан сборник «Акты Святейшего Патриарха Тихона...» [10] – в серии «Материалы по истории Русской Православной Церкви» (в этой серии потом будет издана еще не одна книга, связанная с наследием членов Собора). Сборник, составленный М. Е. Губониным еще в советский период, открывается выдержками из ряда решений и постановлений Собора.

В 2002 г. в Издательстве Свято-Тихоновского института вышел составленный Е. В. Русол сборник «Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 года о церковном пении», посвященный дискуссиям Собора о церковном пении [11]. В него в основном были включены

материалы соборного подотдела «О церковном пении и чтении» и протоколы отдела «О богослужении, проповедничестве и храме», а также материалы совместных заседаний соборян с членами наблюдательного совета Московского синодального училища церковного пения. Во вступительной статье, написанной публикатором, даны общие сведения о подготовке и проведении Собора, а также более подробные данные о составе и ходе работ его профильных структур. Специально проанализированы обсуждавшиеся на Соборе проблемы музыкального сопровождения богослужения.

В последующие годы большую работу по изучению материалов Собора проводила научная сотрудница ПСТГУ Н. А. Кривошеева. В частности, ею был составлен вышедший в 2009 г. в той же документальной серии, что и «Акты...», сборник «Дело великого строительства церковного» [12] включавший воспоминания соборян, ранее публиковавшиеся (за исключением мемуаров протопресвитера Шавельского) в других изданиях, а также (в нарушение заявленного мемуарного принципа) некоторые официальные тексты самого Собора. Сборник имеет скорее просветительское значение, решает задачи распространения эпистолярно-мемуарного наследия соборян. Во вступлении к нему был дан обзор публикуемых воспоминаний, но серьезных исследовательских выводов об отражении Собора в мемуарном наследии не было сделано. Научно-справочный аппарат носит примитивно-дидактический характер (например, содержит пояснения о том, что Петр I – первый российский император, а Пушкин Александр Сергеевич – русский поэт). Во вклейках книги впервые полностью опубликованы эскизы портретов, сделанные В. Богдановичем во время соборных заседаний, а также нагрудного знака Братства Всероссийского Церковного Собора и соборной хоругви членов Собора, что повышает ценность сборника.

Н. А. Кривошеевой спустя 3 года также был подготовлен сборник соборных документов о гонениях на Церковь «Приспело время подвига» (материалы соборной Комиссии о гонениях, послания Собора, касавшиеся преследования православных верующих фрагменты стенограмм соборных заседаний, письма и рапорты, поступившие в связи с этим на Собор) [13]. Публикуемые впервые материалы извлечены из соборного фонда ГАРФ и из следственного дела Патриарха Тихона (ЦА ФСБ). Во вступительной статье составитель излагает общеизвестную предысторию Собора, в частности приводит сведения о работе Предсоборного совета и открытии Собора, о структуре и принципах работы соборных органов, о событиях в стране 1917–1918 гг., касавшихся Церкви, о восстановлении патриаршества и выборах Патриарха. Особое внимание

в статье уделено соборным заседаниям 1918 г., связанным с поминовением погибших соборян и иных служителей Церкви, а также контактам высшей церковной власти с большевиками (в частности, работе соборной Делегации по сношению с большевистскими властями).

Характеризуя Собор, исследователь отмечает, что он «не исчерпал своей программы», что «были намечены меры, необходимые для существования Церкви в условиях невероятных гонений», наконец, что «самым главным решением Собора было решение о восстановлении Патриаршества и создание органов Высшего Церковного Управления. Избранный Собором Патриарх для миллионов верующих стал символом истинной Церкви, а его голос воспринимался как голос ее самой» [13, с. 79–80]. Археографический уровень основного, документального, блока книги следует оценить как невысокий. Некоторые данные о документах опущены, встречается разноречивая в правилах передачи орфографических особенностей источника. Все это снижает научный уровень издания. Данный недостаток не удалось преодолеть составителям и в новом, расширенном сборнике с материалами Комиссии о гонениях (составители Н. А. Кривошеева и К. В. Ковырзин), изданном спустя 10 лет под видом т. 25 научно-академического многотомника с материалами Собора [13]. Безусловным шагом вперед в этом отношении является издание дневника наиболее часто председательствовавшего на Соборе кандидата в патриархи митрополита Арсения (Стадницкого), также осуществленное Н. А. Кривошеевой в 2018 г. [15].

Участовавший в составлении приведенных выше сборников диакон К. А. Семенов (также из ПСТГУ) опубликовал ряд работ, посвященных источниковедческому анализу деяний Собора. В частности, исследователь рассматривает проблему издания документов закрытых соборных заседаний [15], но не дает оценки. По его мнению, будущим историкам «исследование материалов закрытых заседаний позволит более точно определить позицию Священного Собора и отдельных его членов по вопросам церковно-государственных отношений» [16, с. 28]. Но как это сделать? Еще в одной своей статье К. А. Семенов анализирует отложившийся в соборном архиве отчет о работе Собора, составленный соборной канцелярией [17].

Кроме публикаторов указанных сборников и авторов статей, свой вклад в изучение Собора внесли и другие ученые, ассоциированные с ПСТГУ. Так, К. В. Ковырзин уже более 15 лет занимается вопросами церковно-государственных отношений начала XX в. и правового статуса духовенства [18]. Ученый считает, что «предложенная Собором модель церковно-государственных отношений представляла собой компромиссный вариант между полным, радикальным отделением Церкви от государства

и прежней государственной церковностью эпохи Российской империи» [18, с. 80], а в рамках этого компромисса Собором последовательно отстаивался особый публично-правовой статус духовенства в государстве [19, с. 176].

Неоднократно в своих работах касался вопросов высшего церковного управления и иерархической преемственности 1920–1930-х гг., так или иначе связанных с Собором, научный сотрудник ПСТГУ иерей Александр Мазырин. В частности, ученый весьма подробно разбирает заложенный Собором завещательный механизм передачи патриарших полномочий [20]. Вопросы высшего духовного образования, рассматривавшиеся на Соборе, исследуются Н. Ю. Суховой [21, 22] Учеными дамами из ПСТГУ также изучались: Т. И. Шевченко – финляндский [23], а А. В. Вишиванюк – украинский церковный вопрос в свете соборных дискуссий [24].

Важно отметить то обстоятельство, что к юбилейным датам ПСТГУ организовывал специальные конференции, посвященные Собору и восстановлению Патриаршества. Так, 19–20 ноября 2007 г. прошла конференция, посвященная 90-летию этого события. По ее материалам был напечатан сборник докладов [25]. В докладе П. Г. Рогозного говорилось о работе Судной комиссии Собора и об отношении соборян к политике Временного правительства [25, с. 58–63]. Е. В. Белякова показала предысторию разработки положений, которые легли в основу соборного определения «О правовом положении Православной Российской Церкви» [25, с. 64–74]. Интерес участников конференции не мог не вызвать доклад священника И. В. Соловьева, указавшего на звучавшие на Соборе мнения за и против восстановления сана Патриарха, настаивая на том, что противники патриаршества не являлись «предтечами» обновленцев советского времени [25, с. 107–117]. М. В. Шкаровский проанализировал церковную жизнь Петрограда в период работы Собора [25, с. 140–157].

В рамках ежегодных конференций, проводимых ПСТГУ, неоднократно заявлялись и обсуждались темы, связанные с Собором, но следующая специальная конференция по соборной тематике была проведена лишь через 10 лет (в ноябре 2017 г.) и приурочена к 100-летию Собора. По ее итогам в 2018 г. был выпущен сборник материалов [26], из числа которых следует отметить несколько обстоятельных исследований. Так, в докладе петербургского историка А. В. Соколова рассмотрен процесс передачи власти от прежнего Святейшего Синода к новым соборным структурам. Автор делает обоснованные, на наш взгляд, выводы о том, что эта передача была «глобальной переменой: а именно происходил демонтаж старой системы государственно-церковных отношений, установленных Духовным регламентом Петра I». Им же сделано заключение, согласно которому «Собор хоть

и принял решение о введении в действие новых органов..., но не он упразднил Святейший Синод. Последний... сам постановил о своей ликвидации...» [26, с. 143–161].

В докладе Г. М. Запальского затронут женский вопрос в связи с Собором, в частности изменения в статусе женского монашества [26, с. 234–239]. Новаторство исследовательского текста И. Н. Смоляковой – в представлении впервые в историографии авторской типологизации соборных комиссий [26, с. 279–287]. Она выделяет «комиссии-помощники», «комиссии-составители», «комиссии-разработчики», «комиссии-делегации» [26, с. 280–283]. Однако с отнесением к первой категории и вообще к комиссиям совещаний при Соборном Совете вряд ли можно согласиться: совещания были отдельным типом образований внутри соборной структуры, как, впрочем, и соборные делегации (являющиеся именно *делегациями*, т. е. особым типом утвержденных Собором его структурных подразделений, а не комиссий).

В докладе священника А. В. Мазырина рассмотрен вопрос о попытках и возможности провести Всероссийский Собор в 1920–1930-е гг. [26, с. 336–355]. Исследователь делает заключение о том, что «пример Поместного Собора 1917–1918 гг. оставался весьма вдохновляющим, и даже последовавшие за ним позорные лжесоборы обновленцев затмить его не могли» [26, с. 354]. Наконец, в докладе ответственного редактора сборника Д. П. Анашкина затронута проблема рецепции принятого Собором 1917–1918 гг. приходского устава 1918 г. [26, с. 356–366].

Бесспорно, университет святого Патриарха Тихона за четверть века стал важнейшим центром изучения Собора. Другим центром изучения и публикации документов Собора призван был стать Новоспасский ставропигиальный мужской монастырь в г. Москве, а точнее действовавшая при нем рабочая группа по изданию соборных документов. По инициативе священника И. Соловьева и автора настоящей статьи монастырь начал полное академическое издание документов Собора. Мною был сформирован квалифицированный научный коллектив, привлечены основные ученые силы, ранее занимавшиеся так или иначе Собором. Было издано 9 томов соборных документов в 10 книгах. Концепция, выработанная нами, до сих пор в нарушение авторского права используемая монастырем, предусматривала выход 36 томов, из которых 27 – это именно документы самого Собора, остальное – материалы о нем и о его членах. Исследовательская идея и задача проекта состояла не только в публикации документа, в правильной археографической передаче его, но и в помещении к каждому тому подробной вступительной статьи.

Однако в 2018 г. научный коллектив проекта, создававшийся с 2011 г., был волонтеристским методом упразднен, перестала реализовываться

идея через обстоятельные вступительные статьи раскрыть значение работы Собора во всех сферах церковной жизни. Качество всех выпущенных с 2019 г. томов этого издания значительно снизилось. Новый коллектив составителей сборников документов Собора под руководством священника И. Соловьева не вполне, по нашему мнению, справился с поставленной задачей.

Научное сопровождение официального юбилея Собора и восстановления патриаршества в 2017–2018 гг. осуществлял «Журнал Московской Патриархии» (ЖМП), утративший интерес к теме по завершении юбилея. В официальных публикациях оценка Собора сводилась в основном к подчеркиванию «великого значения» восстановления патриаршества [27]. В то же время на страницах журнала появился и ряд исследовательских статей, раскрывавших разные стороны истории Собора и его времени [28].

Юбилейную волну осенью 2017 г. подхватили Российский государственный архив социально-политической истории и издательство РОССПЭН под руководством А. К. Сорокина. 10 октября 2017 г. в стенах архива прошла небольшая конференция, посвященная 100-летию начала соборных работ и восстановления патриаршества, а также открылась выставка. По результатам работы конференции издательством РОССПЭН был выпущен сборник ее трудов [29]. К сожалению, значительная часть докладов явилась повторением прежде уже представленных в историографии наблюдений их авторов. Новизной отличаются доклады К. В. Ковырзина и совместный Л. А. Лыковой и А. В. Суханова

Юбилей 2017 г., дав определенный импульс появлению отдельных тематических работ, в последующие годы расширил историографию проблемы: Собором затрагиваются вопросы церковного суда, церковного хозяйства и страхования, церковно-приходских школ, церковной миссии. Предпринимались попытки исследования таких тем, как подготовка к Собору, выборы Собора, личный состав Собора, реакция Собора на казнь бывшего императора.

Сейчас основная инициатива исследования Собора – за отдельными исследователями, к сожалению, почти никем уже не объединяемыми. Поэтому стоит сказать несколько слов еще о некоторых из них – о чьих работах выше не было сказано или было сказано недостаточно.

Несколько раз уже упоминавшийся священник И. Соловьев как исследователь касался темы патриаршества, а также принципов соборности, которые разрабатывались Собором. В своем недавнем труде он указывает на «безусловный авторитет Собора», основанный «прежде всего на том, что в его работе приняла участие вся полнота Церкви: епископы, клирики и миряне» [30, с. 112]. В работе о. Илья вступает в полемику с исследователями ПСТГУ. Созданная Собором система управления, по его мнению (в отличие

от мнения «свято-тихоновцев»), не помогла Русской Церкви выстоять в годы гонений, а решения Собора «практически не были воплощены» [30, с. 117]. Это дало ему основание довольно категорично называть Собор 1917–1918 гг. «Собором обреченных». Спорным для него представляется и утверждение о том, что восстановление института патриаршества было «главным наследием Собора» [30, с. 116]. Рассматривать патриаршество вне созданной Собором системы церковного управления «значит отойти от духа и смысла соборных решений, а такой подход сделает невозможной объективную, исторически взвешенную оценку его работы» [30, с. 116]. С таким мнением исследователя следует согласиться. Оно вполне подтверждается источниками, прежде всего, соборными стенограммами и рефлексией самих соборян над проделанной ими работой. Также о. Илья разбирает аргументы сторонников и противников патриаршества [31].

Петербургский исследователь А. Н. Кашеваров не мог обойти основной ход событий Собора, изучая церковно-государственные отношения в России в 1917–1922 гг. В гл. 2 его монографии, посвященной периоду ноября 1917 – сентября 1918 гг. он неоднократно обращается к действиям и позиции соборян [32, с. 66–168]. Другой ученый из северной столицы А. В. Соколов в своей докторской диссертации, также изданной в виде монографии [33], выводит схожий набор проблем на более высокий уровень источниковой и аналитической проработки, прослеживая судьбу Святейшего Синода как ведомства православного исповедания, касаясь при этом и реформы церковного управления, осуществляемой Собором.

В последние годы внимание ученых привлекла проблема взаимодействия со старообрядчеством и институционализации единоверия в рамках работы Собора 1917–1918 гг. Например, Д. С. Ермакова изложила фактическую сторону учреждения на Собрании единоверческого епископата [34]. Кроме нее, старообрядческого вопроса на Собрании ранее касалась Е. В. Белякова [35], а вопрос о единоверческом епископате разбирался также священником Павлом Бочковым [36]. В целом тема дискуссий и решений Собора по этому вопросу остается недостаточно изученной.

Смежной с темой «большого» Собора 1917–1918 гг. является и тема региональных Соборов эпохи Гражданской войны и территориально-разделения бывшей Российской империи. Эти Соборы историко-генетически, канонически и богословски были связаны с Поместным Собором, во время работы ссылались на его решения. Первым по хронологии в их ряду стоит Всеукраинский Собор 1918 г. Наиболее фундаментальной работой стала монография украинского исследователя А. В. Стародуба, в которой широко представлена источниковедческая база изучения всех трех сессий киевского Собора

[37]. Аналогов такого труда в российской историографии не имеется. В книге Стародуба был дан анализ предшествующей историографии темы, проанализированы имевшиеся в литературе оценки Собора, приведены сведения о местах хранения документов Собора, а также выяснено, каким образом они отложились именно в этих архивохранилищах (часто лишь предположительно). Отдельный параграф посвящен подготовке созыва Собора и документам тех органов, которые этим созывом занимались. Предлагается решение научной проблемы утраты документов первой сессии Всеукраинского собора, сопоставляются сохранившиеся экземпляры протоколов второй и третьей сессий Собора. Лаконично рассмотрен довольно сложный вопрос о личном составе Собора и ряд других вопросов. Проблемы, обсуждавшиеся Всеукраинским Собором, в монографии не изучаются, хотя в приложении публикуются важнейшие соборные постановления и их перечни.

В формате энциклопедической статьи основной ход работ Всеукраинского Собора еще до появления труда А. В. Стародуба был рассмотрен российским историком В. И. Петрушко [38]. Уделено внимание предыстории созыва Собора, проанализированы позиции различных участников, происходивших в Киеве 1918 г. диалога и ожесточенных баталий по церковным вопросам. Автором сделаны выводы о незавершенности Собора, о неблагоприятном влиянии политических событий в украинских пределах на его скомканную концовку [38, с. 704].

Дошедшие до нас документы Всеукраинского Собора единым документальным сборником все еще не опубликованы. Российским издательством «Спасское дело» в 2019 г. выпущен сборник ключевых дискуссий Всероссийского Собора и отдельных документов Всеукраинского Собора 1918 г. по украинскому церковному вопросу [39], а в настоящий момент готовится и академическое издание сохранившихся в киевских архивах, Архиве Польской Православной Церкви, ГАРФ и РГИА материалов Всеукраинского Собора 1918 г.

В целом можно констатировать, что Всеукраинский Собор 1918 г. остается в историографии недоисследованным. Опыт обсуждения, имевший место более столетия назад, по непонятным причинам не востребован в дискуссиях вокруг статуса Украинской Церкви, введущихся в наше время, и преодолении канонических разделений в ней. В исторических исследованиях до сих пор на недостаточном уровне проведена тесная типологическая связь между Всероссийским Поместным Собором и Всеукраинским Собором, с одной стороны, а также между Всеукраинским Собором 1918 г. и Харьковским Архиерейским Собором 1992 г. – с другой.

Современные взгляды на попытки решения украинского церковного вопроса в 1918 г.

во многом восходят к очевидцам событий. Характерно, что данные участником событий министром исповеданий правительства гетмана Павла Скоропадского В. В. Зеньковским оценки отдельных проектов и решений Всеукраинского Собора, в частности автономизации, консисторской реформы, реформы языка, до сих пор актуальны [40]. Высказанный еще митрополитом (в то время – архимандритом) Вениамином (Федченковым) тезис о политизированности всех трех сессий Всеукраинского Собора не получил также должного развития в историографии, не подкреплен достаточным количеством источников [41].

Вторым по хронологии был Сибирский Собор (Сибирское, или Томское, Соборное совещание) 1918 г. Весь комплекс его документов, вероятнее всего и по догадке большинства изучающих его авторов, погиб, во время эвакуации 1919 г. История проведения данного Собора и судьба его документального наследия затронуты в диссертации и вышедшей по итогам ее защиты монографии омского ученого протоиерея Димитрия Олихова [42]. Разобрав ход событий, связанных с организацией и проведением Томского Соборного совещания, историк пришел к выводу, что оно стало правопреемником Поместного Собора, «проводником его постановлений в церковную жизнь», развивая «многие вопросы, поднятые на поместном соборе», руководствуясь «стремлением к тому, чтобы обеспечить стабильное функционирование церкви в сложившихся условиях» [42, с. 51]. Позже его усилиями было осуществлено академическое издание-реконструкция комплекса сохранившихся материалов Сибирского Собора [43].

Кроме протоиерея Д. Олихова, так или иначе обстоятельства проведения регионального Собора в Сибири в формате журнальных статей исследовали новосибирский историк В. В. Журавлев [44], а также выпускник Новосибирской семинарии Н. Э. Двинянинов [45]. Последний разобрал предпосылки, ход событий и результаты Сибирского Собора с предельной обстоятельностью. Подробно цитированы сохранившиеся тексты соборных решений. Выводы автора при этом очень скромны и не выходят за рамки констатации того, что «созыв... совещания был очень своевременным и необходимым делом» и что усилия сибирских соборян «дали определенные результаты» [45, с. 199]. Омский исследователь А. В. Сушко в полемике (отчасти кажущейся нам искусственной) с протоиереем Д. Олиховым замечает, что «обозначившаяся в Томске альтернатива модернизации церковно-приходской жизни... осталась нереализованной» [46, с. 138].

Третьим по хронологии региональным Собором в годы Гражданской войны стал Южно-русский (Юго-Восточный, Ставропольский) Собор 1919 г. Он состоялся в 1919 г. в г. Ставрополе-

Кавказском. Дела с его подлинными документами могла бы постигнуть судьба документов первой сессии Украинского Собора или Сибирского Собора, однако они уцелели и на рубеже 1920–1930-х гг. оказались в распоряжении организатора Центрального антирелигиозного музея в Москве Б. П. Кандидова. На их основании он выпустил небольшую книжку «Церковно-белогвардейский собор в Ставрополе в мае 1919 г.» [47] С тех пор всерьез Собором никто не занимался до священника Н. Крячко, который в двух публикациях 2008 и 2012 гг. в «Вестнике церковной истории» представил ключевые протокольные материалы, связанные с Собором [48, 49]. Чуть позже задачу представить полный комплекс документов Собора поставила ростовская исследовательница Ю. А. Бирюкова. Опубликованный ею в 2018 г. сборник снабжен обстоятельной вступительной статьей, комментариями и необходимым справочным аппаратом [50]. Она представила палитру имеющихся в историографии мнений относительно самого собора и его типологическую связь со всероссийским [49, с. 42–48]. При оценке значения Сибирского Собора Ю. А. Бирюкова делает, на наш взгляд, взвешенный вывод: «Позиция Собора – это независимая позиция, не политическая, а религиозно-нравственная. Осуждение большевизма для него было не политической борьбой, а миссионерской деятельностью» [50, с. 48].

Наиболее поздней попыткой регионального развития церковного устройства на принципах, заложенных Всероссийским Поместным Собором стали на исходе Гражданской войны Дальневосточное епископское совещание и подготовка к Дальневосточному Собору в 1922 г. Эта тема исследована историком С. Н. Бакониной [51, 52]. Как отмечает исследователь, епископское совещание 13–14 сентября 1922 г., состоявшееся в Никольске-Уссурийском, следует считать предсоборным. На Дальневосточный Собор делегаты не успели собраться из-за занятия Приморья красными войсками [52, с. 7].

Как видно, у каждого из региональных Соборов эпохи Гражданской войны есть свой ключевой исследователь (или группа исследователей). При этом работы, в которых в целом рассматривался бы феномен региональных Соборов как продолжателей традиций соборности, заложенной Великим Московским Собором 1917–1918 гг., отсутствуют, хотя такая когнитивно-аналитическая задача является, на наш взгляд, насущной и давно назревшей.

Подводя итоги, следует выделить следующие характерные черты современной российской историографии Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 гг. (как и региональных соборов эпохи Гражданской войны): институциональную раздробленность исследователей (за исключением ассоциированных с ПСТГУ), отсутствие продуманных, теоретически и аналитически обос-

нованных концепций и выводов о роли Собора в истории Церкви и российского общества, стереотипность, бесконечное повторение одних и тех же тезисов, выводов и суждений, не вносящих ничего нового в историческую науку. Попытки преодолеть такое положение вещей имели место, в частности в связи с академическим изданием сборных документов в Новоспасском монастыре в 2011–2018 гг., но они не были развиты. Тиражирование банальных штампов оказалось гораздо выгоднее для заказчиков исследований, чем новый и научно объективированный взгляд на столь масштабное явление, как Поместный Собор. Все это ставит актуальные задачи дальнейшего изучения проблемы.

Список литературы

1. Священный Собор Православной Российской Церкви, 1917–1918 гг. : обзор деяний / сост. А. Г. Кравецкий и Гюнтер Шульц ; под общ. ред. Гюнтера Шульца. М. : Крутицкое патриаршее подворье ; О-во любителей церковной истории, 2002. Первая сессия 2002 – 449 с. ; Вторая сессия 2001 – 542 с. ; Третья сессия 2000 – 430 с.
2. Балашов Н., протоиерей. На пути к литургическому возрождению. М. : Духовная библиотека, 2001. 507 с.
3. Фирсов С. Л. Русская Церковь накануне перемен (конец 1890-х – 1918 гг.). М. : Духовная библиотека, 2002. 623 с.
4. Белякова Е. В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М. : Духовная библиотека, 2004. 663 с.
5. Савва (Тутунов), игумен. Епархиальные реформы. М. : Духовная библиотека, 2011. 495 с.
6. Мраморнов А. И. Рецензия на книгу: Савва (Тутунов), игумен. Епархиальные реформы // Российская история. 2013. № 4. С. 190–192.
7. Кравецкий А. Г. Церковная миссия в эпоху перемен (между проповедью и диалогом). М. : Духовная библиотека, 2012. 711 с.
8. Мраморнов А. И. Энциклопедия истории миссии // Журнал Московской Патриархии (далее – ЖМП). 2013. № 10. С. 99–101.
9. Беллов А. Л. Православный приход на закате Российской империи: состояние, дискуссии, реформы. М. : Индрик, 2021. 1048 с.
10. Акты Святейшего Патриарха Тихона и позднейшие документы о преемстве высшей церковной власти. 1917–1943 / сост. М. Е. Губонин. М. : Издательство Православного Свято-Тихоновского богословского института ; Братство во имя Всемилостивого Спаса, 1994. 1063 с.
11. Поместный Собор Русской Православной Церкви 1917–1918 года о церковном пении: сборник протоколов и докладов / сост. Е. В. Русол. М. : Православный Свято-Тихоновский богословский институт, 2002. 332 с.
12. Дело великого строительства церковного: Воспоминания членов Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов / сост. Н. А. Кривошеева. М. : ПСТГУ, 2009. 767 с.
13. «Приспело время подвига...»: Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о начале гонений на Церковь / сост. Н. А. Кривошеева. М. : ПСТГУ, 2012. 520 с.
14. Документы Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 годов. Т. 25 : Документы Комиссии о гонениях на Православную Церковь и Комиссии о мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. / сост. К. В. Ковырзин, Н. А. Кривошеева ; отв. ред. К. В. Ковырзин. М. : Издательство Новоспасского монастыря, 2022. 558 с.
15. Арсений (Стадницкий), митрополит. Дневник: На Поместный Собор: 1917–1918 / под ред. Н. А. Кривошеевой. М. : ПСТГУ, 2018. 478 с.
16. Семенов К. А. Проблема издания документов закрытых заседаний Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. // Вестник ПСТГУ. История. История Русской Православной Церкви. 2009. № 2 (31). С. 20–28.
17. Семенов К. А. Окончательный отчет о работе Священного Собора 1917–1918 гг. // XXII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета / под ред. протоиерея В. Воробьева. М. : ПСТГУ, 2012. С. 162–164.
18. Ковырзин К. В. Поместный собор 1917–1918 гг. и поиски принципов церковно-государственных отношений после Февральской революции // Отечественная история. 2008. № 4. С. 88–97.
19. Ковырзин К. В. Проблематика правового и имущественного положения православного духовенства в трудах Поместного Собора 1917–1918 гг. // XXIII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета / под ред. протоиерея В. Воробьева. М. : ПСТГУ, 2013. С. 172–176.
20. Мазырин А., священник. Поместный собор 1917–1918 гг. и вопрос о преемстве патриаршей власти в последующий период (до 1945 г.) // Вестник ПСТГУ. История. История Русской Православной Церкви. 2008. № 4 (29). С. 35–51.
21. Сухова Н. Ю. Документы по истории высшего духовного образования в России в фонде Поместного церковного собора 1917–1918 гг. // Отечественные архивы. 2007. № 4. С. 87–96.
22. Сухова Н. Ю. Обсуждение проблем высшего богословского образования на Поместном соборе 1917–1918 гг. // Вестник ПСТГУ. История. История Русской Православной Церкви. 2007. № 4 (25). С. 28–45.
23. Шевченко Т. И. Поместный собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. о положении православных в Финляндии // Вестник ПСТГУ. История. История Русской Православной Церкви. 2011. № 6 (43). С. 85–116.
24. Вишиванюк А. В. Обсуждение Поместным собором РПЦ вопроса о формах высшего церковного управления на Украине в новых политических условиях в 1917–1918 гг. // XXII ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета / под ред. протоиерея В. Воробьева. М. : ПСТГУ, 2012. С. 116–119.
25. 1917-й: Церковь и судьбы России. К 90-летию Поместного Собора и избрания Патриарха Тихона: материалы Международной научной конференции (Москва, 19–20 ноября 2007 г.) / отв. ред. К. В. Ковырзин. М. : ПСТГУ, 2008. 231 с.

26. Собор и соборность: К столетию начала новой эпохи / отв. ред. А. В. Анашкин. М. : ПСТГУ, 2018. 366 с.
27. Поместный Собор 1917–1918 годов – важнейшая веха в истории Русского Православия. Патриаршее послание // ЖМП. 2017. № 9. С. 14–15.
28. Меньшов Н., Мраморнов А. Ни звука, ни видео. Священный собор 1917–1918 гг. в изобразительных источниках // ЖМП. 2017. № 5. С. 56–63.
29. Восстановление Патриаршества. К 100-летию начала работы Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов: сборник материалов научной конференции // Российский государственный архив социально-политической истории (10 октября 2017 г.) / отв. ред. А. К. Сорокин. М. : РОССПЭН, 2018. 79 с.
30. Соловьев Илья, священник. Воплощение идеи соборности в деятельности Всероссийского Поместного собора 1917–1918 годов // Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института. 2018. № 26. С. 111–129.
31. Соловьёв Илья, священник. Всероссийский Поместный Собор 1917/18 годов. Взгляд через столетие // Христианос. Альманах. Рига : ФиАМ, 2017. Т. XXVI. С. 11–23.
32. Кашеваров А. Н. Православная Российская Церковь и Советское государство (1917–1922). М. : Общество любителей церковной истории, 2005. 437 с.
33. Соколов А. В. Государство и Православная церковь в России в феврале 1917 – январе 1918 годов. СПб. : Д.А.Р.К., 2015. 660 с.
34. Ермакова Д. С. Единоверческий вопрос на Поместном Соборе Русской Православной Церкви в 1917–1918 гг. // Религиоведение. 2010. № 3. С. 27–37.
35. Белякова Е. В. Старообрядческий вопрос на Поместном Соборе 1917–1918 гг. // Старообрядчество в России (XVII–XX века). М. : Языки славянской культуры, 2010. Вып. 4. С. 145–158.
36. Бочков Павел, священник. Поместный Собор 1917–1918 гг. в деле обретения единоверцами своего епископата // Христианос. Альманах. Рига : ФиАМ, 2017. Т. XXVI. С. 81–89.
37. Стародуб А. Всеукраїнський Православний Церковний Собор 1918 року: оглядджерел. Київ: б/в, 2010. 235 с.
38. Петрушко В. И. Всеукраинский Православный Церковный Собор 1918 г. // Православная энциклопедия / гл. ред. Патриарх Московский и всея Руси Алексий II. М. : Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2005. Т. 9. С. 695–704.
39. Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. и Всеукраинский Собор 1918 г. об украинском церковном вопросе / под ред. А. И. Мраморнова. М. : Спасское дело, 2019. 296 с.
40. Зеньковский В. В. Пять месяцев у власти. Воспоминания / под ред. М. А. Колерова. М. : Regnum, 2011. 648 с.
41. Просветов Р. Участие архимандрита Вениамина (Федченкова) в Поместном Соборе Российской Православной Церкви (1917–1918). Ч. 2 // Богослов.Ru. Научный богословский портал. URL: <https://bogoslov.ru/article/6166936> (дата обращения: 30.10.2022).
42. Олихов Д. В. Временное Высшее Церковное Управление Сибири (1918–1920 гг.). Опыт церковного строительства в эпоху гражданского лихолетья. СПб. : Сатис, 2017. 222 с.
43. Сибирское соборное совещание 1918 года / отв. ред. протоиерей Д. В. Олихов. М. : Спасское дело, 2020. 224 с.
44. Журавлёв В. Сибирский Церковный Собор 1918 года // Живоносный источник (Новосибирск). 2009. № 1 (1). URL: <http://www.orthedu.ru/kraeved/hist-docs/510-09.html> (дата обращения: 30.10.2022) ; 2010. № 1 (2). URL: <http://www.orthedu.ru/kraeved/hist-docs/2084-sibirskij-cerkovnyj-sobor-1918-goda.html> (дата обращения: 30.10.2022) ; 2010. № 2 (3). URL: <http://www.orthedu.ru/kraeved/hist-docs/2998-11.html> (дата обращения: 30.10.2022) ; 2011. № 1 (4). URL: <http://www.orthedu.ru/kraeved/hist-docs/3589-vadim-zhuravlyov-sibirskij-cerkovnyj-sobor-1918.html> (дата обращения: 30.10.2022).
45. Двинынинов Н. Э. Сибирское соборное церковное совещание 1918 года // Богословский сборник / гл. ред. митрополит Новосибирский и Бердский Тихон. Новосибирск : Новосибирская православная духовная семинария, 2015. Вып. 10. С. 171–199.
46. Сушко А. В. К вопросу об альтернативах развития Русской Православной церкви в Белой Сибири (в связи с Сибирским соборным совещанием и созданием ВВЦУ Сибири) // Великая Российская революция 1917 г.: методология, источники, историография: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Д. П. Самородова [и др.]. Стерлитамак : Издательство БашГУ, 2017. С. 134–139.
47. Церковно-белогвардейский собор в Ставрополе в мае 1919 г. М. : Московский рабочий, 1930. 96 с.
48. Крячко Н. Н., священник. Архив Юго-Восточного русского церковного собора 1919 г. как источник по истории Русской православной церкви периода Гражданской войны // Вестник церковной истории. 2012. № 1–2 (25–26). С. 158–216
49. Крячко Н. Н., священник. Учреждение Временного Высшего церковного управления на Юго-Востоке России в 1919 году // Вестник церковной истории. 2008. № 1 (9). С. 5–55.
50. Юго-Восточный Русский Церковный Собор 1919 года: сборник документов / под ред. Ю. А. Бирюковой. М. : Издательство Новоспасского монастыря, 2018. 372 с.
51. Баконина С. Н. Церковная жизнь русской эмиграции на Дальнем Востоке в 1920–1931 гг. На материалах Харбинской епархии. М. : ПСТГУ, 2014. 391 с.
52. Баконина С. Н. Русская Православная Церковь на Дальнем Востоке. Организация церковного управления за границей в 1921–1922 гг. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы 2-й Международной научно-практической конференции / отв. ред. Д. В. Буяров. Благовещенск: Благовещенский государственный педагогический университет, 2012. С. 3–8.

Поступила в редакцию 09.11.2022; одобрена после рецензирования 17.11.2022; принята к публикации 20.01.2023
 The article was submitted 09.11.2022; approved after reviewing 17.11.2022; accepted for publication 20.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 182–188
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 182–188
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-182-188>, EDN: TXJZSU

Научная статья
УДК [355.48:358.236](470.45)|1942/1943|:930.2

Проблемы применения историко-антропологического и микроисторического подходов на примере реконструкции подвигов связистов в Сталинградской битве

М. А. Стрельников

Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, пр. Университетский, д. 100

Стрельников Максим Александрович, аспирант, мл. научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории пространственного анализа данных, исторической реконструкции и моделирования, sash123450@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8371-8127>, Aurhor ID: 1080376

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы применения историко-антропологического и микроисторического подходов на примере подвигов связистов в Сталинградской битве. Данная статья является продолжением авторских изысканий. В настоящем исследовании более подробно рассмотрен вопрос указанного типа подвига. Выявлены и скорректированы неверные варианты в историографии датировок или географических указаний мест героических поступков связистов; подвергнуты критике «мейнстримные» микроисторический и историко-антропологический подходы; установлено, что данные направления плохо разработаны в методологическом плане, их использование имеет границы. Сами подходы не только весьма ограничены, но и не могут быть применимы в качестве самостоятельных типов исследований; подчеркнута актуальность тщательной разработки методологии исторического исследования в современный период.

Ключевые слова: микроистория, историческая антропология, методология истории, Сталинградская битва, М. М. Путилов, самопожертвование, проблематика истории Великой Отечественной войны

Для цитирования: Стрельников М. А. Проблемы применения историко-антропологического и микроисторического подходов на примере реконструкции подвигов связистов в Сталинградской битве // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 182–188. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-182-188>, EDN: TXJZSU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Problems of application of historical-anthropological and microhistorical approaches on the example of reconstruction of the feats of signalers in the Battle of Stalingrad

М. А. Strelnikov

Volgograd State University, 100 Prospect Universitetsky, Volgograd 400062, Russia

Maxim A. Strelnikov, sash123450@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8371-8127>, Aurhor ID: 1080376

Abstract. The article deals with the problems of applying the historical-anthropological and microhistorical approaches on the example of the exploits of signalmen in the Battle of Stalingrad. This article is a continuation of the author's research. In the current study, the question of this type of achievement was considered in more detail. Incorrect variants in the historiography of dating or geographical indications of the places of heroic deeds of signalmen were identified and corrected. Based on these studies, the "mainstream" microhistorical and historical-anthropological approaches have been criticized. It was found that these areas are poorly developed in terms of methodology, their use has limits. The approaches themselves are not only very limited, but also cannot be applied as independent types of research. Once again, the relevance of a thorough development of the methodology of historical research in the modern period was emphasized.

Keywords: microhistory, historical anthropology, methodology of history, Battle of Stalingrad, M. M. Putilov, self-sacrifice, problems of history of the Great Patriotic War

For citation: Strelnikov M. A. Problems of application of historical-anthropological and microhistorical approaches on the example of reconstruction of the feats of signalers in the Battle of Stalingrad. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 182–188 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-182-188>, EDN: TXJZSU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Настоящая статья является продолжением предыдущих исследований автора [1, 2]. Самопожертвование как феномен не может не привлечь исследователей, в том числе историко-антропологического или микроисторического направлений. Актуально данное явление еще и потому, что интерес к нему проявляется и другими направлениями, кроме исторического, например: психологическим, социологическим, философским и культурологическим [3–5]. В период Сталинградской битвы акт самопожертвования совершался много раз: по неполным данным – 73 раза [6, с. 521]. В данной статье был рассмотрен конкретный тип подвига: связист ликвидирует разрыв линии связи и погибает. В рамках исследования было важно установить следующее: место и время подвига, его характер и значение. Удалось проследить применимость вышеуказанных современных популярных подходов исторических исследований.

Прежде чем перейти к рассмотрению историко-антропологического и микроисторического подходов, стоит проанализировать конкретные исторические примеры. Самым известным (и первым по хронологии) является подвиг М. М. Путилова [6, с. 491]. О нем написано много, но даже в научной литературе имеются определенные ошибки [7, с. 189; 8, с. 72; 9, с. 140; 10, с. 170–171].

В единственном описании подвига периода войны нет указания даты и места [11, с. 6]. Однако это можно установить по иным материалам. Так, было выявлено, что подвиг совершен не в районе завода «Баррикады» в октябре 1942 г., а в районе ст. Котлубань 18 сентября [12, 13]. Также не могло этого произойти 25 октября в районе заводского поселка [8, с. 72], поскольку уже с 18 октября бои шли на территории завода [6, с. 63], тем более, если разрыв связи был в районе Мамаева бугра¹.

Далее обратимся к «исследованиям» данного подвига (именно так, поскольку нет упоминаний конкретных изданий. – М. С.) М. Л. Ингора²: его наработки содержатся в письме к директору Волгоградского государственного музея обороны Г. И. Денисову, а затем перепечатывались в различных изданиях [12] (письмо датировано 2 октября 1970 г., однако содержит информацию, что именно наработки М. Л. Ингора служат основой иных публикаций. – М. С.). В тексте письма имеется некое расхождение: согласно материалам М. Л. Ингора у М. М. Путилова есть родственники (брат и тетя), а в списках безвозвратных потерь личного состава частей 308-й стрелковой дивизии указано: «Родственников не имеет» [13]. Однако это можно объяснить тем, что М. М. Путилов 9 августа 1936 г. попал в детский дом [14, с. 3–4].

Теперь стоит перейти непосредственно к вопросу значения подвига: исходя из полученной

информации, можно сделать вывод, согласно которому он был совершен в период наступления частей 1-й гвардейской армии и имел важное значение для действий не только 339-го стрелкового полка, но и всей 308-й стрелковой дивизии, поскольку взятие и удержание высоты 143,8 имело первостепенную задачу, поставленную приказом № 0057/ОП и № 0060/ОП штаба армии [15, 16]. Однако это предварительный вывод по имеющимся документам. Для более точного необходимы следующие материалы: журнал боевых действий 339-го стрелкового полка 308-й стрелковой дивизии, наградной лист М. М. Путилова и иные.

Как уже отмечалось, подвиг М. М. Путилова является самым известным, а потому более менее изученным. Но в Интернете встречается информация и о других, например о В. П. Титаеве [17]. Упоминание его подвига весьма редко – всего в трех работах (выявленных нами. – М. С.) [10, с. 168–169; 18, с. 449; 19, с. 249–250]. Однако все не так просто – имеются определенные проблемы и разночтения. Во-первых, В. П. Титаев воевал в составе 91-го отдельного полка связи 62-й армии [20, 21], а не в составе 284-й стрелковой дивизии [19, с. 249].

Во-вторых, возникают сложности с датировкой подвига – известны 3 даты, упомянутые в материалах ЦА МО РФ: 2 ноября (именной список безвозвратных потерь начальствующего и рядового состава армейских частей связи) [21], 7 ноября (наградной лист В. П. Титаева) [22] и 22 ноября (выписка из 4-го отдела архива Министерства обороны СССР № 42008 от 6 апреля 1967 г.) [20]. Данное расхождение можно объяснить тем, что дата 2 ноября (2.11. – М. С.) могла быть опечаткой, так как в заглавии списка указан период «с 21.11 по 30.11.42 г.» [21]. В то же время нельзя не отметить, что у всех других лиц (5 человек), перечисленных в нем, указаны также даты до 20 ноября, в том числе 12 и 18 ноября, что говорит о невозможности ошибки. Поэтому однозначного ответа нет. Датирование подвига 7 ноября объяснить проще, так как наградной лист был составлен в 1944 г., и дата могла быть изменена в пропагандистских целях к годовщине Октябрьской революции, как было с подвигом А. М. Матросова. Это также косвенно подтверждает версию с датой 2 ноября (2 ноября ближе к 7 ноября, чем 21 ноября. – М. С.), поскольку выписка из архива Министерства обороны СССР – это не сам источник.

В-третьих, имеются сложности и с местом подвига: в историографии, в том числе газетных статьях, упоминается район Мамаева бугра [19, с. 249; 20], в то же время в документах ЦА МО РФ говорится о «районе завода «Красный Октябрь»» [20, 21]. В целом, вероятно, везде имеется в виду одно и то же место – Банный овраг, который протянулся от завода «Красный

Октябрь» до нынешнего Мамаева кургана. Однако в наградном листе на В. П. Титаева указано, что связист должен был ликвидировать разрыв линии связи не с 284-й стрелковой дивизией, а со 138-й Краснознаменной «отрезанной противником» [23]. Это еще раз подтверждает наш довод о том, что дата «7 ноября» не является реальной: главное противоречие – «отрезанность» дивизии, поскольку это произойдет позже – 11 ноября [6, с. 442; 22]. Связь 138-й стрелковой дивизии со штабом 62-й армии также осуществлялась по радиостанции [24].

В-четвертых, самое важное – значение подвига: стоит сразу отметить, что нет разницы, в какой период произошел обрыв кабеля – связь командного пункта дивизии со штабом армии – одно из главных в любом сражении. Как было установлено, событие произошло не 7 ноября. Анализируя обстановку за 2 и 21 ноября [25–38], можно сказать следующее: 2 ноября активных боевых действий не было отмечено, в отличие от 21 ноября, когда части Сталинградского фронта в г. Сталинграде начали вести активные действия и готовились перейти 22 ноября в наступление [29, 31, 33], в том числе и 284-я стрелковая дивизия [30]. Исходя из этого можно заметить, что обрыв линии связи вероятней всего произошел 21 ноября, однако для более полного восстановления события необходима документация 91-го отдельного полка связи и 284-й стрелковой дивизии (журналы боевых действий).

Нельзя не отметить, что рассказ однополчан в «Тамбовской правде» [20] можно поставить под сомнение, поскольку В. Н. Рыбин действительно служил вместе с В. П. Титаевым в 91-м отдельном полку связи, но был телеграфистом, а не линейным надсмотрщиком [39]. Особенно с учетом того, что это пересказ воспоминаний, во-первых, и, во-вторых, более позднего периода – более чем через 23 год после событий.

Кроме М. М. Путилова и В. П. Титаева, есть также упоминания о В. Л. Калашникове [8, с. 72; 17, 40], который выжил. Данный подвиг трудней всего было установить. Во-первых, место, по публикациям в Интернете известно, но в материалах 45-й стрелковой дивизии – нет упоминаний [41–42; 43, с. 41–42].

Во-вторых, дату удалось установить по «Истории боевых действий 178-го артиллерийского полка 45-й стрелковой дивизии» – 6 октября 1942 г. [41], хотя она также вызывает вопросы: данный документ составлялся уже после боевых действий, к тому же это единственное указание даты.

В-третьих, самое сложное – значение подвига: во всех материалах подчеркивается героизм Василия Леонтьевича, что нельзя не отметить. Однако невозможно утверждать однозначно – зажимал ли связист провода телефонного кабеля

зубами или нет. В брошюре «Сто дней в Сталинграде» есть более подробное описание подвига, но там говорится лишь следующее: «Зажав конец провода в зубах, разгребая снег окоченевшими от холода руками, истекая кровью и превозмогая адскую боль, Калашников полз вперед, ища второй конец провода. Через 200 метров Калашников обнаружил провод и соединил концы...» [43, с. 42], однако этого недостаточно, чтобы утверждать о подвиге подвигам В. П. Титаева и М. М. Путилова. Из данного описания следует, что связист держал конец только одного провода в зубах, пока искал второй. Таким образом, это явно не походит на подвиг других упомянутых связистов.

Стоит также отметить, что брошюра «Сто дней в Сталинграде» была напечатана для пропагандистской работы среди военнослужащих дивизии. В данного рода изданиях помещались описания конкретных подвигов, но после должной политико-партийной обработки, порой с идеализацией некоторых моментов. Например, сопоставляя описания из брошюры, наградного листа и «Истории...», можно отметить различия: во втором сообщается достаточно кратко, что под «огнем... восстанавливал связь», но про ранения нет ни слова. Данные о ранениях появились позже³. К тому же формулировка из наградного листа В. Л. Калашникова ничем не отличается от формулировок других связистов, в том числе данного формирования [44]. Также фразы из брошюры о снеге явно противоречат двум другим документам: в начале октября 1942 г. в г. Сталинград снега не было, даже если брать за основу дату составления наградного листа, то 9 ноября 1942 г. снега не было, а температура воздуха составляла +6–8 °С, лишь ночью она опускалась ниже 0 °С [32]. Вообще в начале данного месяца днем фиксировалась плюсовая температура, а из осадков были дожди и слабый снег, т. е. описание из брошюры – это художественный прием.

После приведенных конкретных примеров перейдем к главному вопросу – разбору историко-антропологического и микроисторического подходов. Стоит начать со второго. Однако прежде отметим, что необходимости в приведении всей истории появления данных направлений, их характеристики и т. д. нет⁴, поэтому обратимся сразу непосредственно к проблематике.

Микроистория как самостоятельное направление исторических изысканий в методологическом плане плохо разработана. В свое время об этом писал французский историк Ж. Ревель [45], однако, на наш взгляд, проблема описательности не столь интересна, хотя и не менее сложна, чем проблема репрезентативности объекта исследования.

Обозначенные примеры явно никак не могут быть репрезентативными: отдельный связист не может «олицетворять» всех представителей

данного рода войск, полноценно отражая не только представителей крупных соединений, а тем более объединений, но и даже отдельной части. В этой связи следует сказать о различиях подходов Д. Леви и К. Гинзбурга: первый представляет социальное направление микроанализа, а второй – культурное. Если мы начнем характеризовать данных связистов как представителей ВЛКСМ или какой-то конкретной страны, то будет упущен важный момент – культурная среда: если выходцы Черноземья В. П. Титаев и В. Л. Калашников сравнимы, то сибиряк М. М. Путилов уже нет. Это если не учитывать иных выходцев из других регионов, этносов или конфессий. Также и в обратном порядке: при неучете особенностей социальных страт нельзя говорить обо всех военнослужащих.

Оба эти направления в отдельности будут давать секуляризированный нарратив, поскольку учитывают лишь «социальное» или «культурное», поэтому стоит говорить о «социокультурном», т. е. в связке. Данную взаимосвязь трудно отрицать, что в некоторой степени схоже с идеями С. Черутти [46]. Однако не все так просто.

Во-первых, действительно многие микроисторические исследования смогли проиллюстрировать эпоху в конкретных образах, например, в работе К. Гинзбурга «Сыр и черви». Необходимо отметить, что это логично. Имеется в виду, что в каждом субъекте будет отражена та или иная социокультурная среда, в которой он формируется. Однако этот «отпечаток» должен быть общим для многих, т. е. «типичным». Таким образом, микроистория может лишь описывать «типичное», чтобы быть связанной с мезо- и макроуровнем. В иных случаях это будет «другим» в том смысле, что не будет отвечать общеисторическому нарративу, а не в том, в котором писал Ж. Ревель [45, с. 118].

Во-вторых, говоря о «типичном» нельзя не отметить, что оно формирует субъект, выступая в качестве его основы – базиса, но этим он, субъект, не ограничивается. Есть еще личностные особенности, т. е. «уникальное», именно этим микроанализ пренебрегает. В этой связи интересен «казус» Ю. А. Бессмертного [47] – учет стереотипного и уникального одновременно. Однако историк не учитывает «уникального», о чем следовало бы говорить. Все это отражает еще одну проблему, о которой пойдет речь ниже.

Если вновь вернуться к главной мысли, то выходит, что исследование микроуровня возможно, но при определенных условиях. Необходимо учитывать как общие тенденции «типичного», так и набор «уникального». Причем, на наш взгляд, это должно быть не просто сравнение, а именно выяснение, что превалирует в субъекте. Только после этого можно завершать исследование, если установлено, что превалирует первое. Данная процедура возможна лишь в том случае,

если известно «типичное», т. е. мезо- или макроуровень. Таким образом, микроанализ выступает в качестве их верификации, что, например, отмечалось А. А. Макушевым [48]. В этой связи говорить о микроистории как отдельном методологическом подходе не приходится. В свое время Л. Н. Гумилев отмечал в качестве плюса микроанализа «взгляд из мышиной норы» [49, с. 250], однако сейчас можно отметить, что это его минус.

Возвращаясь к исследуемым субъектам, нельзя не отметить, что по имеющимся данным можно утверждать: связисты никак не осознавали какую-то исключительность своих действий. Эта исключительность будет подчеркнута в рамках коммеморативной практики. Однако данная констатация гипотетична, поскольку не было проведено историко-психологического исследования. На этом стоит остановиться подробнее в рамках разбора следующего – историко-антропологического подхода.

Сама по себе историческая антропология была привнесена в российскую науку из американо-европейской. Там под антропологией понимается не конкретная, биологическая по своей сути, дисциплина, как в России⁵, а социально-гуманитарное знание, что вполне отвечает духу междисциплинарности. Данное расхождение отечественной и зарубежной систем представляет собой серьезную проблему. Однако в рамках настоящего исследования нет возможности подробно остановиться на этом, поэтому мы разберем один весьма важный аспект.

Так же, как и микроанализ, историко-антропологический подход методологически не разработан. Например, отмечается пренебрежение критикой источника [50, с. 12]. Однако, на наш взгляд, серьезной проблемой выступает психологическая составляющая подхода: задача подобных исследований состоит в выявлении мотивов и целей субъекта, его ментальных норм [51, с. 133]. Это возможно лишь при привлечении теории и методологии психологической науки. Однако этого не происходит.

На примере М. М. Путилова и В. П. Титаева невозможно установить истинные мотивы их действий, с точки зрения психологии личности, поскольку они сами уже не могут об этом рассказать и не оставили эго-свидетельства (письма или мемуары), эти материалы используются, например, при проведении посмертной судебно-психологической экспертизы [52, с. 49]. В этой связи реконструкция носит чисто исторический характер, когда заявляется, что военнослужащие исходили из своей обязанности по исполнению приказа. Поэтому говорить о проведении некоего историко-антропологического исследования не приходится.

Все это свидетельствует о том, что методологически рассматриваемый подход не обоснован: он не был сформирован либо весьма ограничен в теоретическом плане, и не применяется

ником в практическом. Таким образом, ставится под сомнение методологическое выделение таких направлений, как история ментальностей, интеллектуальная и частично история идей, история эмоций. Это тема отдельного, более крупного исследования.

Подводя итог, можно сказать, что предположительно подвиги М. М. Путилова и В. П. Титаева имели огромное значение для дивизий и армий. Также установлено, что имеются объективные трудности с источниковой базой исследования и для ликвидации пробелов необходимы иные материалы, которые находятся в ЦА МО РФ. Только после разрешения данной проблемы можно будет проводить полноценную историческую реконструкцию.

На основе данной проблемы конкретно исторического исследования было показано, что современные «мейнстримные» направления в изысканиях историков не всегда методологически разработаны. В данном случае можно констатировать, что это также относится к историко-антропологическому и микроисторическому подходам.

Практическое применение микроанализа приемлемо скорее не в истории, а педагогике – при обучении истории, поскольку на типичных образах можно характеризовать эпоху.

В целом обозначенные проблемы можно связать с методологическим кризисом всей исторической науки, как и науки в целом: критика и отказ от структурализма, появление деконструкции и постмодернизма, кризис постструктурализма. Данный общеисторический кризис не разрешен до сих пор. Нет однозначного ответа на важный эпистемологический вопрос: познаваема ли история? Историкам необходимо сконцентрироваться именно на данной проблеме, прежде чем переходить к конкретным вопросам.

Примечания

¹Нынешний Мамаев курган до строительства памятника ансамбля имел различные варианты наименования. В силу того, что искусственных погребальных курганных насыпей на данной территории не имелось до закладки Большой братской могилы (кургана), здесь и далее использован вариант Мамаев бугор.

²М. Л. Ингор в период Сталинградской битвы был политруком, инструктором по информации политотдела 308-й стрелковой дивизии.

³Вероятно, уже после Сталинградской битвы, поскольку брошюра и «История...» были написаны после сражения. В то время как наградной лист датируется 9 ноября 1942 г., т. е. всего через месяц после ранения В. Л. Калашникова.

⁴Мы ограничились лишь той частью истории и теории, которая необходима для анализа проблематики направлений.

⁵За основу была принята классификация из номенклатуры научных специальностей ВАК Минобрнауки РФ.

Список литературы

1. Стрельников М. А. Подвиг связистов в период Сталинградской битвы: проблематика вопроса // Материалы Научной сессии (г. Волгоград, 20–25 апреля 2020 г.): в 2 т. Т. 1. Волгоград : ВолГУ, 2020. С. 32–35.
2. Стрельников М. А. Сталинградская битва: проблематика вопроса // Военная история России : проблемы, поиски, решения : материалы Международной научной конференции, посвященной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне (г. Волгоград, 11–12 сентября 2020 г.): в 3 ч. Ч. 2. Волгоград : ВолГУ, 2020. С. 189–193.
3. Баранская Л. Т., Вершинина Т. С. Психологический феномен героического поведения: психоаналитический подход // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия : Психология. 2012. № 19 (278). С. 12–19. <https://doi.org/10.24412/FdoDeYvxSwo>
4. Миронец Е. В., Яковлева И. П. Героизм в представлении студенческой молодежи // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2016. № 119. С. 192–202.
5. Попова Л. О. Героизм и самопожертвование как структурные компоненты красоты духа // Аналитика культурологии. 2011. № 3 (21). С. 170–173.
6. Сталинградская битва. Июль 1942 – февраль 1943 : энциклопедия / под ред. М. М. Загоруйко. 7-е изд., доп. Волгоград : Издатель, 2017. 840 с.: ил.
7. Великая победа на Волге / под ред. К. К. Рокоссовского. М. : Воениздат, 1965. 528 с.
8. Кравченко И., Михайлова А. Г. Героический поступок // Современная молодежь. Духовность. Мораль. Гражданственность : материалы Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых (г. Севастополь, 22–23 апреля 2015 г.) / под общ. ред. С. Е. Моторной, Т. Г. Клепиковой, А. Г. Михайловой. Севастополь : Рибест, 2015. С. 72–73.
9. Михайлова Е. М. Историческая память о героике в Великой Отечественной войне как фактор воспитания патриотизма и национального самосознания молодежи // Вестник Российского университета кооперации. 2015. № 2 (20). С. 138–143.
10. Связь в Сталинграде в годы Великой Отечественной / сост.: Н. А. Борисова, Н. И. Лосич, О. В. Фролова [и др.]. СПб. : Центральный музей связи им. А. С. Попова, 2012. Вып. 3. 224 с.
11. Боевые традиции сибиряков / отв. ред. В. В. Иванов. Сталинград : Тип. дивиз. красноарм. газ. «Патриот Родины», 1943. 48 с.
12. Документы о Путилове Матвее Мефодьевиче, связисте 308 сд // Музей-заповедник «Сталинградская битва» (МЗСБ). Инв. № КП 5053. Ф. 2. Оп. 1. Ед. хр. 16.
13. Путилов Матвей Мефодиевич, 18.09.1942, убит. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie52474758/ (дата обращения: 03.02.2019).
14. Шаг в бессмертие / Ханты-Манс. окр. отд-ние ВООПИК. Ханты-Мансийск : Ханты-Мансийская типография, 1978. 6 с.
15. Журнал боевых действий 308 сд. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=130222722> (дата обращения: 17.03.2020).

16. Краткая боевая характеристика 308 сд. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=451687928> (дата обращения: 17.03.2020).
17. Путилов, Матвей Мефодиевич. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Путилов,_Матвей_Мефодиевич (дата обращения: 03.02.2019).
18. История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. : в 6 т. Т. 2 : Отражение советским народом вероломного нападения фашистской Германии на СССР. Создание условий для коренного перелома в войне (июнь 1941 г. – ноябрь 1942 г.) / отв. ред. Н. А. Фокин. М. : Воениздат, 1961. 682 с.
19. Чуйков В. И. Начало пути. 2-е изд., испр. и доп. М. : Воениздат, 1962. 400 с.
20. Биография Титаева Василия Павловича – линейного надсмотрщика 2-й кабельно-телефонной роты, 91 отд. полка связи, 62 армии // МЗСБ. Инв. № НВФ 2953. П. 409.
21. Титаев Василий Павлович, 02.11.1942, убит, Сталинградская обл., г. Сталинград, в районе з-да Красный Октябрь. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/memorial-chelovek_donesenie51210028/ (дата обращения: 03.02.2019).
22. Титаев Василий Павлович, Орден Отечественной войны I степени. URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie34192460/ (дата обращения: 15.01.2020).
23. Журнал боевых действий 138 сд. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=131742444> (дата обращения: 18.03.2020).
24. Оперативная сводка штаба 138 сд. [не позднее 11.11.1942]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=133353047> (дата обращения: 18.03.2020).
25. Боевое донесение КП штаба 284 сд [не позднее 21.11.1942, 12:00]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=156036149> (дата обращения: 11.02.2020).
26. Боевое донесение штаба 284 сд [не позднее 21.11.1942, 20:00]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=112815742> (дата обращения: 11.02.2020).
27. Боевое донесение штаба 284 сд [не позднее 02.11.1942, 17:00]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=156036072> (дата обращения: 11.02.2020).
28. Боевое донесение штаба 284 сд [не позднее 02.11.1942, 21:00]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=156036073> (дата обращения: 11.02.2020).
29. Боевой приказ (на наступление) [не позднее 22.11.1942]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=450707039> (дата обращения: 11.02.2020).
30. Боевой приказ штаба 284 сд [не позднее 20.11.1942]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=450288061> (дата обращения: 11.02.2020).
31. Журнал боевых действий войск армии. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=2600369> (дата обращения: 11.02.2020).
32. Журнал боевых действий войск СталФ. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=130117548> (дата обращения: 11.02.2020).
33. Журнал боевых действий оперативного отдела 8 гв. А. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=136691197> (дата обращения: 11.02.2020).
34. Краткое содержание докладов командиров частей и подразделений 284 сд. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=153514832> (дата обращения: 11.02.2020).
35. Оперативная сводка КП штаба 284 сд [не позднее 21.11.1942, 05:00]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=156036150> (дата обращения: 11.02.2020).
36. Оперативная сводка КП штаба 284 сд [не позднее 21.11.1942, 17:00]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=156036151> (дата обращения: 11.02.2020).
37. Оперативная сводка штаба 284 сд [не позднее 02.11.1942, 05:00]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=156036066> (дата обращения: 11.02.2020).
38. Оперативная сводка штаба 284 сд [не позднее 02.11.1942, 12:00]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=156036071> (дата обращения: 11.02.2020).
39. Рыбин Василий Никитович, Медаль «За оборону Сталинграда». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie1532139822/ (дата обращения: 14.01.2020).
40. «Восставший из мертвых». URL: http://shorlik.ucoz.ru/index/podvig_kalashnikova/0-87 (дата обращения: 03.02.2019).
41. История боевых действий 178 ап 45 сд. URL: <https://pamyat-naroda.ru/documents/view/?id=455448442> (дата обращения: 07.12.2019).
42. Калашников Василий Леонтьевич, Медаль «За боевые заслуги». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/podvig-chelovek_nagrazhdenie150193940/ (дата обращения: 03.02.2019).
43. Сто дней в Сталинграде / отв. ред. С. Г. Козьякин. Сталинград : Тип. дивиз. красноарм. газ. «Наступление», 1943. 118 с.
44. Приказ подразделения. URL: <http://podvignaroda.ru/?id=16161824> (дата обращения: 03.02.2019).
45. Ревель Ж. Микроисторический анализ и конструирование социального / пер. с фр. Е. И. Лебедевой // Одиссей: Человек в истории. 1996. Ремесло историка на исходе XX века / гл. ред. А. Я. Гуревич. М. : Coda, 1996. С. 110–127.
46. Черутти С. Микроистория: социальные отношения против культурных моделей? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории : альманах. 2005. Вып. 7 / под ред. М. А. Бойцова, И. Н. Данилевского. М. : Наука, 2006. С. 354–375.
47. Бессмертный Ю. Л. Что за «казус»? // Казус. Индивидуальное и уникальное в истории : альманах. Вып. 1 / под ред. Ю. Л. Бессмертного и М. А. Бойцова. М. : РГГУ; ИВИ РАН, 1997. С. 7–24.
48. Макушев А. А. Предпринимательская деятельность Мальцовых во второй половине XVIII – начале XX века : индустриальное наследие. Саранск : Мордовское книжное издательство, 2006. 370, [3] с.: ил.
49. Гумилёв Л. Н. Поиски вымышленного царства. М. : АСТ, 2002. 457, [7] с. (Историческая библиотека).

50. Смирнова В. К. «Антропологическая история» в поле критики // *Фундаментальные и прикладные науки сегодня : материалы XIII Международной научно-практической конференции* (г. Норт-Чарлстон, США, 30–31 октября 2017 г.). Норт-Чарлстон : CreateSpace, 2017. С. 11–15.
51. Далгат Ф. М. Историко-антропологический подход в историческом исследовании // *Вестник Дагестанского государственного университета*. 2015. Т. 30, № 4. С. 133–140.
52. Гладких Н. В. О подходах к созданию теории посмертной судебной психологической экспертизы // *Студенты в правовой науке : сборник научных трудов. Вып. 9 : Материалы научной студенческой конференции* (г. Воронеж, 11–18 апреля 2009 г.) / под ред. Ю. Н. Старилова. Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 2010. С. 48–50.

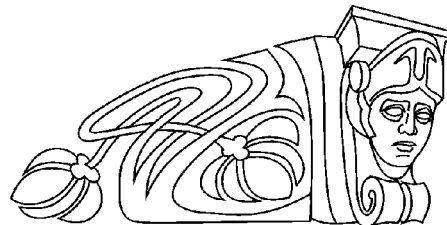
Поступила в редакцию 16.11.2022; одобрена после рецензирования 04.12.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 16.11.2022; approved after reviewing 04.12.2022; accepted for publication 20.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 189–197
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 189–197
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-189-197>, EDN: UIHXVZ

Научная статья
УДК [94(497):339.726.3(47+57)]|1939/1945|

Военная помощь Советского Союза национально-освободительному движению Югославии в годы Второй мировой войны

Ф. Л. Сеницын

Государственный университет по землеустройству, Россия, 105064, г. Москва, ул. Казакова, д. 15

Сеницын Федор Леонидович, доктор исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, permcavt@gmail.com, <https://orcid.org/0000-003-2299-204X>, Author ID: 593009

Аннотация. В период Второй мировой войны Советский Союз оказал широкомасштабную и многоплановую военную помощь национально-освободительному движению Югославии. Эта деятельность имела несколько основных направлений. В СССР было организовано обучение югославских военнослужащих, в том числе с одновременным созданием из их числа воинских формирований. Происходило также комплектование воинских частей и обучение их личного состава на территории Югославии. СССР отправлял своих советников и инструкторов в югославскую армию, предоставил широкомасштабную помощь в сфере материально-технического снабжения Национально-освободительной армии Югославии, а также в преобразовании ее в регулярную армию Югославии.

Ключевые слова: военная помощь, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, СССР, Югославия, Народно-освободительная армия Югославии

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00405, <https://rscf.ru/project/22-28-00405>.

Для цитирования: Сеницын Ф. Л. Военная помощь Советского Союза национально-освободительному движению Югославии в годы Второй мировой войны // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 189–197. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-189-197>, EDN: UIHXVZ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Military aid of the Soviet Union to the National Liberation Movement of Yugoslavia during the World War II

F. L. Sinitsyn

State University for Land Use Management, 15 Kazakova St., Moscow 105064, Russia

Fedor L. Sinitsyn, permcavt@gmail.com, <https://orcid.org/0000-003-2299-204X>, Author ID: 593009

Abstract. During World War II, the Soviet Union provided large-scale and multifaceted military assistance to the national liberation movement of Yugoslavia. This activity had several main directions, including training of Yugoslav military personnel in the USSR. The second direction was the training of Yugoslav military personnel in the USSR with the simultaneous creation of military formations. Thirdly, the formation of military units and the training of their personnel took place on the territory of Yugoslavia. The fourth direction of Soviet aid was sending advisers and instructors to the Yugoslav army. The fifth area of Soviet assistance was the logistics of the People's Liberation Army of Yugoslavia and, finally, the assistance in the transformation of this army into the regular army of Yugoslavia.

Keywords: Military aid, World War II, the Great Patriotic War, the USSR, Yugoslavia, the People's Liberation Army of Yugoslavia

Acknowledgements: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 22-28-00405, <https://rscf.ru/project/22-28-00405>.

For citation: Sinitsyn F. L. Military aid of the Soviet Union to the National Liberation Movement of Yugoslavia during the World War II. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 189–197 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-189-197>, EDN: UIHXVZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В 1943–1944 гг. по инициативе советского руководства без участия официальной югославской стороны на территории СССР была сформирована 1-я отдельная югославская пехотная бригада, которая была отправлена на территорию Югославии, передана в состав Народно-освободительной армии (НОАЮ) и в октябре 1944 – мае 1945 г. принимала участие в боевых действиях.

Одновременно Советский Союз оказывал военную помощь национально-освободительному движению Югославии по взаимной договоренности. Эта тема недостаточно раскрыта в отечественной, а также в зарубежной историографии. Источниковая база исследования, результаты которого приведены в настоящей статье, включает в себя опубликованные материалы и неопубликованные документы, выявленные автором в федеральных и ведомственных архивах.

Анализ содержания военной помощи Советского Союза позволяет выделить несколько основных направлений этой деятельности. Впервые, в СССР было организовано обучение югославских военнослужащих. В июне 1944 г. при 1-й югославской бригаде в Карасевских лагерях около Коломны был создан учебный центр [1, л. 108], который состоял из роты связи (радиороты), артвзвода (45-мм орудий), автороты, танковой роты и запасной роты [2, с. 85]. Так, в рамках радиороты к 1 августа 1944 г. были обучены 50 [3, с. 281], к сентябрю – 80 радистов [4, с. 91–92]. Затем их отправили самолетом в итальянский город Бари, а оттуда по морю – на югославский остров Вис. Пройдя там еще один курс обучения, радисты получили назначения в соединения НОАЮ, сражавшиеся в Далмации и Герцеговине [5, с. 139].

К середине июля 1944 г. в состав учебного центра вошел также вновь сформированный 2-й отдельный пехотный батальон [6, л. 76] под командованием подполковника Э. Житника [2, с. 85]. После отбытия 1-й югославской бригады на фронт учебный центр остался в Карасево [7, с. 75]. К 15 сентября он включал 2-й отдельный югославский пехотный батальон (360 чел., 38 орудий и минометов 12 пулеметов, 20 автомашин) и отдельную танковую роту (51 чел., 3 танка и 1 автомашина) [8, л. 175].

В конце октября 1944 г. в Карасево была направлена комиссия, назначенная Уполномоченным Ставки по иностранным военным формированиям Г. С. Жуковым, по вопросам подготовки и отправки 2-го югославского батальона на фронт [1, л. 201]. Одновременно стало ясно, что можно расформировать и весь учебный центр. Освобождение значительной части Югославии, в том числе ее столицы Белграда, создало условия для развертывания учебных центров на территории самой страны [9, с. 151]. 23 ноября 1944 г. 2-й батальон был отправлен в распоряжение главнокомандующего НОАЮ в Белград [10, с. 268], куда прибыл в декабре. Около 200 чел. из личного

состава батальона были отправлены на пополнение 1-й югославской бригады [2, с. 92].

Кроме того, согласно постановлению ГКО от 7 сентября 1944 г., было развернуто обучение югославских военнослужащих в советских учебных заведениях [11, с. 92], в том числе при армейских курсах усовершенствования офицерского состава Военной академии бронетанковых и механизированных войск – 30 офицеров, при Казанской высшей офицерской технической бронетанковой школе – 43 офицера, при 1-м Саратовском танковом училище им. А. И. Лизюкова – 65 офицеров, при 9-м учебном танковом полку – 306 сержантов, при 8-м отдельном учебном бронетанковом полку – 18 сержантов, при 2-м отдельном учебном ремонтно-восстановительном батальоне – 38 сержантов [7, с. 75–76].

Было также решено создать югославские отделения в Высшей военной академии на 15 чел. для переподготовки командиров корпусов, дивизий и бригад, в Артиллерийской академии – на 15 чел. старших офицеров, а также организовать подготовку 50 радистов-операторов. Были выделены квоты и для обучения югославских офицеров разведки и контрразведки: в Высшей разведывательной школе – на 40 чел., в школах НКВД – на 30 чел. [12, л. 7].

Контингент обучающихся составили доставленные в СССР военнослужащие НОАЮ [12, л. 7]. Личный состав НОАЮ, находившийся в школах и училищах Красной армии, был обеспечен вещевым, денежным довольствием и продовольствием по нормам действующей армии за счет НКО [11, с. 92]. При отборе югославских военнослужащих на обучение применялись строгие критерии отбора, невзирая на звания [13, с. 96]. Проблемы, которые приходилось решать в процессе обучения, состояли в низком уровне образования югославских слушателей, недостатке у них необходимых базовых знаний [14, с. 49], а также тяжелом привыкании (вплоть до разочарования) к условиям жизни в СССР [3, с. 278].

10 февраля 1945 г. было принято еще одно постановление ГКО, согласно которому НОАЮ предоставлялась возможность направить в течение 1945 г. 1 тыс. чел. в военные училища Красной армии (в том числе в пехотные – 500, артиллерийские – 200, училища связи – 100, медицинские – 70, инженерные и танковые – по 50, кавалерийские – 30 чел.) и 210 чел. на курсы усовершенствования офицеров (пехотные и политсостава – по 50, артиллерийские – 40, медицинские – 30, связи – 15, инженерные и танковые – по 10, кавалерийские – 5 чел.) [11, с. 146–147].

К 1 апреля 1945 г. число обучающихся в СССР югославских военных составляло 3126 чел. [9, с. 155–156]. В апреле 1945 г. в Советский Союз были отправлены 1122 курсанта,

в мае – еще 1060 чел. [8, с. 42], а всего в 1945–1947 гг. – 3696 офицеров и 1439 сержантов [15, с. 78]. Кроме того, 90 чел. были приняты в суворовские военные училища [14, с. 43]. Большинство направленных в СССР югославских военнослужащих, невзирая на все трудности, успешно завершили обучение [16, с. 112].

Вторым направлением советской военной помощи было обучение югославских военнослужащих на территории СССР с одновременным созданием из их числа воинских формирований.

Согласно постановлению ГКО от 7 сентября 1944 г. было приказано к 1 ноября сформировать и укомплектовать офицерским и рядовым составом НОАЮ танковую бригаду с 65 танками Т-34 и штатной численностью в 895 чел. [11, с. 91; 7, с. 76]. Бригада формировалась в Тульском танковом лагере [9, с. 149].

Большая часть кадров для танковой бригады прибыла из партизанских формирований в Югославии [17, с. 450]. В бригаде также находились около 30 югославов, попавших в СССР другими путями, в том числе 20 чел., сражавшихся в рядах советских партизан [5, с. 139]. По запросам Военной миссии НКОЮ, в бригаду направлялись и другие военнослужащие югославского происхождения, находившиеся в СССР [18, л. 5]. В итоге бригада была полностью укомплектована [16, с. 110].

Директивами Генштаба Красной армии от 16 и 25 сентября 1944 г. было приказано обеспечить формируемую танковую бригаду материальной частью, вооружением, автотранспортом, боеприпасами, горюче-смазочными материалами и всеми видами довольствия [7, с. 76]. Для обучения бригаде было выделено 16 танков Т-34 [11, с. 91].

Намеченный срок готовности танковой бригады – 25 октября 1944 г. – выдержан не был [9, с. 149]. Бригада долго занималась обучением [13, с. 88], которое продолжалось с 10 октября по 1 декабря 1944 г. Личный состав бригады обучался отлично подготовленными, имевшими боевой опыт советскими офицерами [16, с. 110–111].

Дальнейшая задержка отправки бригады на фронт, очевидно, была вызвана проблемами с выделением ей положенных по штату танков [19, с. 88]. Наконец, получив танки [20, с. 2], 10 марта 1945 г. бригада была направлена по железной дороге в Югославию. Личный состав бригады насчитывал 872 чел., она имела 65 танков Т-34, 129 автомобилей и 3 боекомплекта боеприпасов [21, с. 285–286]. В апреле 1945 г. она участвовала в прорыве Сремского фронта и других военных операциях [5, с. 139]. За две недели боевых действий бригада прошла по пересеченной местности 400 км и достигла Загреба [9, с. 153].

В марте 1944 г. между правительством Советского Союза и Верховным штабом НОАЮ было подписано соглашение об обучении в СССР

югославских летчиков [22, с. 95]. Согласно директиве Генштаба Красной армии, изданной 9 апреля 1944 г., численность обучающихся была установлена в 300 чел. [23, л. 24].

Комплектование контингента югославских курсантов происходило за счет личного состава, прибывшего в СССР из-за границы. Еще в ноябре 1943 г. по приглашению Верховного штаба НОАЮ был начат сбор югославских летчиков, находившихся на территории Сербии, Черногории и Восточной Боснии [22, с. 96]. Кроме того, были привлечены югославские военнослужащие, находившиеся в составе британской армии [10, с. 268].

В связи с выявившейся возможностью привлечь к обучению большее число югославских кадров, чем планировалось, постановлением ГКО от 7 сентября 1944 г. было приказано увеличить количество югославов, обучаемых в советских школах ВВС, с 300 до 500 чел. [11, с. 91]. К концу 1944 г. в СССР обучалось около 600 югославских летчиков и техников [13, с. 95]. В начале 1945 г. в различные учебные заведения по всему Советскому Союзу было отправлено еще 1122 чел. [22, с. 103].

По мере прибытия югославов предписывалось выявлять степени их летной и общей подготовки, формировать летные группы, звенья, отряды и эскадрильи. Советские власти требовали максимально форсировать обучение летного состава для югославских ВВС. Для этого выделялись лучшие инструкторы, командиры и преподаватели [24, с. 74].

Однако подготовка югославских летчиков оказалась сложной задачей. В НОАЮ отсутствовало необходимое количество людей, имевших должную подготовку [9, с. 149]. Прибывшие летчики имели налет в среднем по 100 ч, летали на устаревших самолетах «Поте» и «Бреге», и только 2 чел. летали в Германии на Ме-109 и Ю-88 [10, с. 268].

Югославы были разделены на группы соответственно уровню их образования, для которых предусматривалась разная продолжительность обучения. Для истребительной, бомбардировочной, штурмовой и транспортной авиации был составлен собственный график учебы [22, с. 98, 100]. Так, в Краснодарском авиационном училище (Грозный) продолжительность обучения составляла 4 мес. Теоретическая и летная подготовка проходила весьма интенсивно – до 10 ч в день [24, с. 74–75]. В процессе обучения выявились трудности – непривычная для югославов суровая зима, неблагоприятные условия проживания, плохое питание, незнание русского языка [22, с. 103] (им владели только 45 чел. [10, с. 268]).

Тем не менее были достигнуты хорошие результаты обучения. В Краснодарской военной авиационной школе были обучены 254 пилотов-истребителей, в Краснодарском военном авиационном училище (Грозный) – 236 [10, с. 269],

в Энгельсской школе летчиков им. М. М. Расковой с середины 1944 г. проходила подготовку 70 летчиков для бомбардировочной авиации НОАЮ [16, с. 112], на аэродроме Внуково под Москвой с августа 1944 г. до февраля 1945 г. успешно прошли обучение два экипажа транспортной авиации (всего 20 чел.), в Вольской военной авиационной школе механиков с середины 1944 г. до начала мая 1945 г. обучались 37 чел. [22, с. 102], в Москве были подготовлены 6 югославских метеорологов [16, с. 112].

Обучение югославских летчиков на территории СССР осуществлялось одновременно с созданием подразделений военно-воздушных сил НОАЮ, которое происходило в Северо-Кавказском военном округе. 1-й югославский истребительный авиационный полк численностью 191 чел. [25, л. 279] в составе 32 самолетов Як-3 [11, с. 91] был сформирован в Краснодаре к 1 мая 1945 г. [26, с. 500]. Командиром полка был назначен майор П. Радевич, начальником штаба – майор С. Шантич [10, с. 269]. К июню 1945 г. был сформирован 2-й югославский штурмовой авиационный полк численностью 239 чел. [25, л. 279], имевший 32 самолета Ил-2 [11, с. 91]. Командиром полка был назначен майор М. Шепанович, начальником штаба – поручик С. Бэрцэ [10, с. 269].

В итоге через советские авиашколы и академии прошли 2307 служащих югославских ВВС [14, с. 43]. Образование в Советском Союзе было полным и всесторонним (в отличие от курсов переобучения у западных союзников). Такая практика применялась на всех уровнях обучения. В связи с этим югославские летчики не успели закончить обучение до конца войны [22, с. 95–96, 103]. Подготовка 1-го истребительного и 2-го штурмового югославских авиаполков закончилась к лету 1945 г., и они вместе с авиационной техникой были переданы в состав ВВС НОАЮ [24, с. 76]. 23 июня 1945 г. 2-й полк в составе 102 чел. перелетел в Югославию. Остальные военнослужащие полка убыли на родину по железной дороге [10, с. 269]. 1-й полк вылетел в Югославию 7 сентября 1945 г. и 15 сентября приземлился на аэродроме под Сомбором [22, с. 102]. Все оборудование, необходимое для обеспечения повседневной деятельности этих авиаполков, было доставлено в Югославию железнодорожными эшелонами и передано командованию ВВС НОАЮ [24, с. 76].

Школы, офицерские училища и академии Советского Союза сыграли большую роль в подготовке кадров для югославских ВВС. Высококвалифицированные кадры, обученные в СССР, назначались на высшие командно-штабные должности в летных и тыловых частях, технической службе и учебных заведениях [22, с. 103].

Третьим направлением советской военной помощи было формирование воинских частей

и обучение их личного состава на территории Югославии. Одной из наиболее значимых акций было создание в ноябре 1944 г. авиационной группы под командованием генерал-майора А. Н. Витрука (командир советской 10-й авиадивизии) [27, с. 9]. Для совместных действий с НОАЮ из состава советской 17-й воздушной армии были переданы 10-я гвардейская штурмовая и 236-я истребительная авиадивизии, а также 9-й район авиационного базирования [25, л. 279–280]. К 1 января 1945 г. авиагруппа имела 4901 чел. личного состава, к 1 мая – 4603 чел., 244 боевых самолета, а также более 467 автомашин [28, с. 60–62].

Передача «группы Витрука» в распоряжение НОАЮ имела несколько целей. Во-первых, на ее основе были созданы югославские авиационные формирования: на базе советской 10-й авиадивизии – югославская 42-я штурмовая дивизия под командованием полковника Б. Лазаревича [25, с. 407], на базе 236-й дивизии – 11-я истребительная дивизия под командованием майора А. Болевича [29, с. 42], на основе советской 9-й авиабазы – 9-я областная авиабаза НОАЮ [14, с. 31] (начальник – полковник Б. Узелян [27, с. 17]).

Во-вторых, одним из важнейших направлений деятельности «группы Витрука» была подготовка югославских летчиков и инженерно-технического состава [24, с. 77]. Курсы подготовки пилотов начали работу 10 декабря 1944 г. Летчиков штурмовой авиации (187 чел.) обучали на аэродроме в Земуне, а затем по приказу штаба группы воздушных дивизий 25 марта 1945 г. перевели на аэродром у с. Нададь. Курс подготовки летчиков-истребителей (186 чел.) начал работать на аэродроме недалеко от Румы и 25 марта 1945 г. был переведен на аэродром у с. Господжинци [22, с. 193–195]. Кроме того, при обеих дивизиях были созданы учебные летные центры для подготовки инженерно-технического состава ВВС Югославии [24, с. 80]. Затем, с середины марта 1945 г. началась подготовка югославских пилотов уже в качестве летных инструкторов [22, с. 193–194].

На обучение направлялись летчики, которые имели наибольший опыт службы и нуждались в более коротком времени для переобучения на новых самолетах. Преподавателями были советские офицеры. Политическое обучение, строевая подготовка и культурно-просветительская работа со слушателями проводились югославскими офицерами [22, с. 193–194]. Содержание учебы характеризовала высокая интенсивность занятий [24, с. 78]. Они включали овладение техникой пилотирования, а затем обучение ведению боевых действий в воздухе и поражению целей на земле. Большое значение придавалось изучению теории, а также подготовке к полету [22, с. 193–194].

В-третьих, параллельно с обучением югославские летчики принимали непосредственное участие в освобождении Югославии, действуя совместно с войсками 3-го Украинского фронта и НОАЮ [27, с. 9]. Югославские экипажи в составе группы начали боевые действия 17 января 1945 г. [29, с. 43]. Сначала югославы летали в качестве ведомых, а ведущими были советские летчики. Со временем они начали брать на себя лидирующую роль [22, с. 232]. Авиагруппа совершила более 8 тыс. боевых вылетов, сбросив на врага 4375 т боеприпасов и уничтожив 4 бронетранспортера, 31 танк, 1236 автомашин и 610 паровозов противника. От действий группы враг потерял убитыми и ранеными 5,5 тыс. солдат и офицеров [21, с. 284]. Из общего числа боевых вылетов – 1392 приходилось на долю югославских летчиков. В ходе боевых действий погибли 7 летчиков и было потеряно 14 самолетов [24, с. 80].

В итоге «группа Витрука» провела обучение и переподготовку 138 летчиков-штурмовиков, 131 летчика-истребителя, 130 воздушных стрелков, 1213 инженерно-технических специалистов, более 2700 шоферов, трактористов, связистов, саперов, минеров и пр. [24, с. 81–82]. В ходе подготовки летчиков-истребителей было совершено около 2037 ч. полетов на По-2, УТ-2, Як-1 и Як-7. На теоретические занятия было потрачено 733 ч. Штурмовики за время обучения налетали 1495 ч [22, с. 195–196].

Усилиями авиагруппы на территории Югославии было восстановлено 14 аэродромов и заново построено 24 аэродрома. На боевую и учебную работу группы было израсходовано 4240 т авиационного и 750 т автомобильного бензина. За период формирования и обучения личному составу югославских ВВС было выдано 110 850 суточных наборов продовольствия, 2500 комплектов общевойскового и 100 комплектов летного обмундирования [24, с. 82].

Подготовка летного и инженерно-технического состава, а также формирование частей и соединений ВВС Югославии в основном были завершены к середине мая 1945 г. [24, с. 81] Затем советские военнослужащие из состава авиагруппы покинули Югославию, оставив свою материальную часть югославской армии [28, с. 13].

В октябре 1944 г. по приказу командующего 3-м Украинским фронтом Ф. И. Толбухина была оказана помощь по формированию при 1-м армейском корпусе НОАЮ запасной артиллерийской бригады в составе 320 офицеров, 500 солдат и сержантов и еще ожидалось прибытие 500 солдат. Для обучения бригаде передано 20 45-мм советских орудий с амуницией и приборами, 10 75-мм немецких трофейных пушек, отремонтированных и привезенных красноармейцами, а также две 20-мм немецкие зенитные пушки. В формировании и учебе югославам

помогали направленный командованием артиллерии 3-го Украинского фронта полковник Федоров, 7 офицеров и 3 образцовых орудийных расчета из резервных частей [7, с. 78–79].

Четвертым направлением советской помощи была отправка советников и инструкторов в югославскую армию. Согласно советскому докладу о НОАЮ, изданному 1 июля 1944 г., югославское командование ожидало от СССР усиления помощи «кадрами, способными оказать поддержку в обучении и боевой подготовке армии» [30, л. 35]. К осени 1944 г., в связи с увеличением численности НОАЮ, притоком современного военного оборудования из арсенала Красной армии и военных трофеев, югославское командование стало еще больше нуждаться в обученных людях. На основании запроса Верховного штаба НОАЮ [14, с. 25–26] и в соответствии с постановлением ГКО от 22 августа 1944 г. [16, с. 112] к 10 октября в НОАЮ было направлено 48 офицеров-связистов из расчета по 4 офицера на 1 стрелковую дивизию сроком на 3 мес., а также 144 офицера-артиллериста для работы инструкторами в артиллерийских частях. Кроме того, согласно постановлению ГКО от 7 сентября 1944 г., были направлены 10 инструкторов для формирования на территории Югославии двух батальонов аэродромного обслуживания [11, с. 92, 94].

17 ноября 1944 г. И. Б. Тито направил письмо И. В. Сталину о необходимости отправить в НОАЮ 222 советников – прежде всего в центральный военный аппарат армии, а также в штабы корпусов, дивизий и пр., чтобы наиболее эффективно использовать материальную помощь, которую оказывает СССР [3, с. 283–284]. На рубеже 1944–1945 гг. как минимум 117 советских инструкторов были распределены в 1-й пролетарский и 12-й корпусы НОАЮ, главный штаб Сербии, Македонии и Воеводины и пр. [13, с. 91].

10 февраля 1945 г. было принято постановление ГКО, согласно которому в штабы, соединения, части и военно-учебные заведения НОАЮ направлялись 111 советников и инструкторов. Им была поставлена задача «оказания помощи НОАЮ в реорганизации штабов, соединений и частей, в обучении армии и, главным образом, ее офицерских кадров, на основе опыта современной войны, применительно к особенностям Югославии и ее театру военных действий» [11, с. 147]. Тогда же было утверждено Положение о советских военных советниках и инструкторах, которое устанавливало, что «основным методом работы советников и инструкторов... является оказание повседневной помощи командиру или начальнику НОАЮ (при котором состоит советник или инструктор) во всех вопросах жизни и деятельности части, соединения и учреждения... Каждый советник и инструктор в своей практической работе должен установить полное взаимное понимание и тесный контакт,

способствующий росту и укреплению югославской армии» [11, с. 148].

После окончания войны советники, направленные из СССР, продолжали оказывать помощь новой Югославской армии. Так, 10 мая 1945 г. И. В. Сталин приказал «оставить до особого распоряжения в составе ВВС югославской армии 14 человек» [7, с. 82]. К 31 декабря 1945 г. в югославской армии было 115 советских военных специалистов [13, с. 91].

Пятым направлением советской помощи было материально-техническое снабжение. В декабре 1943 г. началось регулярное и масштабное оказание помощи Советским Союзом югославскому Сопротивлению. Для этого была сформирована специальная авиагруппа из состава советской авиации дальнего действия [31, с. 231]. Обмен военными миссиями в первой половине 1944 г. способствовал расширению помощи [21, с. 282]. От югославской миссии руководство СССР получило запрос на помощь «вооружением, боеприпасами, продовольствием и обмундированием» [30, л. 35]. 5 июля 1944 г. И. В. Тито в письме И. В. Сталину сообщил, что НОАЮ нуждается в танках и самолетах [32, с. 89].

Для снабжения НОАЮ были созданы специальные авиабазы. Первая из них появилась в Калиновке Винницкой области в мае 1944 г. [21, с. 283] и работала в связке с 5-й гвардейской авиадивизией (в составе 30 экипажей) [23, л. 23]. В мае с базы 99 самолетов сбросили 78 773 кг грузов, в июне 102 самолета доставили 59 046 кг грузов [30, л. 39–40]. В итоге, по неполным данным, авиация дальнего действия с базы в Калиновке совершила 1930 самолетовылетов, доставив в Югославию 1758 т вооружения, боеприпасов, средств связи, обмундирования, медикаментов [4, с. 37].

Постановлением ГКО от 17 июня 1944 г. была создана советская авиабаза в гораздо более близком к Югославии месте – итальянском г. Бари [7, с. 74–75]. Западные союзники дали согласие на пребывание в г. Бари группы из 8 советских самолетов с обслуживающим персоналом. Эта группа была в состоянии перевозить до 1 тыс. т груза в месяц. Советские власти считали, что она «могла... серьезно обеспечивать нужды НОАЮ по крайней мере в течение 5–6 мес.», в связи с чем «выгоды этой операции [были] очевидны» [33, л. 75].

На первых порах для обеспечения снабжения понадобилась помощь союзников. 24 июня 1944 г. Г. С. Жуков сообщил И. В. Сталину, что, хотя на базу в Бари были отправлены советские самолеты и экипажи, вопрос с покупкой или фрахтом парохода для доставки туда грузов был не решен, в связи с чем советские самолеты не были бы загружены. Жуков полагал «целесообразным договориться с англичанами или американцами, чтобы они передали

нам в Италии в счет поставок Советскому Союзу некоторое количество продовольствия (крупа, консервы, жиры – всего до 2000 тонн) и медикаменты (первой помощи на 15–20 тыс. человек), с тем, чтобы мы могли обеспечить работу базы в Бари и крепко помочь Тито» [30, л. 75]. Так, с 23 по 31 июля 1944 г. из Бари были отправлены 7 рейсов, в которых участвовали 46 самолетов, из них 33 – выполнили задание. Было сброшено 44 735 кг, в том числе 196 автоматов, 37 ручных пулеметов «Брно», 33 легких пулемета, 325 900 немецких патронов. Этот груз был передан Великобританией [33, л. 89; 30, л. 6]. Таким образом, в Югославию ушла часть поставок союзников по ленд-лизу.

7 сентября 1944 г. ГКО принял решение, «в целях улучшения практической работы по снабжению» НОАЮ о создании базы в румынском городе Крайова [11, с. 91], куда была передислоцирована база из Калиновки. 11 сентября 1944 г. И. В. Сталин и В. М. Молотов сообщили И. В. Тито: «Мы можем усилить Вас вооружением, и мы это сделаем. Базой для Вашего снабжения будет город Крайова» [12, л. 6–7, 10]. В 1944 г. с этой базы было доставлено в Югославию 25059 автоматов, 21389 винтовок и карабинов, 257 ДШК, 1054 противотанковых ружья, 1671 миномет, 446 орудий, в том числе 84 зенитных, и другое вооружение [34, с. 129].

С 1 мая по 20 октября 1944 г. с баз в Калиновке, Бари и Крайове 1280 самолетов сбросили на территорию Югославии 25,5 тыс. мест общим весом 1178 т, перебросили в различные пункты 592 чел. и вывезли 1608 раненых [12, л. 86–87].

С установлением общего сухопутного фронта основные грузы для НОАЮ стали доставлять по земле и воде, причем не только с центральных баз НКО – некоторая часть грузов, например, была предоставлена 3-м Украинским фронтом [9, с. 151].

Согласно отчету начальника ГРУ И. И. Ильичева, всего в 1944 г. НОАЮ было передано 264 самолета, 40 вездеходов, 2232 миномета, 401 пушка, 40 122-мм гаубиц, 84 25-мм зенитных пушки, 2215,5 т ГСМ [35, л. 129, 136–137]. В ходе военных операций 1944–1945 гг. СССР передал югославской стороне 96515 винтовок, 20528 пистолетов и револьверов, 68423 автомата и пулемета, 3797 противотанковых ружей, 3364 миномета, 170 ПТО, 895 полевых орудий, 65 танков и боевых машин, 421 самолет, 1329 радиостанций [13, с. 86].

В итоге за все годы войны СССР передал Югославии 69 танков, 491 самолет, от 5,8 тыс. до 6,5 тыс. орудий и минометов, от 14 тыс. до 15,5 тыс. пулеметов, более 38 тыс. автоматов, от 125,5 тыс. до 155,3 винтовок и карабинов [4, с. 38; 36, с. 9; 9, с. 159]. Некоторое расхождение данных, очевидно, обусловлено условиями

военного времени, трудностью учета, поступлением снабжения из разных источников. На особые условия военного времени в плане учета снабжения косвенно ссылались послевоенные советские документы [37, с. 430].

Одним из аспектов снабжения также была передача югославским войскам трофеев, захваченных у вражеских армий. Так, 17 октября 1944 г. штаб 3-го Украинского фронта дал указание командующему 57-й армией полностью передать 1-му армейскому корпусу НОАЮ трофейное вооружение и боеприпасы, захваченные в Белграде. 9 декабря командующий 57-й армией приказал передать 6-му армейскому корпусу НОАЮ все трофейное оружие, захваченное советскими войсками в Венгрии, а также находящееся в комендатурах [7, с. 78–80].

Для конкретизации масштабов советской помощи, можно привести такой пример: в начале 1945 г. из трех армий, образованных в составе НОАЮ, 1-я армия была на 100% оснащена оружием, переданным Советским Союзом, 2-я – на 30%, а реорганизованный в 3-ю армию 12-й корпус НОАЮ – на 80% [38, с. 113]. О размерах советской помощи говорят следующие факты: 4-я герцеговинская бригада НОАЮ в составе 1420 бойцов была перевооружена советским оружием во второй половине ноября 1944 г., получив 662 автомата, 438 пулеметов, 20 минометов, 28 противотанковых ружей и все необходимые средства связи. 7-я воеводина бригада к 1 ноября 1944 г. получила 747 винтовок, 42 пулемета, 6 крупнокалиберных пулеметов, 44 автомата, 13 легких и 4 тяжелых минометов, 6 противотанковых ружей. 8-я герцеговинская бригада к 20 октября 1944 г. получила артдивизион, имевший 6 противотанковых пушек, зенитную пушку и пулеметную роту [20, с. 328]. СССР также оказал помощь в создании в августе 1944 г. на о. Вис эскадрильи связи Верховного штаба НОАЮ, передав для нее 4 самолета По-2 из советской транспортной группы, которая находилась в г. Бари [22, с. 104–105].

Весьма показателен и пример «группы Витрука». К 1 ноября 1944 г. советская 17-я воздушная армия выделила для нужд Югославии 437 автомобилей, 57 тракторов, 1305 камуфляжных сетей, 20 наземных радиостанций, 149 телефонных и 15 телеграфных аппаратов [22, с. 189]. 10 мая 1945 г. И. В. Сталин приказал передать всю часть, запчасти и другие виды авиационного имущества «группы Витрука» командованию Югославской армии [37, с. 81]. К 15 мая 1945 г. группа передала всю свою технику – 197 самолетов, а том числе 85 Як-1, 3 Як-3, 14 Як-9, 5 учебных Як-7 и Як-9, 78 Ил-2, 4 учебных Ил-2, 7 По-2, один УТ-2 [19, с. 49], а также 433 автомобиля, 40 тракторов, все имущество связи, вооружение, горюче-смазочные материалы и боеприпасы [27, с. 17].

Масштабной была советская помощь и в сфере военной медицины. Советские летчики эвакуировали 1603 раненых югославских бойцов, а также доставили на территорию Югославии свыше 80 советских врачей и медсестер [6, с. 37], в том числе группу во главе с известным советским военным хирургом, полковником А. А. Казанским. Сербский историк П. Байич сделал вывод, согласно которому врачи из этой группы внесли неизмеримый вклад в развитие югославской военной медицины (и это опровергает утверждения некоторых западных публикаций [39, с. 145]). Они организовали мобильные хирургические бригады и преимущественно на основании их предложений осенью 1944 г. была проведена реорганизация санитарной службы НОАЮ [20, с. 326–327]. В декабре 1944 г. советские медработники создали в Югославии госпитальную базу на 5 тыс. коек. Кроме того, НОАЮ было передано оборудование для 7 эвакуогоспиталей и 4 полевых госпиталей. Советские медики оказали помощь 11 тыс. раненым югославским воинам [4, с. 37–38, 96]. С помощью лаборатории 3-го Украинского фронта был создан Институт переливания крови в Белграде и станции переливания крови во всех больничных центрах Сербии и Воеводины. Основанный по советской инициативе, журнал «Военно-медицинский обзор» опубликовал большое количество статей с ценными инструкциями для югославских военных врачей [19, с. 326–327].

В финансовом измерении в период войны СССР поставил югославской армии вооружения и имущества, по разным подсчетам, на сумму от 234,6 млн [40, л. 35] до 294,1 млн руб. [37, с. 430] (только «группа Витрука» передала техники и вооружения на сумму более 97 млн руб. [19, с. 49]), а также безвозмездно передал трофейные боеприпасы и вещевое имущество на сумму 78,3 млн руб. [40, л. 36]. Общая стоимость расходов СССР на военную помощь Югославии составила почти 410 млн руб., из них на содержание югославских войск, сформированных в СССР, было израсходовано более 52 млн руб. [9, с. 160]. Кроме того, СССР оказал помощь в снабжении продовольствием гражданского населения Югославии. Так, в начале декабря 1944 г. в эту страну было отправлено более 53 тыс. т зерна, муки, гороха и кукурузы [21, с. 283].

В соответствии с соглашением от 15 ноября 1944 г., вопрос о материальном или о каком-либо другом возмещении со стороны Югославии Советскому Союзу за передаваемое вооружение и другое имущество должен был быть разрешен в особом соглашении [41, л. 165–166]. Однако в итоге каких-либо соглашений, обязывавших югославское правительство к такому возмещению, подписано не было [37, с. 430]. В 1946 г. Югославия оплатила авиатехническое имущество на сумму 25,6 млн руб. Кроме того, она потратила 28,9 млн руб. на содержание частей

Красной армии на своей территории. В дальнейшем, СССР фактически отказался от предъявления претензий к Югославии за вооружение и имущество, переданное во время войны с Германией, на сумму 230,7 млн руб., а также за трофейное имущество [40, л. 36, 39].

Шестым направлением советской помощи было преобразование НОАЮ в регулярную армию Югославии. Еще во время визита И. Б. Тито в Москву в сентябре 1944 г. было решено, что к концу 1944 г. Красная армия поставит оружие и технику для 12 дивизий НОАЮ (около 10 тыс. чел. в каждой) и двух дивизий югославских ВВС [42, с. 52]. До конца 1944 г. при помощи СССР было осуществлено перевооружение 11 югославских дивизий [13, с. 86].

В январе 1945 г. командование НОАЮ просило оружие и технику еще для 10 дивизий [13, с. 86]. 10 февраля было принято соответствующее решение ГКО [11, с. 144–145]. С марта по сентябрь 1945 г. СССР передал Югославии вооружение и имущество для оснащения 20 пехотных дивизий 6-тысячного состава, трех артиллерийских и двух танковых бригад, одной смешанной и одной транспортной авиационных дивизий, трех армейских инженерных и одного понтонного батальона, трех полков связи и трех автомобильных полков [9, с. 157], а также другое имущество: например, в марте 1945 г. – материальную часть и вооружение 82-го зенитного артиллерийского полка, дислоцировавшегося в Белграде [35, л. 138], в мае 1945 г. – 740 т ГСМ от 3-го Украинского фронта [9, с. 157].

Была оказана помощь в создании югославской системы военного образования. Согласно постановлению ГКО от 10 февраля 1945 г., были переданы самолеты, вооружение и другое имущество на формирование летной школы численностью 780 курсантов; школы механиков (720 чел.); школы младших авиаспециалистов (400 чел.), десяти пехотных школ подготовки офицеров (по 1000 чел. каждая), пехотной офицерской школы (2000 чел.), курсов усовершенствования старших и высших офицеров (500 чел.), десяти артиллерийских школ и учебных центров (1500 чел.), инженерного училища (1000 чел.), училища связи (1200 чел.), танкового учебного центра (100 чел.). Также была оказана помощь военной литературой, учебными пособиями топографическими картами и пр., разработкой штатов и табелей для формируемых штабов, соединений и частей Югославской армии, в организации мастерской по ремонту артиллерийского и стрелково-минометного вооружения [11, с. 145–147]. Советская помощь позволила партизанской югославской армии перерасти в солидную, оснащенную современным вооружением, обученную армию [13, с. 87].

Таким образом, в годы Второй мировой войны СССР оказал широкомасштабную и многоплановую военную помощь народно-освобо-

дительному движению Югославии. Основные виды помощи включали в себя формирование югославских воинских частей, обучение военнослужащих, предоставление советских военных советников и инструкторов и материально-техническое снабжение югославской армии.

Процесс оказания Советским Союзом военной помощи югославскому народно-освободительному движению имел следующие стадии:

разворачивание материально-технической помощи НОАЮ: декабрь 1943 г. – май 1944 г.;

начало обучения югославских военнослужащих в СССР, усиление помощи НОАЮ: май–сентябрь 1944 г.;

обучение и создание югославских воинских формирований на территории СССР и Югославии: сентябрь 1944 г. – май 1945 г.

В географическом аспекте военная помощь югославскому народно-освободительному движению была оказана на территории СССР и Югославии, а также с использованием территории Италии и Румынии, где располагались советские авиабазы по снабжению НОАЮ.

Список литературы

1. Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО). Ф. 135 (Управление Московского Военного Округа). Оп. 12462. Д. 556.
2. *Pojić Milan*. Hrvatska pukovnija 369. na istočnom bojištu 1941.–1943.: ratni dnevnik. Zagreb : Hrvatski državni arhiv, 2007. 366 s.
3. *Petranović Branko*. Jugoslovenska revolucija i SSSR: 1941–1945. Beograd : Narodna knjiga, 1988. 369 s.
4. *Гуренко Ю. С.* Советско-югославские отношения: Страницы истории. М. : Международные отношения, 1983. 192 с.
5. *Вргович С.* Партизанскими тропами. М. : Воениздат, 1977. 142 с.
6. ЦАМО. Ф. 7 (Главное Организационное управление ГШКА). Оп. 30. Д. 580.
7. Советско-югославское боевое сотрудничество в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал. 1978. № 5. С. 67–82.
8. ЦАМО. Ф. 7. Оп. 30. Д. 732.
9. *Шинкарев И. И.* Роль Советского Союза в создании вооруженных сил стран Восточной и Юго-Восточной Европы в годы Великой Отечественной войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 1966. 293 с.
10. Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (Справочно-статистические материалы) / под общ. ред. А. П. Белобородова. М. : Воениздат, 1963. 624 с.
11. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг.: в 2 т. Т. 1: 1944–1948 гг. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М. : РОССПЭН, 1999. 687 с.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 82 (Молотов В. М.). Оп. 2. Д. 1372.

13. *Dimitrijević Bojan B.* Jugoslovenska Narodna Armija, 1945–1959. Beograd : Institut za savremenu istoriju, 2014. 444 s.
14. *Животић А.* Советско-югославские военные противоречия (1947–1957): Искушения союзничества. М. : РОССПЭН, 2019. 230 с.
15. *Тимофеев А. Ю., Драгишич О., Тасич Д.* Война после войны: Движение сопротивления на Балканах, 1945–1953 гг. М. : Вече, 2020. 528 с.
16. *Ратников А. Н.* В борьбе с фашизмом: о совместных боевых действиях советских и югославских войск в годы Второй мировой войны. М. : Воениздат, 1974. 160 с.
17. *Димитријевић, Бојан Б.* Совјетска обавештајна служба у Југославији 1944–1948. године // Ослобођење Београда: Зборник радова. Београд : Институт за новију историју Србије, 2010. С. 437–455.
18. ЦАМО. Ф. 7. Оп. 881806. Д. 209.
19. Помощь СССР народам Европы в их борьбе против фашизма: новые документы о Великой Отечественной войне // Коммунист. 1975. № 7. С. 45–55.
20. *Бајић Предраг Ђ.* Савезничка војна помоћ НОП-у 1943–1945. године: докторска дисертација. Београд, 2016. 465 с.
21. Страны Центральной и Юго-Восточной Европы во второй мировой войне / под ред. М. И. Семиряги. М. : Воениздат, 1972. 302 с.
22. *Lazarević Božo.* Vazduhoplovstvo u narodnooslobodilačkom ratu 1941–1945. Beograd : Vojnoizdavački zavod, 1972. 302 s.
23. ЦАМО. Ф. 19 (Уполномоченный СНК СССР по формированию иностранных частей на территории СССР). Оп. 11539. Д. 72.
24. *Картавий С. Н.* Советская помощь в подготовке кадров для ВВС Народно-освободительной армии Югославии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Верхне-Волжского отделения Академии военно-исторических наук. 2009. Вып. VIII–IX. С. 73–83.
25. ЦАМО. Ф. 7. Оп. 30. Д. 707.
26. *Anić Nikola, Joksimović Sekula, Gutic Mirko.* Narodnooslobodilačka vojska Jugoslavije: Pregled razvoja oružanih snaga Narodnooslobodilačkog pokreta, 1941–1945. Beograd : Vojnoistorijski institut, 1982. 966 s.
27. *Кузьмин А.* Боевые действия авиагруппы под командованием А. Н. Витрука в сражениях за освобождение Югославии // Советское славяноведение. 1979. № 6. С. 8–18.
28. Боевой и численный состав иностранных военных формирований в Красной армии в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (Статистический сборник № 13) / рук. Н. П. Золотов. М. : Институт военной истории МО РФ, 2009. С. 60–62.
29. *Кукобат Илија.* Совјетски утицаји на југословенско ваздухопловство, 1941–1949: Између сарадње и супростављања. Београд : Институт за савремену историју, 2020. 255 с.
30. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1371.
31. *Стругар В.* Югославия в огне войны, 1941–1945. М. : Наука, 1985. 343 с.
32. *Плетерски Ј., Кецић Д., Васич М., Школенко Ј. А.* История Союза коммунистов Югославии : в 2 вып. Вып. 2. М. : Прогресс, 1987. 381 с.
33. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1370.
34. *Ратников А. Н., Завьялов В. И.* Югославская народная армия. М. : Воениздат, 1966. 159 с.
35. ЦАМО. Ф. 19. Оп. 11539. Д. 320.
36. *Лукомник И. И., Салехов Н. И.* Великий вклад Советского Союза в дело освобождения стран Центральной и Юго-Восточной Европы // Советское славяноведение. 1976. № 5. С. 3–12.
37. Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. : в 2 т. Т. 2 : 1949–1953 гг. / отв. ред. Т. В. Волокитина. М. : РОССПЭН, 2002. 928 с.
38. *Гибианский Л. Я.* Советский Союз и новая Югославия, 1941–1947 гг. М. : Наука, 1987. 201 с.
39. *Ivanović Vane.* Drugo zvono: Jugoslavija u ratu 1939–1945: Odlomak iz autobiografije. London : Naše delo, 1979. 192 s.
40. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д. 1374.
41. ЦАМО. Ф. 19. Оп. 11539. Д. 223.
42. *Velojić D. Z.* Cooperation of the Units of the People's Liberation Army of Yugoslavia and the 3rd Ukrainian Front of the Red Army in Niš Operation in October 1944 // Политическое пространство и социальное время: правда и ложь в политике и искусстве: сборник научных трудов. Симферополь : Ариал, 2019. С. 51–59.

Поступила в редакцию 26.10.2022; одобрена после рецензирования 28.10.2022; принята к публикации 20.01.2023
 The article was submitted 26.10.2022; approved after reviewing 28.10.2022; accepted for publication 20.01.2023

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ И МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 198–206

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 198–206
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-198-206>, EDN: UXOQQA

Научная статья
УДК 94(410)|09|+929Эльфтрида

Положение жены правителя в Англии второй половины X века: королева Эльфтрида

И. И. Болдырева

Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко, Россия, 394036,
г. Воронеж, ул. Студенческая, д. 10

Болдырева Ирина Ивановна, кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики и гуманитарных дисциплин, boldyrevairi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6708-7268>, Author ID: 734852

Аннотация. В центре внимания статьи – особенности статуса жен англосаксонских правителей второй половины X в. на примере королевы Эльфтриды. Исследование выполнено на основе широкого круга исторических источников, составленных в англосаксонскую и нормандскую эпохи. Эльфтрида была первой из позднеанглосаксонских королевы, венчанной на царство. В правление мужа и сына она обладала большим влиянием при дворе и проявляла высокую степень публичной активности. Велика вероятность причастности Эльфтриды к заговору, результатом которого стала гибель ее пасынка – Эдуарда Святого. Отношения Эльфтриды с церковью были противоречивы. Особенности идеологии бенедиктинской реформы в Англии давали ей возможность выгодно использовать свой статус королевы и матери. Вместе с тем целый ряд англо-нормандских нарративов сохранил свидетельства враждебного отношения к королеве в монашеской среде. Изменения, произошедшие в статусе королевской супруги в Англии при Эдгаре Миролюбивом, стали важным историческим прецедентом, однако коснулись не всех королевских жен. При жизни королевы-матери государева жена не имела королевского статуса и не участвовала в делах государства.

Ключевые слова: англосаксонская Англия, средневековые королевы, женщина и власть, политическая культура англосаксов, королева Эльфтрида, бенедиктинская реформа в Англии, правление Эдгара Миролюбивого, правление Этельреда II

Для цитирования: Болдырева И. И. Положение жены правителя в Англии второй половины X века: королева Эльфтрида // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 198–206. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-198-206>, EDN: UXOQQA

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

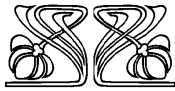
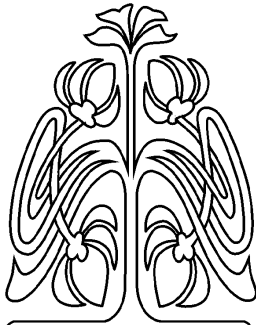
**The Position of King's wife in England in the second half of the 10th century:
Queen Aelfthryth**

I. I. Boldyreva

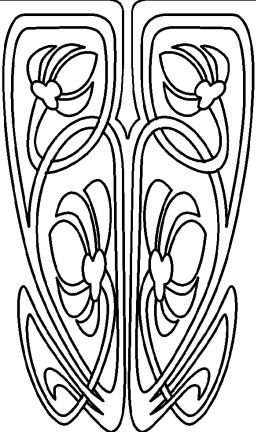
Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko, 10 Studencheskaya St., Voronezh 394036, Russia

Irina I. Boldyreva, boldyrevairi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6708-7268>, Author ID: 734852

© Болдырева И. И., 2023

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Abstract. The article focuses on the specifics of king's wife position in England in the second half of the 10th century on the example of queen Aelfthryth. The research is based on the wide range of historical evidence dating back to Anglo-Saxon and Anglo-Norman times. Aelfthryth was the first among Late Saxon queens, who were crowned and anointed. In the reign of her husband and son she enjoyed great power at court and showed high level of public activity. Aelfthryth was very likely involved in the conspiracy that resulted in the death of her stepson Edward the Saint. Her relations with the Church were contradictory. Ideological specificity of Benedictine reform in England provided the opportunity for Aelfthryth to make profit of her status of queen and mother. On the other hand, a number of Anglo-Norman narratives have preserved traces of hostile attitude to her in the monastic environment. The new features in the queen's position in England in the reign of Edgar the Peaceful established an important political precedent. However, the changes did not affect all king's wives. During the lifetime of queen mother the other royal women did not enjoy queenly status and stayed away from public affairs.

Keywords: Anglo-Saxon England, medieval queens, woman and power, Anglo-Saxon political culture, queen Aelfthryth, Benedictine reform in England, reign of Edgar the Peaceful, reign of Ethelred II

For citation: Boldyreva I. I. The Position of King's wife in England in the second half of the 10th century: Queen Aelfthryth. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 198–206 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-198-206>, EDN: UXOQQA

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Представительницы нобилитета в раннее Средневековье имели больше возможностей, чем простолудинки, оставить след в исторических свидетельствах своего времени. Героинями раннесредневековых хроник и житий чаще всего становились высокородные монахини и королевы. Статус жены правителя у англосаксов неоднократно обращал на себя внимание исследователей [1, с. 127–183; 2–6], однако в отечественной медиевистике он до сих пор изучен лишь фрагментарно. Между тем в отдельные периоды англосаксонской истории королевские жены активно проявляли себя в публичной сфере и оказывали значимое влияние на государственные дела. В центре внимания настоящего исследования – особенности биографии и социально-политического статуса королевы Эльфтриды, жены Эдгара Миролюбивого (959–975) и матери его младшего сына Этельреда II (978–1016).

В научной литературе правление Эдгара традиционно рассматривается как период значительной централизации страны, усиления церковного влияния, укрепления представлений о монархесуверене [7, с. 53–54; 8]. В его время появляется термин *Englalond* (страна англов), отразивший политическую консолидацию и стирание этносоциальных граней народов, населявших средневековую Британию [7, с. 54; 9, с. 178–179]. Рост престижа власти короля наряду с расширением его компетенций начинается еще в правление прадеда Эдгара Альфреда Великого (871–899/901). Несмотря на эти тенденции, при Альфреде и на протяжении последующих четырех десятилетий статус жены правителя в Уэссексе оставался низким. Королевские жены не имели права подписывать хартии, участвовать в государственных делах и даже сидеть на троне рядом с мужем [1, с. 132–135; 3, с. 74–76].

В 940-е гг. при дворе Эдмунда (938–946) и Эадреда (946–955) влияние приобретает их мать – вдова Эдуарда Старшего (899/901–924) Эдгифу Кентская, которая принимает участие в крупных политических интригах и подписывает хартии как *regis mater* [1, с. 141–142; 10, no. 465, 470, 475, 483, 487, etc.]. Несмотря

на отсутствие свидетельств ее возможной коронации, возвышение Эдгифу в правление сыновей следует рассматривать как важный прецедент, бенефициарами которого стали жены и матери английских правителей второй половины X – середины XI в. Среди них была Эльфтрида – первая англосаксонская королева, чье венчание на царство подтверждено достоверными историческими свидетельствами.

О венчании на царство жен раннесредневековых европейских правителей известно не так много. Традиция миропомазания королев-консортов впервые засвидетельствована историческими источниками во второй половине IX в. В 856 г. была помазана и коронована франкская принцесса Юдифь, вступившая в брак с англосаксонским правителем Этельвульфом (839–858) [11, p. 89–90]. Спустя 10 лет отец Юдифи Карл Лысый (843–877) организовал похожую церемонию для своей жены Ирментруды, с которой прожил в браке более 20 лет [11, p. 158]. Миропомазание наделяло жену правителя особым статусом и харизмой. К началу X в. у западных франков практика венчания на царство королей становится обычным явлением [12]. В Англии прецедент Юдифи оставался исключением из правила на протяжении более столетия.

В 973 г. в Бате Эдгар устроил для себя и своей супруги пышную коронацию. Ее описание сохранилось в «Житии св. Освальда», составленном на рубеже X–XI вв. рамзейским монахом Бюрхтфертом. На праздничном обеде, состоявшемся после церемонии, король сидел вместе с епископами и представителями светской знати, королева – среди аббатов и аббатис (*cum abbatibus et abbatissis*). Эльфтрида была одета в платье с накидкой, расшитой драгоценными камнями и жемчугом (*circumamicta varietate lapillorum et margaritarum*) [13, p. 438]. «Превознесенная над другими женами, – писал Бюрхтферт, – она, которую королевское величие возвысило после смерти могущественного элдрмена, ее прежнего супруга, была достойна взойти на королевское ложе, была образом изобилия. Когда брачное пиршество короля завершилось, все

разошлись по домам, благословляя короля и королеву, желая им мира и благоденствия, которого удостоились правители прошлого» [13, р. 438].

Вопрос о политическом и символическом значении этой церемонии, произошедшей на тридцатом году жизни Эдгара, достаточно сложен. По мнению Э. Джона, церемония имела очевидный теологический подтекст, изображая Эдгара как мученика, епископа и уподобляя его Христу [14, р. 135–137]. Праздничный обед, организованный после коронации, агиограф называет брачным пиршеством. Венчание на царство здесь символически изображается как обручение короля своему королевству [14, р. 135–137].

Благодаря церемонии 973 г. Эльфтрида стала приближена к сакральной фигуре короля и принимала на себя часть этой сакральности. Королева Эльфтрида была третьей женой Эдгара и дочерью элдормена Ордгара. «Англосаксонская хроника» сообщает об их браке под 965 г. [15, р. 119]. До Эдгара Эльфтрида была замужем за элдорменом Восточной Англии Этельвольдом и к моменту своего второго замужества овдовела. Позднее Уильям Мальмсберийский подробно рассказал историю знакомства Эльфтриды и молодого короля.

Согласно повествованию англо-нормандского историка Эльфтрида обладала редкой красотой, о которой шла молва при дворе. Прослышав о красавице, Эдгар отправил в дом ее родителей своего доверенного элдормена Этельвольда, чтобы тот посмотрел, так ли хороша девица, и сосватал ее за сюзерена. На беду Эльфтрида приглянулась самому Этельвольду и он вознамерился жениться на ней. Вернувшись к Эдгару, элдормен доложил, что внешность у девицы самая обыкновенная, и на время эта история была забыта. Когда обман раскрылся, король решил отомстить. Сделав вид, что ничего не знает, он сообщил эрлу, что намерен нанести визит его молодой жене. Напуганный последствиями скорого разоблачения Этельвольд поспешил к супруге, сознался во всем и просил, чтобы она спасла его, представ перед королем в одежде, которая была ей как можно более не к лицу. Однако коварная женщина сделала все наоборот. Эдгар влюбился с первого взгляда и не остановился перед убийством Этельвольда. Пригласив элдормена на охоту, он заколол его копьем [16, р. 159–160].

В современной историографии первого супруга Эльфтриды идентифицируют как старшего сына Этельстана Полу короля [17, р. 96]. Элдормен Восточной Англии, унаследовавший эту должность, после того, как его отец принял монашество в Гластонберийском аббатстве, Этельвольд на рубеже 950–960-х гг. свидетельствовал королевские хартии [10, по. 680–685]. После 962 г. его подписи из грамот исчезают. Вскоре король Эдгар женится на его вдове.

До Эльфтриды Эдгар был женат дважды и от этих браков имел детей. Две его первые жены – Этельфледа и Вульфтрида – не свидетельствовали королевские хартии, что указывает на их слишком малую значимость при дворе в то время, когда был велик авторитет бабки короля Эдгифу Кентской. Англосаксонские источники об этих женщинах ничего не сообщают. Всей известной нам информацией мы обязаны англо-нормандским свидетельствам. В частности, Уильям Мальмсберийский отмечает, что Этельфледа принадлежала к знатной семье, и называет ее матерью Эдуарда (975–978) – старшего сына короля Эдгара [16, р. 161]. В 975 г. Эдуард унаследовал престол своего отца, но спустя несколько лет был убит заговорщиками.

Представительницей знатного рода также была Вульфтрида, которая родила Эдгару дочь Эдиту и после развода стала настоятельницей Уилтонского монастыря. Благодаря «Житию святой Эдиты» [18] и «Житию святой Вульфхильды» [19], составленным Госцелином Кентерберийским, о Вульфтриде сохранилось больше исторических сведений, чем о ее предшественнице. Вульфтрида и ее сестра св. Вульфхильда были дочерьми Вульфхельма, состоявшего в родстве с королевской семьей. Сначала король отчаянно добивался Вульфхильды, монахини Уилтонского монастыря, и лишь после решительного сопротивления переключил свое внимание на ее сестру, проживавшую в той же обители. Госцелин красочно повествует о том, как св. Вульфхильда укрылась от Эдгара в алтаре, и пристыженный король был вынужден удалиться [19, р. 14–17]. В отличие от Вульфхильды, посвятившей себя Богу, Вульфтрида, по словам Госцелина, не давала монашеских обетов: «Король, оставив Вульфхильду, принял по Промыслу Божьему свою родственницу Вульфтриду, дочь брата своего отца Вульфхельма. Она обучалась в мирской одежде в том же монастыре Уилтон, что и Вульфхильда и была в равной мере известна своей красотой и знатностью и достойна короля и королевства происхождением и нравами» [19, р. 17].

В Англии X–XI вв. знатные девицы-мирянки действительно были среди обитательниц привилегированных монастырей, проживая там какое-то время на положении воспитанниц. В «Житии Эдуарда Исповедника», историческом источнике второй половины XI в., говорится о том, что в Уилтоне воспитывалась дочь эрла Годвина Эдита. Результатом такого образования стало то, что она владела несколькими иностранными языками, увлекалась чтением и рукоделием [20, р. 22]. Впоследствии дочь могущественного эрла становится женой короля Эдуарда Исповедника (1042–1066). Информация, которую предоставляет Уильям Мальмсберийский относительно статуса Вульфтриды, несколько отличается от того, что пишет по этому поводу Госцелин. В частности, Уильям утверждает, что

ко времени ее знакомства с королем монахиней она не была, но затем из страха перед монархом надела монашеские одежды. Архиепископ Дунстан был сильно разгневан [16, р. 161].

Принимая во внимание сохранившиеся нарративы, мы не можем в точности утверждать, были ли отношения Эдгара с Этельфледой, а затем с Вульфтридой одобренными церковью легитимными брачными союзами, или речь идет о конкубинате, тем более что король Эдгар прослыл большим дамским угодником. Уильям Мальмсберийский приводит несколько скандальных историй, относящихся к личной жизни короля. В частности, он пишет о том, как Эдгар выкрал из обители знатную монахиню и сделал ее своей сожительницей. По окончании времени епитимьи, наложенной св. Дунстаном, король начал преследовать одну мирскую девицу, а затем переключил свое внимание на ее служанку [16, р. 160–161]. В возвышении королевы в Англии конца X в. значимую роль сыграла не только континентальная традиция, но и личное расположение Эдгара к Эльфтриде, которая была единственной из его женщин, кто оставил более или менее заметный след в исторических источниках. Она же, не считая Юдифи Франкской, стала первой англосаксонской королевой, венчанной на царство.

Важный шаг к повышению статуса англосаксонской королевы был предпринят еще ранее 973 г. Он был связан с церковной реформой, начатой в правление Эдгара. Реформа имела своей целью возрождение монастырей как культурных и интеллектуальных центров, укрепление благочестия их насельников и насельниц, повышение образованности клира. Она проводилась при тесном сотрудничестве с короной и отстаивала ее интересы. В «Regularis Concordia», принятом на Винчестерском синоде (966 г.) своде правил, регламентирующих монашескую жизнь, король и королева провозглашались покровителями мужских и женских монастырей: «И он [Эдгар] мудро распорядился, чтобы его жена Эльфтрида защищала обители монахинь подобно бесстрашному стражу, так, чтобы мужчина мог содействовать мужчинам, женщина – женщинам без тени недоразумения» [21, р. 2]. Реформаторы не просто наделили жену монарха важными официальными функциями. В приведенной цитате можно заметить деликатный намек на неблагочестивое поведение Эдгара, который до свадьбы с Эльфтридой неоднократно избирал предметом своих увлечений монастырских пострижениц.

Роль королевы как официальной покровительницы монахинь также подчеркивалась в предисловии к англосаксонскому переводу устава св. Бенедикта, выполненному епископом Этельвольдом по просьбе королевской четы: «И он [Эдгар] заселил монахов во многих районах всех своих владений... В некоторые места он также

заселил монахинь и поручил их своей супруге Эльфтриде, чтобы она помогала им в любой нужде. Сам он всегда проявлял заботу о благополучии монахов и мягко наставлял ее заботиться о монахинях, следуя его примеру» [22, р. 848]. Ответственность государевой семьи, в том числе королевы, за благополучие монастырей и монашествующих была одной из специфических черт англосаксонской церковной реформы.

Политическое влияние англосаксонских женщин в VII–VIII вв. было также связано с церковью и монашескими общинами. Женитьба языческих правителей на христианских принцессах способствовала христианизации Кента, Нортумбрии, Мерсии [23, р. 72–75, 162–167, 172–175, 278]. Многие англосаксонские аббатисы, в том числе Хильда и Эльфледа Уитбийские, Эбба Колдингемпская, Сеаксбурга Илийская обладали большим авторитетом [23, р. 404–415; 24, р. 78–79, 128–133]. Активное сотрудничество королев с церковью, стимулировавшее рост их влияния, наблюдается в период бенедиктинской реформы. Однако теперь время могущественных аббатис уходит в прошлое, и это сотрудничество приобретает новое содержание. Реформаторы наделяют жену монарха важными общественными функциями. Не случайно среди королевских грамот второй половины X в., заверительницами которых выступали королевы, часто встречаются церковные пожалования. В XII в. илийские монахи помнили невестку Эльфтриды Эмму как щедрую дарительницу, пожаловавшую аббатству несколько покровов и алтарных завес, расшитых золотом и богато украшенных драгоценными камнями [25, р. 149, 294]. Сама Эльфтрида была основательницей женских монашеских общин в Уэрвелле (Хэмпшир) и Амсбери (Уилтшир), оказывала покровительство Винчестеру, Или, контролировала Баркинг.

С епископом Винчестера Этельвольдом королеву Эльфтриду связывала многолетняя дружба. По мнению некоторых исследователей, Этельвольд мог быть составителем «Regularis concordia» [26, р. XLIV–XLV]. Одна из хартий, относящихся к правлению Эдгара, сохранила информацию о содействии Эльфтриды продлению феодальных привилегий землям Винчестера, за что она получила от епископа 50 манкузов золота [27, р. 92–95]. Другая хартия отмечает помощь королевы в вопросе урегулирования границ между местными монастырями [27, р. 102–105]. О хороших отношениях между Эльфтридой и Винчестерским предстоятелем также свидетельствует официальное письмо королевы, составленное в конце 990-х гг., из которого следует, что еще в правление Эдгара Эльфтриде удалось урегулировать земельный спор между одним из королевских тенев и Этельвольдом [28, р. 396–397].

Именно в Винчестере в период бенедиктинской реформы активно распространяется почитание Богоматери, что послужило индикатором и одновременно инструментом роста влияния англосаксонских королей. В поздней англосаксонской иконографии Богородица предстает в образе Небесной Царицы. Первые такие изображения совпадают по времени с коронацией Эльфтриды [29, р. 162, 166; 30, р. 47, 163–164].

Материнство Девы Марии – еще один аспект, оказавшийся в центре внимания англосаксонских церковных реформаторов, который могли выгодно использовать королевы. Трое из четырех королей, оказавших значимое влияние на политическую жизнь Англии второй половины X – середины XI в., были матерями. В браке с Эльфтридой у Эдгара родились двое сыновей. Этелинг Эдмунд ребенком умер в начале 970-х гг. [15, р. 118]. Этельред впоследствии стал королем Англии. После смерти второго мужа статус матери позволил Эмме Нормандской отстаивать притязания своего сына Хардакнута (1040–1042) на престол. Эдгифу, не игравшая при дворе Эдуарда Старшего какой-либо заметной роли, в правление детей проявила серьезную политическую активность. Пик политической карьеры Эльфтриды также приходится на правление сына.

Первые засвидетельствованные Эльфтридой королевские хартии были пожалованы еще в 960-е гг., до ее коронации. Здесь она за немногим исключением фигурирует как *Aelfðryð regina* и ставит свою подпись после епископов перед аббатами [10, no. 766, 767, 771, 789, 794, etc.]. При короле Этельреде имя Эльфтриды встречается среди заверителей королевских хартий чаще, чем в предшествующие годы. В ряде его хартий ее подпись следует сразу после королевской, что указывает на рост ее влияния [10, no. 841, 891]. Титулатура, которую использует Эльфтрида, также меняется. Если отдельные хартии именуют ее *Aelfðryð regina* [10, no. 835, 837, 840, 843, etc.], то другие – *mater Regis* [10, no. 838, 841, 842, 845, etc.]. Однако даже в правление сына положение Эльфтриды при дворе не всегда было стабильным. В период с 984 по 993 г. она не подписывала королевские грамоты, что может указывать на удаление от государственных дел из-за болезни или опалы.

Материнство и, в частности, наличие сыновей, рассматриваемых в качестве потенциальных наследников престола, было в средневековом обществе в числе важных составляющих, обеспечивающих относительно прочное положение королевы при дворе. Такая закономерность вполне объяснима, учитывая стремление средневековых монархов сохранить престол за своими потомками. Вместе с тем нельзя переоценивать влияние рождения наследника на авторитет жен англосаксонских государей. Степень влияния королевы при дворе зависела от целого ряда обстоятельств,

в том числе от ее личной харизмы, влияния семьи, симпатии монарха. Известно, что до брака с Эммой Нормандской Этельред II был женат и от этого брака имел детей [31, р. 455], но его первой жене не удалось оставить след в дошедших до нас англосаксонских источниках. Напротив, влияние бездетной Эдиты, жены Эдуарда Исповедника (1042–1066) во многом держалось на могуществе семьи, к которой она принадлежала, и с которой король был вынужден считаться.

Интересно, что в поздний англосаксонский период сыновья, рожденные в браке с помазанной на царство королевой, не имели безусловного приоритета перед прочими наследниками. После кончины короля Эдгара на английском престоле оказался его сын от одного из предыдущих браков Эдуард (975–978). В марте 978 г. юный король был убит заговорщиками в замке Корф, где жила вдовствующая королева Эльфтрида и его сводный брат этелинг Этельред [15, р. 122–123]. Очень скоро Эдуард приобрел в народе репутацию святого мученика, а королеву-мать стали обвинять в убийстве пасынка. В 1070-е гг. на страницах «Жития святой Эдиты» о причастности Эльфтриды к убийству Эдуарда упоминал Госцелин Кентерберийский [18, р. 50]. Не исключено, что Госцелин, часто посещавший Уилтон, получил эту информацию от старых уилтонских монахинь, хранивших воспоминания современников этих событий. Обвинение в адрес Эльфтриды мы находим у целого ряда англонормандских хронистов – Иоанна Вустерского, Генриха Хантингдонского, Уильяма Мальмсберийского [32, с. 247; 31, р. 107; 16, р. 163–164].

Уильям рассказывает о последнем дне жизни Эдуарда наиболее подробно и эмоционально. Согласно его нарративу, подослав убийц к ненавистному пасынку, королева Эльфтрида учтиво приветствовала его у стен замка и по обычаю подала ему кубок. В это время ее люди напали на юного короля. Один из них пронзил его кинжалом. Смертельно раненный король в агонии вскочил на своего коня. Одна из его ног запуталась в стремени, и лошадь понесла его в лес. Когда ее остановили, Эдуард был уже мертв. Мученика спешно похоронили без каких-либо почестей, подобающих королевскому статусу [16, р. 163–164].

У Эльфтриды были основания желать смерти Эдуарду. Это событие открывало путь к трону ее сыну Этельреду. Желание возвести на престол своего отпрыска сразу несколько хронистов называют основным мотивом действий вдовствующей королевы [16, р. 163; 25, р. 128]. На сегодняшний день в историографии относительно причастности Эльфтриды к гибели Эдуарда нет единого мнения. Некоторые исследователи допускают, что она могла спланировать убийство пасынка и, возможно, приложила усилия, чтобы заговорщики остались безнаказанными [33, р. 785; 34, р. 14].

Известный британский историк Ф. Стентон, напротив, отрицал участие королевы в заговоре на том основании, что в самом раннем нарративе, освещающем убийство Эдуарда, упоминание ее вины отсутствует [35, р. 372–373]. Этим нарративом является латинское житие св. Освальда Вустерского, атрибутируемое Бюрхтферту Рамзейскому. Освальд занимал Йоркскую кафедру с 971 г. вплоть до своей кончины в 992 г. [13]. Памятник был составлен на рубеже X–XI вв. спустя всего несколько лет после смерти архиепископа. Здесь утверждается, что юный Эдуард своим поведением и дерзкими речами нанес оскорбление многим влиятельным особам, а его смерть представлена как результат заговора нобилей, находившихся на службе у этелинга Этельреда [13, р. 449]. При этом Ф. Стентон называет «Житие св. Освальда» наиболее информативным свидетельством (*best-informed account*) по истории Англии тех нескольких лет [35, р. 372].

На наш взгляд, используя этот источник для изучения обстоятельств трагической гибели короля Эдуарда, необходимо принимать во внимание важную деталь. Житие было составлено в правление сына Эльфтриды Этельреда II и, возможно, еще при жизни королевы. Логично предположить, что приведенный здесь рассказ о смерти Эдуарда должен был соответствовать «официальной» версии, получившей одобрение королевской семьи.

К XII в., а возможно, и ранее, образ Эльфтриды стал синонимом злой королевы и злой мачехи и оказался овеянным многочисленными легендами. Так, Генрих Хантингдонский утверждал, что Эльфтрида, когда подавала чашу Эдуарду, сама пронзила его ножом [32, р. 247]. Нарратив мальмсберийского книжника сохранил эпизод о чуде, произошедшем вскоре после расправы. Здесь говорится о том, как Эльфтрида села на своего коня, на котором обычно путешествовала верхом, но животное не двинулось с места. Когда ей привели другого коня, он также воспротивился вести на себе убийцу [16, р. 163].

В «Илийской книге», монастырской хронике XII в., Эльфтрида представлена не только как убийца Эдуарда, но и виновница смерти местного настоятеля Бюрхтнота, который умер в 990-е гг. Хронист изображает ее ведьмой, умевшей превращаться в животных и занимавшейся изготовлением различных снадобий. Он пишет, как однажды по пути ко двору аббата монастыря Или Бюрхтнот проезжал через лес и, углубившись в лесную чащу по естественной нужде, застал здесь королевеву-мать за приготвлением колдовского зелья. Несмотря на то, что аббат быстро скрылся, эта случайная встреча не осталась незамеченной. После аудиенции у короля святой Бюрхтнот был препровожден к Эльфтриде по ее просьбе. Однако вместо разговора о спасении души она попыталась соблазнить святого, поскольку опасалась, что он расскажет всем о ее

увлечении волхвованием. Когда чары королевы не смогли склонить аббата к греху, Эльфтрида стала действовать решительнее. По приказу королевы две ее служанки проникли к святому мужу и нанесли ему смертельные раны. Преступление удалось скрыть. При этом, – пишет илийский книжник, – из страха перед королевой никто не вознамеривался даже шепотом сказать что-либо злое о ней или донести на нее [25, р. 127–128]. Обо всем об этом стало известно от самой Эльфтриды, которая впоследствии раскаялась и исповедовала свои грехи [25, р. 127].

История убийства Эльфтридой илийского аббата Бюрхтнота не имеет параллелей в более ранних источниках. Некоторые детали повествования отчетливо указывают на его легендарный характер. У нас нет возможности опровергнуть или доказать справедливость обвинений, которые выдвигали против королевы средневековые церковные писатели. Эти истории, скорее, свидетельствуют о том, что Эльфтрида была властной женщиной и влиятельной политической фигурой в правление своего мужа и сына. В окружении короля ее влияние устраивало не всех. Для достижения своих целей она использовала все средства: активно участвовала в политических интригах, вмешивалась в церковные дела. В монастырских кругах ее многие не любили и воспринимали как врага. Рассказ об убийстве аббата Бюрхтнота, по всей видимости, был частью старого предания, на протяжении многих десятилетий циркулировавшего среди илийской братии.

Интересно, что в Илийском аббатстве Эльфтрида запомнилась еще и как благотворительница. Хроника сообщает, что она и король Эдгар неоднократно жаловали землю монастырю [25, р. 111, 116]. Сохранилось свидетельство посещения Эльфтридой Илийского аббатства вместе с Этельредом еще до его восшествия на трон. Поводом для визита стало оглашение завещания крупного землевладельца Сиферта Даунемского, который в то время тяжело болел и перед смертью решил оставить Или часть своих владений. Оглашение завещания состоялось на территории Илийского монастыря в присутствии епископа Этельвольда, который привез с собою этелинга и его мать в качестве свидетелей [25, р. 86].

Несколько поздних нарративов сообщают, что в конце своей жизни Эльфтрида покаялась и на собственные средства основала монастырь Уэрвелл на юге Англии. Здесь она поселилась как мирянка и предалась молитвам, плачу и посту, щедро помогала церкви земельным и другим имуществом [16, р. 164; 25, р. 128].

Помимо Илийского аббатства и Уилтона, неприятные воспоминания об Эльфтриде сохранились в исторической памяти баркингской общины. В Баркинге Эльфтриду упрекали за то, что благодаря ее наветам из обители была изгнана аббатиса Вульфхильда, почитавшаяся святой.

Еще в 960-е гг. бенедиктинские реформаторы позволили королеве вмешиваться в дела женских монастырей. Как демонстрирует опыт Баркинга, это вмешательство иногда порождало серьезные внутренние конфликты. Так, баркингские священники в противостоянии Эльфтриды и Вульфхильды приняли сторону королевсы [19, р. 21].

Неприянь Эльфтриды к настоятельнице этого монастыря можно объяснить чувством ревности. Еще до знакомства с Эльфтридой король Эдгар был сильно увлечен юной Вульфхильдой и преследовал ее [19, р. 14–17]. Возвращение подвижницы в Баркинг произошло только 20 лет спустя. Госцелин Кентерберийский, автор жития св. Вульфхильды, связывает это событие не с раскаянием Эльфтриды, а с серией произошедших с ней чудес. Согласно его нарративу однажды, когда королева посещала осиротевший монастырь, ее начали преследовать неприятности: стали умирать животные, ее люди, наконец заболела она сама. Во время горячей молитвы ей явилась основательница обители – жившая в VII в. святая Этельбурга Баркингская. Преподобная предстала перед королевой, одетой в лохмотья (*veste pannosa et conscissa*) и обвинила ее в том, что она лишила Баркинг его лучшего украшения. Подвижница строго спросила королеву: «Как дерзаешь ты находиться в этом святом месте, которое, как и я, обездолено?» [19, р. 21]. Она пригрозила, что болезнь приведет к кончине, если Вульфхильда не будет возвращена в монастырь. Испуганная Эльфтрида была вынуждена послать за Вульфхильдой и с должными почестями вернуть ее в Баркинг. Болезнь отступила [19, р. 21]. Эпизод явления преподобной Этельбурги в том виде, в котором он помещен в текст памятника, свидетельствует о неприемлемости, с точки зрения общины, вмешательства королевсы в монастырскую жизнь. Баркингские инокини, передавшие агиографу это предание, сохранили враждебное отношение к королеве Эльфтриде, которое разделяли их предшественницы – современницы этих событий.

Судя по дошедшим до нас источникам, королева Эльфтрида интересовалась не только вопросами престолонаследия и делами монастырей. Ее положение при дворе мужа, а затем сына заставляло знатных лиц искать ее расположения. К Эльфтриде обращались нобили и их жены, прося ходатайствовать об утверждении их завещаний и оставляя ей богатые подарки [36, р. 20–21, 22–23, 26–27, 38–39]. На ее поддержку рассчитывали в урегулировании земельных конфликтов. В правовой сфере Эльфтрида проявляла высокую степень публичной активности, будучи участницей целого ряда судебных споров и сделок в качестве свидетеля или посредника. Как свидетель она упомянута в грамоте о поместьях в Бромли и Фокхэме (Кент), составленной по итогам разбирательства, развернувшегося на рубеже 970–980-х гг. [27, р. 122–125].

В записи другой судебной тяжбы между знатной дамой Уинфледой и ее соперником Леофвином, состоявшейся в начале 990-х гг., Эльфтрида упомянута дважды. Здесь она фигурирует как свидетель со стороны Уинфледы и ее покровительница. Впервые в поддержку Уинфледы Эльфтрида говорила на королевском совете, и повторно – на суде шира. Разбирательство завершилось компромиссом. Благодаря в том числе поддержке королевсы, дама получила желаемые земли, Леофвин – драгоценности своего отца [27, р. 136–139]. Интересно, что, помимо Эльфтриды, грамота перечисляет более 10 благородных дам, поддержавших истицу, аббатис и мирянок, таким образом иллюстрируя сеть женских контактов в высших кругах англосаксонского социума.

Пример эффективного женского посредничества, организованного королевой Эльфтридой, находит отражение в ее официальном послании (предписании) архиепископу Кентербери Элфрику и эрлу Этельверду, составленном в период с 998 по 1001 г. Из документа узнаем, что еще в правление короля Эдгара Эльфтрида и две другие знатные дамы благополучно уладили спор, возникший из-за земель в Таунтоне (Сомерсет) между королевским тенем Леофриком и епископом Этельвольдом Винчестерским. Эти дамы доводились Леофрику женой и сестрой. Его жена по имени Вульфгита состояла в родстве с королевой [28, р. 396–397].

Тот же документ сохранил продолжение этой истории. В конце жизни королева Эльфтрида, по всей видимости, начала терять свой политический вес и, спустя много лет, оказалась ответчицей по старому делу о землях в Таунтоне. На рубеже X–XI вв. уже после смерти Леофрика с женой вокруг этих земель снова разгорелся спор. Вдовствующую королеву Эльфтриду и к тому времени покойного епископа Этельвольда обвинили в совершении сделки с нарушениями. Эльфтрида была вынуждена оправдываться: «И теперь мне говорят, что епископ Этельвольд и я силой получили грамоту [на владение земель] от Леофрика. И сегодня мне, которая все еще жива, известно об этом не более чем было бы известно ему [Этельвольду], будь он жив» [28, р. 396]. Наиболее вероятными инициаторами разбирательства были наследники Леофрика, которых не устроил переход этих земель в монастырскую собственность после его кончины. Из текста письма можно заключить, что в периоды первого и второго разбирательств Эльфтрида обладала разными возможностями при дворе. Чем завершилось это дело, нам не известно. Около 1000 г. вдовствующая королева умерла.

Подведем итоги. В политической истории Англии второй половины X в. королева Эльфтрида была одной из знаковых фигур, став первой из жен позднесаксонских правителей, чье

венчание на царство засвидетельствовано историческими текстами. Высокий статус Эльфтриды был обусловлен целым комплексом факторов: недавним прецедентом женского влияния при западно-саксонском дворе, созданным Эдгифу Кентской, континентальной традицией, личной харизмой, расположением монарха, наличием сыновей. Важными общественными функциями королеву наделяют бенедиктинские реформаторы, официально объявив ее покровительницей монахинь и женских монастырей. В правление Эдгара Мирлоубового и Этельреда II Эльфтрида расписывалась в королевских хартиях, участвовала в урегулировании земельных конфликтов в качестве свидетеля и негоциатора, ходатайствовала об утверждении завещаний представителей англосаксонской аристократии. Грамоты и казусы с ее участием иллюстрируют эффективное женское взаимодействие в придворной среде, а также хорошие отношения королевы с епископом Этельвольдом Винчестерским.

Вместе с тем отношения королевы с церковью не были однозначными. Она не только инициировала основание нескольких женских монастырей и занималась благотворительностью, но и активно вмешивалась во внутреннюю жизнь общин, что обусловило враждебное отношение к ней в монашеской среде. Эта враждебность находит отражение в целом ряде англонормандских нарративов, которые изображают ее виновницей гибели своего пасынка, преследовательницей святых, соблазнительницей и даже ведьмой. Нельзя исключать, что к гибели юного короля Эдуарда Эльфтрида действительно была причастна. Женщина, занимавшая столь высокое положение при дворе, вряд ли могла полностью дистанцироваться от драматичных событий, бенефициаром которых оказался ее малолетний сын. После смерти королевы наследницей ее высокого статуса стала ее невестка Эмма Нормандская, а после Эммы – Эдита Уэссекская, с которой вступил в брак внук Эльфтриды Эдуард Исповедник.

Отмечая изменения в статусе жены правителя Англии во второй половине X в., необходимо отметить их ограниченность. Анализ актового материала подтверждает, что степень влияния Эльфтриды не была одинакова в разные периоды правления мужа и сына. Кроме того, эти изменения коснулись не всех государевых жен. Первые жены Эдгара Мирлоубового и Этельреда II не имели королевского статуса и были удалены от государственных дел при жизни королевы-матери.

Список литературы

1. Болдырева И. И. Женщина в англосаксонском обществе конца IX – середины XI веков: социальный статус и художественный образ. Воронеж : Истоки, 2015. 211 с.
2. Болдырева И. И. Проповедь Элфрика Эншемского на ветхозаветную книгу «Эсфирь» в контексте исторических реалий Англии его времени // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2013. Т. 13, вып. 1. С. 51–57.
3. Болдырева И. И. Образ жены правителя в сочинениях англосаксонских церковных писателей и биографов VIII–IX веков // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (194). С. 74–80.
4. Clarkson T. Aethelflaed: The Lady of Mercians. Edinburgh : John Donald, 2018. 256 p.
5. Stafford P. Queen Emma and Queen Edith: Queenship and Women's Power in Eleventh-Century England. Oxford : Blackwell, 1997. 371 p.
6. Stafford P. Queens, Nunneries and Reforming Churchmen: Gender, Religious Status and Reform in Tenth- and Eleventh-Century England // Past and Present. 1999. № 163. P. 3–35.
7. Глебов А. Г. Англия в раннее средневековье. СПб. : Евразия, 2007. 288 с.
8. Keynes S. Edgar, rex admirabilis // Edgar, King of the English, 959–975 / ed. D. Scragg. Woodbridge : The Boydell Press, 2008. P. 3–59.
9. Шервуд Е. А. От англосаксов к англичанам: К проблеме формирования английского народа. М. : Наука, 1988. 240 с.
10. The Electronic Sawyer. Online catalogue of Anglo-Saxon charters. URL: <https://esawyer.lib.cam.ac.uk/about/index.html> (дата обращения: 15.09.2022).
11. Les annals de Saint-Bertin et de Saint-Vaast / ed. C. Dehaisner. Paris : Mme Ve J. Renouard, 1871. 506 p.
12. MacLean S. Queenship, Nunneries and Royal Widowhood in Carolingian Europe // Past and Present. 2003. № 178. P. 3–38.
13. Vita Oswaldi archiepiscopi Eboracensis // The Historians of the Church of York and its archbishops / ed. J. Raine: in 3 vols. Vol. I. London : Longman & Co., 1879. P. 399–475.
14. John E. Reassessing Anglo-Saxon England. Manchester ; New York : Manchester University Press, 1996. 204 p.
15. The Anglo-Saxon Chronicle / ed. and trans. by M. Swanton. New York : Routledge, 1996. 364 p.
16. William of Malmesbury's Chronicle of the Kings of England: From the Earliest Period to the Reign of King Stephen / ed. J. A. Giles. London : George Bell and Sons, 1847. 544 p.
17. Jayakumar S. Eadwig and Edgar: Politics, Propaganda, Faction // Edgar, King of the English, 959–975 / ed. D. Scragg. Woodbridge : The Boydell Press, 2008. P. 83–123.
18. The Vita of Edith // Writing the Wilton Women: Goscelin's Legend of Edith and Liber Confortatorius / ed. S. Hollis. Turnhout : Brepols, 2004. P. 23–67.
19. La vie de Saint Wulfilda par Goscelin de Cantorbery / ed. M. Esposito // Analecta Bollandiana. 1913. Vol. 32. P. 10–26.
20. The Life of King Edward Who Rests at Westminster / ed. and trans. by F. Barlow. 2nd ed. Oxford : Clarendon Press, 1992. 172 p.
21. Regularis Concordia: The Monastic Agreement of the Monks and Nuns of the English Nation / ed. by T. Symons. London : Nelson, 1953. 75 p.

22. English historical documents: in 12 vols. Vol. 1: c. 500–1042 / ed. by D. Whitelock. London : Eyre & Spottiswood, 1955. 863 p.
23. Bede's Ecclesiastical History of the English People / ed. and trans. by B. Colgrave, R. A. B. Mynors. Oxford : Clarendon Press, 1969. 618 p.
24. The Life of Bishop Wilfred by Eddius Stephanus / ed. B. Colgrave. Cambridge : Cambridge University Press, 1927. 192 p.
25. Liber Eliensis / ed. by E. O. Blake. London : Royal Historical Society, 1962. 463 p.
26. The Early Lives of St Dunstan / eds. M. Winterbottom, M. Lapidge. Oxford : Clarendon Press, 2012. 210 p.
27. Anglo-Saxon Charters / ed. by A. J. Robertson. 2nd ed. Cambridge : Cambridge University Press, 1939. 555 p.
28. Anglo-Axon Writs / ed. F. E. Harmer. Manchester : Manchester University Press, 1952. 604 p.
29. Clayton M. The Cult of the Virgin Mary in Anglo-Saxon England. Cambridge : Cambridge University Press, 1990. 299 p.
30. Gameson R. The Role of Art in the Late Anglo-Saxon Church. Oxford : Oxford University Press, 1995. 316 p.
31. The Chronicle of Florence of Worcester / ed. T. Forester. London : H. G. Bohn, 1854. 549 p.
32. Генрих Хантингдонский. История англов / пер. с лат., вступ. статья, прим. С. Г. Мереминского. М. : Русский Фонд Содействия Образованию и науке, 2015. 608 с.
33. Hart C. St Edward called Edward the Martyr (c. 962–978) // Oxford Dictionary of National Biography: in 60 vols. Vol. 17. Oxford : Oxford University Press, 2004. P. 783–785.
34. Higham N. J. The Death of Anglo-Saxon England. Stroud : Sutton, 1997. 234 p.
35. Stenton F. Anglo-Saxon England. Oxford : Clarendon Press, 1971. 765 p.
36. Anglo-Saxon Wills / ed. by D. Whitelock. Cambridge : Cambridge University Press, 1930. 244 p.

Поступила в редакцию 28.10.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 28.10.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 20.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 207–212
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 207–212
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-207-212>, EDN: YUGYLO

Научная статья
УДК 94(437.1)|1278/1283|+929

«Злые годы» после гибели короля Пржемысла Оттокара II в Чехии и регентство Оттона Бранденбургского (1278–1283)

Д. И. Кузьмин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 41012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Кузьмин Даниил Игоревич, аспирант кафедры всеобщей истории, vasily.sekacheff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8128>, Author ID: 1131371

Аннотация. В статье освещаются политические события, происходившие в Чешском королевстве в период с 1278 по 1283 г., известные в национальной исторической традиции Чехии как «Злые годы». В центре внимания находятся обстоятельства вступления на королевский престол Вацлава II, в силу малолетства оказавшегося жертвой политических интриг как собственных придворных, так и внешних сил.

Ключевые слова: Вацлав II, Королевство Чехия, Священная Римская империя, XIII век, Пржемысловичи, голод

Для цитирования: Кузьмин Д. И. «Злые годы» после гибели короля Пржемысла Оттокара II в Чехии и регентство Оттона Бранденбургского (1278–1283) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 207–212. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-207-212>, EDN: YUGYLO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

The “Evil Years” after the death of King Przemysl Ottokar II in Bohemia and the regency of Otto of Brandenburg (1278–1283)

D. I. Kuzmin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Daniil IgorevichKuzmin, vasily.sekacheff@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0478-8128>, Author ID: 1131371

Abstract. This article covers the political events that took place in the Czech Kingdom in the period from 1278 to 1283, which is known as the “Evil Years” by the national historical science of the Czech Republic. The main topic of this study is the difficult accession to the throne of Wenceslas II, due to his early childhood, who became a victim of political intrigues of both his own courtiers and external forces.

Keywords: Wenceslas II, Kingdom of Bohemia, Holy Roman Empire, XIII century, Premyslids, famine

For citation: Kuzmin D. I. The “Evil Years” after the death of King Przemysl Ottokar II in Bohemia and the regency of Otto of Brandenburg (1278–1283). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 207–212 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-207-212>, EDN: YUGYLO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Период Великого Междоусобия, охвативший Священную Римскую империю во второй половине XIII столетия занимает исключительно важное место в средневековой истории Чешского королевства. В период с 1246 по 1278 г. Чехия предприняла первую попытку построения крупной империи на просторах Центральной Европы. В годы правления Пржемысла Оттокара II в состав королевства вошли многие феодальные образования, расположенные на южных окраинах Священной Римской империи, среди которых

наибольшую ценность представляли собой земли Австрийского герцогства.

Однако возвышение чешского короля вызвало недовольство некоторых немецких князей, сплотившихся вокруг фигуры Рудольфа Габсбурга, который осенью 1273 г. был избран новым правителем Германского государства [1]. Борьба между этими двумя монархами завершилась 26 августа 1278 г., когда армия Пржемысла Оттокара потерпела сокрушительное поражение в битве на Моравском поле, в ходе которой сам

правитель Богемии и Моравии был убит. Наследником престола стал 7-летней королевич Вацлав, не способный к управлению страной в силу своего малолетства.

Когда сообщение о гибели Оттокара дошло до столицы, королева-вдова Кунигунда распорядилась отправить гонца к маркграфу Бранденбургскому, Оттону V Длинному, который был племянником погибшего монарха и долгое время находился при его дворе, участвуя как в государственных делах, так и в военных походах. Оттон откликнулся на призыв королевы и осенью вступил в Чехию в сопровождении 400 рыцарей [2, s. 291–292].

Осенью 1278 г. в Моравию вторгся Рудольф Габсбург, предварительно распустивший часть своего ополчения [3]. Положение его настолько упрочилось, что на сторону германского короля без боя перешли такие крупные города, как Зноймо, Оломоуц, Брно, Йиглава, Глучице [4, s. 360–364], а также многие бывшие сторонники и соратники Пржемысла Оттокара.

Среди перешедших на сторону Габсбурга моравских феодалов особо выделялся епископ Оломоуцкий Бруно фон Шауэнберг, фактически являвшийся главой чешского духовенства, сыгравший огромную роль в истории Чешского государства [4, s. 364].

На протяжении всей своей жизни Бруно был доверенным лицом короля Пржемысла Оттокара, помогая ему в решении государственных вопросов. Бруно перешел на сторону Рудольфа, так как рассматривал германского короля в качестве возможного претендента на власть в Чехии. Очевидно, что уже к осени 1278 г. вскрылась слабость позиций вдовствующей королевы Кунигунды и малолетнего королевича Вацлава, не имевших значительной поддержки среди чешской знати и духовенства, которым продолжали противостоять паны из старинных родов Боришей и Витковцев. В таком положении Бруно был вынужден поддержать притязания иностранного правителя на власть в Чехии, видимо, считая такой исход лучшим из возможных [5, s. 149–154].

К концу сентября 1278 г. наметился очевидный разлад в отношениях королевы Кунигунды и Оттона V. Хотя маркграф Бранденбургский имел хорошую репутацию, в Чехию он приехал отнюдь не с добрыми намерениями и не собирался ограничиваться ролью опекуна 7-летнего королевича Вацлава, желая большего [1]. Не ожидая подобных амбиций со стороны бывшего союзника своего супруга, Кунигунда решила исправить свою ошибку, обратившись к Вроцлавскому князю Генриху IV Пробусу, который в молодые годы находился под опекой Пржемысла Оттокара и поддерживал его военные начинания в 1270-е гг. [6].

К тому моменту Рудольф уже прочно обосновался в Моравии и двинулся в поход на Чехию,

но Оттон V, занявший Пражский град, смог договориться с частью чешской знати, и объединенное чешско-бранденбургское войско преградило путь Рудольфу у г. Колина. Будучи не уверенным в своих военных силах (к тому моменту Габсбург потерял значительную часть поддержки в Империи, а имеющихся у него сил и богатств вряд ли бы хватило для удержания Чехии) [7, s. 73–74], Рудольф был вынужден пойти на переговоры [4, s. 364–365]. Интересы короля Германии представляли его главные союзники – герцог Гориц-Тироля Мейнхард II и бургграф Фридрих III Нюрнбергский. Позиции Оттона V защищали его брат Оттон IV Бранденбургский (из всех маркграфов Бранденбурга он занимал наиболее прочные позиции в данном феоде), а также епископ Оломоуца Бруно фон Шауэнберг [2, s. 294].

Переговоры состоялись в промежутке между ноябрем 1278-го [8, с. 231] и январем 1279-го г. либо в Йиглаве, либо в Чаславе [9, s. 49]. Хотя точное место встречи установить сложно, можно с уверенностью говорить о тех условиях, к которым пришли стороны. В конечном счете они выглядели следующим образом: малолетний королевич Вацлав должен был перейти под опеку Оттона V, который фактически получал всю полноту власти в Богемии. На 5 лет Моравия отдавалась под управление Рудольфу Габсбургу вместе со всеми ее доходами. Князь Вроцлавский получал под свой контроль графство Кладско, в то время как королева Кунигунда могла рассчитывать на все доходы, которые она имела со своих владений, располагавшихся в Чехии или Опавском княжестве [4, s. 367].

Последний пункт имел большое значение для самой королевы, так как, помимо дополнительного дохода, он позволял ей укрепить свое положение в Опаве, чьим князем считался Микулаш (Николай) – незаконнорожденный, но признанный сын Оттокара, надеявшийся через своих доверенных лиц собрать достаточно денежных средств, чтобы выкупить себя из плена (в который он попал по итогам битвы на Моравском поле) [4, s. 214–215]. Из-за недостатка информации невозможно однозначно утверждать, какие именно отношения связывали королеву и ее пасынка, но последующие действия позволяют предположить, что Кунигунда рассматривала Микулаша как потенциальную угрозу своему положению в стране.

Оформив раздел Чешского королевства, Рудольф также добился заключения двойного династического брака, устроив помолвку между своей дочерью Гутой и Вацлавом II, а также между его сестрой Анежкой, и своим сыном Рудольфом [11]. В связи с тем, что как Вацлав, так и Гута, еще находились в детском возрасте, их брак, как считает чешская исследовательница Харватова, носил «детский характер», из-за чего он должен был быть подтвержден позднее, когда принцессе

исполнилось бы 12, а чешскому королю – 14 лет [9, s. 50–51].

Достигнутое соглашение носило временный характер и было призвано положить конец политическим неурядицам в стране. Однако неудовлетворенность соглашением Оттона V и Генриха Пробуса привели к тому, что оно было нарушено. Уже в начале 1279 г. войска Вроцлавского князя заняли пограничный городок Броумов, что стало первым, но далеко не последним случаем пересмотра достигнутого соглашения [11, s. 214].

Непростые для Чехии времена совпали с крупными переменами среди высшего духовенства страны. В октябре 1278 г. скончался епископ Пражский – Ян III из Дражице [12, с. 151]. Хотя в Средние века католические епархии могли на протяжении долгого времени оставаться вакантными (особенно если обстановка в государстве или в Риме была неупорядоченной), в этом случае произошло обратное. Слишком разные интересы пересекались на Чехии, и поэтому вопрос интронизации нового епископа Праги стоял достаточно остро. По инициативе епископа Бруно, при поддержке чешского духовенства и с согласия архиепископа Майнца Вернера фон Эппштейна новым епископом Пражским стал Тобиаш из Бенешова [7, s. 73–75]. Представитель чешского дворянства, Тобиаш фактически являлся протее престарелого епископа Оломоуца и в каком-то смысле продолжателем его духовной и государственной миссии.

Хотя факт избрания Тобиаша на Пражскую кафедру был признан и папой, и немецким духовенством, это не позволило первому незамедлительно приступить к исполнению своих обязанностей в королевстве (не в последнюю очередь из-за интриг маркграфа Бранденбургского). Сторонниками бранденбургского правителя был захвачен костел св. Вита, не только являвшийся кафедральным собором Чехии, но и хранивший богатые пожертвования прихожан, которые Оттон V, без всяких сомнений, конфисковал в свою пользу. Возможно, желая скрыть факт хищения церковных денег, маркграф Бранденбурга не позволил Тобиашу провести богослужение в костеле и даже не впустил его на территорию Пражского града, который продолжал находиться под его контролем [9, s. 52–53]. Этим поступком Оттон испортил отношения с чешским духовенством.

Не ладилась отношения у регента и с чешскими панами, которые отказывались присягать ему на верность и признавать в нем своего сюзерена. Власть Оттона распространялась лишь на несколько замков и городов, предварительно им захваченных. Маркграф Бранденбурга не обладал должной харизмой или силой, чтобы одолеть своих политических врагов, но это не мешало ему открыто враждовать против панов, совершая на их владения грабительские набеги и подвергая наказаниям. Репрессии (как их называет Харватова) [9, s. 52–53] против знати еще

более обострили отношения между чешскими панами и бранденбургскими рыцарями, что усиливало раскол внутри страны [8, с. 232]. Многие чешские исследователи делают акцент на разбое, который чинил маркграф Оттон. Не имея возможности контролировать политическую жизнь в государстве и осуществлять властные полномочия, он старался нажиться за счет грабежа, шантажа и подкупа чешских панов [9, s. 53].

Перелом произошел в январе – феврале 1279 г. когда Оттон решил установить прямой контроль над королевой и ее сыном. Договорившись с частью городского патрициата, маркграф добился того, чтобы Вацлав с матерью переехали в Пражский град. Но уже 4 февраля королевские особы были переправлены в замок Бездез, где фактически находились в заключении [2, s. 305].

Через некоторое время (самое позднее – начале марта) Оттон V созвал съезд знати в Праге, где потребовал от чешских панов и духовенства признать свой статус королевского регента. Хотя часть дворянства принесла клятву верности, большинство светской и духовной аристократии отказалась подчиняться Оттону [4, s. 373].

Спустя несколько недель после перевода в замок Бездез королеве Кунигунде удалось бежать из плена. Весной 1278 г. по распоряжению Рудольфа тело Пржемысла Оттокара было захоронено в монастыре миноритов. Узнав об этом, королева добилась у Оттона разрешения посетить могилу своего супруга, но вместо того, чтобы отправиться в Зноймо, она прибыла в Опаву, где приступила к организации своего двора, решив вступить в открытое противостояние с маркграфом Бранденбургским [8, с. 232–233]. Хотя эта версия находит подтверждение во многих средневековых хрониках [13] и современных исследованиях [14, s. 50–52; 2, s. 305–307], Харватова не согласна с такой трактовкой событий. По ее мнению, для Оттона было важно удерживать в плену малолетнего королевича, а не его мать, которая добровольно отправилась в Бездез, дабы находиться рядом со своим сыном. Следовательно, Кунигунда изначально была свободна в принятии своих решений и именно это толкнуло ее на сопротивление бранденбургскому владычеству в стране [9, s. 55–56].

Среди немногочисленных сторонников вдовствующей королевы особо следует выделить пана Завиша из Фалькенштейна, которому суждено было сыграть большую роль как в жизни Чешского государства, так и самой Кунигунды. Представитель могущественного рода Витковцев, из ветви панов из Крумлова, Завиш происходил от замка Фалькенштейн, который находился либо в Баварии [15, s. 70–72], либо на территории Верхней [16, s. 60–383] или Нижней Австрии [17, s. 3]. Будучи молодым человеком, он находился среди тех панов, которые подняли восстание против Пржемысла Оттокара, за что и был сослан за пределы Чехии в 1277 г. [18,

s. 189–191]. На протяжении многих лет в чешской истории сохранялось представление о том, что Завиш был одним из виновников поражения Оттокара в битве на Моравском поле, когда находившиеся под его командованием войска перешли на сторону Рудольфа Габсбурга [14]. Современные исследователи пришли к выводу, что накануне сражения Витковцы достигли примирения с чешским королем, а находившийся в родстве с ними Генрих I Рожмберк и вовсе бился в сражении на стороне своего сюзерена [2, s. 293]. Что касается самого Завиша, то последний год правления Оттокара он провел в своем поместье Фалькенштейн, находившемся на территории, подконтрольной Рудольфу Габсбургу [2, s. 217–218]. Завиш вернулся в Чехию в конце 1278 г., но вскоре присоединился к панам, выступившим против правления Оттона Бранденбургского.

Хотя к этому моменту Витковцы контролировали значительную часть южной Чехии, их власть не была абсолютной. Тем более странным кажется решение Завиша разорить в 1279 г. королевский город Ческе-Будеёвице, который был для него «бельмом на глазу» [4, s. 191–192]. Обстоятельства этой акции неизвестны, как и ее последствия, но уже в следующем году Завиш перебрался в Опаву, тем самым отделившись от остальной части чешской знати, противостоящей Оттону Бранденбургскому. Здесь Завишу удалось войти в доверие к королеве и стать ее доверенным лицом. Уже в 1281 г. он был назначен маркграфом (управляющим) замка Градца, и к этому моменту относятся первые сведения об их романе. Харватова со ссылкой на Збраславскую хронику указывает на «неслыханность» подобного события в Европе, ведь королева не просто открыто вступила в отношения с человеком, который был ниже ее по социальной иерархии и к тому же считался соучастником или даже главным виновником смерти ее покойного супруга – Пржемысла Оттокара. Автор Збраславской хроники, объясняя этот необычный роман, говорит о колдовских обрядах и ритуалах, с помощью которых Завиш мог обольстить королеву [19, Сар. XVI].

Здесь следует сделать отступление и более подробно осветить обстоятельства пленения Вацлава II. В конце 1278 г. он был перевезен из Бездез в Цитгау, а позже содержался в заключении в Берлине и Шпандау [2, s. 309–310]. Автор Збраславской хроники создает трагический образ юного правителя, вынужденного претерпевать многочисленные лишения, а также холод и голод [19, Сар. X]. С некоторыми оговорками с хронистом были склонны согласиться чешские историки Й. Шуста [2, s. 310], Й. Жемличка [5, s. 211] и В. В. Томек [8, с. 233–234].

Противоположной точки зрения придерживается Харватова, полагающая, что антагонизма

между Вацлавом и Оттоном никогда не существовало, о чем, по ее мнению, свидетельствуют их тесные отношения в будущем (например, обряд опоясывания мечом Вацлава проводил сам маркграф Бранденбургский). Недостаток роскоши в содержании юного короля она объясняет скромностью средств, которыми располагало маркграфство, а также аскетичными традициями династии Асканиев [9, s. 57–59]. Физическая хрупкость чешского короля нередко объяснялась недостатком витаминов в организме, которые Вацлав недополучил в детские годы [20, s. 30].

Захват королевских особ стал катализатором дальнейшего отторжения немецкого правления в Чехии, ибо чешские паны и представители духовенства выступали против вывоза своего монарха за пределы страны. Не мог не возмущать чешских феодалов и тот факт, что после отъезда маркграфа в Бранденбург страной от имени Оттона V управлял епископ Герхард, который не допускал до богослужения епископов, находившихся в оппозиции к немецкому маркграфу.

В 1280 г. позиции Оттона в Чехии пошатнулись. Жемличка считает, что речь скорее идет о событиях осени 1281 г. [21, s. 78–79]. Дамилова хроника приводит информацию о некоторых чешских панах, поднявших восстание против Бранденбургского маркграфа. Этими панами были Цтибор из Липнице, Ярослав Яблонский, Мутина Скугровский, Мутина Врещовский, Тасс Виссембургский, Бертрам Зебинский и Гинек из Дуба. Хотя хронист не благоволил к Оттону V, он нелестно отзывался и о мятежных панах, рассказывая о том, что они грабили людей в Праге и на дорогах, ведущих к столице Чешского государства [14].

О действиях мятежников и последствиях восстания ничего не известно, но некоторые из упомянутых панов в будущем заняли видное место при дворе Вацлава II, на основании чего можно сделать вывод, что мятежники не понесли какого-либо наказания.

Вторым событием, пошатнувшим власть Оттона над страной, стал очередной поход Рудольфа Габсбурга в Чехию, состоявшийся летом–осенью 1280 г. Откликнувшись на просьбы королевы Кунигунды, Рудольф собрал внушительное войско, в которое вошли многие из его союзников, и вступил в Чехию, намереваясь низвергнуть власть маркграфа Бранденбурга. Обстоятельства этого похода неизвестны, как и планы немецкого короля на чешские земли [2, s. 310–312]. Известно, что мир 1279 г. Рудольф собирался использовать для того, чтобы фактически отделить Моравию от Чехии, превратив ее либо в особый имперский лен (что было бы нарушением условий Золотой Сицилийской буллы 1212 г.) [22, s. 29], либо сделав частью наследственных владений своей династии. Оба этих плана не были осуществлены, однако правление Рудольфа в Моравии продолжалось до тех пор, пока

Вацлав находился под опекой Оттона V [4, s. 373–375]. Эта часть королевства находилась в гораздо более спокойном состоянии, чем собственно чешские земли.

Как и в предыдущий раз, Рудольф не решился на столкновение с Оттоном (который приобрел себе союзника в лице Яворского князя Болеслава I Суrowого) и заключил с ним новое соглашение, позволившее маркграфу и дальше распоряжаться Чехией [2, s. 312]. Таким образом, как и восстание панов 1280–1281 гг., это событие не привело к заметным изменениям, но показало шаткость положения Оттона V в стране, где с каждым месяцем его поддержка ослабевала.

Напротив, продолжало возрастать влияние епископа Тобиаша, о чем свидетельствует организованное им собрание знати 20–21 мая 1281 г. в доминиканском монастыре в Праге. Присутствовавшие на сейме чешские паны (среди которых были как сторонники [23, s. 11], так и противника Пржемысла Оттокара, а также некоторые из немецких феодалов, перебравшихся в Чехию) и представители духовенства потребовали, чтобы все королевское имущество, разграбленное немецкими рыцарями и некоторыми мятежными феодалами, перешло в руки Оттона Бранденбургского. Паны должны были собрать ополчение, чтобы покончить с разбойничьими шайками и обезопасить дороги. Разорявшие в прошлые годы чешские земли паны могли избежать наказания, сдав все награбленное имущество в руки регента [2, s. 320–321]. От последнего же требовалось вернуть в Чехию королевича Вацлава. Для этих целей было решено сформировать первое посольство, которое возглавил Пулкарт Янковский – один из наиболее влиятельных и могущественных чешских панов, заслуживший репутацию верного слуги Пржемысла II Оттокара [24, s. 197].

Таким образом впервые за 3 года представители крупной земельной власти и духовенства предприняли попытку восстановить мир и благополучие в стране. Тобиаш из Бехине пытался действовать на основе законов, не присваивая себе обязанности регента, но предлагая Оттону применить свои полномочия для умиротворения Чехии [21, s. 78–79].

Представляется, что майский сейм 1281 г. был последней возможностью для Оттона реально закрепить свое положение в стране и договориться на выгодных условиях с чешской знатью. Однако условия этих договоренностей не были выполнены и не в последнюю очередь из-за пассивной позиции бранденбургского маркграфа. Хотя еще в 1280 г. он пообещал Рудольфу освободить малолетнего короля, но слова своего не сдержал [4, s. 375]. Как сообщают хроники, продолжались разбой на дорогах [25].

На рубеже 1281–1282 г. Чехию охватили голод и мор. Можно представить себе размах этих

печальных событий, на которые обратили внимание не только чешские [1], но и немецкие историки [26]. Разоренная грабежами иноземцев и внутренними раздорами, а также ужасающим голодом 1281–1282 гг., Чехия представляла собой удручающее зрелище. И в чешских, и в немецких хрониках этих лет звучат характерные апокалиптические нотки [27].

Не менее трагично описаны эти события на страницах Збраславской хроники, где отдельно упоминается о море, пришедшем в Чехию из Австрии [19, Cap. XII–XIII]. Это известие представляет интерес потому, что австрийские и немецкие хроники никак не подтверждают данную информацию. Вполне возможно, что мор произошел где-то на границе двух государств или же его последствия не отразились на Габсбургских владениях.

В этих условиях в ноябре 1281 г. делегация панов, в которую входили Пулкарт Янковский, Ярослав из Лемберка, Гинек из Дуба, Ян из Михаловиц, Бенеш из Вартемберка и Йинджих из Лихтемберка, посетила Франкфурт-на-Майне, где на аудиенции у Оттона V потребовали возвращения короля Вацлава на родину. Свой ответ маркграф дал в следующем году, предложив за Вацлава выкуп в размере 15 тыс. марок серебром [2, s. 322–325].

Необходимая сумма была выплачена 1 мая 1282 г. но Оттон в очередной раз нарушил свое слово и изменил условия сделки, потребовав новый выкуп, теперь уже в размере 25 тыс. марок серебром. Понимая, что чешские паны не смогут собрать таких денег, Оттон в качестве компенсации долга захватил ряд северных городов Чехии (Циттау, Ронов, Усти-над-Лабем, Мост, Сваров, Бездез и Дечин).

В мае 1283 г. после нескольких лет плена (фактического или же почетного) Вацлав II был освобожден и с небольшой охраной отправлен в Прагу. Молодой правитель въехал в столицу 23 мая, где с восторгом был встречен как знатью и духовенством, так и жителями города. Для автора Збраславской хроники въезд Вацлава – это триумф праведности и чести как юного короля, так и управляемого им народа. Несмотря на это, между строк можно заметить беспокойство автора из-за хрупкости здоровья Вацлава, пережившего длительное заключение и нуждавшегося в отдыхе [19, Cap. XIV–XV].

Однако другие источники (например, Дамилилова хроника) делают иные акценты. Для их авторов возвращение Вацлава – это окончание «Злых лет», начало новой главы в истории королевства, наполненное как внутренним покоем, так и громкими успехами [14].

Таким образом завершился пролог правления Вацлава II. Пребывание на троне Оттона V на страницах средневековых хроник представляется мрачным периодом, когда страна находилась

в упадке, а регент занимался фактическим грабежом вверенных ему в управление земель. Не может не удивлять двойственность образов бранденбургского маркграфа, имевшего репутацию рыцаря и мудрого правителя, с одной стороны, и жестокого разбойника – с другой.

Среди ученых XIX–XXI вв. сохраняется поразительное единство в оценке личности Оттона V и времени его правления в Чешском государстве. Такие видные исследователи, как Палацкий, Томек, Ваничек, Шуста, Жемличка, Дворник, пишут об исключительно негативных последствиях этого 5-летнего периода в истории Чехии.

Отметим, что при принципиальном единодушии историков в оценке правления в частных вопросах имеют место различные суждения. В качестве своего рода примирительной идеи мы считаем возможным высказать мнение, согласно которому, несмотря на свой деструктивный характер, период регентства Оттона Бранденбургского оказал важное влияние на становление личности Вацлава II, а также predetermined некоторые из его первых самостоятельных политических шагов.

Список литературы

1. Венские анналы / пер. И. В. Дьяконов. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Vindobonensis/frametext.htm (дата обращения: 08.11.2022).
2. Susta J. Ceske dejiny. Soumrak Premyslovcu a jejich dedictvi. Praha : Jan Laichter, 1938. 803 s.
3. Швабские анналы / пер. И. В. Дьяконов. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Svevici/text.phtml?id=11830 (дата обращения: 08.11.2022).
4. Vanicek V. Velkedejiny zemi Korunyceske III. 1250–1310. Vol. III. Praha : Paseka. 2002. 759 s.
5. Zemlicka J. Stoleti poslednich Premyslovcu. Praha : Panorama, 1998. 412 s.
6. Краковские компилятивные анналы / пер. А. С. Досаев. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_Crac_compilat/frametext.htm (дата обращения: 08.11.2022).
7. Libor J. Verne po boku sveho krále. Bruno ze Schaumburku // Osobnosti moravskych dejin: in 2 t. / eds. J. Libor, Z. Drahos. Brno : Maticе moravska, 2006. Т. 1. S. 63–76.
8. Томек В. История Чешского королевства / пер. С. Яковлева. СПб. : Изд. книгопродавца С. В. Звонарева, 1868. 843 с.
9. Charvatova K. Vaclav II. Kralcesky a polsky. Praha : Vysehrad, 2007. 352 s.
10. Wihoda M. Mikulas I. Opavsky mezi Premyslovcu a Habsburky // Cesky casopis historicky. Roc. 99. Praha : Historicky ustav AVCR, 2001. S. 209–230.
11. Флорианское продолжение / пер. А. Слезкин. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ann_st_Floriani/frametext.htm (дата обращения: 08.11.2022).
12. Чешские анналы от 1196 до 1278 г. (с 1254 по 1278 г.) / пер. с лат. А. Н. Галямичева // Славянский сборник. Саратов : ИЦ «Наука», 2019. Вып. 17. С. 138–151.
13. Sarochova G. Radostny udel vdovsky. Kralovny-vdovy premyslovskych Cech. Praha : Doktoran, 2004. S. 174.
14. Дамилилова Хроника / пер. А. Игнатъев. URL: <https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Dalimil/text2.htm> (дата обращения: 08.11.22).
15. Susta J. Zavis z Falkenstejna // Cesky casopis historicky. Roc. 1. Praha : Academia, 1895. S. 69–392.
16. Regesta diplomatica nec non epistolaria Bohemiae et Moraviae / ed. J. Emler. Praeae : Olms Verlag, 1882. 1488 s.
17. Libor J. Proces se Zavisem a promeny kralovske vlady v letech 1289–1290 // Cesky casopis historicky. Roc. 103. Praha : Historicky ustav AVCR, 2005. S. 1–40.
18. Vanicek V. Zavis z Falkenstejna a ceske slechta // Acta Universitatis Nicolai Copernici. Roc. 24. Praha : Wydawnictwo Uniwersytetu Mikoioaja Kopernika, 1990. S. 185–201.
19. Zbraslavska kronika. URL: <http://www.clavmon.cz/clavis/FRRB/chronica/PETRI%20ZITTAVIENSIS.htm> (дата обращения: 08.11.2022).
20. Antonin R. Zahranicnipolitika krále Vaclava II v letech 1283–1300. Praha : Maticе Moravska, 2009. 306 s.
21. Zemlicka J. Do tri korun. Poslednírozmach Premyslovcu (1278–1301). Praha : Nakladatelstvi Lidove noviny, 2017. 509 s.
22. Zlata Bula Sicilska / transl. J. Zemlicka. Praha : Melantrich, 1987. 40 s. URL: <https://www.psp.cz/eknih/snemy/bula.htm> (дата обращения: 08.11.2022).
23. Graebner F. Bohmische Politik vom Tode Ottokars II. bis zum Aussterben der Premysliden. Praha : Verein für Geschichte der Deutschen in Böhmen, 1903. 170 s.
24. Tomek V. Dejepis mesta Prahy. V 6 svazcích, Roc. 2. Praha : Nakladem knihkupectví Fr. Rivnace, 1892. 570 s.
25. Анналы Генриха из Хайнбурга / пер. И. В. Дьяконов. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Heinrich_Heinburg/frametext1.htm (дата обращения: 08.11.2022).
26. Ян Неплах. Сумма хроник как римских, так и чешских / пер. И. В. Дьяконова. URL: https://www.vostlit.info/Texts/rus17/Neplach_Jan/frametext1.htm (дата обращения: 08.11.2022).
27. Фюрстенфельдская хроника о деянии князей / пер. А. Кулаков. URL: http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Fuerstenfeld_Chr/text1.phtml (дата обращения: 08.11.2022).

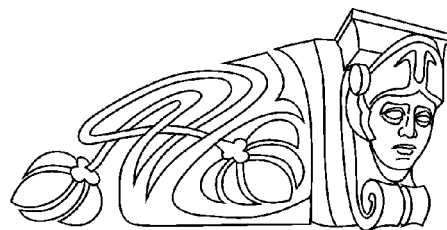
Поступила в редакцию 17.11.2022; одобрена после рецензирования 14.12.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 17.11.2022; approved after reviewing 14.12.2022; accepted for publication 20.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 213–217
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 213–217
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-213-217>, EDN: ZTFMNQ

Научная статья
УДК 94(437.6-21+439-21)|13/14|

Словацкие города в конце XIV – первой половине XV века. Специфика положения и причины расцвета

Н. А. Смирнов

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Смирнов Никита Александрович, аспирант кафедры всеобщей истории, nicitasmirnov24@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2122-6602>, Author ID: 1107744

Аннотация. Словацкие города в конце XIV – первой половине XV в. активно развивались и богатели. Это было вызвано рядом сложных взаимосвязанных причин. Важную роль тут сыграла международная торговля с Чешским королевством, Польским королевством и другими странами, горнорудными промыслами и поддержка короля в борьбе за городские права. При этом короли не переставали эксплуатировать города и искали в поддержке борьбы горожан за права самоуправления выгоду для себя. Неоднозначное влияние на городскую жизнь оказывали немецкие переселенцы.

Ключевые слова: история Словакии, история Венгрии, история городов, социальная история, экономическая история

Для цитирования: Смирнов Н. А. Словацкие города в конце XIV – первой половине XV века. Специфика положения и причины расцвета // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 213–217. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-213-217>, EDN: ZTFMNQ

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Slovak cities at the end of the XIV – first half of the XV century. The specifics of the situation and the reasons for the heyday

N. A. Smirnov

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Nikita A. Smirnov, nicitasmirnov24@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-2122-6602>, Author ID: 1107744

Abstract. Slovak cities at the end of the XIV- first half of the XV century were actively developing and getting richer. Their situation was caused by a number of complex interrelated reasons. An important role here was played by international trade with the Czech Kingdom, the Polish Kingdom and other countries, mining and the support of the king in the struggle for city rights. At the same time, the kings did not stop exploiting the cities and sought benefits for themselves in supporting the communal struggle. German immigrants had an ambiguous influence on urban life.

Keywords: history of Slovakia, history of Hungary, history of cities, social history, economic history

For citation: Smirnov N. A. Slovak cities at the end of the XIV – first half of the XV century. The specifics of the situation and the reasons for the heyday. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 213–217 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-213-217>, EDN: ZTFMNQ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Земли современной Словакии вошли в состав Венгерского королевства в XI в. (окончательно после того как в 1018 г. польский князь Болеслав Храбрый отказался от своих претензий на эту территорию), однако славянское население смогло сохранить языковую и культурную самобытность и некоторые особенности экономической и общественной жизни [1, с. 36]. Наиболее наглядно это проявилось в городской

жизни. Поэтому для понимания места и роли словацкого населения внутри Венгерского королевства особенно важно рассмотреть специфику положения словацких городов.

Прежде всего рассмотрим процесс урбанизации королевства в целом.

Важным этапом в истории городского развития в Венгерском королевстве стал XIII в. Венгерская исследовательница Каталин Сзенде

указывает на две причины ускорения урбанизации в то время. Во-первых, это изменение трасс традиционных торговых путей, вызванное образованием в 1185 г. Второго болгарского царства во главе с династией Асеней и захват Иерусалима Саладином в 1187 г. Еще более существенно, как полагает К. Сзенде, на международную торговлю повлиял захват западноевропейскими рыцарями Константинополя в ходе Четвертого крестового похода [2, р. 190]. Вследствие этого прежние сухопутные пути левантийской торговли, проходившие либо через Балканы и Венгрию, либо вдоль Днепра, быстро утратили свое значение. Вокруг новых путей возникали и развивались торгово-ремесленные поселения. Вторым фактором, повлиявшим на судьбы городов королевства, стало монгольское нашествие. Преобразования начались еще до появления кочевников на землях Венгрии. После захвата Киева в 1240 г. изменилось направление торговли стран Азии и Западной Европы с Восточной, что нанесло удар по Венгрии как по перевалочному пункту [2, р. 191]. После разгрома армии короля Белы IV в битве на р. Шайо (11 апреля 1241 г.) и бегства короля страна была разорена, а значительная часть городов разрушена.

В следующем году Бела, заручившись поддержкой австрийского герцога Фридриха II Воителя, вернулся в свое королевство и приступил к его восстановлению. Король извлек уроки из тяжелого поражения и стал раздавать земельные наделы своим сторонникам с обязательством строить и укреплять там крепости [3, р. 249]. В результате возник целый ряд новых крепостей, которые становились культурными, административными и экономическими центрами соответствующих областей. К. Сзенде видит два важнейших для дальнейшей истории Венгрии события, вызванных такой политикой Белы: основание Буды, которая впоследствии приобрела функции столицы, и подъем горнодобывающей промышленности и шахтерских городов в землях современной Словакии [2, р. 192]. О важности этого периода венгерский историк Пал Энгель писал: «Если около 1240 года существовала лишь горстка поселений, которые можно было бы назвать городами в западном смысле этого слова, то двести лет спустя мы находим несколько десятков таких поселений, разбросанных по всему королевству. Буда, из которой должна была родиться столица Венгрии, служит символом того, что произошло во время этого периода. Хотя во времена монгольского нашествия овцы все еще паслись на месте того, что должно было стать Будой, после смерти Сигизмунда она превратилась в важный центральноевропейский город» [4, р. 47]. Таким образом, можно выделить две причины ускорения темпов урбанизации в Венгерском королевстве: упадок старых торговых путей и возникновение поселений вдоль новых; политика короля Белы.

Но даже после этого Венгерское королевство оставалось менее урбанизированным, чем страны Западной Европы. В XV в. в стране насчитывалось около 2 тыс. населенных пунктов, из которых 800–850 назывались в источниках *civitas* (свободный город) и *oppidum* (помещичий или сеньориальный город). Венгерский историк В. Бачкай описывает эти поселения как скорее деревенские, хотя и с некоторыми городскими признаками [5, с. 50]. Большая часть жителей таких поселений находилась в зависимости от светского или церковного феодала и занимались сельским хозяйством. Доля городского населения в королевстве оставалась незначительной. Даже в столице, крупном по венгерским меркам городе, Буде при Сигизмунде Люксембурге (1387–1437) насчитывалось 4379 домов, что соответствует 8–10 тыс. жителей [6, с. 168]. Для сравнения отметим, что в Париже численность населения достигла 20 тыс. жителей уже около 1000 г. [7, с. 89], во Флоренции около 1260 г. – 75 тыс. [8, с. 195], в Лондоне – около 40 тыс. в XIV в. [9, р. 319]. На основании налоговых документов можно заключить, что все городское население королевства во время правления Сигизмунда составляло 30–35 тыс., или 1–1,5% жителей страны [6, с. 168–169].

Однако, несмотря на относительно невысокий процент городского населения в Венгерском королевстве, было бы ошибкой игнорировать его роль в жизни страны.

Среди городов королевства особое место занимали города, находившиеся на территории современной Словакии. К XIV в. здесь находилось 3/5 городов Венгерского королевства. Рост большинства словацких городов был связан с горнорудным делом, особенно с добычей драгоценных металлов и меди. Горное дело приносило венгерскому королю большие доходы, вследствие чего его развитие усиленно поддерживалось королевской властью. Горнорудные города (Кремница, Банска Быстрица, Любетова, Брезно, Банска Штявница, Нова Баня и др.) получали разного рода привилегии. Наряду с добычей драгоценных металлов в XIV в. значительно увеличилась добыча меди, олова и железа. Крупными центрами разработки медных руд в XIV в. были Банская Быстрица, Любетово, Брезно, а также Гельнице, Смольник, Спишске Нова Вес [10, с. 249–250].

В развитии словацкого горного дела большую роль сыграли чешские горняки, переселившиеся в Словакию в результате соглашения между королями Карлом Робертом и Яном Люксембургским. Особенно много чешских горняков и монетчиков пришло в Кремницу из Кутной Горы. В 1328 г. они образовали в окрестностях Кремницы новое поселение, получившее самоуправление и важные привилегии. В XIV в. рудники Кремницы уже соперничали с Кутной Горой. Кремница затмила своим богатством

и славой все города Словакии. Здесь, в центре золотых рудников, был основан монетный двор, где чеканился полноценный венгерский злотый.

В 1327 г. венгерский король Карл Роберт разрешил феодалам заниматься горным делом при условии, что все добытое ими золото и серебро будет за определенное вознаграждение сдаваться в королевскую горную камеру в Кремнице. О высокой степени потребности в золоте свидетельствуют прогрессивные изменения в способе его добычи. В конце столетия в Кремнице работало около 40 горно-обогачительных мельниц и плавильен, в которых было занято более 1000 наемных рабочих. Во второй половине XIV в. во всей Венгрии добывали примерно от 2000 до 2500 кг золота в год. Доля Кремницы достигала четверти этого объема [10, с. 252].

Благодаря выгодному географическому положению через словацкие земли шла большая часть торговли Венгрии с европейскими странами. Торговля с Западом шла по так называемому старому чешскому пути из Эстергома на Трнаву, Брно, Прагу, Нюрнберг, Кельн.

В 1335 г. между Венгрией, Польшей и Чехией были урегулированы территориальные претензии и подписан «Вышеградский договор», который способствовал развитию международной торговли.

В интересах развития международной торговли была создана новая дорога Кошице – Вроцлав – Прага. Оживленную торговлю вели Братислава и Трнава. Желая укрепить торговлю, король пожаловал Кошице и Левочу право склада, согласно которому иностранные купцы были обязаны выставлять здесь свои товары на продажу местным купцам, а за пределы страны могли вывозить только оставшееся после этого. Трнава также имела складочное право для чешских товаров, которые развозились трнавскими купцами по всей стране. В Братиславе чешские короли закупали продовольствие и другие товары, необходимые для войска. Из Братиславы и Эстергома в Моравию ввозились вино и фрукты. Из Моравии везли в Словакию оружие [11, р. 22]. Словацкие купцы были посредниками в торговле Польши и Силезии с Трансильванией. Торговлю с Русью и Польшей вели словацкие города Бардейов, Кошице, Прешов, Левоча и Спишские горнорудные города. Людовик Венгерский предоставил Кошице и Левоче право склада иностранных товаров. Словакия вывозила на Русь мед, вино, скот, серебро и золото, до XIV в. – в слитках, с XIV в. – в виде монет. С Вроцлавом и Краковом вели торговлю Смольник и Банска Быстрица, откуда вывозилась медь. Из Тешина купцы привозили тонкое сукно, железо и металлические изделия [12, р. 22]. Через Чехию, Австрию и Германию в Словакию ввозили тонкие фландрские сукна. С Востока шли дорогие ткани, пряности, предметы роскоши. Купцы могли использовать только специально

предназначенные для их передвижения дороги [11, р. 22].

Развитию внешней торговли в XIV в. способствовала чеканка полновесной золотой и серебряной монет. Венгерский злотый (форинт) в то время имел хождение в Чехии, Польше и даже во Фландрии. Короли Карл Роберт и Людовик поощряли торговлю словацких городов с чешскими землями, с Польшей и Русью.

Развитие торговли стимулировало рост производства в городах, в которых стали появляться цехи. Цехи в XIV в. получали письменные уставы. Первым из известных нам уставов в словацких городах является устав кошицких кожевников 1307 г. Широкое развитие получили суконное, полотняное, кожевенное и другие ремесла. Источники свидетельствуют, например, что в Жилине было много суконщиков, сапожников, ножовщиков, кузнецов, портных, кожевников и ткачей, в Турчанском Мартине проживали сапожники, столяры, гончары, кузнецы и портные, в Райце – суконщики, ножовщики, сапожники, кожевники, в том числе ремесленники, умеющие выработать цветную кожу. В каждой отрасли ремесла увеличивалось число специальностей. Так, в кожевенном ремесле имелись скорняки, кожевники-дубильщики, сапожники, ремесленники, поясники и др. Особенно большие возможности для развития ремесел имелись в горнорудных городах, где получили широкое развитие ремесла, связанные с добычей и обработкой металлов. Крупнейшим ремесленным центром был Кошице, где существовало 70 цехов [11, р. 23].

Короли пытались всячески поддерживать города, так как они являлись важнейшим источником налоговых поступлений. Кроме того, поддержка городов была важным инструментом борьбы с крупными феодалами. Ярким примером этого может послужить то обстоятельство, что король Сигизмунд Люксембург поддерживал Братиславу, способствуя ее развитию. Сигизмунд подтвердил все более ранние пожалования и привилегии, гарантированные городу представителями королевских династий Арпадов и Анжу, и, предоставив новые привилегии Братиславе, превратил ее в ведущий политический и экономический центр всего Венгерского королевства. На основании его указа от 1405 г. Братислава была включена в число важнейших городов королевства, которые стали называться свободными королевскими городами [12, р. 200].

Однако города оставались объектом эксплуатации. Для Сигизмунда Братислава была в первую очередь источником дохода. Поэтому уже в начале его правления город и значительная часть городских доходов были заложены иностранным правителям, в частности, моравским маркграфам Йодоку (Йошту) и Прокопу, и расходы по их выкупу в значительной степени должны

были нести сами бюргеры в форме чрезвычайных налогов. Такие налоги взимались с них и в дальнейшем, например, для материального обеспечения войск короля против Боснии и гуситов. Два списка кухонных счетов 1410 и 1419 гг. указывают на то, что Сигизмунд и его гости во время своих посещений города потратили на пиры 80 и 900 фунтов соответственно. Последняя сумма была результатом примерно месячного пребывания и составляла сумму намного большую, чем обычный ежегодный налог города в пользу королевской казны.

Особо следует рассмотреть влияние немецких поселенцев на словацкие города. Начиная с конца XII в., из разных областей Германии в словацкие города переселилось большое число колонистов. Много саксонцев осело в Спишских горнорудных городах и в Средней Словакии, баварцев – в Банской Штявнице и других городах. Они оказали позитивное влияние на развитие производства, поскольку принесли в Словакию прогрессивные технологии и магдебургское право [13, с. 200], которому принадлежит безоговорочное лидерство из всех систем средневекового городского права, вышедших за рамки одной городской общины, и получивших распространение не только в собственной стране, но и за её пределами [14, с. 178].

Однако немецкие колонисты, пользуясь получаемыми от правителей страны привилегиями, захватывали в словацких городах наиболее доходные отрасли производства и торговли. Как и в Чехии [16], они образовали привилегированный верхний слой городского населения – патрициат, в состав которого входили крупные купцы, ростовщики, в горнорудных городах – горнозаводчики. Основными источниками дохода патрициата были внешняя торговля, ростовничество, землевладение и домовладение, в горнорудных городах – эксплуатация горняков [15, с. 202]. Экономическое положение патрициата давало ему возможность захватить в свои руки политическую власть. Из патрицианских семейств выбирались члены городского совета – коншелы, присяжные, городской судья – рихтарж и др. Патрицианские семьи передавали свои должности по наследству. Привилегии, получаемые городами от короля, являлись прежде всего привилегиями патрициата.

В конце XIV в. в городах вследствие быстрого развития ремесла усилились позиции словацких элементов. Это привело к началу борьбы словацких ремесленников с немецким патрициатом за право участия в городском управлении. Словацкое бюргерство обращало внимание королей на засилье немцев в городском самоуправлении и на несправедливое распределение налогового обложения. В некоторых городах против патрициата вспыхивали восстания. Словацких бюргеров в борьбе против немецкого патрициата

поддерживала городская беднота (в 1381 г. крупное выступление против немецкого патрициата произошло в Жилине) [17]. Ремесленники выступили против господства немцев в городском совете и против несправедливого налогового обложения словацкого населения. Злоупотребления патрициата были настолько очевидными, что король Людовик дал словацкому населению Жилины особую привилегию, устанавливающую равное представительство словаков и немцев в городском совете.

Таким образом, конец XIV – начало XV в. было временем успешного развития словацких городов, важнейшими стимулами подъема которых были рост международной торговли и горнорудного дела. Важную роль играла поддержка, оказываемая городам королевской властью. Вместе с тем экономический подъем сопровождался ростом социальной напряженности в городах, главной составляющей которой были противоречия между патрициатом и бюргерством. Восприятие этих противоречий внутри городов и за их пределами усиливалось этнополитическим фактором: патрициат состоял из немецких колонистов, а среди бюргерства наблюдался постоянный рост доли словацкого населения.

Список литературы

1. Краткая история Чехословакии: С древнейших времен до наших дней / отв. ред А. Х. Клеванский, В. В. Марьина, И. И. Поп. М. : Наука, 1988. 574 с.
2. Szende K. Towns along the way. Changing patterns of long-distance trade and the urban network of medieval Hungary // Towns and Communication Proceedings of the Meetings of the International Commission for the History of Towns (ICHT): in 2 vols. Vol. 2 : Communication between Towns / eds. H. Houben and K. Toomaspoeg. Lecce: Mario Congedo Editore, 2011 P. 161–225.
3. Kosztołnyik Z. J. Hungary in the Thirteenth Century. East European Monographs. New York : Columbia University Press, 1996. 510 p.
4. Engel P. The Realm of St Stephen: A History of Medieval Hungary, 895–1526 / transl. by T. Pálosfalvi. London ; New York : I B. Tauris & Co Ltd, 2001. 452 p.
5. Бачкай В. О характере и роли аграрных городов в Венгерском государстве XV в. // Средние века. 1973. Вып. 36. С. 50–68.
6. История Венгрии : в 3 т. / отв. ред. В. П. Шушарин. Т. 1. М. : Наука, 1971. 652 с.
7. Сванидзе Л. Л. Средневековые города средневековой Европы: некоторые общие проблемы // Город в средневековой цивилизации Западной Европы : в 4 т. / отв. ред. А. А. Сванидзе. Т. 1. М. : Наука, 1999. С. 9–38
8. Антонетти П. Повседневная жизнь Флоренции во времена Данте / пер. с фр. В. Д. Балакина. М. : Молодая гвардия, 2004. 287 с.
9. Чернова Л. Н. Лондон и города Англии в 1350–1370 гг.: социально-экономический аспект взаимоотношений // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2022. Т. 22,

- вып. 3. С. 319–328. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-3-319-328>
10. История Словакии / науч. ред. Ю. В. Богданов ; пер. со словац. В. В. Марьиной, И. А. Богдановой ; пер. с англ. О. В. Хавановой М. : Евролинц, 2003. 436 с.
11. *Hoffmann L.* Bratšící–slavní protifeudální bojovníci 15 století. Praha : Naševojsko, 1959. 84 p.
12. *Szende K.* Between Hatred and Affection: Towns and Sigismund in Hungary and in the Empire // Sigismund von Luxemburg. Ein Kaiser in Europa / eds. M. Pauly and F. Reinert. Mainz : PhilippvonZabern, 2006. P. 199–210.
13. *Келлер О. Б.* Средневековое немецкое право на землях Центральной и Восточной Европы в XIII–XVIII веках. Минск : РИВШ, 2012. 242 с.
14. *Галямичев А. Н.* О причинах широкого распространения магдебургского городского права в странах Центральной и Восточной Европы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19, вып. 2. С. 178–182. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2019-19-2-178-182>
15. *Галямичев А. Н.* Средневековые города Чехии: общее и особенное в европейском контексте // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2014. Т. 14, вып. 2. С. 54–57.
16. Privilegium pro Slavis solnensis. URL: https://zilina-gallery.sk/wiki/Privilegium_pro_Slavis (дата обращения: 02.11.2022).

Поступила в редакцию 11.11.2022; одобрена после рецензирования 14.12.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 11.11.2022; approved after reviewing 14.12.2022; accepted for publication 20.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 218–225

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 218–225

<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-218-225>, EDN: ZTUDUC

Научная статья

УДК 9[94:342.36](44)|14|+929

Карл VI – rex inutilis? (к вопросу о кризисе королевской власти во Франции начала XV века)

О. И. Нуждин

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Россия, 620083, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19

Нуждин Олег Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежного регионоведения, o.i.nuzhdin@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2127-4214>, Author ID: 696101

Аннотация. Данная статья посвящена изучению особенностей кризиса королевской власти во Франции начала XV в. Его спровоцировала психическая болезнь короля Карла VI, поскольку во Франции отсутствовала практика передачи власти в случае недееспособности короля его сыновьям. Ситуация осложнялась тем, что наследники еще не достигли возраста совершеннолетия. Это обстоятельство вызвало раскол среди родственников на две группы: сторонников и противников смещения короля с престола. Их противостояние вызвало гражданскую войну, которая привела к передаче престола в руки династии Ланкастеров.

Ключевые слова: Столетняя война, династии Валуа и Ланкастеров, гражданская война, арманьяки и бургиньоны

Для цитирования: Нуждин О. И. Карл VI – rex inutilis? (к вопросу о кризисе королевской власти во Франции начала XV века) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 218–225. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-218-225>, EDN: ZTUDUC

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Charles VI – rex inutilis? (on the issue of the crisis of royal power in France at the beginning of the 15th century)

О. И. Nuzhdin

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, 19 Mira St., Ekaterinburg 620083, Russia

Oleg I. Nuzhdin, o.i.nuzhdin@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2127-4214>, Author ID: 696101

Abstract. This article is devoted to the study of the features of the crisis of royal power in France at the beginning of the 15th century. He was provoked by the mental illness of King Charles VI, since in France there was no practice of transferring power in the event of the incapacity of the king to his sons. The situation was complicated by the fact that the heirs had not yet reached the age of majority. This circumstance caused a split among the relatives into two groups: supporters and opponents of the removal of the king from the throne. Their confrontation sparked a civil war, which led to the transfer of the throne into the hands of the Lancaster dynasty.

Keywords: the Hundred Years War, the Valois and Lancaster dynasty, Civil War, Armagnacs and Bourguignons

For citation: Nuzhdin O. I. Charles VI – rex inutilis? (on the issue of the crisis of royal power in France at the beginning of the 15th century). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 218–225 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-218-225>, EDN: ZTUDUC

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В первой четверти XV в. Французское королевство оказалось в состоянии глубокого политического кризиса. Во многом он был обусловлен психическим нездоровьем короля Карла VI, что сделало возможным образование при дворе двух политических группировок, оформившихся впоследствии в партии орлеанистов и бургиньонов. По мнению Б. Шнерба, речь шла не столько о борьбе родственников за влияние на короля, сколько о противостоянии разных концепций

развития государственности. Одну из них – консервативную – представляли сторонники герцога Бургундии, вторую – новаторскую, выступавшую за сильную независимую королевскую власть, – орлеанисты [1, р. 11].

Хорошо известно, что первый приступ болезни случился с Карлом VI летом 1392 г., и в дальнейшем периоды просветления сознания чередовались с новыми приступами вплоть до самой его смерти в 1422 г. Как полагал М. Заллер,

за это время король заболел не менее 44 раз [2, S. 101]. По более точным подсчетам Б. Гене, он перенес не менее 53 приступов, с учетом того, что точной картины за 1407 г. и с марта 1416 по май 1419 г. нет [3, p. 295–296]. Фактически в периоды болезни, длившиеся порой по несколько месяцев, Карл VI был недееспособен и его вполне можно назвать «rex inutilis». Такая ситуация заставила королевство, по меткому выражению Б. Гене, «жить, а вернее, выживать без короля, возвеличивая королевскую власть» [3, p. 262].

Таким образом, период истории Франции с 1392-го по 1422 г. стал временем эксперимента по сохранению королевской власти и французской государственности: Карлу VI и его окружению приходилось изобретать способы, как и чем компенсировать «отсутствие» полноценной монаршей власти. Одним из возможных решений могло стать лишение Карла VI престола, чего, впрочем, так и не случилось, и это «не низложение» (non-déposition) французский медиевист Б. Гене назвал «французским исключением» [3, p. 224]. В данной статье постараемся ответить на вопрос: почему события сложились таким образом?

Первой трудноразрешимой проблемой для современников стал сам факт признания своего короля душевнобольным. Мишель Пинтуэн, автор хроники правления Карла VI, указывал, что в эпоху Средневековья существовало представление о том, что психически больные люди одержимы бесами [4, p. 315, 317]. Но ничего подобного никак не могло случиться с королем Франции, прошедшим через церемонию миропомазания. Само предположение, а уже тем более публичное высказывание о безумии монарха квалифицировалось как преступление оскорбления королевского величества (le crime de lèse-majesté). За 90-е гг. XIV в. нам известны три случая (два за 1393 г. и один за 1398 г.) судебных разбирательств, в которых обвиняемым инкриминировали разговоры о сумасшествии Карла VI [5, p. 91–92]. В официальных документах, прежде всего ординасах, старались избегать упоминаний о болезни короля, заменяя их выражением «отсутствие».

По мнению адвоката короля Жана Жувенала де Урсена, оскорбление величества состояло не только в преступлении против личности короля, но и в словах, посягающих на его честь [6, p. 385]. Однако уже через 5 лет, в 1411 г., во время гражданской войны орлеанисты осмелились публично именовать Карла VI безумным и недееспособным королем. Мишель Пинтуэн, повествуя об этом, с горечью констатировал все эти оскорбления, которые они осмеливались произносить против королевского величества [7, p. 452]. В свою очередь, другой хронист – Тома Базен – считал вполне допустимым на страницах своего произведения определять болезнь

Карла VI как «безумие», а его самого как «недееспособного и бессильного» [8, p. 5]. Тем самым представление о Карле VI как недееспособном (inutilis) короле было распространенным, такого короля можно было жалеть, но трудно уважать и подчиняться ему.

Данная проблема требовала принятия мер по сохранению устойчивости власти и стабильности управления. Очевидным способом решения проблемы было бы лишение Карла VI короны. Для средневековой Европы отстранение государя от власти не было чем-то необычным, и прецеденты тому были. Однако болезнь Карла VI имела свою особенность: приступы безумия чередовались с временами просветления сознания, что позволяло надеяться, особенно в первые годы заболевания, на его выздоровление.

Еще одна сложность состояла в том, что на момент заболевания у Карла VI не оказалось совершеннолетнего наследника. Старший из сыновей – Карл – родился в феврале 1392 г. и в силу малолетства не мог немедленно занять престол. И даже в случае смещения короля с престола и передачи власти дофину пришлось бы ждать не менее 10 лет, прежде чем тот вырастет и сможет править самостоятельно. А на это время власть оставалась бы в руках регента или регентов. Возможно, именно эти факторы повлияли на то, что решили сохранить status quo с применением ограниченной меры в виде установления регентства на время его болезни.

Вместе с тем регентство воспринималось как нечто опасное, поскольку вся полнота власти сосредотачивалась в руках одного человека. Отец Карла VI Карл V, чтобы ограничить регентство на период несовершеннолетия наследника, решил понизить возраст, допустимый для принятия власти. Ординанс, опубликованный в августе 1374 г., установил минимальный возраст для вступления на престол – 14 лет. С этого времени новый король получал полное право властвовать самостоятельно [9, p. 29]. Данное решение Карл V подтвердил еще раз в ординансе от октября 1374 г. [9, p. 46, 48, 50–51].

Эти же документы ограничили полномочия регента. Особо оговаривалось, что он правит не по собственной воле, а во имя блага, чести и пользы малолетнего короля, и только он, несмотря на отсутствие формальной коронации, считается истинным и правомочным королем Франции [9, p. 48, 54]. Такие решения означали, что даже если наследник не достиг возраста совершеннолетия и не был коронован, именно он оставался носителем высшего авторитета, и королевская власть формально не прерывалась [10, p. 37].

Длительное регентство считалось нежелательным, так как происходила концентрация власти в руках одного человека, который мог расправляться ею по своему усмотрению. По этим

причинам срок регентства при малолетнем наследнике Карла V постарались сократить. Когда регентом стал дядя Карла VI Людовик Анжуйский, ему передали необходимые авторитет и полную власть для управления. Однако единоличное правление вскоре вызвало настороженность у остальных принцев крови, опасавшихся ущемления своих интересов [11, р. 199]. Поэтому, как только Карлу VI исполнилось 12 лет, что даже по условиям ордонансов 1374 г. не считалось возрастом совершеннолетия, его поспешно короновали. И хотя сама по себе процедура не сделала его полновластным монархом, она формально ограничила полномочия герцога Людовика Анжуйского.

«Детство и юность вашего королевского величества, без которого мы ничего не можем сделать, были для нас новым препятствием» [12, р. 139]. Его удалось преодолеть в 1388 г., когда Карл VI принял на себя всю полноту власти, однако уже через 2 года внезапное заболевание заставило вновь перестраивать систему управления. Одним из приемлемых решений могло стать создание полномочного органа, замещающего функции короля, нечто вроде регентского совета. Для сохранения преемственности власти в него можно было включить так называемых «мармузетов», советников Карла V, людей невысокого происхождения, на которых опирался Карл VI в период с 1388 по 1392 г. В этом случае в качестве главы Королевского совета выступал бы младший брат короля Людовик [13, р. 402].

Был выбран более консервативный вариант. Пока король оставался слишком слабым и не мог лично заниматься государственными делами, с его согласия и по его распоряжению право управления королевством передали двум его дядям – Жану Беррийскому и Филиппу Бургундскому [12, р. 27]. Фактически речь шла о восстановлении регентства, т. е. в сущности уже знакомой и апробированной системы. Поэтому такое решение не встретило никакого сопротивления, будучи логичным и оправданным обстоятельствами, хотя в дальнейшем оно и обернулось противостоянием Бургундского и Орлеанского домов.

В результате группировку мармузетов отстранили от власти, вернув ее в руки близких родственников короля. Они пользовались значительными привилегиями по сравнению с иными представителями знати, но родство налагало на них свои обязанности. Им надлежало быть «добрыми и верными родственниками», поддерживать «мир, любовь и союз» внутри семейства. Помимо этого, они должны были желать добра, чести и процветания персоне короля», его старшему сыну и «всему их роду», а также заботиться о «благе, положении и чести наилучшего и наихристианнейшего королевского дома Франции» [14, р. 33–34]. Иными словами, родня

представляла собой реальную политическую силу, на которую мог опереться Карл VI. Однако если происхождение, обладание властью и богатством объединяли эту группу, то политические и финансовые интересы делили ее на иерархические группировки.

В январе 1393 г. Карл VI издал ордонанс об установлении опекуна над дофином и остальными своими детьми на случай своей смерти. Его передали супруге короля Изабелле Баварской, которой должны были помогать герцоги Жан Беррийский, Филипп Бургундский, названные в документе «первыми и главными опекунами», а также Людовик II Бурбонский и брат королевы герцог Баварии Людвиг Бородатый. Ведущую роль здесь играли первые двое, а младший брат Карла VI Людовик Орлеанский никаких полномочий в воспитании дофина не получил [15, р. 530–531].

Чуть позже был опубликован новый ордонанс, по которому на случай своей смерти Карл VI вручал Людовику Орлеанскому «управление, охрану и защиту нашего королевства, пока наш старший сын не достигнет возраста четырнадцати лет» [15, р. 535]. Для исполнения возложенных на него обязанностей брату короля передавались широкие полномочия по назначению чиновников, отправлению правосудия, раздаче бенефициев, получению ординарных и экстраординарных доходов [15, р. 535–536].

Таким образом, было принято решение оставить Карла VI на престоле, отложив окончательное решение о смене власти до момента совершеннолетия старшего из его сыновей. Если учесть, что дофину Карлу еще не исполнилось и года, то регентство должно было затянуться минимум на 11 лет. Вопрос о передаче королевской власти иному родственнику никем не поднимался, хотя брату короля Людовику Орлеанскому уже исполнилось 20 лет. Он «по действующим в то время французским правилам наследования престола никак не мог стать королем, а только лишь регентом до совершеннолетия дофина» [16, с. 33]. Видимо, наличие у Карла VI сына сделало передачу власти от короля к его брату неприемлемым.

Тем не менее ордонансы января 1392 г. породили путаницу в управлении королевством. Фактически два дяди Карла VI – Жан Беррийский и Филипп Бургундский – управляли, когда король находился в состоянии болезни, а по выздоровлению тот вновь брал бразды правления в свои руки, но при этом большое влияние на него оказывал Людовик Орлеанский. Данная система сохранялась до 1403 г., обеспечивая относительную стабильность и устойчивость власти.

К началу XV в. стало ясно, что болезнь Карла VI неизлечима, а только усугубляется. Приступы становились все более тяжелыми, и по-прежнему нельзя было исключить внезапную

смерть короля. Вопрос о преемственности власти вновь стал актуальным, поскольку период регентства затягивался. Дофин Карл скончался в 1401 г., не достигнув совершеннолетия, тогда как принц Людовик, родившийся в 1397 г., к началу XV в. оставался совсем ребенком, и никто не мог гарантировать, что он проживет достаточно долго, чтобы стать королем. Следовательно, вопрос о регентстве вновь стал первоочередным. На эту роль претендовали герцоги Филипп Бургундский и Людовик Орлеанский.

Можно предположить, что к этому времени при дворе оформились две группировки родственников. Одна из них, возглавляемая братом короля, выступала за передачу власти дофину, вторая с герцогом Бургундским во главе – за сохранение status quo. Стороны старались усилить свои позиции путем заключения браков.

В 1401 г. Людовик Орлеанский предложил проект брака своей дочери Марии и дофина Людовика. Как полагал Н. Валуа, герцог Бургундии усмотрел в этом попытку отстранения короля и намерение передать власть дофину [17, р. 241]. В таком случае брат короля на правах тестя мог стать единоличным регентом. Чтобы не допустить этого, Филипп Храбрый добился заключения брачного союза своей внучки Маргариты с дофином Людовиком. Только в мае 1403 г. Людовик Орлеанский получил согласие на брак своего сына Карла и дочери Карла VI Изабеллы, вдовы короля Англии Ричарда II. Отныне противостояние двух герцогов, по мнению Й. Шооса, сводилось к формуле «быть или не быть» [18, s. 157].

В начале XV в., как отмечал Б. Гене, обозначилась еще одна сторона кризиса королевской власти. Дело в том, что образ тяжелобольного монарха уже мало соответствовал выражению «королевское величество». Чтобы не допустить падения авторитета власти в целом, пришлось отделить сущность «королевского величества», идеального правителя, от конкретного человека, обладавшего определенными слабостями и недостатками, сделать термин универсальным. Такое решение имело свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, оно позволяло установить управление государством в то время, когда король был болен или «отсутствовал», посредством близких к нему людей. Но, с другой стороны, эти самые люди теперь управляли, прикрываясь его именем и его властью, но защищая свои собственные, а не общегосударственные интересы [3, р. 260].

Очередное изменение системы регентства произошло в 1403 г., когда буквально на следующий день после очередного выздоровления, 26 апреля, король Карл VI издал новый ордонанс. Теперь не только опекунство над дофином и другими детьми, но главные полномочия по управлению королевством в период болезни короля передавались Изабелле Баварской,

которая становилась президентом Королевского совета. В этом ей помогали четыре герцога – Жан Беррийский, Филипп Бургундский, Людовик Орлеанский и Людовик Бурбонский, а также коннетабль Шарль д'Альбре и канцлер Франции Арно де Корбье. В случае смерти короля его старшего сына сразу, не дожидаясь совершеннолетия, должны были короновать, чтобы никто «под предлогом близкого родства» [19, р. 578] не смог захватить власть. В соответствии с положениями ордонанса отныне никто из родственников не мог претендовать на особое место в управлении королевством, за исключением королевы, которой предоставлялось право на опекунство над детьми и в первую очередь над дофином. К сожалению, Изабелла Баварская, иностранка, не пользовалась во Франции достаточным авторитетом. Ее полномочия ограничивались принцами крови и людьми Совета, и они все вместе управляли от имени короля [19, р. 578].

Ордонанс от 26 апреля 1403 г. сыграл важную роль: отныне идея непрерывности власти короля во Франции получила свое законодательное закрепление [11, р. 201–202]. Его появление нередко оценивается как поражение Людовика Орлеанского в соперничестве с Филиппом Бургундским [2, s. 150, 155; 20, р. 280–281], и в данном случае интересы одной группы родственников оказались ущемленными по сравнению с другой. Долгое время именно коллегиальное регентство обеспечивало равновесие интересов принцев, что следует признать правильным решением. Однако пожалование особых полномочий королеве неизбежно спровоцировало борьбу за влияние на нее и на королевских детей, которых она опекала.

Положение, существовавшее с 1392 г., вышло из равновесия со смертью влиятельного герцога Филиппа Бургундского 26 апреля 1404 г. Ни Людовик II Бурбонский, ни Жан Беррийский не обладали подобным ему авторитетом, и амбициозный Людовик Орлеанский, которому исполнилось 32 года, возобновил борьбу за власть [21, р. 71]. Впрочем, новый герцог Бургундии Жан Бесстрашный оказался человеком не менее решительным, но в сравнении с ним герцог Орлеанский имел преимущество, приходясь королю более близким родственником.

Поскольку ордонанс от 26 апреля 1403 г. передал опекунство над детьми королеве, Людовик Орлеанский стал сближаться с ней, и к 1405 г. оформился их союз. «Королева и герцог Орлеанский, которые в силу прав, которыми они обладали как ближайшие родственники короля, все время присваивали себе высшую власть всякий раз, когда король терял рассудок, многие вещи решали по собственной воле, не советуясь ни с дядями, ни с двоюродными братьями короля, ни с другими членами совета» [6, р. 289].

Это замечание хрониста Мишеля Пинтуэна позволяет предположить, что Людовик Ор-

леанский и Изабелла Баварская намеревались сосредоточить власть в своих руках, став фактическими регентами до совершеннолетия прямых наследников Карла VI. Возможно, даже такой вариант устроил бы многих, если бы управление совершалось с помощью «совета», с учетом мнения и интересов остальных принцев крови, на что и намекал Мишель Пинтуэн. Но королева и Людовик Орлеанский, который не был искусным политиком, по мнению Б. Гене [3, р. 226], этим не воспользовались, чем вызвали неудовольствие со стороны других родственников, а особенно сына и наследника герцога Бургундии Филиппа Храброго – Жана Бесстрашного.

Готовясь к роли регента, Людовик Орлеанский полностью изменил свой образ жизни, озаботившись своим положительным имиджем. Если прежде он отличался довольно фривольным поведением [22, р. 230], то после 1402 г. о его амурных похождениях достоверно уже ничего неизвестно. Его последней «*amour de grace*», по выражению М. Каффин де Мерувиля, стала Мариетта д'Энгиен [23, р. 21]. Хронист Мишель Пинтуэн также обратил внимание на изменение поведения брата короля: если в молодости Людовика Орлеанского обуревали пороки, присущие большинству людей, то, достигнув зрелого возраста, он остепенился [6, р. 739].

Политические противники Людовика Орлеанского усмотрели связь между заботой об имидже и стремлением к власти. Жан Пти в своем «Оправдании», произнесенном 8 марта 1408 г., объяснил это намерением брата короля захватить в свои руки всю власть в королевстве, присвоив «самую высокую и самую благородную сеньорию короны Франции» [22, р. 223]. Также он приписал ему попытку отравить дофина Карла [22, р. 239], вывоза королевы и всех детей в Люксембург [22, р. 237–239] и даже насильственного устранения самого Карла VI [22, р. 223, 230–232; 6, р. 757, 759, 761, 765]. Стремление захватить власть рассматривалась как преступление *lèse-majesté* [6, р. 763; 22, р. 223, 230–231, 233, 238; 24, с. 179].

Вопрос о том, собирался ли Людовик Орлеанский отстранить Карла VI, остается открытым. У нас нет фактов, которые бы однозначно свидетельствовали о таком намерении. Б. Гене допускал, что подобная мысль вполне могла прийти брату короля в голову, но в целом считал такую ситуацию маловероятной [3, р. 230]. Впрочем, некоторые из поступков Людовика Орлеанского в 1406–1407 гг. позволяют сделать такое допущение. Действительно, в теории Карл VI мог отречься сам или его могли лишить власти насильно. Но ни тому, ни другому в истории Франции еще не было прецедентов, в силу чего законность такого акта изначально могла быть поставлена под сомнение.

Однако во Франции имелся достаточно широкий слой людей, желавших сменить больного

короля на престоле. Они рассматривали различные варианты, в том числе исторические прецеденты, стараясь отыскать в них правовую основу для подобного акта. Можно только предполагать, что намерение совершить переворот возникло в 1405–1407 гг., так как прямых свидетельств тому нет. В подтверждение этого предположения Б. Гене привел случай с Гийомом Филластром, доктором канонического и гражданского права, пользовавшегося благосклонностью одновременно и папы Бенедикта XIII, и Людовика Орлеанского. В своем выступлении перед принцами и прелатами 7 декабря 1406 г. он сказал, что короли не могут лишить папу власти, но наоборот, папа может отобрать престол у короля. В качестве исторического примера он привел историю с майордомом Пипином Коротким, который при поддержке папы Стефана III в 751 г. сверг с престола последнего представителя династии Меровингов короля Хильдерика III. Выступление Гийома Филластра вызвало скандал. Президенты Совета Жан Беррийский и Людовик Анжуйский – выступили с протестом и, приведя свидетельства их хроник, убедили присутствующих, что данный акт свершился не по приказу, а лишь по совету папы. Нынешний же король Карл VI обязан своей короной ни папе, ни своим баронам, так как она передается по наследству. Тем самым возможность вмешательства папы в вопрос о передаче власти во Франции была отвергнута, и Гийому Филластру пришлось признать свою неправоту [6, р. 469; 3, р. 230–231; 17, р. 460–461].

Заявление Гийома Филластра не было случайным, а, возможно, представляло собой часть плана Людовика Орлеанского по смене власти во Франции. Известно, что в период 1401–1406 гг. контакты между Людовиком Орлеанским и Авиньонским папой Бенедиктом XIII были весьма тесными. Более того, с 8 декабря 1403 г. по 16 января 1404 г. папа и герцог провели несколько встреч в Тарасконе, во время которых состоялось подписание договора о вечном союзе. Так, Бенедикт XIII обещал защищать права герцога и герцогини и права их детей, а Людовик Орлеанский – хранить верность Авиньонскому папе, защищать его против всех, за исключением короля, королевы и их детей [17, р. 359–360; 22, р. 239–240].

В этом договоре нет ничего, что могло бы угрожать власти Карла VI, но, судя по всему, состоялось еще одно соглашение, информация о котором, пусть в искаженном виде, но достигла противников Людовика Орлеанского и легла в основу обвинений против него. Так, Бенедикт XIII должен был низложить короля, освободив подданных от клятвы верности, по причине его болезни (*folie*) и ненормальных пороков (*device sénormes*), которые распространились и на его детей, чем лишили их права на корону. Теперь право на корону, по просьбам

Людовика Орлеанского, должно было перейти к нему и закрепиться за его потомством. Но папа отказывался совершать такое деяние единолично и без одобрения кардиналов [6, р. 763; 22, р. 239–240].

По тексту «Оправдания» Жана Пти, которое по своей сути является обвинением Людовика Орлеанскому, сложно сделать однозначный вывод относительно намерений брата короля, но связь между болезнью Карла VI и необходимостью смены власти была для многих очевидной и являлась предметом для обсуждения. И если Людовик Орлеанский действительно готовил отстранение своего брата, то его убийство 23 ноября 1407 г. получает свое объяснение. Кроме того, оно открыло дорогу Жану Бесстрашному, давно продемонстрировавшему свое намерение «силой стать во главе управления» [25, р. 222].

Смерть Людовика Орлеанского не решила главную политическую проблему – что делать с больным королем и каким должно быть регентство [5, р. 97.]. Если нельзя было лишить короля короны с помощью папы, то сохранялась вероятность уговорить его отречься добровольно. К благоразумию Карла VI обращался священнослужитель Пьер Ле Фрутье по прозвищу Салмон. Находясь в Авиньоне, он 1 ноября 1408 г. направил королю Франции письмо, на страницах которого попытался убедить его добровольно оставить престол. В качестве отрицательного примера Пьер Салмон привел историю короля Англии Ричарда II, который утратил корону своего королевства и был позорно умерщвлен. Вторым примером послужила судьба брата Карла VI Людовика Орлеанского: он «окончил свои дни так же жалко, о чем вам известно» [26, р. 97–98]. Чтобы не уподобиться этим людям и сохранить себе жизнь, королю следует как можно скорее внести изменения в управление, в противном случае ему грозила утрата «короны своего царства, и имени, славы и власти короля» [26, р. 99]. Можно предположить, что Пьер Салмон допускал низложение короля в случае, если будет невозможно решить проблему иным образом.

В качестве такового противники Жана Бесстрашного выдвинули сына Людовика Орлеанского – Карла. Уже в сентябре 1411 г. в Париже и во Франции в целом стали циркулировать слухи о его намерении стать королем. Об этом говорится в письме Карла VI фламандскому ополчению, воевавшему на стороне Жана Бесстрашного [27, р. 94, note 3], в посланиях, разосланных «добрым городам Франции» [28, р. 461–462] и Университету. В них король утверждал, что орлеанисты намеревались свергнуть его, лишить его положения и авторитета, уничтожить его достоинство и посадить на престол нового короля Франции [28, р. 465].

В начале октября 1411 г. орлеанисты захватили Сен-Дени, монахи которого, по слухам,

вручили герцогу Карлу Орлеанскому скипетр, корону и королевские инсигнии. Он вззошел на трон, и была проведена церемония с использованием королевского штандарта, который именуется орифламмой [7, р. 515]. Достоверно неизвестно, что именно произошло в аббатстве, но Мишель Пинтуэн всячески отрицал причастность монахов монастыря к попыткам переворота.

К сожалению, не представляется возможным определить, что здесь является действительными намерениями, а что – пропагандой, но подозрения в намерении свергнуть Карла VI и уничтожить его наследников [29, р. 239, 243] в союзе с королем Англии Генрихом IV послужили поводом к походу на Бурж весной – летом 1412 г. Во время мирных переговоров в Осере в июле – августе 1412 г. орлеанистам пришлось отречься от приписываемых им планов, назвав их клеветой [7, р. 685]. По условиям договора они признали Карла VI своим единственным сеньором и сюзереном, обещали подчиняться ему и дофину в качестве верных родственников, вассалов и подданных, связанных клятвой верности [7, р. 717]. Если орлеанисты и претендовали на смену власти, то условия договора в Осере похоронили их планы. Окончательно угроза со стороны Орлеанского дома была устранена после поражения Франции в битве при Азенкуре, когда Карл Орлеанский попал в плен к англичанам.

Еще одним источником недовольства правлением Карла VI оставался Университет. В июле 1411 г. во время сбора средств для похода против орлеанистов канцлер собора Нотр-Дам выступил против, намекнув на то, что это может стать поводом для свержения короля. На это канцлер Франции возразил: «Король не может быть свергнут своими подданными» [7, р. 417]. Тогда, не найдя поддержки, представители Университета ответствовали, что они всего лишь хотели привести примеры [7, р. 419]. Видимо, в университетской среде идея возможности смещения короля с престола получила широкое распространение. Нельзя согласиться с мнением М. Е. Дюбарля, согласно которому такие высказывания свидетельствовали о падении авторитета королевской власти в целом [30, р. 219], скорее речь шла о недоверии конкретно Карлу VI.

Казус Людовика Орлеанского и его последователей, а также заявления Университета продемонстрировали, что существует реальная угроза власти Карла VI. Для него теперь было важно не только сохранить ее за собой, но и обеспечить передачу по наследству. Уже 26 декабря 1407 г. он издал еще один ордонанс, по которому в случае смерти короля тот из сыновей, кто будет признан наследником, немедленно получит «auctoritas regia». При этом признавалось несущественным, будет тот коронован к этому моменту или нет. Теперь не имел значения возраст преемника, и он получал власть немедленно, «как только его отец окончит свой жизненный

путь, подразумевается, что названный первородный сын, несмотря на возраст, как бы молод он ни был, становится и должен быть провозглашен королем, и должно королевство управляться им и от его имени» всеми родственниками его крови и мудрыми людьми его Совета» [31, р. 267–268; 11, р. 202].

Ордонансы 1403 и 1407 гг. сформировали новое фундаментальное правило наследования французского престола: «Принцип мгновенной преемственности был окончательно включен в нормативный блок, предназначенный для регулирования основных правил передачи короны» [10, р. 37; 32, р. 134], что привело к увеличению властных полномочий дофина. Эти новации были закреплены решениями королевского совета 5 сентября 1408 г. Теперь в случае болезни короля вся суверенная власть по управлению королевством передавалась от короля королеве и дофину [7, р. 91; 33, р. 239–240]. Это означало отказ от регентства, тем более что дофин Людовик почти достиг возраста 12 лет.

Однако эти меры не решили главную задачу, поскольку престол Франции по-прежнему занимал больной король, сохранивший за собой право принимать любые решения. Его личный авторитет упал настолько, что во время заговора 1416 г. горожане Парижа, в том числе чиновники, готовили не просто смещение короля с престола, а убийство и его, и королевы, и ближайших родственников.

В такой ситуации одним из вероятных претендентов на престол мог стать Жан Бесстрашный. Х. Кимм категорически отвергала такое предположение. По ее мнению, Жан Бургундский никогда не имел намерения стать Жаном Французским [16, s. 231]. Напротив, Л. Миро вполне допускал, что новым королем после смерти дофинов Людовика и Жана в 1415 г. и 1417 г. вполне мог стать Жан Бесстрашный [34, р. 176]. Такого же мнения придерживался Ж. Маркаль. Он считал, что в данный период достижение этой цели составляло суть всей политики герцога Бургундии, который стремился занять престол, и его единственным противником с 1417 г. оставался дофин Карл, поскольку герцог Карл Орлеанский оставался в Англии пленником. В отличие от своего сына Жан Бесстрашный никогда не хотел отдать Францию Англии, а, напротив, использовал Генриха V для приобретения короны Франции [35, р. 205]. Смерть Жана Бесстрашного на мосту в Монтеро в сентябре 1419 г. не позволила реализовать и этот проект.

Утверждение, что переход власти в руки Жана Бесстрашного невозможен на практике, не является бесспорным. Дальнейшие события продемонстрировали, что вполне реально лишить короны даже прямого наследника, чтобы потом передать ее представителю другой династии. Именно так поступили Карл VI и Изабелла Баварская, когда по условиям договора в Труа

1420 г. отстранили своего сына дофина Карла от наследования престола, передав его права королю Англии Генриху V [36, р. 103–104]. Однако Карл VI сумел сохранить за собой титул короля Франции пожизненно. И с этим решением согласились Парламент и Университет [37, р. 365–369].

Почему же не произошло отстранение Карла VI от власти? Тому есть несколько объяснений. Первое сформулировано Б. Гене: если еще можно было лишить власти непосвященного принца, то коронация делала короля неприкосновенным избранником Бога [3, р. 234]. Но он же сказал, что «болезнь Карла VI завела королевство в полный тупик», «болезнь Карла VI представляла собой неразрешимую проблему» [3, р. 232]. Это обстоятельство превратило Карла VI в «rex inutilis», недееспособного короля, что было очевидно для всех.

Однако имели место сопутствующие факторы, которые не позволили лишить Карла VI власти. Болезнь не была постоянной, и приступы безумия перемежались периодами просветления рассудка, что, особенно в первое время, оставляло надежду на выздоровление короля. Кроме того, наследник еще не достиг совершеннолетия и его не могли немедленно возвести на престол. И хотя в начале XV в. оформилась идея о возможности смещения короля, но был неясен правовой механизм, мысль о вмешательстве папы отвергалась, а вариант свержения решением вассалов и подданных не выглядел безупречным. Орлеанисты считали возможным отстранить Карла VI, видимо, через решение Королевского совета, чтобы потом передать власть дофину, но убийство Людовика Орлеанского и пленение Карла Орлеанского поставили крест на этом проекте. Гражданская война, сделав невозможной передачу власти внутри рода Валуа, создала условия для ее перехода к королю Англии Генриху V Ланкастеру и его потомкам. Так, родственники, которые могли составить прочную опору сильному королю, оказались не в состоянии договориться между собой при короле слабом, что чуть не привело к утрате Францией своей независимости.

Список литературы

1. Schnerb B. Les Armagnacs et les bourguignons. Paris : Librairie Académique Perrin, 1988. 309 p.
2. Saller M. Königin Isabeau. Die Wittelsbacherin auf dem Lilienthron. München : Nymphenburger Verlagshandlung GmbH, 1979. 357 S.
3. Guenée B. La folie de Charles VI. Paris : CNRS Éditions, 2019. 317 p.
4. Chronique du religieux de Saint-Denis, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422: in 6 vols / publ. en latin et traduite par M. L. Bellaguet. Paris : De l'imprimerie de chapeteau, 1839. Vol. I. 750 p.

5. Pfaу A. N. *Madness in the Realm: Narratives of Mental Illness in Late Medieval France*. Ann Arbor : University of Michigan, 2008. 311 p.
6. *Chronique du religieux de Saint-Denis, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422*: in 6 vols / publ. en latin et traduite par M. L. Bellaguet. Paris : De l'imprimerie de chapelet, 1841. Vol. 3. 775 p.
7. *Chronique du religieux de Saint-Denis, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422*: in 6 vols / publ. en latin et traduite par M. L. Bellaguet. Paris : De l'imprimerie de chapelet, 1842. Vol. 4. 781 p.
8. *Basin Th.* Histoire des règnes de Charles VII et de Louis XI: in 4 vols. / par J. Quicherat. Paris : Jules Renouard, 1855. Vol. I. 336 p.
9. *Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique*: in 23 vols. / par M. Secousse. Paris : l'Imprimerie Royale, 1741. Vol. 6. 707 p.
10. *Rigaudière A.* Pouvoirs et institutions dans la France médiévale: in 2 vols. Vol. 2: Des temps féodaux aux temps de l'État. Paris : Armand Colin, 1998. 335 p.
11. *Krynyn J.* «Le mort saisit le vif». Genèse médiévale du principe d' instantanéité de la succession royale française // *Journal des savants*. 1984. № 3–4. P. 187–221.
12. *Chronique du religieux de Saint-Denis, contenant le règne de Charles VI de 1380 à 1422*: in 6 vols. / publ. en latin et traduite par M. L. Bellaguet. Paris : De l'imprimerie de chapelet, 1840. Vol. 2. 791 p.
13. *Favier J.* La guerre de cent ans. Paris : Fayard, 1980. 678 p.
14. *Guenée B.* Un meurtre, une société. L'assassinat du duc d'Orléans 23 novembre 1407. Paris : Gallimard, 1992. 350 p.
15. *Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique*: in 23 vols. / par M. Secousse. Paris : De l'imprimerie royale, 1745. Vol. 7. 796 p.
16. *Kimm H.* Isabeau de Bavière, reine de France. 1370–1435. Beitrag zur Geschichte einer bayerischen Herzogstochter und des französischen Königshauses. München : Stadtarchiv, 1969. 293 S.
17. *Valois N.* La France et le Grand Schisme d' Occident.: in 3 vols. Paris : Alphonse Picard, 1901. T. 3. 632 p.
18. *Schoos J.* Der Machtkampf zwischen Burgund und Orléans unter den Herzögen Philipp dem Kühnen, Johann ohne Furcht von Burgund und Ludwig von Orléans. Luxemburg : Beffort, 1956. 217 S.
19. *Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique*: in 23 vols. / par M. Secousse. Paris : l'Imprimerie Royale, 1750. Vol. 8. 644 p.
20. *Jarry E.* La vie politique de Louis de France, duc d'Orléans. 1472–1407. Paris : Alphonse Picard ; Orléans : H. Herluison, 1889. 486 p.
21. *Avout J. d'.* Querelle des Armagnacs et des Bourguignons. Paris : Gallimard, 1943. 431 p.
22. *Monstrelet E. de.* Chronique en deux livres. 1400–1444: in 6 vols. / par L. Douët-d'Arcq. Paris : Jules Renouard, 1857. Vol. I. 416 p.
23. *Caffin de Merouville M.* Le beau Dunois et son temps. Chroniques de Charles V – Charles VII – Louis XI. Paris : Nouvelles Éditions Latines, 2003. 483 p.
24. *Польская С. А.* Рецепция римского права в формировании прерогатив королевского помилования во Франции (XIII–XV вв.) // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения*. 2016. Т. 16, вып. 2. С. 176–181. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2016-16-2-176-181>
25. *Histoire générale et particulière de Bourgogne*: in 3 vols. / par Dom Plancher. Dijon : Chez Antoine de Fay, 1748. Vol. 3. 596 p.
26. *Salmon P.* Les demandes faites par le roi Charles VI, touchant son état et le gouvernement de sa personne. Paris : L'imprimerie de Crapelet, 1883. 176 p.
27. *Champion P.* La vie de Charles d'Orléans (1394–1465). Paris : Honoré Champion, 1969. 713 p.
28. *Histoire de Charles VI, roy de France* par Jean Juvenal des Ursins // *Choix de chroniques et mémoires relatifs à l'histoire de France* / par J.-A.-C. Buchon. Orléans : H. Herluison, 1875. P. 323–573.
29. *Monstrelet E. de.* Chronique en deux livres. 1400–1444: in 6 vols. / par L. Douët-d'Arcq. Paris : Jules Renouard, 1858. Vol. 2. 478 p.
30. *Dubarle M. E.* Histoire de l'Université, depuis son origine jusqu'à nos jours. Paris : J. L. J. Brière, libraire-éditeur, 1829. 368 p.
31. *Ordonnances des rois de France de la troisième race, recueillies par ordre chronologique*: in 23 vols. / par M. de Vilevault. Paris : l'Imprimerie Royale, 1755. Vol. 9. 714 p.
32. *Bonnefin A.* Le monarchie française. 987–1789. Constitution lois fondamentales. Paris : Franc-Empire, 1987. 398 p.
33. *Journal de Nicolas de Baye, greffier du Parlement de Paris. 1400–1407*: in 2 vols. / par A. Tuetey. Paris : Libraire Renouard, 1885. Vol. I. 350 p.
34. *Mirot L.* Les d'Orgemont. Une grande famille parlementaire aux XIV-e et XV-e siècles. Paris : Honoré Champion, 1913. 320 p.
35. *Markale J.* Isabeau de Bavière. Paris : Payot, 1982. 274 p.
36. *Cosneau E.* Le grands traités de la guerre de cent ans. Paris : Alphonse Picard, 1889. 187 p.
37. *Journal de Clément de Fauquembergue, greffier du Parlement de Paris. 1417–1435*: in 2 vols. / par A. Tuetey. Paris : Libraire Renouard, 1903. Vol. I. 391 p.

Поступила в редакцию 27.11.2022; одобрена после рецензирования 04.12.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 27.11.2022; approved after reviewing 04.12.2022; accepted for publication 20.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 226–231

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 226–231

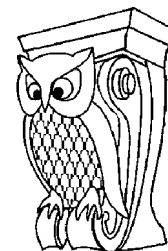
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-226-231>, EDN: QNLTYU

Научная статья

УДК 94(410-21)|14/16|

Городские финансы и муниципальные власти в английских городах эпохи Тюдоров (на примере Вустера)

В. А. Евсеев

Ивановский государственный университет, Россия, 153025 г. Иваново, ул. Ермака, д. 39

Евсеев Владимир Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений, yevseyev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7395-1726>, Author ID: 316948

Аннотация. Одной из важных проблем для английских городов эпохи Тюдоров было управление финансами. Основные доходы были от недвижимости, которые дополнялись пошлинами и штрафами. Заработная плата городских чиновников, коммунальная сфера и гостеприимство составляли три четверти всех городских трат Вустера. Основная проблема – инфляция и относительно стабильные доходы от городской собственности, а это заставляло муниципальные власти искать новые способы решения финансовых проблем. Однако эти новые меры не смогли решить проблему финансового дефицита к концу правления Елизаветы I.

Ключевые слова: финансовые проблемы, доходы и расходы, городские власти, эпоха Тюдоров

Для цитирования: Евсеев В. А. Городские финансы и муниципальные власти в английских городах эпохи Тюдоров (на примере Вустера) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 226–231. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-226-231>, EDN: QNLTYU

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Urban finance and municipal government in English Tudor cities (using the example of Worcester)

V. A. Evseev

Ivanovo State University, 39 Yermaka St., Ivanovo 153025, Russia

Vladimir A. Evseev, yevseyev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7395-1726>, Author ID: 316948

Abstract. One of the important problems for the English cities of the Tudor era was the management of finances. The main income was from real estate, which was supplemented by duties and fines. Fees of city officials, utilities, and hospitality accounted for three-quarters of all Worcester's urban spending. The main problem was inflation and relatively stable income from urban property, which forced municipal authorities to look for new ways to solve financial problems. However, these new measures could not solve the problem of financial property deficit by the end of the reign of Elizabeth I.

Keywords: finance problems, revenues and expenditures, city authorities, the era of the Tudors

For citation: Evseev V. A. Urban finance and municipal government in English Tudor cities (using the example of Worcester). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 226–231 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-226-231>, EDN: QNLTYU

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Перед английским обществом XVI–XVII вв. стоял целый ряд важных проблем экономического, социально-политического и идеологического характера. В современной отечественной литературе эти вопросы получили свое отражение [1–6]. Одной из таких проблем в этих глобальных процессах был упадок экономики в старых корпоративных городах, особенно в первой половине XVI в. Это было связано с дальнейшим замыканием цехов, ужесточением муниципальной

и цеховой регламентации, конкуренцией сельского ремесла [7, 8]. Среди экономических проблем очень важным был вопрос финансового обеспечения городской жизни, особенно во второй половине XVI в., когда инфляция фактически удвоилась [9, р. 141, 158], что, конечно, осложняло ситуацию для муниципальных властей корпоративных городов. От финансовой системы зависит не в последнюю очередь благополучие граждан, а также общественное спокойствие, в чем

заинтересовано государство. Большинство отечественных историков тему функционирования финансовой системы в период правления династии Тюдоров не выделяли как предмет специального комплексного изучения. Среди современных отечественных исследователей, обратившихся к изучению налогообложения и экономических реформ Тюдоров, была исследовательница из Петербурга М. В. Муха [10, 11]. В ее работах освещалась история монетных реформ в Англии, выявлялись причины проведения реформ, а также выяснялись темпы и объемы реформирования монетной системы. Среди последних исследований по этой проблематике следует отметить труды Ю. И. Царевой [12–14], которая изучала изменения в финансовом законодательстве Тюдоров, что позволило по-новому взглянуть, в частности, на причины острой борьбы, которую монархи вели с парламентом. Однако эти труды затрагивали в основном финансовую политику королевской власти, деятельность же городских органов власти в них не исследовалась.

В зарубежной историографии проблемы, связанные с финансовой системой тюдоровской Англии, изучались более основательно [15, с. 5–9]. Однако и Ю. И. Царева указывает, что в основном англоязычные исследования касались финансовой политики центральных властей. Среди современных британских урбанистов, которые занимались исследованием английских городов XVI–XVII вв. только Алан Дайер обратился к истории Вустера эпохи Тюдоров. В его работе есть небольшая глава, посвященная действиям муниципальных властей в сфере городских финансов [16].

Главная цель нашей работы – выяснение финансового регулирования городской жизни. Во-первых, следует определить основные статьи доходов и расходов; во-вторых, установить, каким образом муниципальные власти решали проблемы дефицита финансов. Эти вопросы постараемся прояснить на примере одного из корпоративных городов эпохи Тюдоров – Вустера. Для решения этих задач использовались данные из труда А. Дайера, который привлек неопубликованные архивные документы из казначейства Вустера. Конечно, мы привлечем свидетельства финансовой жизни и других городов Англии эпохи Тюдоров. Следует иметь в виду, что каждый город имел свои особенности социально-экономического и политического развития, в том числе в финансовой сфере. Между тем существовали и общие проблемы, характерные для провинциальных городов Англии эпохи Тюдоров. Данный аспект будет затронут в определенной степени в настоящей статье.

Значительное число корпоративных городов Англии в первой половине XVI в. оказалось в состоянии хозяйственной деградации. Однако некоторые из них сумели пережить экономические перемены XVI столетия достаточно успешно.

Одним из них был Вустер – старый корпоративный город средних размеров, расположенный на судоходном Северне – самой крупной реке Англии. Такое удачное расположение ставило город в центр важных торговых путей на Западе Англии.

В начале XVI в. Вустер, по данным налогообложения, занимал 16-е место, а в середине XVII в. – 11-е место среди провинциальных городов [17, р. 176–177]. Подъем города по иерархической лестнице отразился и в росте его населения. В 1563 г. в Вустере насчитывалось 4250 жителей, а в 1646 г. – около 8000 [16, р. 26], т. е. за 80 лет количество горожан выросло в 1,9 раза. Одновременно удвоилось и сельское население Вустершира [16, р. 29].

Экономическое развитие Вустера в XVI–XVII вв. имело свою специфику. В этот период в нем явно преобладала текстильная промышленность, на долю которой во второй половине XVI в. приходилось 46%, а в начале XVII в. – 55% всей рабочей силы города [9, р. 82; 16, р. 29]. В то же время в городе была мала доля торговцев. Это, в свою очередь, влияло на социально-имущественное положение Вустера, в котором около половины жителей города составляло бедное население [16, р. 175–176].

Одной из важных проблем для муниципальных властей английских городов эпохи Тюдоров было управление финансами. Поиск денег для обеспечения полноценной жизни города являлся очень трудной задачей, усугублявшейся достаточно быстрой инфляцией при относительно неподвижных доходах. Во второй половине XVI в. городские доходы Вустера в основном были на уровне 80–90 фунтов в год без каких-либо признаков их увеличения [16, р. 217].

Источники городских доходов отличались разнообразием. Однако основным видом доходов в Вустере была городская собственность, т. е. земля и дома, принадлежавшие городу. Данная собственность приобреталась постепенно, в течение длительного периода. Эти так называемые «старые поместья» давали городу в начале XVI в. 21 фунт 10 шиллингов дохода в год [16, р. 217]. С началом Реформации в Англии усилился процесс приобретения земельной собственности от Короны в результате диссолюции церковно-монастырских земель и зданий. В 1548 г. муниципальные власти Вустера приобрели у Короны земельную собственность, которая добавила городу 16 фунтов 10 шиллингов ежегодного дохода [16, р. 218]. Таким образом это сразу увеличило доходы с этого вида недвижимости на 40%.

Следующий вид недвижимости, которую городские власти Вустера также выкупили у Короны, – это собственность двух религиозных братств, в частности гильдии Св. Троицы. Ежегодный доход от этого вида собственности давал Вустеру дополнительно 16 фунтов 10 шиллингов [16, р. 218]. Все эти виды недвижимости

(здания, земельные участки и т. п.) приносили в общей сложности 54 фунта 10 шиллингов в год в середине XVI столетия, но к 1600 г. они увеличились только на 3 фунта [16, р. 218]. Можно констатировать, что рост расходов и девальвация денег демонстрируют невозможность для городских властей обеспечить финансовую поддержку его деятельности за счет недвижимости. Следует отметить, что аренда земли заключалась на длительный срок и не всегда сразу было возможно поднять ее стоимость, что приводило к снижению доходности с недвижимости.

Ренты с муниципальных земель давали Вустеру 60–70% регулярного дохода в городской бюджет. Таким образом, ренты с городских земель и зданий были основным источником денежных средств для муниципальных властей. Другие виды доходов поступали от штрафов и пошлин, собираемых на рынке, от вступительных взносов за приобретение прав полноправного горожанина (фримена). Рыночные пошлины давали 5–7 фунтов дохода, а вступительные взносы на приобретение прав фримена – 10–15 фунтов [16, р. 218]. Новые члены корпорации тоже платили вступительный фэйн, однако они были спорадические и непостоянные. Существовали еще разнообразные фэйны, которые были невелики и не могли повлиять на общее состояние доходных статей города.

Расходы городского управления были непостоянны, но имели общую тенденцию к росту, особенно в конце XVI в. Во-первых, выросли расходы на городских чиновников. Например, в Вустере с 1550 по 1570 г. зарплата чиновников увеличилась в 2 раза с 11 до 20 фунтов [16, р. 219], хотя в целом по стране за этот же период, она выросла всего лишь на 17% [9, р. 158]. Муниципальные власти платили своим юристам в столичных судах, местным городским чиновникам, например, смотрителю рынка, сержанту. Город также выплачивал пожизненную ренту отставным чиновникам. Эта статья расходов постоянно увеличивалась в связи с ростом самой городской бюрократии, хотя ухудшающееся финансовое положение вело к сокращению этой статьи расходов.

Многие чиновники брали зарплату из тех денег, которые они собирали сами, не отмечая это в официальных отчетах. Так поступали бейлифы, городские советники, казначеи, а также многие чиновники, чья зарплата оплачивалась городом из тех средств, которые они собирали при исполнении своих обязанностей.

Вторая главная категория расходов – общественные работы: ремонт и поддержание в нормальном состоянии крепостных стен, ворот, мостов, речных гаваней, общественных зданий, благоустройства и т. п., фактически всей коммунальной инфраструктуры. Мост и гавани были особой заботой муниципальных властей Вустера

из-за опасного течения р. Северн, где располагался город. До начала 1570-х гг. корпорация тратила примерно 20 фунтов ежегодно на общественные работы, но в последние декады XVI в. эти расходы значительно увеличились и в 1590-е гг. составляли от 41 до 43 фунтов [16, р. 219], т. е. произошло удвоение расходов на коммунальную сферу. Это было связано с появлением новых видов общественных зданий в 1590-е гг. (новые мясные ряды, здание таможи) и улучшением схемы водоснабжения.

Траты на систему водоснабжения часто фигурируют во многих городских отчетах того времени. Например, большинство водопроводов после диссолюции монастырей было передано городским властям [18, р. 135]. В частности, в Глостере городские власти выкупили монастырскую систему водоснабжения для своих нужд, потратив на это 50 фунтов [19, р. 391–392]. В 1567 г. в Манчестере специальные казначеи должны были следить за правильным использованием средств, полученных от арендной платы с земель, которые оставались в качестве наследства для восстановления и поддержания водопровода [20, р. 116]. В Дармуте все строительство водопроводов осуществлялось за счет благотворительных завещаний, которые составляли 300–400 фунтов в год [21, р. 32]. В Ковентри в 1507 г. власти решили покрывать расходы за счет жителей города. В каждом районе был сформирован комитет, который был обязан «смотреть за тем, что отдает каждый человек на строительство водопровода» [22, р. 107].

Одна из важнейших задач муниципальных властей XVI в. – поддержание городских дорог в надлежащем состоянии. Мощение всех городских улиц было дорогостоящим делом. Чтобы компенсировать часть расходов, городские власти часто принуждали жителей участвовать в работах по ремонту улиц или же оплачивать их стоимость. В некоторых случаях город был вынужден брать на себя обязанность по мощению и ремонту улиц. В Лестере, в частности, муниципальные власти соглашались нести ответственность только в том случае, если улицы граничили с городской собственностью. В 1500 г. муниципалитет принял предписание, согласно которому содержание рыночных площадей должно финансироваться за счет чиновников [23, р. 358].

Третья значительная категория расходов – обеспечение гостеприимства. Епископы, мировые судьи, знатные персоны, чиновники графства и другие влиятельные люди в центральных органах власти желали получить от города подарки и прием согласно их статусу. Муниципальные власти Вустера организовывали дорогие банкеты в их честь. Расходы по данной статье в течение второй половины XVI в. также удвоились – с 20 фунтов в конце 1560-х и до 43 фунтов в начале 1590-х гг. [16, р. 220]. Эти расходы на прием

гостей были неизбежны, ибо каждый из них требовал соответствующего приема в соответствии со своим политическим и социальным статусом. Провал такого приема мог отразиться на престиже города.

Эти три вида расходов – заработная плата городских чиновников, коммунальная сфера и госприемство – составляли три четверти всех городских трат Вустера. В оставшуюся четвертую часть расходов входили административные платежи всех видов: от покупки бумаги и чернил до взносов Короне. Эта категория расходов также имела тенденцию к росту в стоимостном выражении, но не превышала 25% от общих трат городского бюджета. В течение второй половины XVI в. расходы городской корпорации Вустера увеличились на 60% [16, р. 220].

К обычным расходам следует добавить и экстраординарные, которые росли время от времени. В середине XVI в. в Вустере были большие затраты на покупку земельной собственности двух монастырей (200 фунтов) и религиозной гильдии Св. Троицы (100 фунтов). В 1555 г. город заплатил 65 фунтов за новую хартию. В 1590-е гг. финансовые проблемы стали более серьезными – 21 фунт потратили на содержание новых сержантов, 42 фунта – на строительство новых прилавков для мясников, здание таможни, новой схемы водоснабжения и т. д. [16, р. 220].

Экстраординарные расходы вместе с растущими обычными приводили к возникновению финансовых трудностей. Два последних десятилетия XVI в. в Вустере отмечены постоянным дефицитом городского бюджета [16, р. 221]. Подобные финансовые трудности были характерны и для большинства корпоративных городов Англии той эпохи (Йорк, Эксетер, Лестер и т. д.). Это была общенациональная проблема – рост инфляции и относительно статичные доходы [4, с. 157; 17, р. 99]. Данные проблемы муниципальные власти Вустера решали по мере их более резкого обострения. Один из подходящих способов их решения был рост займов, особенно для экстраординарных трат. Например, заем был сделан в 1540 г. для покупки собственности религиозного братства св. Троицы, когда некоторые члены городской корпорации дали для этой сделки 100 фунтов [16, р. 221]. Хотя они знали, что деньги им назад не вернуться, это было своего рода благотворительное дело для городской элиты. Подобные акции имели место и в других корпоративных городах Англии той эпохи, например, в Йорке [24, р. 132–133].

Однако многие экстраординарные расходы в Вустере оплачивались не из доходов муниципальной собственности, а непосредственно горожанами (50% их стоимости) [16, р. 221]. Наиболее частыми примерами подобных расходов являлись: вооружение солдат для Короны, зарплата членам парламента, голод и эпидемии.

Это была своего рода местная налоговая система. Однако следует отметить, что сбор легальных налогов со всех жителей на общие траты для муниципальных властей являлся очень рискованным делом. Поэтому действовала рейтинговая система, одобренная парламентом, но только для специфических целей, при которой большинство бедняков освобождалось от налогов [25, р. 34]. Диссолюция монастырей и других религиозных учреждений увеличила число пауперов в английских городах и сократила масштаб благотворительной деятельности. Предпринимались попытки разрешить проблемы пауперов и до Елизаветинских законов о бедных. Например, власти Йорка в 1515 г. велели старшинам четырех районов города определить настоящих бедняков, бродяг, безработных. В 1528 г. приходским констеблям было приказано составить список бедняков, распределить «знаки нищих» среди тех, кто имел право на милостыню, а остальных изгнать из города. В 1530 г. были назначены «смотрители» за бедными в каждом районе Йорка: они должны были следить за нищими, чтобы среди них не было чужаков [24, р. 132–133].

Английская Реформация середины XVI в. внесла серьезные коррективы в существовавшую систему социальной инфраструктуры и в частности помощи бедным. Роспуск монастырей и различных религиозных организаций в 1530–1540-х гг. серьезно подорвал ее основы. В первую очередь ответственность за бедняков была возложена на городские и в частности на приходские власти.

Частично решить проблему удалось после принятия Закона 1601 г. Контроль и руководство за системой помощи бедным полностью перешел в ведение приходских властей в лице старост и попечителей по делам бедняков. Они осуществляли фискальную и контролирующую функции [4, с. 419].

В конце царствования Елизаветы I были приняты законы, которые возлагали на приходы финансовые расходы по содержанию своих бедняков [26, р. 962–965]. Конечно, содержание и поддержка растущей армии пауперов ложились дополнительным бременем на городские финансы, т. е. на самих горожан, плативших этот налог.

Система образования была еще одним важным направлением финансирования для городских властей в социальной сфере, кроме расходов на богадельни, госпитали и пауперов. Огромную роль в развитии светского школьного образования сыграла английская Реформация. Уничтожая экономическое и политическое могущество католической церкви, королевская власть подрывала ее авторитет и влияние на образовательную сферу общества. Данные действия английских властей привели к некоторому упадку школ и университетов страны. Дело в том, что многие школы, основанные при монастырях, были либо закрыты, либо расформированы

в связи с нехваткой финансовых средств. Однако, несмотря на Реформацию, английские школы выжили и сохранили свои функции как центры начального образования. Тюдоровское правительство проявляло заботу об их благосостоянии. Так, например, своим указом Генрих VIII приказал крупным монастырям и соборам содержать грамматические школы с учителями и определенным количеством учеников. Так, 6 бывших церквей в Бристоле, Честере, Глостере, Оксфорде, Вестминстере, Питерборо по уставам были обязаны основать грамматическую школу вне общественного фонда [27, р. 97]. Королем Эдуардом VI в 1547 г. был принят the Chantries Act, который рассматривал школы как составную и обязательную часть церковной собственности [27, р. 98]. Кроме того, закон предполагал возвращение некоторой церковной собственности, чтобы сохранять и содержать школы. Эти школы вошли в историю как «грамматические школы короля Эдуарда VI» [27, р. 98]. По этому закону многие города Англии вернули дотации и субсидии на развитие образования, а также получили патент (специальное разрешение) на приобретение земель для сохранения и учреждения школ [27, р. 98]. Так было в Бредфорде, где городской совет получил в свое распоряжение часть бывших церковных земель на открытие школы для местных детей [27, р. 100].

Обществу требовалось все большее количество грамотных специалистов. Предприниматели были заинтересованы в том, чтобы их интересы защищали образованные люди, поэтому они вкладывали свои средства на развитие английского образования. Давая «в долг» деньги определенному ученику или школе, меценат знал, что сегодняшний школяр завтра расплатится своими знаниями. Самыми крупными благодетелями были купцы, особенно, оптовики из Лондона, которые с легкостью делали взносы на благотворительные цели, в том числе и для того, чтобы обеспечить свои торговые предприятия грамотными и квалифицированными кадрами: бухгалтерами, землемерами, картографами, кораблестроителями и т. п. [27, р. 100].

Таким образом, можно отметить, что зажиточные английские горожане эпохи Тюдоров, в том числе и жители Вустера, делали значительный вклад в муниципальные расходы из своего кармана, решая таким образом дефицит городского бюджета. Наиболее ощутимую финансовую помощь в период дефицита городского бюджета оказывали городские советники и казначей, т. е. городская верхушка вынуждена была брать на себя значительную часть экстраординарных расходов. Должность казначея становится убыточной, поскольку они часто были вынуждены покрывать дефицит городского бюджета из собственных средств. Отсюда падает интерес к этой должности, особенно среди состоятельных людей. Например, в Ковентри в начале

XVI в. некоторые граждане города делали вклады в строительство водопровода при условии, что их никогда не будут призывать занимать должность казначея [22, р. 107]. Расходы, связанные с исполнением городских должностей, явились одной из причин усиления олигархии в английских городах эпохи Тюдоров, ибо дорогая общественная служба не могла держаться на плечах мелких ремесленников и торговцев, а только на богатой торгово-ремесленной элите города. Следует, однако, заметить, что подобная практика возмещения расходов городской элитой была ограничена и применялась только в крайних обстоятельствах [16, р. 222].

Иногда реальные займы быстро возвращались. Например, при выплате за новую хартию для Вустера в 1555 г. заем был быстро возмещен. Потери доходов от братства св. Троицы были тяжелым финансовым напряжением для муниципальных властей Вустера и это вынудило их в 1545 г. увеличить займы с приходских властей в городе для ремонта крепостных стен и ворот. Подобные случаи имели место в 1564 г. и в середине 1570-х, но обнищание церковных приходов после Реформации сократило этот вид финансовой помощи [16, р. 222].

Финансовые проблемы середины XVI в. привели к серии необычных расходов и возникновению новых видов доходов. Непредвиденные займы в основном решали временные проблемы. Однако в последние десятилетия XVI в. эти финансовые вопросы не могли легко разрешаться. Некоторое сокращение расходов было возможно, так же как и увеличение доходов. Городские власти Вустера пытались создать резерв для разрешения неожиданных финансовых проблем. Однако в реальности это было сделать невозможно, ибо аудит финансов показывал постоянное преобладание расходов с 1560-х гг., и очень небольшие суммы были аккумулированы, но их быстро поглотил дефицит в 1580-х гг. Растущие финансовые проблемы затрудняли сбор доходов, и долги продолжали расти [16, р. 222]. Был только один вариант – увеличение доходов от городской недвижимости, но в большинстве случаев ренты оставались прежними или росли очень медленно. Был сделан упор на увеличение вступительных взносов в члены городской корпорации, которые приносили большие суммы сразу, так как взимание налогов с держателей осталось на прежнем уровне. Эти компании по взносам давали значительные суммы: в 1581 г. – 86 фунтов, в 1591 г. – 92 фунта. Такие же суммы фиксировались и в последующие 4 года, а всего за последние 2 десятилетия XVI в. было собрано 390 фунтов, что позволило избежать реальной угрозы банкротства [16, р. 222]. Однако эти вступительные суммы были лишь временной мерой и не могли разрешить финансового кризиса в последние годы XVI в.

Таким образом, можно констатировать сложность финансовой ситуации для городских властей Англии эпохи Тюдоров, которая была обусловлена разнообразным сочетанием многих факторов. В первую очередь это инфляция и относительно стабильные доходы от городской собственности, а это заставляло муниципальные власти искать новые способы решения финансовых проблем. Однако эти новые меры не смогли решить проблему финансового дефицита к концу правления Елизаветы I.

Список литературы

1. Винокурова М. В. Мир английского манора. М. : Наука, 2004. 493 с.
2. Дмитриева О. А. Социально-экономическое развитие Англии в XVI в. М. : Издательство МГУ, 1990. 99 с.
3. Дмитриева О. А. Елизавета Тюдор. М. : Молодая гвардия, 2004. 306 с.
4. Евсеев В. А. «Городская цивилизация» Англии от Тюдоров до Стюартов. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2019. 636 с.
5. Ерохин В. Н. Становление нации. Религиозно-политическая история Англии XVI – первой половины XVII в. в современной британской исторической науке. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2016. 752 с.
6. Серегина А. Ю. Английское католическое общество XVI–XVII вв.: виконты Монтегю. М. ; СПб. : Центр гуманитарных инициатив, 2017. 544 с.
7. Штокмар В. В. Некоторые данные тюдоровского законодательства об упадке английских провинциальных городов // Средневековый город: межвуз. науч. сб. / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1974. Вып. 2. С. 174–182.
8. Евсеев В. А. О некоторых причинах упадка Йорка и Беверли в XVI–XVII вв. // Вестник Ленинградского университета. История. Язык. Литература. 1979. № 2, вып. 1. С. 118–120.
9. Palliser D. The Age of Elizabeth. London ; New York : Longman, 1984. 450 p.
10. Муха М. В. Лондонский монетный двор и его администрация (к вопросу о реорганизации лондонского монетного двора в 1544–1547 годах) // Средневековый город: межвуз. науч. сб. / отв. ред. С. М. Стам. Саратов : Издательство Саратовского университета, 1975. Вып. 3. С. 210–215.
11. Муха М. В. Монетные реформы в эпоху Тюдоров 1484–1603 гг. СПб. : Издательство Государственного Эрмитажа, 2002. 162 с.
12. Царева Ю. И. Финансовая политика в период правления Эдуарда VI Тюдора // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5, вып. 10 (33).
13. Царева Ю. И. Генрих VII Тюдор и его экономические реформы // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2016. Т. 7, вып. 2 (46).
14. Царева Ю. И. Финансовая политика Тюдоров (1485–1603 годы) // Новая и новейшая история. 2018. № 2. С. 3–14.
15. Царева Ю. И. Финансовая политика Тюдоров 1485–1603: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2017. 22 с.
16. Dyer A. The City of Worcester in the Sixteenth Century. Leicester : Leicester University Press, 1973. 288 p.
17. Hoskins W. Local History. London ; Harlow : Longman, 1959. 196 p.
18. Robins F. W. The story of water supply. London : Oxford University Press, 1946. 207 p.
19. Calendar of the records of the Corporation of Gloucester / ed. by W. H. Stevenson. Gloucester : John Bellows, 1893. 562 p.
20. The Court leet records the manor of Manchester, from the year 1552 to the year 1686, and from the year 1731 to the year 1846: in 2 vols. / ed. by Earwaker. Manchester : HENRY BALLOCK and CO, 1884. Vol. 1. 332 p.
21. Barty-King H. Water: The book: An illustrated history of water supply and wastewater in the United Kingdom. London : Quiller, 1992. 256 p.
22. The Coventry Leet Book or Major's Register, 1420–1555: in 4 pts. / ed. by M. D. Harris. London : Kegan Paul, Trench, Truniner and Co, 1907–1913. 939 p.
23. Records of the borough of Leicester: in 3 vols. / ed. by M. Bateson. London : L. J. Clay under the authority of the Corporation of Leicester, 1901. Vol. 2. 522 p.
24. A history of Yorkshire. The city of York. London : Oxford University Press, 1961. 210 p.
25. Patten J. English Towns, 1500–1700. Folkestone : Dawson and Hamden, Conn. Archon, 1978. 348 p.
26. Statutes of the Realm: in 11 vols. / ed. by A. Luders, T. Tomlins. London : Printed by command of his majesty King George the Third, (command), 1819. Vol. 4. 1190 p.
27. Lawson J. Silver H. A social history of education in England. London : Methuen, 1963. 502 p.

Поступила в редакцию 08.09.2022; одобрена после рецензирования 11.10.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 08.09.2022; approved after reviewing 11.10.2022; accepted for publication 20.01.2023

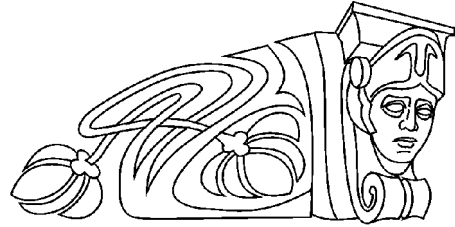

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 232–237
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 232–237
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-232-237>, EDN: TAYKAG

Научная статья
УДК 94(410)|15|+929Уортон

Проект Томаса Уортона и проблема организации управления англо-шотландским пограничьем в 1540-х годах

А. А. Бельцер

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, Россия, 443086, г. Самара, Московское шоссе, д. 34

Бельцер Александр Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и документо-ведения, abelhist@yandex.ru. <https://orcid.org/0000-0002-3545-4948>, Author ID: 273064

Аннотация. Статья посвящена анализу проекта реорганизации управления пограничными графствами между Англией и Шотландией, который был представлен монарху Томасом Уортоном. Томас Уортон – дворянин из Уэстморленда, в течение долгого времени занимал различные должности в пограничной администрации и считался одним из наиболее опытных и лояльных дворян пограничья. В своем проекте Уортон предлагал точную фиксацию правил работы пограничной администрации и концентрацию в руках монарха стратегически важных земельных владений и крепостей пограничья. Реализация проекта Уортона привела бы к увеличению влияния королевской власти в регионе.

Ключевые слова: Тюдоры, Томас Уортон, англо-шотландское пограничье, пограничная администрация, Генрих VIII, аристократия

Для цитирования: Бельцер А. А. Проект Томаса Уортона и проблема организации управления англо-шотландским пограничьем в 1540-х годах // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 232–237. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-232-237>, EDN: TAYKAG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Thomas Wharton project and the problem of Anglo-Scottish border government in 1540s

A. A. Beltser

Samara National Research University, 34 Moskovskoye shosse, Samara 443086, Russia

Alexander A. Beltser, abelhist@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3545-4948>, Author ID: 273064

Abstract. This article analyses the draft reorganization of the administration of the border counties between England and Scotland, which was submitted to the monarch by Thomas Wharton. Thomas Wharton, a nobleman from Westmorland, had long held various posts in the frontier administration and was considered one of the most experienced and loyal nobles of the frontier. In his project, Wharton proposed a precise fixation of the rules of frontier administration and a concentration of strategically important land holdings and frontier strongholds in the monarch's hands. The implementation of Wharton's project would have increased the influence of royalty in the region.

Keywords: Tudors, Thomas Wharton, anglo-scottish borders, border administration, Henry VIII, aristocracy

For citation: Beltser A. A. Thomas Wharton project and the problem of Anglo-Scottish border government in 1540s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 232–237 (in Russian).* <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-232-237>, EDN: TAYKAG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Время правления Йорков и первых Тюдоров в историографии традиционно связывается с изменениями в социальных и политических структурах английского королевства. Исследователи обращают внимание на процессы усиления королевской власти, увеличение значимости рядового дворянства и падение значения нобилитета [1, 2]. Эти перемены выражались в появлении новых учреждений, проникновении новых

людей в государственные и придворные структуры, замене представителей знати на более низкородных лиц на ответственных должностях. В поисках иллюстрации этих изменений историки традиционно обращаются к северным землям, особенно к англо-шотландскому пограничью. Описывая перемены, произошедшие в северных землях, исследователи обращают внимание на работу Северного совета, учре-

ждения, окончательно оформившегося во второй половине 1530-х гг., на ослабление позиций местной аристократии и появление на важных постах в пограничной администрации выходцев из Южной Англии либо из местного нетитулованного дворянства. Важным рубежом в этих процессах считается десятилетие накануне и после Благодатного Паломничества – широкого движения против реформ начала 1530-х гг., охватившего все слои населения Северной Англии, заставившего правительство Генриха VIII заняться коренной перестройкой системы управления в регионе. На протяжении последних 15 лет правления второго Тюдора появился целый ряд проектов обустройства северных земель. Один из них принадлежал Томасу Уортону, дворянину из Уэстморленда, сделавшему удачную карьеру на королевской службе, увенчавшуюся получением баронского титула.

Во второй половине 1530–1540-х гг. Томас Уортон играл ключевую роль в управлении Западным англо-шотландским пограничьем. После Благодатного Паломничества он был назначен заместителем Стража Западной марки, де-факто Стражем при номинальном Страже Генри Клиффорде, графе Камберленде. Спустя некоторое время после смерти Камберленда в 1542 г. Уортон стал Стражем Западной марки де-юре. Он активно принимал участие в отражении шотландских набегов в ходе начавшейся войны Англии с Шотландией и стал творцом победы над шотландцами при Солуэй-Мосс. На протяжении своей службы в пограничье Уортон регулярно переписывался с центральной администрацией, отчитываясь о ситуации в пограничье, и излагая свои взгляды на решение возникающих проблем. В историографии практически нет работ, специально посвященных деятельности Томаса Уортона. Наиболее подробным является очерк, написанный Мервином Джеймсом, где автор на примере нашего героя иллюстрирует свой тезис о борьбе Тюдоров с местной аристократией [3, р. 91–147].

Семья Уортон принадлежала к небогатому дворянству Уэстморленда. Они были держателями и вассалами Клиффордов, одной из ведущих аристократических семей Северной Англии. Однако уже отец Томаса (также Томас) был задействован на королевской службе. После смерти отца молодой Томас Уортон попал под опеку Генри Клиффорда, 10-го барона Клиффорда. Затем мы видим Уортона в окружении Перси, хотя связей с Клиффордами он не теряет. Томас стал ближайшим другом и советником молодого Генри Перси, будущего 6-го графа Нортумберленда. Став графом Нортумберлендом, Генри Перси начинает постоянно награждать Уортона должностями и землями, постепенно передавая ему владения из обширного массива земель семьи Перси в Йоркшире и Западном пограничье [4, 5]. Выполняя ответственные поручения графа,

Уортон получил возможность обратить на себя внимание Томаса Кромвеля и самого монарха. Он вошел в состав мировых комиссий Нортумберленда, Камберленда и Уэстморленда, в 1529–1530 гг. исполнял обязанности шерифа Камберленда [6].

Во время Благодатного Паломничества Уортону удалось избежать встречи с восставшими. Он смог присоединиться к отрядам герцога Норфолка, отправленным на подавление восстания, и в дальнейшем принял участие в умиротворении северных земель. Верность монарху не осталась без награды, и Томас Уортон стал заместителем Стража Западного пограничья. Номинально Стражем Западного пограничья, как уже говорилось, был Генри Клиффорд, граф Камберленд. Однако он практически не имел владений непосредственно в Камберленде, основной массив его земель находился в Уэстморленде и Йоркшире. Кроме того, несмотря на неоднократно доказанную лояльность Короне, действия графа подорвали веру Генриха VIII в его способность управлять регионом. Дело осложняла и давняя вражда графа Камберленда с Уильямом, бароном Дакром, крупнейшим землевладельцем Камберленда [7, с. 58]. В итоге, несмотря на возражения наместника Севера, Томаса Ховарда, герцога Норфолка, именно Томасу Уортону было поручено фактическое руководство защитой Западной марки.

В 1544 г., спустя 2 года после смерти графа Камберленда, Уортон стал Стражем Западной марки. К этому времени он уже совершил свой главный военный подвиг. В конце ноября 1542 г. шотландцы вторглись на территорию Камберленда. Уортон быстро собрал отряд и разбил врага. Погибли многие представители шотландской знати. За эту победу сэр Томас удостоился личной благодарности от короля. В 1544 г. Уортон вместе с другим ветераном пограничья Уильямом Юром [8, с. 330–331] удостоился баронского титула. Находясь в королевском фаворе, спустя несколько месяцев после победы над шотландцами, летом 1543 г. Уортон пишет Генриху VIII письмо, в котором предлагает проект переустройства системы управления англо-шотландским пограничьем.

На протяжении всего правления король время от времени получал предложения по реформированию властных отношений в отдаленных регионах королевства. Ирландия, Север, Уэльс, территории, отдаленные от центра, отличающиеся от него в этническом, культурном плане (Ирландия и Уэльс), граничащие с враждебными землями (Ирландия и англо-шотландское пограничье), достаточно сильно отличались от центральной и южной Англии и постоянно доставляли беспокойство Короне. Задачи успокоения этих земель, улучшения обороноспособности, укрепления лояльности местного населения, наведения порядка все время стояли на повестке

дня. Они постоянно дебатировались во властных кругах и периодически на свет появлялись проекты исправления недостатков регионального управления, составленные в недрах тюдоровской администрации. Последнее время большее внимание привлекали проекты реформирования Ирландии, которые регулярно появлялись на протяжении всего тюдоровского правления [9, 10]. Записки и письма, посвященные реформированию северных земель, специально анализировались значительно реже.

В государственных бумагах Генриха VIII различные предложения по исправлению недостатков организации управления северными землями появляются еще в начале 1520-х гг., а после Благодатного Паломничества количество подобных проектов увеличивается. Свои предложения по наведению порядка на севере высказывал, например, Томас Ховард, 3-й герцог Норфолк, наместник северных земель в 1536–1537 гг. [11]. Некоторые предложения по исправлению тех или иных проблем в системе управления можно найти и в письмах представителей местного дворянства, особенно тех, кто был вовлечен в деятельность пограничной администрации.

Проект Томаса Уортона выделяется из числа других своим охватом. Уортон предлагает мероприятия по упорядочению не только Западного пограничья, но и всей англо-шотландской границы и взаимоотношений с представителями шотландской пограничной администрации. Не случайно сам проект называется «Памятная записка, составленная Томасом Уортоном, заместителем Стража Западного пограничья... содержащая мнение относительно лучшего сохранения мира между Англией и Шотландией, о том, как лучше может исполняться служба Его Величеству во всех трех пограничных с Шотландией марках и в городе и замке Карлайл» [12, р. 309–315]. Соответственно, записка разделена на несколько частей. Первая часть касалась работы пограничной администрации, вторая – причины беспорядков в пограничье, третья – совершенствования организации службы в пограничных регионах в целом, а четвертая – совершенствование организации службы в Западной марке.

В первой части для того чтобы облегчить работу пограничной администрации, по мнению Уортона, необходимо было уточнить принадлежность земель по обе стороны границы, чтоб их обитатели имели четкое об этом представление. Пограничные законы должны быть записаны и опубликованы по обе стороны границы и 4 раза в год оглашаться перед Стражами пограничья и их заместителями. Представители пограничной администрации Англии и Шотландии обязаны были регулярно встречаться друг с другом как минимум раз в месяц. Результаты этих встреч должны записываться и заверяться обеими сторонами. Так же, по мнению Уортона, должны были

фиксироваться жалобы и ответы на них и публично провозглашаться. Стражи пограничья в течение 20 дней обязаны были доложить монарху о жалобах, чтобы решения могли быть приняты без промедления. В случае спорных вопросов Уортон рекомендовал привлекать юристов для разбора дела. Кроме того, он советовал, поскольку не все возникающие ситуации оговаривались в мирном договоре, назначить 12 дворян, по 6 с каждой стороны, из числа жителей пограничья для обсуждения этих вопросов и возможного дополнения статей мирного договора, если на то будет решение монархов [12, р. 309–310].

Нарушения в отправлении правосудия со стороны должностных лиц связаны, по мнению Уортона, с отсутствием компенсации ущерба в соответствии с положениями мирного договора, промедлением в возмещении ущерба и нарушениях с их стороны мира. После закрепления пограничных законов на бумаге, как считал Уортон, возможностей для нарушения не будет [12, р. 310–311].

Третья и четвертая части записки, как уже говорилось, посвящены непосредственно территории английских пограничных марок. Касаясь пограничья в целом, Уортон предлагал все владения знати, находившиеся в пограничье, забрать в руки монарха. Все территории с плодородными почвами в пограничье, где могут проживать люди, предлагалось заселить и создать там укрепления. Уортон предлагал объединить Восточную и Среднюю марки под властью одного должностного лица, которому следовало передать управление Тайндейлом и Риддесдейлом, равно как и другие должности в Нортумберленде, предполагавшие командование ополчением. Ему же необходимо передать командование всеми королевскими замками, чтобы в одном из них он мог пребывать постоянно лично или управлять им с помощью своих заместителей или лейтенантов. Одной из резиденций Стража пограничья Уортон рекомендовал сделать замки Харботтл или Чипчейз, где необходимо было пребывать как минимум раз в месяц, кроме того предоставить ему право привлекать поселенцев на пустующие плодородные земли [12, р. 311].

Особое внимание Уортон уделял местному дворянству. По его мнению, все дворяне региона должны приносить клятву верности при каждой смене Стража пограничья. Так же, как и у уже существующих пенсионариев из числа местного дворянства, клятва должна содержать обязательства в верной службе и, кроме того, обязательство сообщать о случаях государственной измены, в чем она заключается, кто ее совершил и при каких обстоятельствах, особенно, если кто-то снабжает выходцев из Шотландии одеждой, пропитанием, скотом или деньгами. Из числа местного дворянства Страж пограничья должен иметь возможность нанимать на службу наиболее мудрых и опытных людей и регулярно собирать

их для консультаций. Из их же числа следовало набирать и представителей пограничной администрации, готовых верно служить монарху [12, р. 311–312].

Западному пограничью посвящена последняя, наиболее объемная часть записки Уортона. Это не вызывает удивления, поскольку именно его уроженцем и главой на момент составления документа и был автор. Уортон предлагает, чтобы тот, кто возглавляет Западное пограничье, Страж Западной марки или его заместитель, одновременно занимал бы должности капитана как города, так и замка Карлайл и держал бы там постоянную резиденцию. Необходимость такого шага обосновывалась тем, что в этом случае успешнее удастся укреплять оборонительные сооружения и использовать для этого больше людей. Кроме того, не будут возникать споры между тем, кто возглавляет оборону пограничья, и капитаном города. Поскольку Карлайл расположен удобно для местных жителей как место, где можно укрыться, здесь Страж Западной марки может собрать значительное количество людей, в замке имеется возможность приводить в исполнение наказания. А сосредоточение вышеуказанных должностей в одних руках позволит лучше исполнять королевскую службу [12, р. 312–313].

Уортон призывал короля забрать с помощью выкупа, обмена или каким-то иным способом владения Бург, Гиллсленд и Грейсток, передать управление землями монастырей Западной марки главе пограничной администрации. В качестве резиденции Стража наряду с Карлайлом предлагалось использовать замок Науорт, который, по мнению Уортона, позволял контролировать жителей баронии Гиллсленд, угрожать разбойникам из Тайндейла, Лиддесдейла и Пустоши. В Науорте, как считал Уортон, было удобно разведывать действия разбойников, что было крайне необходимо для лучшего исполнения королевской службы. Главе пограничья, по мнению Уортона, необходимо передать под управление Пенрит и Куинс Хэм. Доходы с этих территорий обычно использовались для содержания гарнизона Карлайла [13, р. 197]. Все эти земли, равно как и ряд других владений, находящихся в пограничье, должны навечно перейти Короне [12, р. 312–313].

Уортон предложил регулярно проводить обследования Риддесдейла, Тайндейла, Гиллсленда, Бьюкастла и Пустынных земель, чтобы вместо «немошных и невежественных людей» постепенно заселять их теми, кто будет верно служить Короне. Отдельные комиссии, составленные «из разумных и опытных людей» должны изучать все действия пограничной администрации. Уортон также просил разграничить полномочия капитана Карлайла, с одной стороны, мэра и городской общины – с другой. Кроме того, Уортон также предложил уничтожить растительность на территории Спорной земли, дабы

преступники не могли там укрываться [12, р. 313–314].

Записка Уортона свидетельствует о хорошем знакомстве автора с проблемами, возникавшими перед центральными властями при попытках наладить систему управления пограничьем, удовлетворяющую Вестминстер. В правление первых двух Тюдоров монархи вынуждены были искать ответ на вопрос: как тратить на северное пограничье меньше средств и при этом не зависеть в организации обороны региона от местных аристократов? Попытки эти оказались не вполне удачными. В Западном пограничье вплоть до 1525 г. фактическим правителем региона был Томас Дакр, барон Дакр, крупнейший землевладелец северо-западной Англии. В начале правления Генриха VIII он возглавил Восточную и Среднюю марки, расположенные на территории графства Нортумберленд. Однако там у барона не сложились отношения с местным дворянством. Не имея достаточных ресурсов, он вынужден был активно использовать отряды жителей Тайндейла и Риддесдейла, известных своими разбойными нападениями. Дакр вынужден был закрывать глаза на их набеги [14, р. 265–267; 15, р. 146–170].

Смещение Дакра и назначение Стражами пограничных марок либо представителей местного дворянства, либо представителей знати из других частей северной Англии не исправили ситуацию. Новым назначенцам, таким как Генри Клиффорд, граф Камберленд, например, не хватало ресурсов. Не имея владений непосредственно в приграничных землях, они оказались зависимы от местной знати, взаимодействие с которой не всегда складывалось должным образом. Ситуацию ухудшали и конфликты, связанные с конкуренцией за должности на королевской службе. Так, конфликт между Генри Клиффордом, графом Камберлендом и Уильямом Дакром, бароном Дакром за должности Стража Западной марки и капитана Карлайла фактически парализовал работу пограничной администрации [16]. В результате Корона вынуждена была восстановить позиции пограничных баронов, передав пост Стража Западной марки Уильяму Дакру, барону Дакру, а Стража Восточной и Средней марки – Генри Перси, графу Нортумберленду [8, с. 329].

Ключевой проблемой, которая вынуждала Корону обращаться к услугам местных аристократов, был недостаток ресурсов у королевских назначенцев. Перси и Дакры владели обширными землями в пограничье, на которых находились замки, имеющие стратегическое значение. Поэтому во многих рекомендациях по обустройству пограничных марок авторы советовали обратиться к помощи местного лорда. Так, в 1523 г. одна из докладных записок, посвященных исправлению недостатков в Средней и Восточной марках и отправлению правосудия в графстве Нортумберленд, прямо содержала предложение

о назначении Стражем Восточной и Средней марки кого-либо из могущественных аристократов, которые бы непосредственно проживали в графстве и держали бы своих людей в постоянной готовности [17].

Благодатное Паломничество показало необходимость реформ на севере, тем более, что к этому моменту монарх не имел в своем распоряжении местного аристократа, которому можно было бы доверить управление регионом. В результате в конце 1530 – начале 1540-х гг. король вынужден был в большей степени полагаться на помощь местного дворянства. Поэтому предложения Уортона были созвучны королевской политике. Однако проблема наличия у Стража ресурсов, достаточных для обороны пограничья и не требующих подпитки со стороны Короны, оставалась. Томас Уортон предложил выход, который позволял решить целый ряд вопросов, значимых как для обороны англо-шотландской границы, так и для него самого. У Уортона сложились крайне напряженные отношения с двумя могущественными аристократическими семьями региона – Клиффордами и Дакрами. Возвышение Уортона подрывало баланс сил, существовавший в регионе. Он заменил Генри Клиффорда, графа Камберленда на посту Стража Западного пограничья, принимал активное участие в судебном процессе над Уильямом Даком, бароном Даком в 1534 г.

Как уже говорилось, Уортон предлагал забрать под королевскую руку замки Бург, Гиллсленд и Грейсток с округой, а также передать управление землями монастырей Западной марки главе пограничной администрации. Судя по тому, что в качестве резиденции Стража наряду с Карлайлом предлагалось использовать замок Науорт, то, видимо, и он должен был перейти к Короне. Все эти владения принадлежали Уильяму Дакру, барону Дакру, который таким образом фактически лишился бы всех своих владений в Камберленде. Сама практика покупки или обмена интересующих Корону земель вовсе не была редкостью. Так, Генрих VIII пожаловал своему зятю Чарльзу Брендону, герцогу Саффолку, земли в графстве Линкольн в обмен на передачу монарху владений в Саффолке, где Брендон активно соперничал с Томасом Ховардом, герцогом Норфолком [18, р. 115–182]. Однако в данном случае речь шла о пограничном, стратегически важном регионе. В Нортумберленде после смерти Генриха Перси, графа Нортумберленда, и казни его братьев из-за участия в Благодатном Паломничестве в руки Короны перешли обширные владения семьи Перси, на территории которых находились в том числе и важные крепости, но это потребовало только увеличения расходов и не улучшило радикально порядок в графстве [19]. В случае с Дакрами требовалось лишить родовых земель лорда, не только в целом

лояльного монарху, но и обладавшего многочисленными держателями, игравшими важную роль в обороне пограничья. Это был серьезный риск и на него Корона так и не пошла.

Таким образом, предложения Томаса Уортона предполагали значительную перестройку системы управления пограничьем, упорядочение ее основ и усиления контроля со стороны Короны. Переход в королевские руки пограничных бароний, принадлежавших в первую очередь Дакрам и Перси, коренным образом изменил бы расстановку сил в пограничье. Монарх превратился бы не только в крупнейшего земельного собственника в пограничных землях, но и сосредоточил бы в своих руках все важные в стратегическом отношении крепости. Однако этот революционный шаг так и не был осуществлен. В то же время другие некоторые предложения более частного характера были учтены и реализованы, в том числе и самим Уортоном, который в 1550-х гг. занимал пост Стража Восточной и Средней марки англо-шотландского пограничья.

Список литературы

1. Williams P. Tudor Regime. Oxford : Oxford University Press, 1979. 486 p.
2. Goodman A. The New Monarchy, 1471–1534. Oxford ; New York : B. Blackwell, 1988. 89 p.
3. James M. E. Change and continuity in the Tudor north: Thomas first Lord Wharton // James M. E. Society, Politics and Culture: Studies in Early Modern England. Cambridge : Cambridge University Press, 1986. P. 91–147.
4. Hoyle R. Percy, Henry Algernon, fifth earl of Northumberland (1478–1527), magnate // Oxford Dictionary of National Biography. URL: <https://www.oxforddnb.com/view/10.1093/ref:odnb/9780198614128.001.0001/odnb-9780198614128-e-21936> (дата обращения: 15.07.2022).
5. Hoyle R. Henry Percy, sixth earl of Northumberland and the fall of the House of Percy, 1527–1537 // Tudor nobility / ed. by G. Bernard. Manchester: Manchester University Press, 1992. P. 180–211.
6. Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England: in 37 vols. Vol. 4: 1524–1530 / ed. J. S. Brewer. London : Her Majesty Stationery Office, 1875. 3538 p. URL: <http://www.british-history.ac.uk/letters-papers-hen8/vol4> (дата обращения: 27.01.2022).
7. Бельцер А. А. Барон и разбойники: лорд Томас Дакр и жители Тайндейла и Риддсдейла (1511–1525) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 57–61. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2015-15-1-57-61>
8. Бельцер А. А. Королевская администрация и пограничные кланы на англо-шотландском пограничье в 1525–1527 годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 3. С. 329–333. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-3-329-333>

9. *Heffernan D.* Debating Tudor policy in sixteenth century Ireland: 'Reform' treatises and political discourse. Manchester : Manchester University Press, 2018. 272 p.
10. *Marshall C. T.* The Reform Treatises and Discourse of Early Tudor Ireland. Unpublished PhD theses. Toronto : University of Tasmania, 2018. 384 p. URL: https://eprints.utas.edu.au/31810/1/Marshall_whole_thesis.pdf (дата обращения: 14.08.2022).
11. Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England: in 37 vols. Vol. 12, pt. 1: January-May 1537 / ed. J. Gairdner. London : Her Majesty Stationery Office, 1890. 609 p. URL: <http://www.british-history.ac.uk/letters-papers-hen8/vol12/no1> (дата обращения: 18.09.2022).
12. State Papers. Henry VIII: in 11 vols. Vol. 5. London : John Murray, 1836. 603 p.
13. *Ety C.* Tudor Revolution? Royal Control of the Anglo-Scottish Border, 1483–1530. Unpublished PhD thesis. Durham: Durham University, 2006. 232 p. URL: [http://etheses.dur.ac.uk/1283/1/1283.pdf?ETHOS%20\(BL\)](http://etheses.dur.ac.uk/1283/1/1283.pdf?ETHOS%20(BL)) (дата обращения: 26.08.2022).
14. *Ellis S. G.* A border baron and the Tudor state: the rise and fall of Lord Dacre of the North // *The Historical Journal* 1992. Vol. 35, № 2. P. 253–277. <https://doi.org/10.1017/S0018246X00025796>
15. *Ellis S. G.* Tudor Frontiers and Noble Power: The Making of the British State. Oxford : Oxford University Press, 1995. 332 p. URL: <https://oxford.universitypressscholarship.com/view/10.1093/acprof:oso/9780198201335.001.0001/acprof-9780198201335> (дата обращения: 21.01.2022).
16. *Hoyle R.* Faction, Feud and Reconciliation amongst the Northern English Nobility, 1525–1569 // *History*. 1999. Vol. 84, № 276. P. 590–613. <https://doi.org/10.1111/1468-229X.00125>
17. Letters and Papers, Foreign and Domestic, Henry VIII, preserved in the PRO, the BM & Elsewhere in England: in 37 vols. Vol. 3: 1519–1523 / ed. by J. S. Brewer. London : Her Majesty Stationery Office, 1867. 1776 p. URL: <http://www.british-history.ac.uk/letters-papers-hen8/vol3> (дата обращения: 29.10.2022).
18. *Gunn S. J.* Charles Brandon, duke of Suffolk. 1484–1545. Oxford : Basil Blackwell, 1988. 256 p.
19. *Bush M. L.* The Problem of the Far North: A Study of the Crisis of 1537 and its Consequences // *Northern History*. 1971. Vol. 6, № 1. P. 40–63. <https://doi.org/10.1179/nhi.1971.6.1.40>

Поступила в редакцию 23.10.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 23.10.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 20.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 238–243

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 238–243

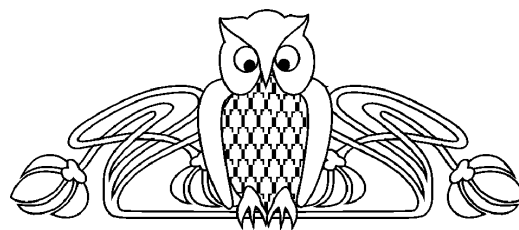
<https://imo.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-238-243>, EDN: SNOHRO

Научная статья

УДК [551.58:327](470+571+100)|19/20|

Глобальное потепление: подходы России и реакция Запада

Ю. Г. Голуб[✉], С. Ю. Шенин

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Голуб Юрий Григорьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России, goloub@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9819-7494>. Author ID: 299696

Шенин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры международных отношений и внешней политики России, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>. Author ID: 71950

Аннотация. Статья посвящена изучению процесса эволюции отечественной климатической политики с момента ее возникновения в СССР в 1960–1970-е гг. и до окончания активной фазы сотрудничества Москвы с западными странами в этой сфере в конце 2021 г. Рассматриваются основные этапы климатической политики, факторы ее эволюции и влияние на российскую экономику глобального потепления. Формулируется вывод о том, что сотрудничество Российской Федерации с западными странами в вопросе изменения климата строилось на прочном фундаменте, который может стать основой для будущего диалога.

Ключевые слова: М. И. Бudyko, климатическая политика, глобальное потепление, США, Россия, В. Путин, Киотский протокол, Дж. Байден

Для цитирования: Голуб Ю. Г., Шенин С. Ю. Глобальное потепление: подходы России и реакция Запада // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 238–243. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-238-243>, EDN: SNOHRO

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Global warming: Russia's approaches and the West's reaction

Yu. G. Golub[✉], S. Yu. Shenin

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yury G. Golub, goloub@sgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9819-7494>, Author ID: 299696

Sergey Yu. Shenin, shenins@yahoo.com, <https://orcid.org/0000-0002-4503-5923>, Author ID: 71950

Abstract. The article is devoted to the study of the evolution of the national climate policy from the moment of its emergence in the USSR in the 1960s and 1970s until the end of the active phase of cooperation between Moscow and Western countries in this area at the end of 2021. The main stages of climate policy, factors of evolution and impact on the Russian economy are considered. It is concluded that the cooperation of the Russian Federation with Western countries on the issue of global warming was built on a solid foundation, which can become the basis for future dialogue.

Keywords: M. I. Budyko, climate policy, global warming, USA, Russia, V. Putin, Kyoto Protocol, J. Biden

For citation: Golub Yu. G., Shenin S. Yu. Global warming: Russia's approaches and the West's reaction. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 238–243 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-238-243>, EDN: SNOHRO

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Противостояние между Россией и коллективным Западом охватывает сегодня почти все сферы международных отношений и перспективы их улучшений практически не просматриваются [1]. Тем не менее в этих отношениях остается один сегмент, который может стать отправной точкой для налаживания диалога, – это совместное реагирование на изменение климата. В силу этого изучение степени заинтересованности сторон в поддержании климатического

взаимодействия является важной исследовательской задачей. Поскольку отношение западных стран к проблеме глобального потепления освещена в научной литературе достаточно широко¹, главная задача данной статьи заключается в более четком выявлении официальной позиции Российской Федерации.

Говоря о российском отношении к проблеме изменения климата, многие ученые, в том числе западные, указывают на то, что еще в 1960–

1970-х гг. исключительную роль в формировании современных научных взглядов на проблему антропогенного влияния на земную атмосферу сыграли исследования советского климатолога М. И. Будыко, который представил новую теорию глобального потепления. Он был первым, кто решился предупредить население Земли о неизбежности всеобщего изменения климата в результате хозяйственной деятельности человека. Советский ученый утверждал, что в течение ближайших 100 лет произойдет существенное повышение температуры воздуха, что приведет к таянию ледяного покрова Северного Ледовитого океана уже к 2050 г. с тяжелыми последствиями для многих стран [2, 3].

Поначалу ученые сообщества и в СССР, и на Западе весьма скептически отнеслись к идеям советского исследователя. Однако уже во второй половине 1970-х гг. они неожиданно привлекли внимание американских политиков, которые, в свою очередь, подтолкнули новые масштабные исследования климатических процессов. Так, в США президент Дж. Картер обратил пристальное внимание на теорию антропогенного потепления, поскольку, как представляется, она, наряду с защитой прав человека, могла стать эффективным инструментом давления на суверенные страны. Президенты Р. Рейган и Дж. Буш-старший последовательно продолжали формирование этого направления глобальной политики [4]. В результате к концу 1980-х гг. среди климатологов сложился широкий консенсус относительно существенного вклада человека в продолжающееся глобальное потепление. Реакцией на этот консенсус стало принятие в 1992 г. в Рио-де-Жанейро Рамочной конвенции ООН об изменении климата.

В целом западные ученые признают, что СССР являлся одним из лидеров мирового климатического движения, а в 1990-е гг. постсоветская Россия продолжала двигаться в том же направлении, активно участвуя во всех важнейших климатических мероприятиях (конференции ООН, Киотский протокол и др.). Президент Б. Н. Ельцин утверждал, что «экономическая политика государства должна, наконец, всерьез считаться с экологическими ограничителями» [5].

В конце 1990-х гг. в России при финансовой поддержке Агентства по охране окружающей среды США и Всемирного фонда дикой природы (WWF) для внедрения международных руководящих принципов инвентаризации выбросов парниковых газов, разработанных Межправительственной группой экспертов по изменению климата (МГЭИК), были предприняты первые попытки запустить региональные программы по смягчению последствий изменения климата. Для этого эксперимента были выбраны Новгородская, Челябинская, Архангельская, Сахалинская области и Хакасия, которые за несколько лет успешно завершили инвентаризацию [6].

Однако в начале XXI в. этот тренд в России стал притормаживаться. Западные исследователи связывают это прежде всего со сменой власти в стране, поскольку с самого начала своего президентства В. Путин демонстрировал определенные сомнения относительно возможности активно бороться с изменением климата и считал, что Россия только выиграет от грядущих изменений. При этом широко цитируется его шутовское высказывание, сделанное в 2003 г., о том, что в случае глобального потепления [мы] «меньше будем тратить денег на шубы... и урожай зерновых у нас повышается, и дальше будет повышаться» [5].

В этом же контексте на Западе часто вспоминают негативную реакцию Российской академии наук на Киотский протокол. Отечественные ученые утверждали, что он «не имеет научного обоснования», «неэффективен» и «означает существенное юридическое ограничение темпов роста российского ВВП» [7]. И хотя в 2004 г. Россия ратифицировала Киотские решения, тем самым активировав действие данного соглашения, но только в надежде на доходы от торговли углеродными квотами. Правда, эти надежды в целом не оправдались [8].

Изначально в рамках Киотского протокола целевой показатель Российской Федерации по выбросам парниковых газов на период 2008–2012 гг. составлял 0% по сравнению с базовым 1990 г. Поэтому часто утверждается, что Киотское соглашение не привело к сокращению выбросов в России из-за значительного снижения темпов экономического роста в предыдущий период. Тем не менее российская сторона заявила о перевыполнении своих обязательств по Киотскому протоколу, приводя данные об уменьшении выбросов в энергетическом секторе России за последние 20 лет на 37% [9].

Еще одним случаем, характеризующим климатическую позицию президента Путина, стал эпизод на саммите G8 в 2007 г., когда шесть стран «большой восьмерки» пришли к согласию о необходимости сократить к 2050 г. глобальную эмиссию CO₂ по крайней мере в 2 раза. Россия вместе с США не поддержала это предложение [10].

Более пристально проблема изменения климата стала рассматриваться в России в период президентства Д. Медведева (2008–2012 гг.). В 2009 г. накануне конференции в Копенгагене (КС 15) российское правительство, возглавляемое В. Путиным, приняло так называемую «Климатическую доктрину» [11]. Несмотря на энергичную риторику, в целом этот документ подтвердил предыдущую климатическую политику Кремля, поскольку в ней не было сделано особого акцента на сокращении выбросов, как того требовали Запад и киотские договоренности. Доктрина фокусировалась на необходимости повышать энергоэффективность экономики

и минимизации возможных последствий от изменения климата, т. е. не на предотвращении изменений, а на адаптации к ним. Там же выражалось опасение, что «если участники конференции в Копенгагене пойдут по пути ограничений – это будет своеобразным налогом на российскую энергетику, на производство нефти, газа и угля» [12].

В тот же период председатель правительства РФ В. Путин продолжал публично придерживаться своей предыдущей линии. Так, во время поездки в Арктику в 2010 г. он заявил, что люди, возможно, не несут ответственности за изменение климата, поэтому не стоит пытаться предотвратить потепление, затрачивая на это драгоценные ресурсы и затормаживая экономический рост, а следует адаптироваться к изменениям [13].

После возвращения В. Путина в Кремль в 2012 г. российская климатическая повестка продолжала двигаться в том же направлении и тем же темпом. Самым заметным шагом в этот период стал Указ Президента «О сокращении выбросов парниковых газов», принятый в 2013 г. Документ устанавливал национальные целевые показатели по сокращению выбросов парниковых газов до уровня 75% к 2020 г. по сравнению с уровнем 1990 г. [14]. Однако этот целевой показатель подвергся резкой критике со стороны западных экспертов, поскольку уровень выбросов в России в 2012 г. составил 68,2% от уровня 1990 г., что оставляло возможность увеличить выбросы в случае активизации экономического роста [15].

Тем не менее, по оценкам американских исследователей, перед Парижской конференцией Российская Федерация «меняет тон». В декабре 2015 г. Президент РФ признал, что «изменение климата стало одной из самых серьезных проблем, с которыми сталкивается человечество», а затем пообещал, что Россия возьмет на себя роль лидера в борьбе с глобальным потеплением. При этом В. Путин отметил, что Российская Федерация в соответствии с Киотским протоколом уже сократила выбросы CO₂ на 40 млрд т по сравнению с 1990 г., и обещал к 2030 г. снизить выбросы до 70% от уровня 1990 г. [16].

Хотя на Западе отметили «изменившуюся риторику» Москвы, ее реальное отношение к переговорам в Париже характеризовалось в лучшем случае как «прохладное», «несерьезное». Кремль обвиняли «в игре цифрами»: его обещание сократить выбросы на 70% к 2030 г. фактически означало возможность увеличить их на 40% от уровня 2012 г., поскольку за точку отсчета по-прежнему брался пиковый уровень СССР 1990 г., рухнувший за последовавшие годы деиндустриализации [8].

Правда, некоторые «сочувствующие» наблюдатели на Западе считали, что, наоборот, Кремль к 2015 г. сделал достаточно много на климатическом фронте. Так, была создана

система мониторинга и отчетности о выбросах парниковых газов, а также разработан проект закона, разрешающего регулирование выбросов. Это означало, что Москва создает необходимые условия для сокращения генерирования CO₂ в своей стране. Более того, предыдущая «скептическая позиция» Путина объяснялась тем, что он «хороший переговорщик» и в преддверии Парижа (а ранее из-за вступления в ВТО) не хотел быть «амбициознее», чем те страны (например, США, Китай и Индия), которые так и не ратифицировали Киотский протокол. «Позиция Путина – это осторожность» [8].

Однако и после Парижской конференции Кремль продолжил сомневаться в прямом влиянии человеческой активности на изменение климата. В 2018 г. В. Путин утверждал, что так называемые антропогенные выбросы, скорее всего, не основная причина потепления. Главной причиной «могут быть изменения глобального характера, космические изменения, сдвиги какие-то, невидимые для нас, в галактике, и всё, мы даже не понимаем, что происходит» [17].

Тем не менее председатель правительства Д. Медведев официально подписал Парижское соглашение в сентябре 2019 г., т. е. через 4 года после того, как оно было принято путем достижения консенсуса. Президент поручил правительству реализовать парижские обязательства, но только в том случае, если они будут «сбалансированы с экономическим развитием», т. е. не будут его тормозить. В январе 2020 г. Медведев утвердил национальный план адаптации к изменению климата до 2022 г., правда, этот план был «утрачен» в результате перестановок в правительстве в том же месяце.

Первые шаги нового кабинета во главе с М. Мишустиным на климатическом треке разочаровали западных наблюдателей. Последние отмечали, что обнародованный 23 марта 2020 г. Министерством экономического развития России «Стратегии долгосрочного развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года» [18] продолжил движение в указанном выше русле. Фактически он предусматривал увеличение (а не снижение) целевых показателей выбросов углерода на 28–52% к 2030 г. и до 80% к 2050 г. по сравнению с текущим уровнем. По мнению либеральных экспертов, проект закона о регулировании выбросов углерода был лишен «нормативного» содержания и стал «законом о добровольной отчетности по выбросам» [3].

Принятая в июне 2020 г. «Энергетическая стратегия РФ на период до 2035 г.» [19] также свидетельствовала о приверженности Москвы принятому ею курсу, поскольку предусматривала существенное увеличение производства, сжигания и экспорта ископаемого топлива в России в течение следующих 15 лет [5]. Отраслевые цели также шли в русле этой стратегии. Так, план

развития электростанций, стратегия в области добычи нефти и газа, а также программы в сфере угольной и атомной энергетики – все они были направлены на увеличение роста производства и сжигания углеводородов.

Указ Президента от 4 ноября 2020 г. № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» [20] в соответствии со взятыми Россией в Париже национальными обязательствами установил новый ориентир снижения выбросов к 2030 г. на 30% по сравнению с уровнем 1990 г. Это еще больше разочаровало западных экспертов, поскольку означало, что выбросы углерода в России могут фактически вырасти на 40% и все еще оставаться ниже целевого порога. В документе возобновляемые источники энергии по-прежнему играли незначительную роль в энергетическом будущем России и, исходя из Указа, должны были оставаться на уровне 2% в энергобалансе РФ к 2035 г. [3].

Таким образом, до 2021 г. Россия демонстрировала стабильную политику, направленную на сохранение той линии, которая была заложена В. Путиным еще в самом начале его президентства. Эта политика заключалась в том, что на фоне признания глобального потепления основной акцент делался не на сокращение имеющейся эмиссии CO₂, а на расширение использования гидро- и атомной энергетики, низкоуглеродного природного газа, таких естественных поглотителей, как бореальные леса и болота. Кроме того, подчеркивалась важность извлечения преимуществ из потепления за счет роста сельскохозяйственного производства, добычи арктических углеводородов, использования Северного морского пути.

На Западе эта российская климатическая политика критиковалась как «критически недостаточная», как «очень скромное усилие», «лишенное амбиций» и даже «лицемерная» [21, 22]. Высказывались подозрения, что новые правовые инициативы, связанные с регулированием выбросов углекислого газа, контролировались и тщательно смягчались российским лобби ископаемого топлива. Тем не менее признавалось, что на фоне политики Д. Трампа этот шаг все же выглядел «достаточно динамично», поскольку Российская Федерация соглашалась с фактом изменения климата, а в документах американской администрации об этом даже не говорилось [22, 23].

С приходом в Белый дом демократа Дж. Байдена совпала коррекция упомянутой российской стратегической линии. Возможно, это было связано с радикализацией новой администрацией американских походов к климатической повестке. Она стала настаивать на том, что парижские договоренности устарели, поскольку ситуация стремительно ухудшается, и надо предпринимать чрезвычайные меры для спасения человечества

от «экзистенциальной угрозы» глобального потепления. Эти меры, по мнению Вашингтона, должны заключаться в практически немедленном принятии решительных мер по сокращению углеродных выбросов.

Американские союзники из ЕС, видимо, воодушевленные уходом Трампа, отреагировали максимально стремительно. Они разработали законодательную базу для взимания таможенного тарифа на зарубежную продукцию с «углеродным следом». Западные эксперты предупредили Москву, что ее экономические потери от такой совместной политики США и Европы могут оказаться больше, чем в результате всех предыдущих санкций вместе взятых.

В такой ситуации отход России от своей прежней климатической политики стал вполне рациональной реакцией на указанные негативные последствия. В 2021 г. в ряде своих выступлений Президент В. Путин обозначил постепенный поворот в сторону большего внимания вопросу сокращения выбросов CO₂, в то время как проблема адаптации отошла на второй план. Новая политика российского лидера вызвала одобрение Дж. Байдена, который выразил надежду на «совместные усилия» в деле удаления углерода [24]. Правда, в начале ноября 2021 г. на саммите ООН по проблемам климата в Глазго (КС 26) американский президент сделал несколько раздраженных замечаний в адрес Президента В. Путина, однако это не помешало представителям Российской Федерации и США в ходе конференции договориться о сотрудничестве в наиболее важных климатических вопросах [25].

Таким образом, можно говорить о том, что российская климатическая политика всегда исходила из наличия проблемы глобального потепления. Более того, отечественные исследователи, в первую очередь М. И. Будыко, еще во времена СССР первыми поставили данную проблему перед человечеством. В 1980-е и 1990-е гг. советские и российские руководители полностью разделяли западные подходы, связанные с антропогенностью изменения климата и необходимостью снижения углеродных выбросов. Однако с начала XXI в. в политике Москвы стало преобладать смещение акцента с доминирования фактора антропогенности на необходимость адаптации к происходящим изменениям, а также более активного использования естественных поглотителей CO₂ и низкоуглеродной генерации энергии. Тем не менее, несмотря на разницу в подходах к проблеме борьбы с глобальным потеплением, десятилетия сотрудничества России и западных стран сформировали в этой сфере достаточно прочную диалоговую площадку, которая может активизировать свою работу в случае нарастания общих климатических угроз.

По крайней мере, Россия к этому готова. Президент Российской Федерации В. Путин считает,

что «сегодняшние события отодвинули на второй план экологические проблемы. Вопросы климатических изменений перестали быть в первых строчках повестки дня. Но эти фундаментальные вызовы никуда не исчезли, никуда не делись, они только нарастают» [26]. Поэтому «любое геополитическое, научно-техническое, идейное соперничество просто в таких условиях, иногда кажется, теряет смысл, если его победителям будет нечем дышать или нечем утолить жажду» [27].

Примечания

¹ Авторы данной статьи также внесли свой вклад в изучение проблемы. См.: Голуб Ю., Шенин С. Администрация Байдена и проблемы «зеленого транзита» // *Мировая экономика и международные отношения*. 2022. Т. 66, № 2. С. 5–14; Голуб Ю., Шенин С. Климатическая политика администрации Байдена в отношении Китая: сторонники и оппоненты // *Международные процессы*. 2022. Т. 20, № 2 (69). С. 79–98.

Список литературы

1. Голуб Ю. Г., Шенин С. Ю. «Кадровый резерв» деэскалации: М. Рожански об американо-российских отношениях // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения*. 2021. Т. 21, № 4. С. 498–505. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2021-21-4-498-505>
2. Кто на самом деле открыл глобальное потепление? История Михаила Будыко // *Экосфера*. 2022. 10 марта. URL: <https://ecosphere.press/2022/03/10/kto-na-samom-dele-otkryl-globalnoe-poteplenie-istoriya-mihaila-budyko/> (дата обращения: 15.12.2022).
3. Safonov G. Back to the Future? Russia's Climate Policy Evolution // *CSIS*. 2021. March 1. URL: <https://www.csis.org/analysis/back-future-russias-climate-policy-evolution> (дата обращения: 15.12.2022).
4. Warrick J. Reagan, Bush 41 memos reveal sharp contrast with today's GOP on climate and the environment // *Washington Post*. 2015. December 3. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/energy-environment/wp/2015/12/03/reagan-bush-41-memos-reveal-how-republicans-used-to-think-about-climate-change-and-the-environment/> (дата обращения: 15.12.2022).
5. Что говорили руководители России об изменении климата // ТАСС. Досье. 2015. 17 нояб. URL: <https://tass.ru/info/2444358> (дата обращения: 15.12.2022).
6. Теперь умеют считать и в России // WWF. 2002. 25 марта. URL: <https://wwf.ru/resources/news/arkhiv/teper-umeut-schitat-i-v-rossii/> (дата обращения: 15.12.2022).
7. Минпромэнерго и РАН разошлись в рекомендациях Путину по Киотскому протоколу // ВШЭ. 2004. 18 мая. URL: <https://iq.hse.ru/news/177736823.html> (дата обращения: 15.12.2022).
8. Palmer B. The Putin Puzzle. 2015. December 3. URL: <https://www.nrdc.org/onearth/putin-puzzle> (дата обращения: 15.12.2022).

9. Shishlov I., Morel R., Bellassen V. Compliance of the Parties to the Kyoto Protocol in the first commitment period // *Climate Policy*. 2016. Vol. 16, iss. 6. P. 768–782.
10. The Federal Government. Breakthrough on climate protection. 2007. July 6. URL: https://www.g-8.de/Content/EN/Artikel/_g8-summit/2007-06-07-g8-klimaschutz_.en.html (дата обращения: 15.12.2022).
11. Утверждена Климатическая доктрина Российской Федерации. 17 декабря 2009 г. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/6365> (дата обращения: 15.12.2022).
12. Медведев подписал климатическую доктрину 17 декабря 2009. URL: <https://www.vesti.ru/article/2182822> (дата обращения: 15.12.2022).
13. Herzog K. Russia takes a skeptical approach to climate change thanks to Putin // *Grist*. 2015. October 30. URL: <https://grist.org/article/russia-takes-a-skeptical-approach-to-climate-change-thanks-to-putin/> (дата обращения: 15.12.2022).
14. Указ Президента Российской Федерации от 30 сентября 2013 г. № 752 «О сокращении выбросов парниковых газов». URL: <https://www.kremlin.ru/acts/bank/37646> (дата обращения: 15.12.2022).
15. Heyskanen E., Hilden M. Climate Policy of Russia and Perspectives of the International Agreement // *Russia in Global Affairs*. 2013. 29 July. URL: <https://globalaffairs.ru/global-processes/Klimaticheskaya-politika-Rossii-i-perspektivy-mezhdunarodnogo-soglasheniya-16086> (дата обращения: 15.12.2022).
16. A Change in Tone for Vladimir Putin's Climate Change Pledges // *The New York Times*. 2015. December 1. URL: <https://www.nytimes.com/interactive/projects/cp/climate/2015-paris-climate-talks/vladimir-putin-climate-change-pledges-russia> (дата обращения: 15.12.2022).
17. Международный форум «Российская энергетическая неделя», 3 октября 2018 г. URL: <https://kremlin.ru/events/president/news/58701> (дата обращения: 15.12.2022).
18. Минэкономразвития России подготовило проект Стратегии долгосрочного развития России с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года. 23 марта 2020. URL: https://economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_rossii_podgotovilo_proekt_strategii_dolgosrochnogo_razvitiya_rossii_s_nizkim_urovнем_vybrosov_parnikovyh_gazov_do_2050_goda_.html (дата обращения: 15.12.2022).
19. Энергетическая стратегия Российской Федерации на период до 2035 года. 9 июня 2020 г. URL: <https://minenergo.gov.ru/node/1026> (дата обращения: 15.12.2022).
20. Указ Президента Российской Федерации от 4 ноября 2020 г. № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов». URL: <https://rg.ru/documents/2020/11/06/parnik-dok.html> (дата обращения: 15.12.2022).
21. Climate Action Tracker. Russian Federation. URL: <https://climateactiontracker.org/countries/russian-federation/> (дата обращения: 15.12.2022).
22. Hill I. Is Russia finally getting serious on climate change? // *Low Institute*. 2021. 1 November. URL: <https://www.lowyinstitute.org/the-interpretor/russia-finally-getting-serious-climate-change> (дата обращения: 15.12.2022).

23. *Kramer A.* In the Russian Arctic, the First Stirrings of a Very Cold War // *The New York Times*. 2021. May 22. URL: <https://www.nytimes.com/2021/05/22/world/russia-us-arctic-military.html> (дата обращения: 15.12.2022).

24. *Harve F.* Biden vows US will work with Russia on climate // *The Guardian*. 2021. April 24. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2021/apr/24/biden-vows-us-will-work-with-russia-on-climate> (дата обращения: 15.12.2022).

25. Россия и США договорились о сотрудничестве по климату после конференции ООН в Глазго // Федеральное агентство новостей. 2021. 13 нояб. URL: <https://riafan.ru/1553607-rossiya-i-ssha-dogovorilis-o-sotrudnichestve>

po-klimatu-posle-konferencii-oon-v-glazgo (дата обращения: 15.12.2022).

26. Выступление В. В. Путина на пленарной сессии XIX заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 27 октября 2022 г. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/69695> (дата обращения: 15.12.2022).

27. Выступление В. В. Путина на пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай». 21 октября 2021 г. URL: <https://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/66975> (дата обращения: 15.12.2022).

Поступила в редакцию 10.01.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2023; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 10.01.2023; approved after reviewing 18.01.2023; accepted for publication 20.01.2023

РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 244–254

Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 244–254

<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-244-254>, EDN: SUVRVK

Научная статья

УДК 94(470+571+470.44-25)|16|+929 Головин

Воевода Саратова стольник Никита Иванович Головин (1657–1659)

Я. Н. Рабинович

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Рабинович Яков Николаевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, Author ID: 512797

Аннотация. В статье впервые представлена подробная биография воеводы Саратова Никиты Ивановича Головина. Этот служилый человек по отечеству службу при дворе начал в 1639 г. в чине стольника. Свое первое воеводское назначение он получил в 1650 г. в Брянск, а в начале 1657 г. был отправлен воеводой в Саратов. Особое внимание уделено именно саратовской службе Н. И. Головина. Дана характеристика внутренней жизни Саратова, занятиям жителей. Приводятся имена русских и иноземных послов, посещавших город при воеводе Н. И. Головине. В отличие от других воевод Саратова участие Никиты Головина в различных боевых действиях в источниках не обнаружено, он в основном занимался придворной службой.

Ключевые слова: Печатный приказ, боярские списки, Брянск, родословные росписи, персидские послы, грузинский царевич, таможенный подъячий, игумен Филарет, саратовские рыбные ловли

Для цитирования: Рабинович Я. Н. Воевода Саратова стольник Никита Иванович Головин (1657–1659) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 244–254. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-244-254>, EDN: SUVRVK

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

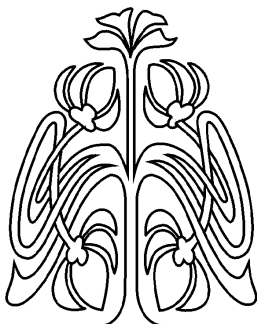
Governor of Saratov steward Nikita Ivanovich Golovin (1657–1659)

Ya. N. Rabinovich

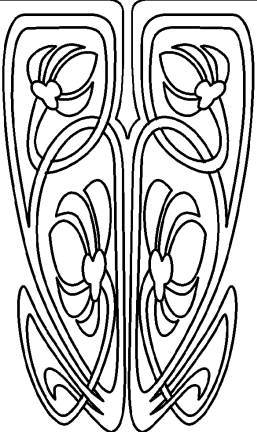
Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

Yakov N. Rabinovich, RabinovichYN@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6204-125X>, Author ID: 512797

Abstract. The article for the first time presents a detailed biography of the governor of Saratov Nikita Ivanovich Golovin. This serviceman in the homeland began his service at court in 1639 with the rank of steward. He received his first voivodship appointment in 1650, being appointed governor to Bryansk, and at the beginning of 1657 he was sent to Saratov as governor. Particular attention in the article is paid to the Saratov service of N. I. Golovin. The characteristics of the inner life of Saratov, the occupations of the inhabitants are given, the names of Russian and foreign ambassadors who visited the city under the governor N. I. Golovin are given. Compared to other governors of Saratov, Nikita Golovin's participation in various military operations was not found in the sources; he was mainly engaged in court service.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Keywords: Printed order, boyar lists, Bryansk, genealogical lists, Persian ambassadors, Georgian prince, customs clerk, abbot Filaret, Saratov fishing

For citation: Rabinovich Ya. N. Governor of Saratov steward Nikita Ivanovich Golovin (1657–1659). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 244–254 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-244-254>, EDN: SUVRVK

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC0-BY 4.0)

Впервые о воеводе Саратова стольнике Головине (без указания имени и отчества) писал А. А. Голомбиевский в 1892 г. в своей критической статье на труд А. И. Шахматова. При этом исследователь привел краткое содержание одной грамоты от 10 июня 1658 г., адресованной воеводе Головину, в которой говорилось о пожаловании рыбных ловель игумену Богородицкого монастыря Филарету. В другом месте статьи (в сноске) А. А. Голомбиевский называл этого воеводу Головнин [1, с. 212, 214]. Этот же сюжет о пожаловании рыбных угодий был повторен составителями Саратовской летописи, которые назвали этого воеводу «Н. Головнин» [2, с. 27], а Ф. Ф. Чекалин в списке воевод Саратова называл его «Н. Головин» [3, с. 80].

Более подробно о воеводе стольнике Никите Ивановиче Головнине (Головине), который был на Саратове в 1657 и 1658 гг., писал А. А. Голомбиевский в 1892 г., публикуя документы Печатного приказа (полностью указав имя и отчество воеводы). Исследователь подчеркнул, что фамилия этого воеводы пишется в источниках по-разному – Головнин и Головин. Он опубликовал выдержку из грамоты прежнему воеводе Саратова В. В. Нелединскому от 25 января 1657 г., в которой говорилось, что на его место велено быть «Миките Иванову сыну Головнину» [4, с. 8].

А. П. Барсуков, ссылаясь на Дворцовые разряды, указал, что Н. И. Головин был воеводой не только в Саратове (с 25 января 1657 г.), но и в Брянске в 1650 г. [5, с. 22, 202, 299, 464].

А. А. Гераклитов, часто критикуя А. П. Барсукова за неполноту сведений, составляя свой список воевод Саратова, ничего не писал про воеводство Н. И. Головина в Брянске, видимо, не заметив эти сведения у Барсукова. Прочитируем полностью весь текст А. А. Гераклитова: «Головин (Головнин) Никита Иванович, стольник. Январь 1657 г. – 1658 г. Голомб. №№ 23–28, 69, 73, 89–93. По словам Гоздаво-Голомбиевского в обследованных им документах фамилия этого воеводы пишется двояко: Головин и Головнин» [6, с. 67]. Других сведений об этом воеводе у Гераклитова нет.

На самом деле речь идет о совершенно двух разных людях, живших в то время. Один из них – стольник, воевода Саратова Никита Иванович Головин, а другой – дьяк Никита Сергеевич Головнин. В документах они писались по-разному. Стольник Никита Иванович везде в документах пишется Головин, а дьяк Никита Сергеевич пишется Головнин. Подробная биография дьяка Н. С. Головина представлена в труде С. Б. Веселовского [7, с. 122–123].

В публикации А. А. Голомбиевским документов Печатного приказа почти везде указан Головин и только в двух случаях из 13 – Головнин, вероятно, дьяки записали ошибочно [4, с. 8, 12].

Сохранилась родословная рода Головиных, поданная в Палату родословных дел 17 марта 1682 г. К этой росписи «руку приложили» Михаил и Петр Головины [8, с. 155–157]. Видимо, это будущие боярин Михаил Петрович и окольныйничий Петр Алексеевич Головины.

По этой росписи предок Головиных князь Степан Васильевич и его сын Григорий Ховра приехали из Судака и Кафы к Великому князю Василию I. Сын Григория Владимир Григорьевич Ховрин был боярином у Ивана III. Его сын Иван имел прозвище Голова. Многочисленное потомство оставил его сын – Петр Иванович Головин (умер в 1525 г.). Его четвертый сын Петр Петрович Головин, окольныйничий при Иване Грозном (умер в 1565 г.), имел 8 сыновей, старший из которых окольныйничий Иван Большой Петрович был дедом Н. И. Головина. О потомстве Ивана Большого в родословной сказано следующее: «А у Ивана Петровича Головина Болашаго дети: Александр – бездетен, да Иван. А у Ивана Ивановича дети: Алексей да Никита, да Иван» [8, с. 156]. Князь П. В. Долгоруков привел сведения, что Иван Большой Петрович был окольныйничим при всех царях, начиная от Федора Ивановича и кончая Василием Шуйским и Семимоярщиной, он умер 9 сентября 1612 г. и был женат на Анне Алексеевне Адашевой [9, с. 106, 116].

Про отца воеводы Саратова Ивана Ивановича Головина известно, что он умер в 1639 г. В боярской книге 1629 г. говорится о его смерти в 147 (1638/39) г. и уточняются его поместный и денежный оклады: «Поместной ему оклад в боярской книге 136-го году 600 чети, денежной оклад в Галицкой чети 50 рублей. А 139-го июня в 21 день, по помете дьяка Михайлы Данилова велено ему справити помесные придачи сто чети против денежной придачи, что ему было придано во 128-м году к 40 рублем десеть рублей» [10, с. 71].

Князь П. В. Долгоруков приводит следующие даты жизни И. И. Головина: родился в 1565 г., умер 16 мая 1639 г. [9, с. 107]. В «Подлинном» боярском списке 1638/39 г. уточняется, что И. И. Головин в 1639 г. находился в Брянске и здесь умер 5 июля 1639 г. [11, с. 167]. Его старший сын Алексей в указанное время, судя по пометам в этом боярском списке, находился

вместе с отцом в Брянске, он и ранее упоминается в разрядах, в отличие от младших – Никиты и Ивана. Какой-то Алексей Иванович Головин был жильцом еще во время восстания Болотникова, в декабре 1606 г. переведен в стряпчие: «Алексей Иванов сын Головин, 115-го декабря в 22 день, из житья» [12, с. 137]. В 1616 г. этот Алексей Головин уже записан стольником с поместным окладом 700 четей и денежным 65 руб. [13, с. 140]. В боярской книге 1627 г. говорится, что еще в боярском списке 1621/22 г. у стольника А. И. Головина был поместный оклад 800 чети, а денежный в книге Устюжской чети 1624/25 г. – 75 руб. [14, с. 30]. Но это другой Алексей Головин. Данные сведения относятся к полному тезке старшего брата Никиты Головина, его троюродному дяде. В боярской книге 1629 г. указано, что он умер [10, с. 71]. Учитывая, что пометы о смерти делались вплоть до составления следующей боярской книги, можно считать, что он умер до 1639 г., а брат Никиты Головина именно в 1640-е и 1650-е гг. часто упоминается в источниках.

Через 20 лет после составления боярской книги 1627 г. при царе Алексее Михайловиче (в 1647 г.) денежный оклад у Алексея Головина указан меньше, чем у его полного тезки – 65 руб. Эти сведения уже точно относятся к брату Никиты Головина. Именно его мы видим в ближнем окружении царя Алексея Михайловича в начале 1650-х гг. (в разрядах 1653 и 1654 гг.). В походе на Смоленск 1654 г. Алексей Головин был рындой у третьего саадака. Аналогично – в походе 1655 г. на Вильно он вновь был рындой у третьего саадака [15, стб. 415, 463]. Князь П. В. Долгоруков указывал, что Алексей родился в 1583 г., был женат на княжне Марине Ивановне Троекуровой и умер в 1557 г. [9, с. 107]. Эти сведения вызывают ряд вопросов. Дата рождения, видимо, относится к полному тезке брата Никиты Головина. В боярской книге 1658 г. отмечено, что в предыдущей «боярской книге 155-го году оклад ему с придачами поместной 1000 чети, денег 65 рублей», а напротив текста на правом поле помета – «умре» [16, с. 28]. Следовательно, к моменту составления этой боярской книги Алексей был еще жив (дьяки сделали помету о смерти позже).

Что касается Никиты Головина, то он впервые упоминается в документах только с 1639 г. Князь П. В. Долгоруков приводит дату рождения Никиты Головина – 1584 г. и сообщает, что он был женат на Зиновии Григорьевне Скуратовой [9, с. 107]. Такую раннюю дату рождения Никиты Головина принять трудно, ведь в Записной книге, где мы впервые встречаем это имя, прямо говорится, что до 1639 г. (т. е. до достижения возраста 55 лет, по свидетельству Долгорукова) он «ни в каком чине не был». Ни в одном источнике Смутного времени начала

XVII в., ни в последующие 20 лет Никита Иванович Головин не обнаружен, как будто он лет 30 находился в ссылке или тяжело болел. Как варианты можно предположить или опечатку у кн. Долгорукова или наличие полного тезки Никиты Головина, который родился в 1584 г. и рано умер.

Как бы там ни было, эти два события – смерть отца и начало придворной службы Никиты Головина – произошли почти одновременно (в 1639 г.). 16 апреля 1639 г. царь Михаил Романов пожаловал в стольники Ивана Андреевича Хованского и Никиту Ивановича Головина. «Приказал государевым словом думной дьяк Иван Гавренев; и ко кресту приведены. А до тех мест ни в каком чину не были» [17, с. 180]. Аналогичную запись мы находим и в «Подлинном» боярском списке 1638/39 г. Здесь же указано, что старший брат Алексей служил «с отцом» в Брянске [11, с. 175]. Через два месяца после того, как Никита был назначен стольником, отца не стало.

В дальнейшем в различных боярских списках и боярских книгах 7144, 7148, 7166 гг. Никита Головин все время указан как стольник [18, с. 94].

В боярской книге 1639 г., в которой приведены все изменения в служебном положении членов Государева двора на протяжении последующих 8–10 лет, вплоть до составления следующей боярской книги, указано, что 7 июля 1647 г. царь Алексей Михайлович пожаловал стольника Никиту Головина, велел учинить ему поместный оклад 600 чети, а денег из чети 30 руб. В этой боярской книге он записан после кн. И. А. Хованского и перед Степаном Михайловичем Львовым [19, с. 62, 64]. Он и в последующих боярских списках будет записан перед кн. С. М. Львовым. В «Подлинном» боярском списке 1639/40 г., когда его брат Алексей, как и многие другие представители Государева двора, был отправлен на Тулу, Никита оставался в Москве [20, с. 206, 209].

В боярском списке 1643/44 г. значится стольник Н. И. Головин с пометой «здесь», следовательно, он вновь не был отправлен ни на какую службу в отдаленные города [21, с. 395]. В последние годы жизни царя Михаила Романова Никита Головин выполнял обычные дворцовые обязанности, как и многие стольники. При новом царе Алексее Михайловиче Никита Головин все чаще начинает появляться в источниках. Уже говорилось, что в июле 1647 г. ему был установлен новый оклад (30 руб. и 600 чети). Во время свадьбы царя Алексея Михайловича 16 января 1648 г. Никита вместе с младшим братом Иваном упоминаются в «Чине свадьбы» среди стольников, которые были «в поезде» [15, стб. 83].

17 марта 1650 г. «на государев ангел» был стол в столовой избе. На этом праздничном обеде присутствовал патриарх Иосиф. Среди стольников, которые обслуживали гостей, мы видим

старшего и младшего братьев Никиты Головина. В «большой стол смотрел» Алексей Иванов, а в «кривой стол» Иван Иванов Головины [15, стб. 151]. Самого Никиты здесь не было. Он в то время впервые получил самостоятельное воеводское назначение. Трудно сказать, это случайность или нет, но Никита был отправлен воеводой в Брянск, именно в тот город, где 11 лет назад служил воеводой его отец, где он закончил свой жизненный путь и где ранее был его старший брат Алексей.

Источников о службе Никиты Головина в Брянске обнаружено очень мало. В Дворцовых разрядах в записи за 1648/49 г. указан воевода в Брянске князь Никифор Федоров сын Мещерский, а на следующий 1649/50 г. – Никита Иванов сын Головин [15, стб. 122, 183]. В РГАДА сохранилось дело о приеме Брянска в 1650 г. воеводой Никитой Головиным от кн. Никифора Мещерского и о посылке в Москву сметных книг [22, с. 232]. В «Подлинном» боярском списке 1649/50 г. Никита Головин также указан на службе «во Брянску» [23, с. 84].

Скорее всего, Никита Головин отправился в Брянск после рождественских и крещенских праздников, в середине января 1650 г. Перед этим он успел купить в Москве печатный экземпляр Соборного уложения 1649 г. В Книге продаж стоит дата этой покупки – 9 января 1650 г. [24, с. 248].

Служба Никиты Головина в Брянске продолжалась около года. В следующем 1650/51 г. в Брянске мы видим уже нового воеводу Данилу Степанова сына Гагина [15, стб. 267].

По Сметному списку 1651 г. можно составить представление о составе гарнизона Брянска именно в то время, когда там был воеводой Никита Головин. Среди брянчан служилых людей по отечеству указаны 36 выборных, 117 «дворовых и городовых и новиков и из недорослей в службу». Из этих 153 брянчан оставались у разных дел 3, в рейтарах 6, «и за тем 144». Кроме того, в Брянске находились служилые люди из таких городов, как Почеп, Рославль и Стародуб. Эти города еще в 1618 г. после Деулинского перемирия отошли к Польше, но служилые люди, перейдя на территорию России и даже получив там новые поместья, продолжали считать себя по-прежнему своей служилой корпорацией. В Брянске в 1651 г. было 46 почепцев (5 выборных, 41 «Дворовых и городовых и Новиков и из недорослей в службу»). Служилых «рославцов» было 65 чел., «стародубцов» 43 чел., в том числе 5 выборных. Кроме того, в Брянске были еще стародубцы и рославцы, которые служили в те годы в Серпейске, но в последнее время были переведены в Брянск. Таких стародубцев, серпейских помещиков было 15, а рославцев – 20. Еще говорится, что в Брянске было 10 «трубач». Здесь речь идет о служилых людях из Трубчевска, который всего несколько лет назад перешел в состав

России по условиям очередного размежевания границы с Польшей. Всего в Брянске было около 350 служилых людей по отечеству. Служилых людей по прибору было почти в 2 раза больше. Стрелецкий гарнизон Брянска представляли 1 голава, 6 сотников, 600 стрельцов [25, с. 14, 22].

В то время, когда Никита Головин служил в Брянске, в другом южном городе Рильске нес службу Василий Нелединский, с которым вместе им придется позже служить на Саратове [26, с. 94].

После окончания службы в Брянске о Никите Головине сведений в источниках на протяжении более 5 лет не обнаружено. Он упоминается в «подлинных», «наличных» и «половинных» боярских списках 1651/52–1655/56 гг. в чине стольника без всяких помет, которые бы свидетельствовали о его различных службах вне Москвы [23, с. 84]. Старший брат Никиты Головина Алексей принял активное участие в походах царя Алексея Михайловича во время русско-польской войны, находясь в царской свите в 1654 и 1655 гг., а 5 января 1656 г. был из Москвы отправлен в Брест в полк кн. С. А. Урусова с царским жалованием и милостивым словом по случаю победы над гетманом Павлом Сапегой, и уже 15 мая 1656 г. на Вознесенев день он указан рындой у 3-го саадака в царской свите в походе против шведов [27, стб. 20, 43, 51].

Возможно, не все известно о службах Никиты Головина в те годы. В боярской книге 1646/47 г., в которой приводятся все изменения в службе за последующие 10 лет, вплоть до составления следующей боярской книги 1658 г., было записано, что у Никиты Головина «оклад ему с придачами помесной 850 чети, денег 57 рублев» [16, с. 28]. Так что после 1647 г., когда у него был оклад 600 четей и 30 руб., произошли какие-то события, в которых Никита Головин отличился (это могла быть не только воеводская служба в Брянске) и получил в качестве награды такую большую придачу к окладу (250 чети и 27 руб.).

Вновь мы встречаем Никиту Головина уже во время его саратовской службы, начиная с 1657 г. По-видимому, в середине XVII в. должность воеводы в Саратове была довольно заманчивой для представителей государева двора. В Саратове можно было обогатиться, поправить свое материальное состояние. Некоторые стольники, московские дворяне даже писали челобитные с просьбой назначить их воеводами в этот окраинный город. Такую челобитную написал в конце 1656 г. стольник Н. И. Головин. За эту челобитную с него была взята пошлина в размере одного рубля. Уже 25 января 1657 г. прежнему воеводе Саратова В. В. Нелединскому была отправлена грамота, извещающая его о том, что ему на смену отправлен Н. И. Головин («*веле-но быть на Саратове на его место*») [4, с. 8].

Судя по всему, Никита Головин не стал дожидаться начала навигации на Волге и отпра-

вился в Саратов напрямую, по зимнему санному пути и уже в феврале – марте 1657 г. прибыл к новому месту службы. Об отправке его в Саратов имеются сведения и в «Подлинном» боярском списке 1656/57 г., где против его фамилии стоит помета «на Саратов» [23, с. 84].

Одна из главных задач воевод Саратова состояла в обеспечении безопасного плавания по Волге посольских караванов в своей зоне ответственности. Воевода должен был встречать и провожать знатных гостей, которые во время плавания по Волге на короткое время останавливались в Саратове. А такие важные персоны за время саратовской службы Никиты Головина неоднократно посещали этот город, и хлопот воеводе и жителям Саратова они доставляли немало. Чего стоит только приезд в Москву грузинского царя Теймураза Давыдовича в 1658 г., которого сопровождали из Астрахани в Москву 400 юртовских астраханских татар, 2 приказа стрельцов и 200 солдат астраханского гарнизона [28, с. 32]. Для встречи грузинского царя еще в 1657 г. был специально отправлен на Терек Андрей Степанович Вельяминов. В Москве торжественно встречали царя Теймураза 20 июня 1658 г. [15, стб. 496; 27, стб. 137; 29, с. 22–41].

Были гости с Кавказа рангом поменьше, например послы из горной Тушетии Салтак, Григорий и Павел. Следует учесть, что они прибыли «с прошением о принятии земли их в Российское подданство». Поэтому и отношение к ним было особое. Ранее в Тушетию отправился из Москвы грузинец Иван Мамукин с толмачом Иваном Федоровым. В РГАДА сохранились отпуски грамот к воеводам разных городов, включая Саратов, связанные с данными посольствами. Обратное в Тушетию в 1657 г. с этими послами был отправлен Роман Зиновьев, толмач грузинского царевича Николая Давыдовича, который длительное время находился в России. Также воевода Саратова Никита Головин встречал в 1657 г. имеретинских послов Ивана Лукина и азнаура Дмитрия [30, л. 26–28 об.].

Торжественный прием этих имеретинских послов царя Александра в Москве состоялся 17 декабря 1657 г., а на отпуске они были 27 июня 1658 г. [27, стб. 113, 138]. Так получилось, что почти одновременно осенью 1658 г. Никита Головин встречал этих послов, направлявшихся уже в Астрахань, и новых имеретинских послов царя Александра Русапа Георгиева, казначея Петра Иванова и священника Гаврилу (они впервые были на приеме у царя 16 января 1659 г.) [27, стб. 166].

Был в Саратове летом 1658 г. и посол хивинского хана Абул-Гази Девлет Мухаммед Шукуров со свитой в 16 чел. (в сентябре 1658 г. он уже находился в Москве) [31, л. 23; 32, с. 93–94].

Однако для воеводы Головина наиболее памятным был приезд в Россию персидского посла «Ханедалука Салтана» (Ханедакул, Хан Дакул

Салтан). Этого посла встречали в Москве 30 января 1658 г., а прием у царя состоялся 9 февраля. На этом приеме прозвучало имя воеводы Саратова Никиты Головина. Через 7 дней, 16 февраля 1658 г., произошла смена приставов у этого персидского посла. Прежнего пристава кн. Василия Богданова сына Волконского отправили для сыска в Казань [27, стб. 118, 119, 121]. Это следственное дело в Казани напрямую было связано с персидским послом. Не исключено, что потом кн. В. Б. Волконский направился в Саратов заниматься другим следственным делом в отношении Никиты Головина.

3 июня 1658 г. персидский посол был в ответе у бояр, а 11 июня на отпуске у царя [27, стб. 135–136]. Видимо, в эти дни послу ответили на его претензии. В РГАДА сохранилось немало дел, в которых подробно освещаются эти сюжеты. Мы узнаем, что у персиян украли товары в Темникове на сумму 240 руб., а в Нижнем Новгороде воровские люди убили персиянина Дурахам бека и ограбили его имущество. Приведем несколько названий дел. «Челобитные персидского посла в притеснении от Российских воевод и в покраже товаров»; «Следственное дело, производившееся в Саратове по доносу персидского посла Хана-Дакул-Салтана и бывших при нем купчин на воеводу Никиту Головина в притеснении и во взятках и обыски о покраденных у персиян товаров». Это дело, на котором стоит дата 17 августа 1658 г., на 109 листах содержит немало сведений о жителях Саратова [33, л. 95–96 об.].

25 июня посол отправился из Москвы в сопровождении дорожных приставов Ивана Ивановича Ратиславского и астраханского сотника стрелецкого Михаила Сурина. Сохранились и наказы, данные этим приставам [33, л. 94 об.]. Видимо, в конце августа, когда посол по пути в Астрахань останавливался в Саратове, это следственное дело было завершено. Неизвестны резолюция по данному делу и какие были санкции в отношении воеводы Головина.

Из документов Печатного приказа можно многое узнать о жизни в Саратове во время воеводства там Никиты Головина. Некоторые из этих документов, введенных в научный оборот А. А. Голомбиевским, сообщают о назначении на службу в дети боярские. Общее число детей боярских в Саратове было, по-видимому, строго фиксировано – 18 чел. Именно на такое количество людей выдавалось жалование. Взамен убывших людей (отъезд, старость, болезнь или смерть) новый человек писал челобитную о назначении на «свободное место». При воеводе Головине начал свою службу в Саратове в качестве служилого человека по отчеству Андрей Ховрин. Этот саратовец сам написал челобитную с просьбой «учинить» ему поместный и денежный оклад. В документе подчеркнуто, что он был местным, «саратовец», а не пришлым человеком. В 1657 г. из Москвы поступило следующее

указание воеводе Саратова стольнику Головину: «По челобитью Саратовца Андрея Ховрина, велено его написать в поместном и денежном окладе» [4, с. 12]. Здесь возможны два варианта: либо Андрей Ховрин впервые верстался на службу как новик, будучи молодым юношей («поспел на службу»), либо он принадлежал к другой социальной группе, был посадским человеком, стрелцом и т. д., отличился в каком-нибудь деле и по его просьбе его перевели в разряд служилых людей по отечеству и он повысил свой социальный статус. Видимо, в отдаленных от Москвы городах существовала квота на служилых людей по отечеству, которым можно было установить поместный и денежный оклад, они таким образом получали жалование за службу. Не случайно на протяжении многих лет в Саратове фиксировалось одно и то же количество служилых людей по отечеству – 18 чел. А новый человек вынужден ждать, когда освободится место, когда появятся «выбылые места», и тогда его можно будет записать в саратовскую десятню и в служилом списке. А то, что в Саратове сформировалась своя корпорация служилых людей по отечеству, которая фиксировалась в саратовской десятне, об этом свидетельствуют другие документы. В Саратове, как и в других городах, заводятся свои окладные книги, свои десятни – военно-учетные списки служилых людей.

Такая же история произошла еще с одним саратовцем, сыном боярским, Леонтием Михайловым сыном Климовым, который отличился на какой-то службе, не будучи даже официально записан в учетных документах, не имея поместного и денежного оклада. В следующем 1658 г. стольнику и воеводе Головину поступило следующее указание из Москвы: «Велено Саратовца сына боярского Леонтия Михайлова сына Климова в поместном и денежном окладе за службу в Саратовской десятне и в служилом списке написать» [4, с. 12]. Здесь прямо говорится о саратовской десятне, которая к тому времени уже велась не один год.

Другой сын боярский, Иван Гончаров, к 1658 г. уже служил официально на Саратове, был записан в служилом списке, имел определенный поместный и денежный оклад. За отличие в какой-то службе он получил прибавку к этому окладу. В 1658 г. воевода Саратова стольник Н. И. Головин получил такое указание из Москвы: «Саратовского сына боярского Ивана Гончарова написать с хлебною и денежною придачею в служилом списке» [4, с. 12]. Здесь, к сожалению, не сказано, с какой именно придачей надо было записать в служилый список этого человека и к какому прежнему его денежному окладу дать придачу.

Ряд документов, адресованных воеводе Н. И. Головину, касаются посадских людей Саратова. Посадская община Саратова к моменту

назначения в этот город воеводы Головина насчитывала 86 посадских дворов. Из росписи 1648/49–1649/50 гг., данные которой привел в свое время П. П. Смирнов, известно, что в те годы в Саратове собирались полоняничные деньги «с патриарших и монастырских крестьян и с ыногородних и с саратовских з гулящих людей и с посадицких и с вдов их со 86 дворов» [34, с. 716]. Аналогичные цифры (86 посадских дворов) приводит Я. Е. Водарский [35, с. 289].

В соответствии с Соборным уложением 1649 г. все жители городов были прикреплены к своему посаду и не имели права уезжать жить в другие города. Чтобы переехать на жительство в другой город посадским людям приходилось предпринимать различные усилия, оформлять всякие документы, доказывать необходимость переезда, конечно же, с выплатой большой суммы денег. Одним из таких посадских людей в Саратове был Василий Колоколов. Он написал челобитную, чтобы его освободили с посада. В Москве было принято положительное решение по этому вопросу. В 1658 г. воеводе Головину поступило указание: «По челобитью посадского человека Васьки Колоколова велено его с посаду свободить» [4, с. 12]. Трудно сказать, какую цель преследовал при этом челобитчик. То ли он решил стать «гулящим человеком», то ли переехать к родственникам в другой город, то ли перейти на военную службу и стать стрелцом в самом Саратове.

В Саратове в середине XVII в. уже существовала своя таможня. Видимо, это было связано с тем, что к началу 1650-х гг. начал функционировать торговый путь по суше из Саратова в Москву. В конце 1640-х гг. в Саратове на короткое время обосновались казанские таможенники, а потом они передали свои полномочия саратовским таможенникам, руководил которыми специальный подъячий. Одним из первых известных таких таможенных подъячих был Иван Семенов. Он служил в Саратове при воеводе Головине до 1658 г. и при нем же завершил службу (умер или уехал). На освободившееся вакантное место сразу же нашлись желающие. Таможенными подъячими мечтали стать, прежде всего, площадные подъячие – самая низшая категория подъячих. На таможене всегда можно было пожить. Площадной подъячий Кузьма Кривоपालов написал челобитную с просьбой перевести его на таможню. В итоге в 1658 г. воеводе Н. И. Головину было разрешено назначить Кузьму Кривоपालова в таможенные подъячие. В документе указывалось: «Воеводе Головину; по челобитью площадного подъячаго Куземки Кривоपालова, велено ему быть на Саратове в таможене в подъячих на Ивашкино место Семенова в том же окладе» [4, с. 12]. Кривоपालову при новом назначении установили оклад прежнего подъячего Семенова.

Что касается Волжского торгового пути, то основным товаром, который отправлялся по Волге на Низ из Казани в Самару, Саратов, Царицын, Черный Яр и Астрахань, был хлеб. Своего зерна нигде в Нижнем Поволжье до конца XVII в. не выращивали. Жалование всем служилым людям, а также ружникам, включая старцев монастырей, выдавалось хлебом. Доставкой хлеба обычно занимались купцы. К примеру, в 1620–1640-е гг. в Саратове находились дворовые места, амбары и склады крупнейшего ярославского гостя Надеи Светешникова. Ответственным за отправку определенного количества хлеба в Понизовые города был казанский воевода. Он знал, сколько служилых людей, ружников, приказных должны получить в каждом городе от Самары до Астрахани ежегодное хлебное жалование и размер этого жалования. Одно время задачи по сопровождению хлебных запасов возлагались на казанских посадских людей. Стрельцы обеспечивали охрану, а посадские люди – целостность груза, чтобы он не попортился дорогой. Речь шла о тысячах тонн зерна. Казанские посадские люди были вынуждены написать челобитную в Москву с просьбой освободить их от такой нагрузки. В итоге из Москвы в 1658 г. поступила грамота воеводе Саратову стольнику Н. И. Головину, в которой говорилось: «Казанцов посадских людей, для их малолюдства, из Казани на Саратов с деньгами и с хлебным со всяким запасом послать не велено». Аналогичная грамота была послана воеводам Казани [4, с. 12]. Теперь из Саратова должны были отправляться в Казань специальные представители (посадские и служилые люди) для приемки и доставки хлеба, а также денежного жалования. Контроль за приходом и расходом всего поступающего в Саратов хлеба осуществлял подъячий хлебного стола, а денег – подъячий денежного стола.

Ряд документов, адресованных воеводе Головину, касаются рыболовного промысла в Саратове и его окрестностях. Рыболовством в Саратове занимались не только посадские люди, но и служилые, которых было в несколько раз больше, чем посадских. Внимание духовенства, получавшего ругу, также привлекало рыболовство. В городе, где рыба составляла основную еду населения (хлеб привозной, мяса мало), число местных жителей, занятых рыболовством, было весьма значительным.

В рыбной промышленности был заинтересован весь город, на ней основывалось его благополучие, поэтому в 1658 г. служилые и посадские люди совместно пишут челобитную, по которой им выделяют рыбные угодья по 5 верст вверх и вниз от города. От служилых людей данную челобитную подписал стрелецкий пятидесятник Игнат Кобяков, а от посадских – Филя Попадейкин. Пришлось им за данную челобитную заплатить большую пошлину, но в итоге было принято положительное для саратовцев решение.

В 1658 г. воеводе Головину была отправлена грамота, в которой говорилось: «По челобитию саратовских пятидесятников стрелецких Игнашки Кобякова да посадских людей Фильки Попадейкина с товарищи, велено Саратовским служилым и жилаецким людям ловить рыбу в реке Волге под городом и от города вверх и вниз по 5 верст про себя безоброчно и впрядь тех рыбных ловель которые отданы саратовским служилым и всяким жилаецким людям никому на откуп отдавать не велено. Пошлин 2 рубля взято» [4, с. 16].

Саратовский Богородицкий мужской монастырь также владел рыбными ловлями в окрестностях города. К примеру, в 1658 г. игумену этого монастыря Филарету было подтверждено прежнее пожалование рыбных угодий. Грамота из Москвы от 10 июня 1658 г. была адресована воеводе Головину [1, с. 214]. В ней указывалось: «К стольнику и воеводе Головину. По челобитию Саратовскаго Богородицкаго монастыря игумена Филарета с братьею, велено Саратовскими Ахмацкими и Бородинскими и Богаевскими рыбными ловлями владеть ему, игумену с братьею по-прежнему, как им те рыбныя ловли даны на свечи и на ладан» [4, с. 17]. Слово «по-прежнему» означает, что еще ранее этому монастырю были даны эти рыбные ловли на свечи и ладан. По-видимому, причиной выдачи монастырю новой грамоты 1658 г. послужили какие-то конфликты Богородицкого монастыря с местными властями, жителями, откупщиками или другими монастырями. Чтобы устранить подобные недоразумения в будущем, и была дана Филарету такая грамота.

Документы, относящиеся к предшественникам Головина саратовским воеводам Чирикову и Нелединскому, свидетельствуют о том, что в то время рыбными угодьями в районе Саратова владели московские монастыри – Новоспасский и Андреевский. К началу 1660-х гг. при преемниках Никиты Головина в Саратове рыбным промыслом занимались представители патриаршего ведомства, старцы Макарьевского Желтоводского монастыря, а также Воскресенского монастыря [36, с. 528–535].

Основная часть рыбных промыслов в районе Саратова принадлежала Казне, которая сдавала их на оброк разным подрядчикам. В 1658 г. при воеводе Головине кадашевцу Герасиму Богданову были сданы на оброк дворцовые саратовские, а также царицынские промыслы. Ему было велено «ловить на наш великого государя обиход рыбу – белуги и осетры, а вешние оханные белые рыбицы велено ему ловить на себя» [37, с. 446–448]. Сразу же возник конфликт из-за рыбных ловцов между этим откупщиком Богдановым и старцами Новоспасского монастыря. После жалобы старцев в Москву этот конфликт пришлось решать уже сменщику Никиты Головина Даниле Хитрову в 1659 г. Решение было в пользу старцев

Новоспаского монастыря. Указ об этом дьяков приказа Казанского дворца был написан 3 марта 1659 г. и адресован именно Даниле Хитрово, а не Никите Головину [37, с. 446–448].

Известны и другие откупщики рыбного промысла, которые получили право на откуп именно при воеводе Головине. Среди них – гостинной сотни Яков Шустов, получивший Уруслановские ловли, и суконной сотни Ефим Микитин, которому были даны Кривушенские воды. Яков Шустов получил в 1658 г. откуп на 3 года. В грамоте воеводе Головину говорилось: «По челобитью гостинной сотни Якова Шустова велено ему дать на откуп саратовские Уруслановские рыбные ловли и с частичковою и с язочною ловлями нынешняго 166 году по 169 год, на 3 года без перекупки и впредь до иных перекупщиков, а откупу велено ему платить старого и с новою наддачею и с пошлинами по 35 руб. 13 алт. пол 4 деньги, итого откупу на 4 года 141 руб. 21 алтын» [4, с. 20–21].

Менее богатые рыбные угодья, судя по размерам годового откупа, получил в том же 1658 г. купец суконной сотни Ефим Микитин. Места рыбных ловель ему были определены более подробно. В 1658 г. из Москвы была отправлена грамота следующего содержания: «На Саратов, стольнику и воеводе Головину; по челобитью суконной сотни Ефима Микитина, велено ему Саратовския рыбныя ловли, Кривушенския воды, с пески и с затоны и с завороты и с озеры, по обе стороны Волги реки, дати на оброк на 2 года без перекупки, и впредь до иных перекупщиков, а откупу ему велено платить старого и с новою наддачею по 8 руб. по 10 алтын на год» [4, с. 21].

Рыбные ловли в окрестностях Саратова брали на оброк не только богатые московские купцы гостинной и суконной сотни и Кадашевской слободы, но и сами саратовцы, кто имел большой капитал. При воеводе Головине саратовский посадский человек Микита Дубенский имел на откупе «Збородинской юрт и Чардымской». Эти рыбные угодья он получил еще при прежнем воеводе Нелединском по старым рубежам на 1655/56 г. и на следующие 3 года без перекупки, до очередных перекупщиков. Всего до начала сентября 1658 г. откуп за 4 года в общей сумме составил 96 руб. 7 алтын и 4 деньга [4, с. 21].

Воеводе Головину пришлось заниматься именно этими рыбными ловлями в конце своей службы в Саратове. После посадского Микиты Дубенского эти рыбные угодья заинтересовали другого саратовца – обычного конного стрельца Артемия Маланьина, который каким-то образом сумел «накопить» огромный капитал, учитывая довольно скромный денежный оклад рядового стрельца. В 1658 г. была отправлена из Приказа Казанского дворца грамота следующего содержания: «На Саратов, стольнику Головину; по челобитью Саратовскаго коннаго стрельца Артюшки Маланьина, велено ему Саратовским

Бородинским и Чардымским и Караманским юрты владеть на откупу, с указаго откупнаго сроку, с котораго сроку те рыбныя ловли отдаваны на откуп преж сего иным откупщикам, на 2 года и впредь до иных перекупщиков, а откупу велено платить на Саратове по 40 руб. 5 алтын 5 денег на год» [4, с. 21]. Размер годового откупа за эти угодья сильно увеличился (с 24 до 40 руб.), правда, к прежним Бородинскому и Чардымскому юртам добавился новый – Караманский юрт.

Саратовские служилые люди по отечеству также занимались откупом. Известен откупщик Петр Климов, который именно при воеводе Головине в 1658 г. получил Клюковскую воложку. В грамоте воеводе Головину говорилось, что «по челобитью Саратовца Петра Климова, велено Саратовскими Клюковскою воложскою и юртом владеть на откупу с указаго сроку 2 года, и впредь до иных перекупщиков, а откупу велено ему платить по 8 руб. 7 алтын 3 деньга на год» [4, с. 21]. Откуп, как видим, был в 5 раз меньше, чем у конного стрельца (8 и 40 руб.), хотя размер денежного жалования у служилых людей по отечеству был больше, чем у стрельцов. Трудно сказать, то ли это были менее богатые рыбные ловли, то ли для служилых людей по отечеству существовали какие-то льготы, то ли за отличие в службе этого Петра Климова (известно, что ему были придачи к окладу за городовое дело, за калмыцкую службу и прочие льготы).

Еще один документ важен в том смысле, что позволяет более точно определить время окончания службы Никиты Головина на Саратове. В книге № 90, л. 521 об. за 1659 г. (!) имеется следующая запись: «На Саратов, стольнику Головину; велено у Саратовских винных уговорщиков у Васки Ларионова и у Ивашки Трифонова уговорное вино на Саратовской кружечной двор примать» [4, с. 21]. Мы не будем разбирать, как функционировал саратовский кабак, когда были назначены и откуда родом эти винные уговорщики Василий Ларионов и Иван Трифонов, каковы были их функции и роль воеводы Никиты Головина в приемке этого вина. Нас интересует дата этого документа – 1659 г., и то, что он адресован именно воеводе Головину. В той же книге № 90 через 80 листов (л. 606) имеется запись, относящаяся к тому же 1659 г., адресованная воеводе Даниле Хитрово о придаче к помещному окладу саратовцу Федору Ахматову. Судя по всему, эти две записи, относящиеся к разным воеводам Саратова, были сделаны почти в одно время, с интервалом в один или несколько месяцев (только за один год записи велись в 2–3 книгах, а это тысячи листов). Кроме того, следует вспомнить еще об одном документе – грамоте от 3 марта 1659 г., адресованной воеводе Даниле Хитрово, о которой уже говорилось [37, с. 446–448]. Напрашивается вывод, согласно которому смена воевод произошла зимой 1659 г.

(в январе – феврале), новый воевода Хитрово прибыл из Москвы по суше, по зимнему санному пути, и Никита Головин, передав дела сменщику, также отправился в Москву напрямую по этому санному пути, не дожидаясь начала навигации на Волге.

После возвращения из Саратова в Москву стольник Никита Головин выполнял обычные дворцовые обязанности. К примеру, когда 8 мая 1660 г. на отпуске был грузинский царевич Николай Давыдович, то «перед Государем есть ставили» стольники (перечислены 66 чел.), среди которых указан Н. И. Головин (20-м по списку после П. Ф. Леонтьева) [38, с. 51; 15, стб. 521].

27 октября 1661 г. Н. И. Головин был у царского стола, «смотрел в большой стол». В этот день царь Алексей Михайлович там же награждал за службу боярина В. Г. Ромодановского и дьяков Ивана Горохова и Исая Нефедьева за договор, который они заключили с калмыками в Астрахани [27, стб. 295].

1 апреля 1662 г. на именины царицы Марьи Ильиничны у царя было новоселье в столовой избе. В этот же день по случаю именин и новоселья был у царя стол в столовой избе. На этом праздничном обеде среди многих гостей присутствовали касимовский царевич кн. Василий Арасланович и Сибирские царевичи князья Петр и Алексей Алексеевичи. «Потчевал» царевичей стольник Никита Головин [27, стб. 327–328].

29 июня 1662 г. был стол у царя в столовой избе. Этот день совпал с двумя событиями. На праздник Петра и Павла у царя Алексея Михайловича родилась дочь, царевна Феодосья Алексеевна. Среди приглашенных к праздничному столу были как обычно касимовский и сибирский царевичи (они постоянно упоминаются на праздничных обедах). В этот раз потчевал касимовского и сибирских царевичей Н. И. Головин. 25 декабря 1662 г. на Рождество Никита Головин также потчевал этих царевичей [27, стб. 341, 364].

19 февраля 1664 г. состоялся прием английского посла Чарльза Говарта, которого отправил в Россию король Карл. Этого посла «Аглинскаго Карлуса короля» встречали торжественно под Москвой 7 февраля, потом 11 февраля состоялся первый прием посла, 13 февраля была вторая встреча, а 19 февраля посол был у бояр в ответе. И тогда же состоялся торжественный обед. Перед государем есть ставили стольники (перечисляются 58 стольников, в том числе в самом начале списка, седьмым, записан Никита Головин [15, стб. 566]). Этот прием распisan очень подробно (ранее в разрядах такие подробности не встречались), в частности, перечисляются различные блюда. Также мы можем узнать полный состав и имена всех членов этого английского посольства.

Все эти годы (1659–1664) никаких особых помет в боярских списках, которые бы говорили

о различных службах, участиях в разных походах, воеводских назначениях, против фамилии Никиты Головина не наблюдается [23, с. 84]. Он все время находился в Москве, в отличие от его предшественников по службе в Саратове, таких как Василий Феофилачев или Алексей Чириков. Видимо, в Москве понимали, что к воинскому делу он мало пригоден. Трудно сказать, как оценили его службу в Саратове, особенно после скандального дела, связанного с кражей товаров у персидского посла.

Впервые пометы в боярских списках против фамилии Никиты Головина видим в «Подлинном» и «Наличном» боярских списках за 1663/64 г. – «(3 ч.) походной», «походной», «отослан» (потом эта помета зачеркнута) [23, с. 84]. В первом случае Никита Головин выставил трех человек, куда именно – неизвестно, возможно, для встречи английского посла Чарльза Говарта.

В источниках хорошо описаны события, связанные с «Делом патриарха Никона», в том числе приезд Вселенских патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского в Москву в 1666 г. Известно, что эти патриархи 20 августа 1666 г. останавливались в Саратове и далее плыли по Волге до Симбирска [39, с. 101–104]. 2 ноября 1666 г. патриархов торжественно встречали за Покровскими воротами, а затем на Лобном месте. 4 ноября по случаю приезда патриархов у царя Алексея Михайловича был стол в Грановитой палате. Накануне приезда патриархов в Россию вновь прибыл грузинский царевич Николай Давыдович, который 4 ноября встречал этих гостей и сидел за праздничным столом на почетном месте. Обслуживал этого грузинского царевича Николая Давыдовича («у стола стоял») стольник Никита Головин [15, стб. 655].

В «Подлинном» и «Наличном» боярских списках за 1666/67 г. против фамилии стольника Никиты Головина стоит помета: «Походной, велено быть в сыску» [23, с. 84]. Каким конкретно сыскным делом он занимался, выяснить не удалось.

Вновь имя Никиты Головина встречается во время дворцовых церемоний 25 декабря 1667 г. на Рождество Христово. В этот день после ночной службы был праздничный стол. Присутствовали вселенские патриархи, Паисий Александрийский, Макарий Антиохийский, Иоасаф Московский, греческие митрополиты, царевич Алексей Алексеевич, грузинский царевич Николай Давыдович. В одном списке говорится, что царевича кормил стольник Никита Головин, в другом уточняется, что речь идет о грузинском царевиче Николае Давыдовиче: «Потчивал Грузинского царевича столник Никита Иванов сын Головин». Согласно аналогичной записи на Пасху 22 марта 1668 г. на праздничном обеде у царя воз-

ле грузинского царевича снова Никита Головин [15, стб. 709–710, 731].

Одно из последних упоминаний о дворцовой службе Никиты Головина относится к лету 1669 г. 19 июня 1669 г. умер царевич Семен Алексеевич. По принятым правилам в течение 40 дней у гроба царевича дневали и ночевали по 10 стольников, ежедневно сменяясь. 4 и 18 июля 1669 г. эту обязанность выполнял среди прочих стольников Н. И. Головин [15, стб. 856, 861].

Князь П. В. Долгоруков указал точную дату смерти Никиты Головина – 6 сентября 1669 г. [9, с. 107]. Получается, что это произошло через 2 месяца после выполнения им траурной церемонии, связанной с кончиной царевича Семена Алексеевича. Долгоруков писал, что Никита имел двух сыновей, Дмитрия и Воина-Якова. В родословной росписи также указаны эти дети Никиты – Дмитрий и Яков [8, с. 155–157].

В заключение стоит сказать, что все дальние родственники Никиты Головина, известные государственные деятели Петровской и Екатерининской эпохи, не оставили потомства мужского пола. Единственный, кто дожил до времени царствования Александра I, граф Николай Николаевич (потомок известного Петровского деятеля Федора Алексеевича Головина) также не оставил потомков мужского пола. А все остальные Головины, начиная с царствования Александра I, – это потомки детей Никиты Ивановича (через его младшего сына Якова) и его старшего брата Алексея Головиных (через его старшего сына Петра). Дети Якова Никитича Аверкий и Александр Яковлевич оставили многочисленное потомство. Также известны в XIX в. немало потомков Петра Алексеевича Головина.

Список литературы

1. *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* История города Саратова в исследованиях местного любителя старины // Библиографические записки: ежемесячное иллюстрированное издание. 1892. № 3 (март). М., 1892. С. 210–217.
2. *Духовников Ф. В., Хованский Н. Ф.* Саратовская летопись // Саратовский край, исторические очерки, воспоминания, материалы. Саратов : Сарат. о-во вспомоществования нуждающимся литераторам, 1893. Вып. 1. С. 19–104.
3. *Чекалин Ф. Ф.* Саратовское Поволжье с древнейших времен до конца XVII в. [Соч.] Ф. Ф. Чекалина; С рис. старого Саратова Олеария. Саратов : Пар. скоропеч. Губ. правл., 1892. [2], 81 с., 1 л. фронт. (ил.).
4. *Гоздаво-Голомбиевский А. А.* Материалы для истории г. Саратова: записи книг Печатного приказа (1650–1675 гг.) / сообщил А. Голомбиевский. М. : Университетская типография, Страстной бульвар, 1892. 26 с.
5. *Барсуков А. П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб. : Тип. М. М. Стасюлевича, 1902. X, 611 с.
6. *Герасимов А. А.* Список саратовских и царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. 1913. Вып. 30. Саратов, 1913. С.61–82.
7. *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М. : Наука, 1975. 611 с.
8. Родословные росписи, поданные в Палату родословных дел в конце XVII в.: дополнение (А–К) / публикация Л. Е. Шабаева // Российская генеалогия: научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2021. Вып. 10. С. 119–270.
9. *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга, издаваемая князем Петром Долгоруковым: в 4 ч. Ч. 3. СПб. : В типографии Эдуарда Веймара, 1856. 524 с.
10. Боярская книга 1629 года / публикация Е. Н. Горбатова // Российская генеалогия: научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. Вып. 11. М. : Старая Басманная, 2022. С. 63–254.
11. *Горбатов Е. Н.* «Подлинный» боярский список 1638/39 года // Российская генеалогия: научный альманах / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2019. Вып. 6. С. 163–235.
12. Боярский список 1606–1607 гг. с указанием об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века (1601–1608): сб. документов / отв. ред. Н. М. Рогожин. М. : Наука, 2003. № 39. С. 132–155.
13. Книга, а в ней писаны бояре и окольные и думные люди ... и стольники, и стряпчие, и дворяне московские, и дьяки, и жильцы... 124 году // Акты Московского государства, изданные Академией Наук : в 3 т. / под ред. Н. А. Попова. СПб. : Типография Императорской Академии Наук, 1890. Т. 1 (1571–1634), № 108. С. 138–147.
14. Боярская книга 1627 г. / под ред. и с предисл. В. И. Буганова; подг. текста и вступ. ст. М. П. Лукичева и Н. М. Рогожина. М. : Институт истории СССР Академии наук СССР, 1986. 208 с.
15. Дворцовые разряды, по высочайшему повелению изданные II отделением Собственной ЕИВ канцелярии: в 4 т. СПб., 1852. Т. 3 (1645–1676). [4], IV, [2] с., 1656 стб., [4] с.
16. Боярская книга 1658 года / отв. ред. Н. М. Рогожин; подг. текста В. А. Кадика. М. : Институт Российской истории РАН, 2004. 333, [2] с., [1] л. портр.
17. Записная книга Московского стола 7147 года // Русская историческая библиотека (далее – РИБ): в 40 т. СПб. : Тип. Министерства внутренних дел, 1886. Т. 10. С. 104–200.
18. *Иванов П. И.* Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в боярских книгах, хранящихся в 1-м отделении Московского архива Министерства Юстиции с обозначением служебной деятельности каждого лица и годов состояния в занимаемых должностях / сост. статский советник П. И. Иванов. М. : В типографии С. Селивановского, 1853. [4], VI, 498, [3] с., [3] л.
19. Боярская книга 1639 г. / отв. ред. В. И. Буганов, подг. текста В. А. Кадика, М. П. Лукичева, Н. М. Рогожина; вступ. ст. М. П. Лукичева; предисл. Н. М. Рогожина. М. : Российская академия наук, Институт Российской истории, Федеральная архивная служба России ; РГАДА, 1999. 268 с.

20. Горбатов Е. Н. «Подлинный» боярский список 1639/40 года // Российская генеалогия: научный альманах. Вып 7 / гл. ред. А. В. Матисон. М. : Старая Басманная, 2019. С. 194–268.
21. Жаринов Г. В. Боярский «подлинный» список 7152 (1643/44) года // Архив русской истории: в 8 вып. Вып. 8. М. : Древлехранилище, 2007. С. 382–483.
22. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства Юстиции (Мамю). Кн. 15. М. : Типография Имп. Моск. университета, 1908. [7], 535, 156 с.
23. Белоусов М. Р. Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник: [в 2 т.]. Казанский гос. ун-т им. В. И. Ульянова-Ленина. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2009. Т. 2. 463 с.
24. Латкин В. Выписка из книги за № 47, хранящейся в библиотеке Московской Синодальной Типографии // Латкин В. Материалы для истории Земских соборов XVII столетия (1619–20, 1648–49 и 1651 годов). СПб. : Типография В. В. Комарова, 1884. С. 226–285.
25. Водарский Я. Е. «Сметный список» военных сил России 1651 года // Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. / сост. Я. Е. Водарский, О. А. Шватченко. М. : Б. и., 1989. С. 7–32.
26. Рабинович Я. Н. Воевода Саратова Василий Васильевич Нелединский (1655–1657) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 1. С. 88–100. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-1-88-100>
27. Дополнения к 3-му тому Дворцовых разрядов, издаваемых по высочайшему повелению 2-м Отделением Собственной ЕИВ канцелярии. СПб. : Тип. 2-го Отделения Собственной ЕИВ канцелярии, 1854. Стб. 486.
28. Торопицын И. В. Астраханские юртовские татары в орбите российской внешней политики на Северном Кавказе в XVII – первой половине XVIII в. // Гасырлар Авазы – Эхо веков. 2015. № 1/2. С. 25–36.
29. Записка о приезде Грузинского царя Теймураза Давыдовича, писанная в оное же время // Древняя Российская вивлиофика..., изданная Николаем Новиковым. Изд. 2-е. Ч. 14. М. : В Типографии Компании Типографической, 1790. С. 22–41.
30. РГАДА. Ф. 110 (Сношения России с Грузией). Оп. 1.
31. РГАДА. Ф. 134 (Сношения России с Хивой). Оп. 1.
32. Веселовский Н. И. Прием в России и отпуск среднеазиатских послов в XVII и XVIII столетиях // ЖМНП. Ч. ССXXXIV (234). 1884, июль. СПб. : Типография В. С. Балашева, 1884. С. 69–105.
33. РГАДА. Ф. 77 (Сношения России с Персией). Оп. 1: Книги и дела.
34. Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба в середине XVII в.: в 2 т. М. ; Л. : Издательство Академии наук СССР, 1948. Т. 2. 740 с.
35. Водарский Я. Е. Численность и размещение посадского населения в России во второй половине XVII в. // Города феодальной России: сборник статей памяти Н. В. Устюгова / отв. ред. Н. И. Шунков. М. : Наука, 1966. С. 271–297.
36. Рабинович Я. Н. Рыболовный промысел в левобережном Саратове в третьей четверти XVII века // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2018. Т. 18, вып. 4. С. 528–535. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2018-18-4-528-535>
37. Голомбиевский А. А. Грамоты по Саратову, хранящиеся в Московском архиве Министерства Юстиции: Грамота из Приказа Казанского дворца к саратовскому воеводе стольнику Даниилу Вахромеевичу Хитрово о запрещении Кадашевцу Герасиму Богданову брать подрядных ловцов Новоспасского монастыря. 1659, марта 3 // Труды СУАК. Саратов, 1888. Т. 1, вып. 4. № 6. С. 446–448.
38. Записка о бытности на отпуске Грузинского Царевича Николая Давыдовича, писанная в оное же время // Древняя Российская вивлиофика... Ч. 14. М. : В Типографии Компании Типографической, 1790. С. 41–65.
39. Рабинович Я. Н. Левобережный Саратов в 1666 году // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2012. Т. 12, вып. 1. С. 101–104.

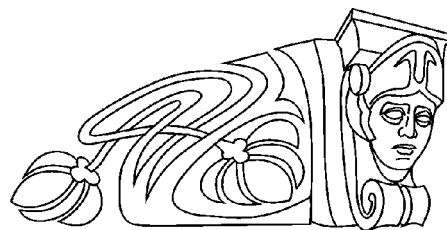
Поступила в редакцию 23.09.2022; одобрена после рецензирования 30.12.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 23.09.2022; approved after reviewing 30.12.2022; accepted for publication 20.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 255–264
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 255–264
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-255-264>, EDN: RDTGAR

Научная статья
УДК 94(470.44)|1877/1878|+929[Галкин-Враский+Аксаков]

Саратовский губернатор М. Н. Галкин-Враский и председатель Московского славянского комитета И. С. Аксаков: материалы переписки (1877–1878 гг.)

О. В. Кочукова^{1✉}, С. А. Кочуков²

¹Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

²Государственный архив Саратовской области, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Кутякова, д. 15

Кочукова Ольга Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и археологии, kochukovasgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9595-7571>, Author ID: 354832

Кочуков Сергей Анатольевич, доктор исторических наук, главный архивист, kochukovsgu1974@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3448-7457>, Author ID: 354829

Аннотация. Публикуемые материалы переписки председателя Московского славянского комитета И. С. Аксакова и саратовского губернатора М. Н. Галкина-Враского по хронологии относящихся к предыстории и началу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., раскрывают ряд аспектов взаимодействия общественных организаций и официальной власти. Анализ содержания переписки и ее исторического контекста выявляет значение фактора общественного движения во внешнеполитической деятельности Российской империи. Основное внимание уделяется славянским благотворительным инициативам общественности Саратовской губернии в 1876–1878 гг.

Ключевые слова: Русско-турецкая война 1877–1878 гг., общественное движение, славянские комитеты, Саратовская губерния, М. Н. Галкин-Враский, И. С. Аксаков

Для цитирования: Кочукова О. В., Кочуков С. А. Саратовский губернатор М. Н. Галкин-Враский и председатель Московского славянского комитета И. С. Аксаков: материалы переписки (1877–1878 гг.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 255–264. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-255-264>, EDN: RDTGAR

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Saratov governor M. N. Galkin-Vrasky and Chairman of the Moscow Slavic Committee I. S. Aksakov: Correspondence materials (1877–1878)

О. В. Кочукова^{1✉}, С. А. Кочуков²

¹ Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

² State Archive of the Saratov Region, 15 Kutyakova St., Saratov 410012, Russia

Olga V. Kochukova, kochukovasgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9595-7571>, Author ID: 354832

Sergey A. Kochukov, kochukovsgu1974@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3448-7457>, Author ID: 354829

Abstract. The published materials of the correspondence of the chairman of the Moscow Slavic Committee I. S. Aksakov and Saratov Governor M. N. Galkin-Vrasky chronologically refer to the prehistory and the beginning of the Russian-Turkish war of 1877–1878 and reveal a number of aspects of interaction between public organizations and the official authorities. An analysis of the content of the correspondence and its historical context reveals the importance of the social movement factor in the foreign policy activities of the Russian Empire. The article focuses on the Slavic charitable initiatives of the public of the Saratov province in 1876–1878.

Keywords: Russian-Turkish war of 1877–1878, public movement, Slavic committees, Saratov province, M. N. Galkin-Vrasky, I. S. Aksakov

For citation: Kochukova O. V., Kochukov S. A. Saratov governor M. N. Galkin-Vrasky and Chairman of the Moscow Slavic Committee I. S. Aksakov: Correspondence materials (1877–1878). *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 255–264 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-255-264>, EDN: RDTGAR

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., сыгравшей ключевую роль в обретении национальной независимости народами Балканского полуострова, предшествовало масштабное «славянское движение» в России. Ведущая инициатива в его формировании принадлежала славянским благотворительным комитетам, которые ставили своей целью активизацию интереса российской общественности к национальной жизни славянских народов и организацию благотворительности в их пользу. Московский славянский благотворительный комитет был создан в 1858 г. Первым его председателем был А. Н. Бахметев, с 1861 г. комитет возглавил М. П. Погодин, а с 1875 г. – И. С. Аксаков (1823–1886) – знаменитый русский публицист и общественный деятель, славянофил, издатель газет «День», «Русь», «Москва», «Москвич». Современники по праву считали его идейным лидером и вдохновителем славянского движения в России, называя «народным диктатором» [1, с. 252]. В 1868 г. новое отделение комитета было организовано в Петербурге – Санкт-Петербургский комитет Славянского благотворительного общества, в котором последовательно председательствовали А. Ф. Гильфердинг, И. П. Корнилов, А. И. Васильчиков. Отделения славянских комитетов или славянские благотворительные общества создавались и в других городах (Киеве, Одессе, Казани, Тифлисе) [2, с. 82–84]. Деятельность славянских комитетов была разрешена правительством, но главную роль в ней играла инициатива общественности. Славянские комитеты находились сначала под наблюдением Министерства иностранных дел, а с 1876 г. – Министерства внутренних дел. Пропаганда славянской идеи в русском обществе сочеталась с деятельной помощью славянским народам за счет добровольных пожертвований от населения в адрес комитетов.

В период роста национально-освободительной борьбы на Балканах в середине 1870-х гг. перед славянскими комитетами стояла трудная задача, связанная с координацией усилий различных общественных сил в России, проявлявших готовность откликнуться на призыв о помощи славянам. Кроме того, успех славянского движения в значительной мере зависел от взаимодействия общественных структур и официальной власти Российской империи. В связи с этим актуальной задачей становилось расширение самой географии славянского движения, т. е. формирование региональных центров славянской благотворительности. Славянские комитеты, содействуя активизации общественной инициативы в провинции, использовали как институциональный, так и личный уровень связей. Отделения славянского благотворительного общества обращались с официальными воззваниями и неофициальными, частными письмами в общественные, сословные, конфессиональные, коммерческие организации, учреждения местного управления, печатные органы различных губерний

Российской империи. Одним из региональных центров славянской благотворительности накануне и в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. была Саратовская губерния. Немаловажную роль играли личные связи лидеров славянских комитетов с должностными лицами и общественными деятелями Саратова. В частности, руководитель Московского славянского комитета И. С. Аксаков поддерживал общение через переписку с саратовским губернатором М. Н. Галкиным-Враским (1832–1916; должность саратовского губернатора занимал в 1870–1879 гг.)

Материалы переписки М. Н. Галкина-Враского и И. С. Аксакова сохранились в фондах Государственного архива Саратовской области. Большая часть писем носит характер официальной переписки и содержится в деле «Переписка о пожертвованиях в пользу славян» в составе фонда Саратовского местного управления Российского общества Красного Креста [3]. Эти письма написаны на официальных бланках Славянского благотворительного комитета (общества) и канцелярии саратовского губернатора; на них проставлены исходящие номера и даты. Исключение составляет частное письмо И. С. Аксакова М. Н. Галкину-Враскому от 24 января 1877 г., сохранившееся в личном архивном фонде саратовского губернатора [4]. Представляется, что публикация этих писем имеет научное значение в плане изучения историографической проблемы об общественных инициативах в качестве фактора внешней политики Российской империи накануне и в период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

Две принципиально различные точки зрения на то, какую роль стал играть фактор общественного движения во внешнеполитической деятельности Российской империи с начала Балканского кризиса середины 1870-х гг., были высказаны еще современниками. Общественный деятель Б. Н. Чичерин, затрагивая в своих мемуарах восприятие известий о восстаниях в Боснии, Герцеговине и Болгарии и об их жестоком подавлении турецкими властями, высказывал следующее предположение: «Восточные замешательства и болгарская резня произвели в русском обществе небывалое возбуждение. Само правительство не только его поддерживало, но и поджигало. Не решаясь на первых порах вступить прямо и открыто на этот скользкий путь, оно действовало исподтишка. Своим орудием оно избрало Московский славянский комитет. Он не только послал в Сербию генерала Черняева, но направлял туда массы добровольцев, снабжал их деньгами и оружием, отправлял даже пушки. Это я знаю от самого Ивана Сергеевича Аксакова, который с удивлением восклицал: “Славянский комитет вел войну с Турецкою империей!” Однако, война Комитета вышла неудачною, и русское правительство, затеявшее эту опасную игру, наконец, само было вовлечено в военные действия» [5, с. 253].

Видный государственный деятель П. А. Валуев, напротив, полагал, что российское правительство было втянуто в войну на Балканах помимо его воли и изначальных намерений «прославянскими» силами в общественном движении («славянофильствующей публикой»). По его мнению, «если бросить взгляд назад, то под конец окажется, что мы доведены до порога войны не событиями, не интересами государства, а просто Обществом Красного Креста» [6, с. 495]. Упоминание П. А. Валуевым Общества Красного Креста объяснялось тем, что славянские комитеты активно сотрудничали с различными благотворительными и общественными организациями: «...Не будь дамского усердия в его своеобразных видах, не будь постепенного раздувания огня без своевременного употребления надлежащих спасательных труб, не было бы и раздолья славянских комитетов, не было бы Черняева, добровольцев и всего прочего» [6, с. 495].

Впоследствии историки постоянно возвращались к сюжету о степени самостоятельности славянских комитетов, давая различные ответы на волновавший еще современников вопрос, направлялись ли общественные инициативы в преддверии Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. властью либо, напротив, будучи от нее независимыми, воздействовали на внешнеполитический курс государства [2, с. 261–265]. Выводы и материалы современных исторических исследований вызывают необходимость учитывать особенности организации государственного управления в царствование Александра II, когда высшая власть организовывала сложное взаимодействие нескольких конкурирующих группировок бюрократической элиты, зачастую ориентируясь при этом и на ведущие тенденции общественного мнения. В историографии устоялось употребление понятий «партия сосредоточения сил» и «партия действия» применительно к властным группировкам, занимавшим различную позицию в отношении к перспективам военного участия России в разрешении Балканского кризиса 1870-х гг. [7, с. 17]. «Партия сосредоточения сил», которую возглавляли министр иностранных дел А. М. Горчаков, военный министр Д. А. Милютин, министр финансов М. Х. Рейтерн, министр внутренних дел А. Е. Тимашев, министр государственных имуществ П. А. Валуев, делала акцент на рисках разворачивания военного сценария, а «партия действия», к которой принадлежали, помимо государственных деятелей (прежде всего, российский посол в Константинополе Н. П. Игнатев), и члены императорской фамилии (императрица Мария Александровна, наследник престола великий князь Александр Александрович), решительно поддерживала славянское движение в обществе. В такой ситуации верховная императорская власть оставляла для себя возможности лавирования и в то же время использовала преимущества действо-

вать через общественные организации, избегая осложнений в сфере международной дипломатии.

В 1875 г. славянским комитетам было официально разрешено заниматься сбором пожертвований в пользу славян Балканского полуострова, в октябре 1876 г. Александр II выразил поддержку их деятельности. Тем не менее в правительственных кругах часто высказывалось мнение об ограничении деятельности комитетов. Так, уже накануне войны, в марте 1877 г. военный министр Д. А. Милютин в своем дневнике отмечал: «...Большое впечатление произвела нескромная речь, сказанная в Московском славянском комитете председателем его Иваном Сергеевичем Аксаковым. В этой речи он осуждает весьма резко весь ход нашей внешней политики и опять бьет в набат для спасения русской чести. Речь эта, конечно, не только резка, но и несвоевременна. Жаль, что подобными нескромными речами Аксаков вредит и своему личному положению и кредиту представляемого им общества. Последствием будут, несомненно, новые административные меры для обуздания Славянского комитета» [8, с. 205] Шеф жандармов Н. В. Мезенцов сообщил И. С. Аксакову о неудовольствии, высказанном Александром II: «...Император присовокупить изволил, что, ознакомившись с содержанием сказанной вами речи в заседании Славянского комитета..., он по поводу ее выражает вам крайнее свое неудовольствие...» [9, с. 619].

Такое положение дел ставило для славянских комитетов вопрос о поиске способов организации общественной инициативы через личные связи, систему общественных, коммерческих, благотворительных, сословных организаций, и в региональном пространстве империи, безусловно, следовало учитывать ключевую роль губернаторов. Соответственно, характер организации славянских общественных инициатив в Саратове в значительной степени зависел от позиции губернатора М. Н. Галкина-Враского. Интересное свидетельство по этому поводу содержат воспоминания саратовского общественного деятеля И. Я. Славина: «Собственно говоря, курс нашей внутренней политики по отношению к внешним событиям 1875 и 1876 годов не был твердым, неуклонным, определенным и прямолинейным. Сегодня воспрещалось то, что вчера разрешалось и поощрялось. Бывший в это время саратовским губернатором М. Н. Галкин-Враский лично мне говорил, что почти ежедневно получались из министерства приказы и распоряжения, отменявшие предшествующие, и в массе их трудно было разобраться, что можно разрешать, что воспрещать, что поощрять, что терпеть, что допускать. Очевидно, директивы в этом направлении, исходившие от министерства, находились в зависимости от хода и положения дипломатических переговоров по балканским делам и от настроения высших правящих сфер, которое, по слухам, менялось, смотря

по тому, какая из придворных партий одерживала верх и получала преобладающее влияние» [10, с. 94]. Саратовский губернатор, безусловно, проявлял искусство политического лавирования, но справедливость требует отметить тот факт, что в целом он немало содействовал росту славянского движения в Саратове. Это объяснялось, видимо, наличием у него собственных симпатий к славянофильским идеям, а также личными контактами с такими признанными лидерами славянского движения, как Н. П. Игнатьев и М. Г. Черняев (последний возглавил сербскую армию во время Сербско-турецкой войны 1876 г.). Н. П. Игнатьев, М. Г. Черняев и М. Н. Галкин-Враский принимали участие в российской дипломатической миссии в Хиву и Бухару в 1858–1859 гг. и с этого времени поддерживали общение между собой.

Начало переписки М. Н. Галкина-Враского с председателем Московского славянского комитета И. С. Аксаковым связано с тем, что в 1876 г. в среде саратовской общественности был поставлен вопрос об организации отдельного славянского комитета в Саратове. Публикуемое письмо И. С. Аксакова от 24 января 1877 г. содержит его извинения, приносимые М. Н. Галкину-Враскому за длительную задержку с ответом на неоднократно поступавшие к нему заявления и запросы о возможности открытия местного отделения славянского благотворительного общества. Письмо это в высшей степени показательно по той причине, что И. С. Аксаков особо подчеркивает в нем неофициальный характер ведения дел и переговоров в сфере славянских инициатив и прибегает ко многим предосторожностям. Само письмо было им отправлено «с оказией», т. е. передано саратовскому губернатору через надежное лицо. И. С. Аксаков заострял внимание своего корреспондента на том, что он «избегал переписки с лицами, занимающими официальное положение», а для обозначения многочисленных благотворительных инициатив в пользу славян и российского добровольческого движения в период Сербско-турецкой войны, организованных славянскими комитетами, применил весьма характерный термин «наше экстралегальное дело» [4, л. 1]. Употребленная приставка «экстра» явно призвана обозначить сферу деятельности, находящуюся не столько «вне» официально допущенных пределов, сколько «над» ними и «помимо» них существующую. Кроме того, примечательно, что И. С. Аксаков считал «славянское», «экстралегальное», дело «нашим», т. е. общим для него самого и адресата письма.

Центральный вопрос, который обсуждался в письме И. С. Аксакова М. Н. Галкину-Враскому, был вопрос об открытии в Саратове отделения славянского комитета. Именно к периоду накануне Русско-турецкой войны, т. е. ко второй половине 1876 и началу 1877 г., как было выяснено крупнейшим специалистом по истории славянских комитетов С. А. Никитиным, относился пик

общественной активности, связанный с открытием их местных отделений. В 1875–1876 гг. главной задачей был сбор материальных и денежных пожертвований на нужды герцеговинских и болгарских повстанцев, беженцев и пострадавших от карательных акций в Османской империи, а также на вооружение русских добровольцев и их отправку на сражения Сербско-турецкой войны. В связи с этим в различных городах Российской империи стали стихийно складываться группы по организации сбора пожертвований. В отдельных случаях их лидеры ставили вопрос о легализации в качестве ответвлений славянских комитетов (как правило, московского или петербургского). С. А. Никитин среди нелегализованных местных «славянских комитетов» называет и саратовский (наряду с самарским, таганрогским, вятским, ростовским, орловским и др.) [2, с. 309–310].

На основании данных исторических источников можно высказать некоторые предположения о составе «саратовского комитета». Здесь следует учитывать, что в качестве наиболее влиятельных лиц в плане идейного воздействия на аудиторию потенциальных жертвователей рассматривались сотрудники местной прессы, священники, деятели общественных, сословных и благотворительных организаций. Саратовская губерния приняла самое деятельное участие в деле сбора пожертвований славянам Балканского полуострова. Общественный подъем был подогрет газетными публикациями о тяжелой доле южных славян и невиданной жестокости в подавлении их восстаний. Причем первую скрипку в Саратовской губернии играла не столько центральная пресса, сколько региональная (газета «Саратовский справочный листок»). Особенно выделялись публицистические материалы, с которыми на страницах «Саратовского листка» выступал И. П. Горизонтов. В саратовской прессе часто печатались воззвания к местному населению. Так, одно из них, озаглавленное «К саратовскому обществу», было опубликовано за подписью «Гражданин Саратова». Автор отмечал: «Русское общество вообще, а саратовское в особенности, надо сказать правду, при всем своем видимом сочувствии к геройским усилиям славянских народов сбросить с себя ненавистное мусульманское иго, далеко не сделало того, что можно бы сделать при более длительном и энергичном отношении к делу» [11, с. 2]. Из номера в номер газеты «Саратовский справочный листок» помещались объявления о спектаклях в пользу южных славян, «кружечных сборах» и т. п. Большую роль играла агитация церковных деятелей, причем особое воздействие она имела на широкие народные массы. Сбор пожертвований в храмах и церквях был разрешен с 1875 г., однако при этом существовали официальные предупреждения о необходимости соблюдения лицами духовного сана «умеренности и воздержанности от произнесения возбуждающих и неосмотрительных речей» [12, с. 170]. Тем не менее епископ Саратовский

и Царицынский Тихон часто прибегал к искусству церковного красноречия на возбуждение сочувствия страждущему и угнетенному христианскому населению Османской империи. Его речи были составлены простым и доступным для понимания языком, в ярких красках обрисовывали мрачные картины насилия над православными братьями-славянами и всегда завершались призывами к «популярным пожертвованиям» [13, с. 491].

В среде саратовского дворянства активную агитацию за славянскую благотворительность вел уездный предводитель А. И. Шахматов, убеждавший, что «каждый грош и каждая гривна пожертвований в массе своей могут составить ощутимые приращения к прочим пожертвованиям» и приглашавший «богатого и бедного к посильному участию в этом священном для каждого русского деле» [14, с. 2]. Особо важным центром славянской благотворительности в Саратове стало местное отделение Общества попечения о больных и раненых воинах, которое развернуло целую программу сбора пожертвований. Местное отделение общества, получившего впоследствии название Российского Красного Креста, существовало с 1867 г. В состав учредителей общества в Саратове входили князь В. Щербатов, Н. Давыдов, В. Унковский, М. Попов, Н. Щепкин, священник И. Груздев, В. Вакуров, А. Шабловский, протоиерей П. Смирнов, Н. Медведев, П. Елагин [15, л. 19–19 об.]. Председателем местного управления Общества попечения о больных и раненых воинах являлся губернатор М. Н. Галкин-Враский, и летом 1876 г. по его инициативе был организован саратовский подвижной лазарет для отправки в Сербию [3, л. 4]. Активную позицию занял также Дамский комитет попечительства о бедных, почетным попечителем которого был губернатор, председателем О. К. Рейтерн, а среди его членов присутствовали жены многих чиновников губернского города, в том числе и жена саратовского городского головы А. А. Недошивина. Дамский комитет курировал сразу несколько дамских кружков, открывших в Саратове пункты по сбору вещевых и денежных пожертвований славянам [16, с. 1–2].

В августе 1876 г. уездный предводитель саратовского дворянства А. И. Шахматов отправил письмо И. С. Аксакову с запросом об открытии в Саратове отделения славянского комитета. В послании, в частности, говорилось: «... Я полагаю бы необходимым для централизации всех пожертвований в Саратове и уездах его деньгами и предметами и содействия лицам, изъявившим желание принять личное участие, открыть в Саратове на все время войны славян с турками отделение Московского славянского комитета, которое бы имело уже прямое сношение с главным комитетом» [17, л. 106–106 об.]. «Саратовский справочный листок» сразу же сообщил об идее организовать местный отдел славянского общества, подчеркивая, что «мысль об этом возникла

вследствие громкого и самого искреннего сочувствия к балканским славянам, высказанного саратовцами всех сословий и классов с самого начала нынешних событий в европейской Турции» [18, с. 1]. Писал И. С. Аксакову, кроме того, житель Саратова П. Г. Бойчевский, сообщавший, что «в Саратове есть кружок лиц, в том числе и я, желающих поступить членами в Московский комитет, но мы не знаем условий, на которых комитет принял бы нас... я от лица многих покорнейше прошу вас... избрать в Саратове одного уполномоченного от Московского комитета, который бы имел бы право записывать членов с выдачею им квитанций, раздавать свидетельства на сбор пожертвований, вообще сгруппировать около себя славянский кружок» [19, л. 111].

Как следует из текста публикуемого письма И. С. Аксакова к М. Н. Галкину-Враскому, все заявления об открытии саратовского отделения Славянского благотворительного общества так и остались без ответа. И. С. Аксаков пытался убедить губернатора в тяжелой для него лично необходимости игнорировать местную инициативу по причине опасения непредсказуемой реакции Министерства внутренних дел. Председатель Московского славянского комитета считал несвоевременным поднимать организационные вопросы, которые потребовали бы официального утверждения министра внутренних дел А. Е. Тимашева, только и ожидавшего, по его словам, повода «скрутить комитеты». Славянские комитеты старались избегать любых решений, которые могли бы повлечь за собой вопрос о пересмотре их устава, так как развернутая ими широкая и разноплановая деятельность перестала бы ему соответствовать. Но была и другая причина, обусловившая нерешительность лидера славянских комитетов. На территории Саратовской губернии довольно остро проявилось соперничество между Московским и Петербургским славянскими комитетами. Саратовское общество больше всего контактировало с Петербургским комитетом, от которого постоянно поступали воззвания и подписные листы на сбор средств в пользу южных славян. Причем, если Санкт-Петербургское благотворительное общество ожидало помощи «как деньгами, так и вещами» [3, л. 58 об.], то Московский комитет требовал «пожертвования исключительно денежные» [20, с. 305]. Однако в Саратовской губернии больших масштабов достигали именно вещевые пожертвования, что и обусловило популярность Петербургского комитета. В Саратове даже были организованы специальные квартиры для приема пожертвований в адрес Санкт-Петербургского славянского общества. По сообщениям «Саратовского справочного листка», таких квартир было четыре: на Гимназической улице прием пожертвований осуществлял П. Г. Бойчевский, на Константиновской улице – И. В. Малинин, на Московской – нотариусы Праотцев и Мышенков [21, с. 2]. И. С. Аксакову оставалось только

признать факт популярности петербургского отделения в Саратове, что он и сделал в своем письме к губернатору: «Саратов, очевидно, тянет больше к Петербургу. Между тем вся тяжесть расходов, равно как и инициатива всей деятельности в Московском комитете. Не совсем ловко перебивать доходы у Петербургского Комитета, но в частном письме я позволяю себе это высказать» [4, л. 2–2 об.]. Таким образом, содержание переписки И. С. Аксакова и М. Н. Галкина-Враского указывает на внутреннюю конкуренцию славянских комитетов в сфере благотворительных инициатив.

Основная часть переписки саратовского губернатора и председателя Московского славянского комитета носит официальный характер, ограничивается достаточно короткими информативными сообщениями относительно аккумуляции денежных средств на реализацию славянской благотворительности, причем относится уже к периоду начавшейся Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. На тот момент славянские комитеты продолжали организацию помощи славянам, так как она сохраняла свое морально-политическое и гуманитарное значение. В частности, в переписке уделяется немало внимания сбору денежных средств, направлявшихся на нужды Училища южнославянских девиц в Москве. Это училище было открыто в начале 1870-х гг. как результат совместной деятельности Московского славянского комитета и болгарской общины в Москве, которую возглавлял Н. Бончев. Цель школы состояла в подготовке педагогических кадров для болгарских и сербских женских училищ. Помимо общеобразовательных предметов, в ней преподавались церковно-славянский, русский, болгарский и сербский языки [22, с. 270]. Второе упоминаемое в тексте переписки конкретное направление славянской благотворительности – сбор вещевых пожертвований в Черногорию. Черногория и Сербия как союзные России государственные образования в 1877–1878 гг. вели войны с Османской империей за признание их полной независимости, и деятельность славянских комитетов в этот период в значительной степени концентрировалась вокруг сбора денежных и вещевых пожертвований на нужды черногорской и сербской армий.

В переписке И. С. Аксакова и М. Н. Галкина-Враского стоит выделить такой аспект, как организация финансовых механизмов славянской благотворительности, связанных с привлечением коммерческих банков и частных кредитных обществ. До официального начала войны России с Османской империей государственные организации не должны были принимать участие в финансовой поддержке славянских инсургентов. Когда представители Сербии ходатайствовали о займах, официальные лица, в числе которых были министр иностранных дел А. М. Горчаков, министр финансов М. Х. Рейтерн, управляющий Государственным банком Е. И. Ламанский, согласились

«не препятствовать» в их предоставлении частным банкам и лицам. При этом И. С. Аксаков в частном письме утверждал: «Заем, или лучше сказать, ссуда Сербии из государственного казначейства разрешена в принципе, но под величайшим секретом и с условием, чтобы она была маскирована частными банками и лицами. Государь махнул рукой, сказавши: делайте, что хотите, только, чтоб правительство оставалось официально в стороне» [2, с. 297–298]. Здесь следует отметить, что управляющий Государственным банком Е. И. Ламанский был в то же время пайщиком Московского купеческого банка (среди пайщиков был сотрудник И. С. Аксакова славянофил, промышленник и банкир Ф. В. Чижов), председателем совета Волжско-Камского коммерческого банка, а также вдохновителем и организатором обществ взаимного кредитования в России. Частные коммерческие банки и общества взаимного кредита сохраняли свое значение в качестве движущей силы финансового сопровождения славянской благотворительности и в период начавшейся Русско-турецкой войны.

В публикуемой переписке И. С. Аксакова и М. Н. Галкина-Враского упоминается, что собранные в Саратовской губернии денежные суммы переводились к месту назначения через посредничество саратовского Общества взаимного кредита и саратовское отделение Волжско-Камского коммерческого банка. Общество взаимного кредита было открыто в Саратове 25 июля 1870 г. Его уставной капитал превышал 1 млн руб. Председателем совета Общества был действительный статский советник А. Д. Горбунов. Видными членами саратовского Общества взаимного кредита являлись уездный предводитель дворянства А. И. Шахматов, саратовский голова А. И. Недошивин, архитектор А. М. Салько, старший помощник питейно-акцизных сборов Саратовской губернии П. Н. Минх [23, л. 1]. Следует отметить, что за 1876 г. саратовское Общество взаимного кредита пожертвовало одновременно в пользу балканских славян 15000 руб. [24, л. 16 об.]. Волжско-Камский коммерческий банк был основан в Санкт-Петербурге в 1870 г. и являлся одним из крупнейших банков России, а саратовское отделение банка было открыто уже в 1871 г. Финансовая организация как нельзя лучше подходила для денежных переводов на Балканы, так как в уставе банка оговаривалось «производство платежей в России и за границу, в городах, где находятся отделения и комиссионеры и корреспонденты Банка, за счет третьих лиц или обществ, с тем, чтобы такие уплаты предварительно обеспечены были на полную сумму...» [25, с. 8]. В январе 1877 г. саратовское отделение Волжско-Камского банка проводило операции с листами облигаций Сербского займа, в результате чего в Сербию было отправлено 1389 руб. [26, л. 9, 35].

Вопрос о соотношении мелких пожертвований от представителей народных масс и обще-

ственности и крупных от состоятельных лиц и от организаций и учреждений в общей массе российской благотворительности в пользу славян до сих пор остается спорным. Однако размах и эмоциональная насыщенность агитации среди народа, организованной общественными и церковными деятелями, действительно были причиной небывалого отклика на призыв жертвовать на пользу обездоленных единоверных братьев-славян, который выражался зачастую в желании «отдавать последнее, от собственной бедности». Следствием стали значительные размеры вещевых пожертвований. В Саратове активную агитацию за сбор вещевых пожертвований вели саратовский епископ Тихон и председательница Дамского комитета попечения о бедных О. К. Рейтерн. В частности, преосвященный Тихон в письме к саратовскому губернатору сообщал: «Вследствие предложения моего, саратовскою консисториею вместе с сим сделано распоряжение, чрез пропечатание в Саратовских епархиальных ведомостях, чтобы пастыри всех приходов саратовской епархии поведали своим прихожанам о настоятельной нужде в вещевых пожертвованиях и преимуществе одеждою и обувью, как для больных и раненых воинов обеих действующих армий и за Дунаем, и за Кавказом, так и для разоренных славян; пусть пастыри разъяснят своим паствам, что с наступлением холодов день ото дня положение разоренных славян становится все ужаснее и ужаснее; пусть укажут им, например, на то, как бежавшие из-за Балканских гор болгары, по обе стороны дороги от самого Шипкинского перевала и до самого города Габрова, стоят теперь непрерывным табором и без слов, без мольбы, рыдают и только рыдают; рыдают старики и старухи, рыдают матери и дети; пошли непогоды, зима настает, а у несчастных болгар ни жилья, ни одежды, ни обуви; пусть укажут еще и на то, что черногорцы и бежавшие к ним герцеговинцы и босняки, как извещает митрополит черногорский Иларион, не столько нуждаются в деньгах, сколько в одежде, обуви, белье, так как в Черногории в настоящее время и за деньги нельзя достать тех материалов, из которых одежда, обувь и белье устраиваются...» [27, л. 248–248 об.].

Между тем в воззваниях Московского славянского комитета не раз указывалось, что он «покорнейше просит не присылать к нему никаких пожертвований вещами, так как он не имеет у себя складов для хранения и не пользуется льготами по пересылке вещей, которая поэтому часто обходится дороже самой стоимости оных» [20, с. 305]. Несмотря на эти настойчивые пожелания, поток вещевых пожертвований только увеличивался. В депеше от 12 ноября 1877 г. саратовского местного управления Общества попечения о больных и раненых воинах в Московский славянский комитет указывалось: «...Было отправлено в Москву вагоном прямого сообщения в центральный склад с теплой одеждою и обувью для больных и раненых воинов действующих

армий 26 тюков весом 192 пуда, в том числе 345 полушубков; другой вагон отправлен в Московское славянское благотворительное общество с вещевыми пожертвованиями в пользу южных славян и черногорцев 32 тюка весом 205 пудов, 25 полушубков и 400 овчин» [28, л. 40]. Публикуемое письмо М. Н. Галкина-Враского к И. С. Аксакову представляет интерес также и потому, что в нем заострен вопрос о вещевых пожертвованиях. В ответ на требование председателя Московского славянского комитета о переводе всех поступивших пожертвований в денежную форму саратовскому губернатору пришлось проконтролировать большую развернувшуюся в связи с этим деятельность (сортировка и распределение вещевых пожертвований, раздача одной части в местные лазареты, семьям больных и раненых воинов, организация распродажи другой и т. д.).

Таким образом, материалы переписки И. С. Аксакова и М. Н. Галкина-Враского не только указывают на роль Саратовской губернии в качестве регионального центра формирования «славянского движения» в России 1870-х гг., но и проливают свет на ряд важных вопросов в плане понимания взаимодействия официальной власти и общественных, благотворительных, коммерческих организаций, а также указывают на внутреннюю конкуренцию отделений славянского комитетов и некоторые расхождения в понимании благотворительности в пользу славян среди представителей различных общественных организаций.

Письмо И. С. Аксакова М. Н. Галкину-Враскому, 24 января 1877 г.

Милостивый государь Михаил Николаевич!

Пользуюсь оказией, чтобы принести Вам, хоть несколько поздние, объяснения и извинения в моем молчании. Я избегал переписки с лицами, занимающими официальное положение, во время самого разгара нашего экстралегального дела, и с московскими властями, всегда мне содействовавшими, сносился не иначе как словесно, ибо деятельность Славянского Комитета была не признана, а только терпима. Когда посланный Ваш из Саратова привез заявление саратовцев о желании учредить в Саратове Отдел Славянского Комитета, я не мог с своей стороны, при всем моем сочувствии этому желанию, содействовать оному, потому что боялся поднять вопрос об Уставе¹, которого проект лежал без движения в Министерстве Внутр. Дел. Славянский комитет просуществовал этот год без всякого устава², в 1876 г. вначале министр внутренних дел³ потребовал, чтоб устав был составлен, и сделал разные изменения в сочиненном нами проекте, уехал за границу, прежде чем разыгралась деятельность комитета по отправке добровольцев. Проект был положен под сукно, и это было большим для нас счастьем, ибо деятельность наша уже никоим образом не оправдывалась Уставом. Между тем открытие новых

отделов могло бы иметь место только с разрешения Министерства, следовательно, вызвало бы вновь вопрос об уставе, чего нужно было избегать.

Министр, прожив 5 месяцев за границей, возвратился с тем, чтоб скрутить славянские комитеты, но потом, убедившись в том, что деятельность их тесно связалась с политическими интересами самого правительства, несколько смягчился. Тем не менее, он тотчас же занялся Уставом и снова его переделал, спроектировав членский взнос вместо 5 р., в 50 рублей, и т. п., причем отделы лишены права на заграничные сношения. Этот проект, однако же, по обсуждению его в Совете Государя Императора⁴, был изменен и членский взнос оставлен почти в прежнем размере; но когда он был внесен на утверждение в Комитет министров⁵, П.А. Валуев⁶, в виду политических обстоятельств, предложил отсрочить утверждение и обнародование устава.

В настоящее время, если поступит заявление саратовцев, мы дадим ему ход, т. е. пошлем его к министру, но утвердит ли он – неизвестно.

Я прилагаю при этом письме род официального воззвания или письма, которому просил бы дать ход. Не адресовал его прямо на Ваше имя, не зная будет ли это Вам угодно. Может быть, Вы признаете удобнейшим возратить его княжне Кугушевой⁷, которая в таком случае, передаст его г. Шахматову⁸.

Саратов очевидно тянет больше к Петербургу. Между тем вся тяжесть расходов, равно как и инициатива всей деятельности в Московском комитете. Не совсем ловко перебивать доходы у Петербургского Комитета⁹, но в частном письме я позволяю себе это высказать.

Прошу извинения за небрежность и неряшливость этого письма, – но дел и хлопот много, а канцелярия у нас самая маленькая. Но я уверен заранее, что Вы мне все это извините, так как и Вы не можете не быть уверены в моем искреннейшем к Вам уважении и совершенной преданности.

Ив. Аксаков

ГАСО. Ф. 1221. Оп. 1. Д. 158. Л. 1–1 об.

Письмо И. С. Аксакова М. Н. Галкину-Враскому, 3 ноября 1877 г.

Его Превосходительству Господину
Саратовскому Губернатору.

Совет Московского Славянского Благотворительного Общества сим имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что присланные Вами при отношении от 25-го минувшего октября, за № 4534, деньги, собранные Вами по подписному листу в пользу училища южнославянских девиц, всего в количестве ста пятидесяти двух руб., Советом получены и будут употреблены согласно их назначению.

Председатель Ив. Аксаков
ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 28. Л. 23.

**Письмо М. Н. Галкина-Враского
И. С. Аксакову, 5 ноября 1877 г.**

В Московское Славянское Благотворительное общество.

Впоследствии отношения моего от 25 минувшего октября, № 903, препроводив при сем в Московское Славянское Благотворительное общество опись поступившим в пользу южных славян и черногорцев вещевым пожертвованиям, отправленным 4 сего ноября в девятнадцати тюках и квитанцию Тамбовско-Саратовской железной дороги¹⁰, за № 20812, в приеме этих тюков для бесплатной отправки в г. Москву, имею честь покорнейше просить о получении помянутых пожертвований и об отсылке их по назначению не оставить меня уведомить.

Губернатор Галкин-Враский.
ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 26. Л. 35.

Письмо И. С. Аксакова М. Н. Галкину-Враскому, 16 ноября 1877 г.

Совет Московского Славянского Благотворительного общества имеет честь уведомить Ваше Превосходительство, что присланные Вами в пользу черногорцев при отношении от 1 сего ноября, за № 943, тридцать четыре тюка и при отношении от 2 сего ноября, за № 945, двенадцать тюков белья и носильного платья, собранных в Саратовском складе вещевых пожертвований, в Славянском обществе получены и отправлены через Московский центральный склад Общества попечения о больных и раненых воинах, в С.-Петербург, в Главное общество Красного Креста¹¹, для отсылки в Черногорию на имя уполномоченного оногo Петра Алексеевича Васильчикова¹².

Председатель И. Аксаков.
ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 26. Л. 66–66 об.

**Письмо М. Н. Галкина-Враского
И. С. Аксакову, 30 декабря 1877 г.**

Милостивый государь Иван Сергеевич!

Полученною мною от Вас телеграммою от 1 сего декабря, извещая, что даровая отправка вещей в Черногорию не может состояться, Вы просили приостановиться высылкою вещей, высказав при этом свое мнение, что, так как плата за провоз определяется 6 руб., то лучше продать вещи и выслать вырученные деньги.

В виду сего поступившие в открытый в Саратове склад вещевые пожертвования в пользу южных славян и черногорцев были приостановлены отправкой и затем, согласно сделанному Вами предложению, таковые были назначены в продажу, причем все вещи подразделены на четыре категории и часть вещей, годных для больных и раненых воинов, приобретена в сумме действительной стоимости 400 руб. саратовским местным управлением Общества Красного Креста и отправлена

в действующую армию; часть, по произведенной через сведущих людей оценке на сумму 296 руб. 45 коп., передана в местные лазареты общества Красного Креста для снабжения выздоравливающих больных и раненых воинов, при выпуске из лазаретов по домам на поправку и с увольнением вовсе от службы; часть женских и детских вещей тоже по оценке на сумму 328 руб. приобретена Саратовским городским попечительством для пособия нуждающимся семействам воинов, и наконец, остальные вещи проданы с аукционного торга на сумму 740 руб. 55 коп. Таким образом, от распродажи всех вышеозначенных вещей выручено 1765 руб. Кроме того, поступило денежных пожертвований в пользу черногорцев 325 руб.

Вследствие сего, сделав распоряжение о переводе вышеозначенных денег, в сумме двух тысяч девяносто рублей, через Саратовское общество взаимного кредита на имя Московского славянского благотворительного общества, имею честь препроводить при сем к Вам, Милостивый Государь, квитанцию на этот перевод, также покорнейше прося о получении означенных денег и об отсылке их по назначению не оставить меня уведомить.

Примите при сем случае уверение в моем глубоком к Вам уважении и истинной преданности.

М. Галкин-Враский

Р. С. Квитанция прилагается Саратовским отделением Волжско-Камского коммерческого банка, через который сделан перевод.

ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 28. Л. 44–44 об.

Письмо И. С. Аксакова М. Н. Галкину-Враскому, 4 января 1878 г.

Милостивый Государь Михаил Николаевич!

Присланный Вами перевод Волжско-Камского банка на сумму две тысячи девяносто руб. при письме от 30 декабря 1877 г. за № 5466, деньги, вырученные Вами от продажи вещей, жертвованных на черногорцев, Советом получены и будут употреблены согласно назначению.

Председатель Ив. Аксаков.
ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 28. Л. 52.

Письмо И. С. Аксакова М. Н. Галкину-Враскому, 2 марта 1878 г.

Его Превосходительству Господину
Саратовскому Губернатору

Михаилу Николаевичу Галкину-Враскому.

Присланная при отношении от 21 февраля сего года за № 813 квитанция Саратовского общества взаимного кредита за № 110 на семьсот рублей, из которых 400 руб. выручено от продажи вещей в пользу черногорцев, а 300 руб. коммерции советником Филиппом Осиповичем Плигиным¹³ в пользу учебно-воспитательного заведения

в Москве для круглых сирот южнославянских девиц, Советом получены и деньги будут употреблены согласно назначению.

Председатель Ив. Аксаков.
ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 28. Л. 70.

Письмо И. С. Аксакова М. Н. Галкину-Враскому, 10 мая 1878 г.

Его Превосходительству Господину
Саратовскому Губернатору

Михаилу Николаевичу Галкину-Враскому.

Присланный при отношении от 29 минувшего апреля сего года за № 1730 перевод Саратовского отделения Волжско-Камского банка за № 56524 на сто восемьдесят девять руб. двадцать коп., из которых 140 р. вырученных от распродажи вещей, пожертвованных в пользу славян и черногорцев, 39 р. 20 к., представленных разными лицами тоже в пользу славян и черногорцев и 10 р. собранных Камышинским городским головою¹⁴ в пользу учебно-воспитательного заведения в Москве для круглых сирот южнославянских девиц; Обществом получен, о чем и имеет честь уведомить Ваше Превосходительство.

Председатель Ив. Аксаков.
ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 28. Л. 84.

Примечания

¹ Московский славянский комитет начал разработку общего устава в декабре 1875 г. В марте 1876 г. Министерство внутренних дел рассмотрело проект устава и потребовало внести ряд изменений. В окончательной редакции проект устава был утвержден только на момент начала Русско-турецкой войны 12 апреля 1877 г.

² Примечание И. С. Аксакова: «До 1876 г. он числился при Министерстве иностранных дел, а с 1876 г. перечислен в ведомство внутренних дел».

³ Имеется в виду Тимашев Александр Егорович (1818–1893) – генерал-адъютант, в 1856–1861 гг. – начальник штаба Корпуса жандармов и управляющий Третьим отделением Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в 1867–1868 гг. возглавлял Министерство почт и телеграфов, в 1868–1878 гг. – министр внутренних дел.

⁴ Имеется в виду Государственный Совет Российской империи.

⁵ Комитет министров – высший совещательный и распорядительный орган Российской империи.

⁶ Валуев Петр Александрович (1814–1890) – граф, русский государственный и общественный деятель. В 1853–1858 гг. – губернатор Курляндии, в 1861–1868 гг. – министр внутренних дел, в 1872–1879 гг. – министр государственных имуществ.

⁷ Имеется в виду княжна Кугушева Александра Ивановна (1838–1894), дочь кн. Кугушева Ивана Васильевича и кн. Кугушевой Надежды Ильиничны.

- ⁸ Шахматов Александр Иванович (1826–1896) – общественный деятель, историк-краевед, один из организаторов Саратовской ученой архивной комиссии. Был членом Саратовской земской управы, гласным Саратовской городской думы, почетным мировым судьей, Саратовским уездным предводителем дворянства.
- ⁹ Имеется в виду Петербургское славянское благотворительное общество. Было создано в 1868 г. как Санкт-Петербургское отделение Московского славянского благотворительного общества.
- ¹⁰ Тамбовско-Саратовская железная дорога – железная дорога в Российской империи, связывающая Тамбов и Саратов. Строительство дороги началось с 1868 г., в эксплуатацию была запущена в 1871 г.
- ¹¹ Имеется в виду Общество попечения о раненых и больных воинах, созданное и получившее от императора Александра II устав в 1867 г. В 1879 г. общество получило название «Российский Красный Крест». Целью общества являлось содействие во время войны военной администрации в уходе за ранеными и больными воинами.
- ¹² Васильчиков Петр Алексеевич (1829–1898) – с 1875 по 1876 г. уполномоченный русского отделения Общества Красного Креста в Черногории. С начала Русско-турецкой войны 1877 г. был членом Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества.
- ¹³ Плигин Филипп Осипович – купец-старообрядец, городской голова г. Вольска, коллекционер раритетных книг.
- ¹⁴ Имеется в виду городской голова г. Камышина Шемякин Иван Петрович.
- (70-е гг. XIX в.) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2015. Т. 15, вып. 1. С. 12–18. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2015-15-1-12-18>
8. Милютин Д. А. Дневник. 1876–1878 / под ред. Л. Г. Захаровой. М. : Российская политическая энциклопедия, 2009. 704 с.
9. Освобождение Болгарии от турецкого ига : в 3 т. / под ред. С. А. Никитина, В. Д. Конобеева, А. К. Бурмова, Н. Т. Тодорова. Т. 1. М. : Издательство АН СССР, 1961. 715 с.
10. Славин И. Я. Минувшее–пережитое. Воспоминания. Саратов : КнигоГрад, 2013. 404 с.
11. К саратовскому обществу // Саратовский справочный листок. 1876. 22 июня.
12. Яковлев О. А. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. и русское общество: дис. ... канд. ист. наук. Л., 1980. 229 с.
13. Речь, произнесенная преосвященным Тихоном перед напутственным молебствием, по случаю отправления из Саратова в Сербию отряда добровольцев в Саратовском кафедральном соборе сентября 12 дня 1876 г. // Саратовские епархиальные ведомости. 1876. № 34.
14. Приглашение к пожертвованиям // Саратовский справочный листок. 1876. 20 июля.
15. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 1.
16. Отчет комитета, состоящего под Августейшим покровительством Государыни Императрицы Саратовского дамского попечительства о бедных за 1877–1878 гг. Саратов : Тип. Губернского правления, 1878. 8 с.
17. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 1750 (Московский славянский благотворительный комитет). Оп. 1. Д. 280.
18. Внутренние известия // Саратовский справочный листок. 1876. 17 нояб.
19. ГА РФ. Ф. 1750. Оп. 1. Д. 57.
20. Аксаков И. С. Славянский вопрос: в 2 кн. Кн. 1 / Изд. подгот. А. П. Дмитриев, Д. А. Федоров. СПб. : ООО «Издательство “Росток”», 2015. 639 с.
21. Да не оскудеет рука дающих // Саратовский справочный листок. 1876. 1 окт.
22. Поповкин А. А. Московский славянский комитет и общественная благотворительность в России (1858–1874) // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия : Гуманитарные науки. История и политология. 2011. Вып. 8 (100). С. 268–272.
23. ГАСО. Ф. 639 (Первое Саратовское общество взаимного кредита). Оп. 1. Д. 15.
24. Там же. Д. 14.
25. Устав Волжско-Камского коммерческого банка. СПб. : Тип. т-ва Н. Я. Стойковой, 1879. 46 с.
26. ГАСО. Ф. 982 (Саратовское отделение Волжско-Камского коммерческого банка). Оп. 1. Д. 10.
27. ГАСО. Ф. 427. Оп. 1. Д. 25.
28. Там же. Д. 26.

Список литературы

1. Кочукова О. В. Записки саратовских добровольцев – участников Сербо-турецкой войны 1876 г. как исторический источник // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 252–257. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-252-257>
2. Никитин С. А. Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах. М. : Издательство Московского университета, 1960. 362 с.
3. Государственный архив Саратовской области (далее – ГАСО). Ф. 427 (Саратовское местное управление Российского общества Красного Креста). Оп. 1. Д. 28.
4. ГАСО. Ф. 1221 (Галкин-Враский М. Н). Оп. 1. Д. 158.
5. Чичерин Б. Н. Воспоминания. Московский университет. Земство и Московская дума. М. : Издательство им. Сабашниковых, 2010. 528 с.
6. Дневник графа П. А. Валуева. 1847–1860, 1866–1884 / подготовка текста издания Р. В. Малков. Саратов : Оксюморон, 2015. 976 с.
7. Кочуков С. А. «Партия действия»: к вопросу о восприятии войны с Османской империей правящей элитой России

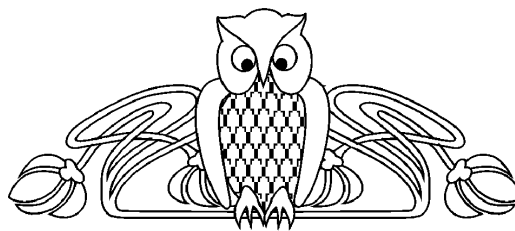
Поступила в редакцию 16.11.2022; одобрена после рецензирования 04.12.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 16.11.2022; approved after reviewing 04.12.2022; accepted for publication 20.01.2023

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 265–275
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 265–275
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-265-275>, EDN: HGJBYA

Научная статья
УДК 631.111(470.25)|19| (=411.16)

Землеустройство евреев в Псковском крае в 1920-е годы

А. В. Филимонов

Псковский государственный университет, Россия, 180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2

Филимонов Анатолий Васильевич, кандидат исторических наук, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории, kafotist@pskgu.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3958-1354>, Author ID: 746654

Аннотация. В статье на материалах Псковского края 1920-х гг. рассматриваются попытки превращения евреев в сельскохозяйственную нацию: наделение их земель, проведение землеустройства, организация национальных коллективных хозяйств; показывается противоречивость проводимых мероприятий, их результаты.

Ключевые слова: Псковская губерния, еврейское население, земледелие, землеустройство, Комиссия по землеустройству трудящихся евреев (КомЗЕТ), Общество по землеустройству трудящихся евреев (ОЗЕТ), колхоз

Для цитирования: *Филимонов А. В. Землеустройство евреев в Псковском крае в 1920-е годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 265–275. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-265-275>, EDN: HGJBYA*

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Land management of Jews in the Pskov region in the 1920s

A. V. Filimonov

Pskov State University, 2 Lenin Sqr., Pskov 180000, Russia

Anatoly V. Filimonov, kafotist@pskgu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3958-1354>, Author ID: 746654

Abstract. In the article, based on the materials of the Pskov Region of the 1920s, attempts to transform Jews into an agricultural nation are considered: allotment of their land, land management, organization of national collective farms; the inconsistency of the activities carried out, their results are shown.

Keywords: Pskov region, Jewish population, agriculture, land management, Commission for Land Management of Working Jews (KomZET), Society for Land Management of Working Jews (OZET), collective farm

For citation: *Filimonov A. V. Land management of Jews in the Pskov region in the 1920s. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 265–275 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-265-275>, EDN: HGJBYA*

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

В Псковском крае как исконно «славянском» регионе с давних времен в среде населения традиционно преобладали русские, хотя проживали и представители других национальных групп – эстонцы, латыши, белорусы, поляки и др. Одной из многочисленных национальностей в начале XX в. являлись евреи. Всероссийская перепись населения 1920 г. установила, что в губернии проживали представители 40 национальностей, в том числе 28,3 тыс. евреев (1,47% общего числа жителей). Из восьми уездов губернии больше всего их было в Торопецком уезде – 2538 чел., Великолукском (2232 чел.), наименьшее число – в Холмском (298 чел.); в Пскове они составляли 4,18% населения города [1, с. III–IV]. В сель-

ской местности евреев было намного меньше: в том же Торопецком уезде на их долю приходилось только 0,76% всего сельского населения, в Великолукском – 0,35%, а в Порховском и Островском – всего лишь по 0,01% [2].

Существенно увеличило численность евреев присоединение в 1924 г. к Псковской губернии трех уездов упраздненной Витебской губернии – Себежского, Невельского и Велижского, входящих в так называемую «черту оседлости» Российской империи. Поэтому Всесоюзная перепись населения 1926 г. зафиксировала новую цифру количества евреев в губернии – около 40 тыс. чел. По абсолютной численности они стояли после русских и белорусов на третьем месте,

а вот удельный вес их, по сравнению с 1920 г., почти не изменился и составил 1,49% от общего числа населения губернии [3, с. 54].

Еврейское население занималось преимущественно различными ремеслами, промыслами, торговлей, земледельцы же среди них встречались нечасто. Проживали они, главным образом, в городах и местечках, населенных почти исключительно гражданами «еврейских» профессий – портными, сапожниками, парикмахерами, ювелирами и др. [4]. «Еврейское население губернии, – подчеркивалось в одном из отчетов о работе среди «национальных меньшинств», – в большинстве своем состоит из деклассированного элемента и мелких торговцев, кустарей и совслужащих. Этот фактор буржуазного состава имеет свое отрицательное влияние в проведении работы среди еврейских масс» [5, л. 302].

Советская власть поставила в качестве одной из важнейших задач в «еврейском» вопросе улучшение их быта и положения, одним из решений этой задачи чего признавалось землеустройство, т. е. стремление власти сделать евреев земледельцами, каковыми они в России практически не являлись. Предусматривалось не только наделение евреев землей в местах их компактного проживания, но и создание земледельческих артелей, что в перспективе облегчило бы переход еврейского населения к коллективным формам ведения хозяйства. Однако до середины 1920-х гг. эта работа приносила незначительные результаты, хотя, например, уже в 1921 г. в Торопецком уезде образовалась Княжищенская еврейская сельхозартель, объединившая 4 семьи с 21 едоком и имевшая 63 дес. земли [6]. Произошло это по инициативе самих еврейских семей, в значительной мере «самостийно», т. е. без рекомендации и нажима «сверху». В дальнейшем инициатива властей в наделении евреев землей неуклонно повышалась, хотя далеко не всегда она достигала цели, встречая явное или скрытое уклонение от выполнения директив. В любом случае успех дела в значительной степени зависел не только от вынесенного властями решения, но и хотя бы малой заинтересованности в переходе к земледелию самого еврейского населения.

Из всех уездов губернии после расширения ее территории наибольшее количество еврейского населения было сосредоточено в Велижском уезде (бывшей Витебской губернии): в уездном городе проживало до 5 тыс. евреев (т. е. половина населения, из них около 1000 кустарей), свыше 400 чел. – в Усвятах (из общего количества 2500 чел.), довольно много их было в местечках на территории уезда (например, в Ильино из 784 чел. – свыше 400 евреев) [7, л. 30]. В этом уезде, по сравнению с другими, существовала солидная база для устройства евреев на земле: многим из них в городах и местечках занятия не находилось, в то время как свободные земли

имелись. Однако за весь 1925 г. удалось организовать лишь одну сельхозартель – «Ахдус» из 6 семей с 34 едоками, которой передали бывшее имение «Горки» с 152 дес. земли, 90 дес. леса, плодовым садом из 450 деревьев, инвентарем. Коллектив имел все возможности для нормального существования, но ему не хватало кредитов, а «у некоторых местных работников не было абсолютно никакого представления о работе по землеустройству» [8, л. 52].

Это проявлялось и в том, что вместо наделения землей евреев, желающих ее обрабатывать, на территории уезда она даже отбиралась у тех, кто землю уже имел. Так, еще в 1918 г. четыре еврейские семьи самостоятельно, без вмешательства властей создали сельскохозяйственный коллектив в Поповщине Усвятской волости, но просуществовал он немногим более года, так как члены его даже не знали, что коллектив нужно регистрировать. Местные же власти вместо того, чтобы дать указание о регистрации, приняли решение отобрать уже обрабатываемые земли. И это при том, что полученные коллективом угодья были очень запущенными, но несмотря на затруднения и опасность расправы со стороны действовавших поблизости бандитов, труженики привели их в «культурное состояние». Оказался не на высоте положения и уземотдел, который изъятие земли санкционировал [8, л. 54].

В 1918–1919 гг. в той же Усвятской волости и тоже по собственной инициативе образовался еще один сельскохозяйственный коллектив – в Пустоши, объединивший 12 семей: 8 еврейских и 4 русских. Однако очень скоро 14 евреев – лучших работников коллектива – были во время полевых работ убиты бандитами, их избы разграблены, а имущество растащено. Некоторые крестьяне, обвиненные в пособничестве бандитам, были арестованы, оставшиеся ушли в местечки, и коллектив распался. Местные же власти, ссылаясь на то, что «евреи не обрабатывают землю, а живут в местечках», приняли решение ее отобрать [9, л. 6–10].

Усвятский волисполком в этом отношении не являлся исключением. Были, например, приняты решения отобрать земли у нескольких еврейских семей в Кривске (Велижская волость), в Староселье (Селезневская волость), в Рибивке (это небольшая еврейская деревушка, где с давних лет почти все население занималось земледелием), в Крестах (Крестовская волость), Пинкове, Наумове и др. Деревня Кресты являлась довольно большим селением, в котором 14 еврейских семей занимались земледелием. Выяснилось, что евреи не только сами обрабатывали землю, но и бедняки в страду нанимались на работу зажиточными крестьянами. По этой причине земля у последних была отобрана, кроме одного домохозяина, которого спасло то, что женат он был на русской. «Не надо, однако, думать, –

отмечалось в справке по итогам обследования работы среди еврейского населения уезда, – что все это делается из-за вражды к евреям. Просто нет ни одного человека в уездном советском аппарате, который был бы знаком с бытом широких еврейских масс...» [10, л. 107–110].

В середине 1924 г. при Президиуме ЦИК СССР была создана Комиссия по землеустройству трудящихся евреев (КомЗЕТ), а в январе 1925 г. образовалась общественная организация – Общество по землеустройству трудящихся евреев (ОЗЕТ). На местах, в том числе в Псковской губернии, создавались губернские и уездные отделения этих учреждений, которые и занимались вопросами землеустройства евреев. Содействовала им в этой работе и еврейская секция при губкоме ВКП (б), хотя по-прежнему далеко не все местные руководящие работники понимали необходимость и важность работы, но при этом работы по землеустройству теперь в основном инициировались «сверху».

Секретариат Псковского губкома партии, заслушав 29 июля 1925 г. доклад «комиссии по землеустройству трудящихся евреев», отметил, что проводимая работа «пока еще не дала никаких реальных результатов», рекомендовал усилить ее по всем направлениям [11, л. 2].

По-прежнему желающих заняться земледелием среди евреев находилось немного. Великолукский уисполком, например, в 1925 г. констатировал, что «все необходимые меры со стороны УЗУ к оповещению еврейского населения в уезде были приняты, но на собрания никто не явился». А посему уисполком сообщил, что «среди трудящихся евреев уезда, желающих перейти на сельское хозяйство, не имеется» [12, л. 364]. Из Островского уезда, где проживали 539 евреев, сообщили, что большинство из них – торговцы, кустари и служащие, «идти заниматься сельским хозяйством евреи боятся в связи, по их мнению, возможными погромами» [7, л. 16]. Холмский уисполком в феврале 1925 г. тоже отметил, что «желающих получить землю из евреев не оказалось, и ни одного случая не зарегистрировано», а посему «работу комиссии считать законченной и комиссию ликвидировать» [13, л. 30]. В Опочке согласно данным городской переписи 1923 г. числилось 526 евреев, а в уезде – только 35 чел. (в общей сложности 88 семейств). Как и всюду, большинство их являлось торговцами, кустарями, рабочими и служащими, «лицами без определенных занятий». Имелось лишь одно хозяйство, занимающееся земледелием, но до 1924 г. оно сдавало имевшуюся землю в аренду, а в 1924 г. обрабатывало своим трудом. Таким образом, необходимых условий для землеустройства евреев в уезде не имелось, и даже в начале 1927 г. отмечалось, что «в уезде до сего времени изъявивших желание на получение земли не имеется» [14, л. 204].

Для «антиземельных» настроений тоже были свои причины, о чем свидетельствуют данные повторного обследования «еврейской» работы в Велижском уезде в 1926 г.: «С землеустройством встречаются большие затруднения. В селениях, далеких от города и местечек, еврейское население на землю не идет из-за боязни бандитизма, от которого оно очень страдало. И хотя в настоящее время бандитизма нет, настроение у части окружающего крестьянства еще не совсем здоровое. Те евреи, которые устроились на земле, живут очень бедно... Имеет место старое отношение еврейского населения к деревенской жизни...» [15, л. 5].

В справке, правда, отмечались факты организации и деятельности некоторых еврейских коллективов – «Ахдус» в бывшем имении Горки, «Еврейский труженик» – в имении Красный став, в бывшем имении «Адамово», в местечке Ильино и других, организованных главным образом в 1926 г. [15, л. 5 об.].

«В общем, настроение населения благоприятное, – подчеркивалось в очередном отчете по итогам обследования еврейской работы в Велижском уезде, – еврейское население хорошо понимает, что Советская власть разрешит национальный вопрос. Но имеются и националистические настроения. Так, в одном из выступлений на собрании в Ильине прозвучало: “Советская власть хорошая, но не годится местная власть, которая к евреям относится как к неисправимым гражданам. Если бы у евреев была своя республика, то там не было бы лишенных голоса” (для справки: в 1926 г. из 514 “лишенцев” Велижа 456 были евреями). Сохраняется взгляд на еврея, как на спекулянта. Но имеются еврейские земледельцы, у которых хозяйства хорошо поставлены, есть среди них комсомольцы. Но в Ильино такого еврея, земледельца Барановского лишили права голоса только за то, что он продавал заднюю часть коров, которых зарезал для себя (т. к. заднюю часть евреи не употребляют в пищу), он же продал лошадь, которая у него пробыла 17 лет, и вместо нее купил другую; он же продал сено своего собственного хозяйства. На основании этого соседние крестьяне подали на него заявление, что он занимается торговлей, и этого было достаточно для комиссии, которая лишила его и всех членов семьи права выборов. В Усвятах лишили права голоса двух семейств без всяких официальных мотивов...» [7, л. 30–31].

«В еврейских сельскохозяйственных колониях работа не поставлена как следует, – говорится далее в отчете, – отчасти страдает и дальнейшая работа коллектива в Горках, работающего уже второй год, а земля все еще считается арендной. Получили кредит, и деньги вложили в кирпичный завод, который обошелся в 3 тыс. руб. Завод этот отнял у них в рабочее полевое время необходимую рабочую силу, из-за этого вынуждены были отдать в аренду фруктовый сад, который

мог бы приносить доход в 500 руб. Завод отнял у них последнюю копейку, и вышло такое положение, что они сидят в сильные морозы дома без стекол, т. к. у них нет рублей на вставку стекол. ГубзУ уже давно решило передать им землю на правах землепользования и предоставить дополнительный кредит, чтобы они смогли поставить работу на научных сельскохозяйственных основах, но ничего в этой области не сделано... Необходимо отдать им землю на правах землепользования и выдать долгосрочный кредит, к 5 имеющимся семьям допричислить три, и тогда коллектив может стать здоровым еврейским сельскохозяйственным коллективом. Имеются там опытные земледельцы с сильным желанием продолжать работу на земле. Настроение у них здоровое. Можно этому хозяйству дать молочный уклон, т. к. коллектив находится в пяти верстах от города. Имеются данные и для развития садоводства и огородничества. В целом коллектив имеет все шансы на развитие...» [7, л. 32–33].

Аналогичные, а во многом и сугубо местные проблемы имелись и в других уездах: Великолукском, Торопецком, Невельском и Себежском, что показали данные проведенного в них обследования: «В Великолукском уезде евреев 2957, по социальному составу: рабочих и служащих – 123, кустарей – 197, торговцев – 85. Материальное положение кустарей в общем неплохое: на жизнь все зарабатывают... По еврейскому землеустройству ничего не было сделано, оно даже встретило здесь некоторые препятствия. Коллектив, который был выделен УЗУ в 1926 г., ограничился лишь вывешиванием объявления: “Кто из трудящихся евреев хочет перейти на земледелие, пусть регистрируется”. Никакой разъяснительной кампании не было проведено, но несмотря на это, в Насве зарегистрировались 12 семей, которые были заинтересованы в переходе на земледелие. Представитель их отправился в волостное земельное управление, но УЗУ создало такую бумажную волокиту, что эти 12 семей в течение полугода зря толкались в разные учреждения, пока выбились из сил и вынуждены были вернуться к своим прежним занятиям (к торговле). Несколько семей заявили свое желание перейти на земледелие при условии, если им будет выделена земля, но когда они явились в УЗУ, то им заявили, что требуется 600 руб. с каждой семьи, а т. к. все эти семьи представляют собой бедноту, то они испугались названной цифры, и этим дело кончилось...» [7, л. 23–25].

«В Торопце происходит значительное уменьшение еврейского населения из-за того, что торговля сокращается, а промышленных предприятий здесь нет, – отмечала та же комиссия. – По переписи 1920 г. в Торопецком уезде имелось 2480 чел., по переписи 1923 г. еврейское население уменьшилось до 2100 чел., т. е. за два года – на 380 чел... Уменьшилось оно только в городе,

в местечках же заметна некоторая прибыль населения: там получили развитие лесные промыслы и лесобработка. Из города выезжает прежде всего молодежь, которая тянет за собой средний возраст, а старший возраст постепенно вымирает. В Торопце еврейского населения до 700 чел., в основном кустари и торговцы. Торговля вымирает с каждым днем... Когда завели разговор о переходе на земледелие, уполномоченный услышал ответ: “Мы сами об этом думаем, но как же этого достичь? Пока перебиваемся кое как, одалживаем у одного и отдаем другому. Если же прекратить торговлю, распродать товар, тогда даже долги целиком не покроешь. А средства на переезд, а чем будем жить до первого урожая?”. Положение этих торговцев действительно ужасное. Оно должно быть тщательно обследовано, надо отпустить средства из государственных источников или общественных организаций, и дать возможность тем, которые действительно хотят перейти на производственный труд, но не имеют на это средств, вылезти из той бедноты, в которой они сейчас находятся...» [7, л. 25–26].

«Пока же по еврейскому землеустройству почти ничего не сделано, – заключила комиссия. – Не было заинтересованности и со стороны еврейского населения. Было намечено хорошее имение, но из-за этого оно было передано русским коллективам... Недавно в Торопце организовалось отделение ОЗЕТ...» [7, л. 27].

Гораздо меньше условий для землеустройства имелось в Невельском и Себежском уездах, где оно в 1925–1926 гг. практически не началось: «В Невельском уезде положение другое, еврейская работа имеет свою историю, начиная с Октябрьской революции. Имеется более-менее концентрация рабочих на щетинных фабриках, и вся работа сосредоточивается в городе, т. к. в уезде нет ни местечек, ни сел с концентрированием еврейского населения... По уезду разбросано еврейское население в местечках и деревнях – около 600 чел., это кустари, земледельцы и торговцы. Работы по землеустройству не организованы.

В Себеже из общего количества населения (5348) евреев 2280 (41,3%), социальный состав: рабочие и служащие – 164, кустари – 300, земледельцы – 5, торговцы – 97... В городе и в местечках имеется значительное число лиц без определенных занятий, которые живут на средства родных или попрошайничают. В декабре прошлого года на конференции был затронут вопрос о землеустройстве, но после нее ничего не было сделано» [7, л. 34–35].

В Невельском уезде в декабре 1925 г. для наделения землей евреев-единоличников решено было выделить 290,5 дес., для коллективов – 396,6 дес. Однако при проверке выяснилось, что в первом случае земли оказались почти совсем непригодными: ранее они не обрабатывались, другая часть представляла собой вырубку из-

под леса, и на эти угодья не желали переселяться не только евреи, не имевшие никаких земледельческих навыков, но не брали ее и местные крестьяне. Земли, предназначенные для коллективов, вообще передавать было нельзя, так как они числились в фактическом пользовании крестьян. Когда евреям стало известно об этих фактах «землеустройства», они вообще перестали являться на собрания. За весь 1926 г. в уезде было наделено землей из «бывшего госземимущества» Плиссы (в полутора километрах от города) только 5 еврейских семей с 32 едоками, из которых 3 семьи ранее арендовали здесь земельные участки (22,5 дес.). «В целом результаты по землеустройству незначительные, – подчеркивалось в акте по итогам очередного обследования. – Евреи, жители городов и местечек, с определенной психологией, отличающейся от психологии земледельца, привычками более кустари и торговцы» [16, л. 17].

В Велижском же уезде в 1926–1927 гг., как и раньше, дело с землеустройством евреев шло несколько успешнее, хотя тоже не без проблем. К концу 1926 г. здесь изъявило желание получить землю 52 семьи с 297 едоками, в том числе 41 семья, проживающая в сельской местности, и 11 семей горожан (кустари, торговцы, рабочие). К концу года были удовлетворены заявления 27 семей, остальным выделение задержалось по причине отсутствия свободного земельного фонда. Незначительными оказались размеры наделов и тем, кто их получил: в Усвятах – 0,83 дес. на едока, в Ильине – вообще 0,43 дес. В Усвятах это были фактически не наделы, а просто восстановление прав прежнего землепользования. Захват земель крестьянами не был редкостью в годы Гражданской войны. Помимо этого, сельское население терроризировали бандиты, жертвами которых в первую очередь становились евреи, бросавшие свои хозяйства и бежавшие в города. Вот в этот момент крестьяне и захватили брошенные ими земли. Евреи же были запуганы, им еще долго вспоминались бандитские налеты и расправы, поэтому и теперь они не спешили селиться на земле, а сдавали ее исполу крестьянам. Положение оказалось не вполне нормальным, оно могло лишь осложнить отношения между еврейскими и русскими крестьянами...» [16, л. 16, 19–21].

Повсеместно, как в южных, «еврейских» уездах губернии, так и за «чертой оседлости», евреи очень неохотно брали землю и в единоличное пользование. На 1 октября 1926 г. в трех уездах – Себежском, Невельском и Велижском – было наделено землей всего 50 семей с общим количеством едоков 219 чел., которые получили 503 дес. [4, л. 17]. В дополнение к ним в течение 1927 г. получила землю в губернии еще 21 еврейская семья с 119 едоками: им предоставили 182 дес. [14, л. 19]. На получение земли претендовали еще 58 семей, но большинство их земорганами

не могли быть удовлетворены по причине отсутствия свободных земель [14, л. 240]. Гораздо охотнее евреи селились в сельской местности колониями, получая землю в коллективное пользование, о чем свидетельствовал приведенный пример Велижского уезда. Получали в пользование землю также евреи в других уездах, в том числе находившиеся за «чертой оседлости», хотя и немногие [6].

Образцом же сельскохозяйственного коллектива, в деятельности которого отразились все «плюсы» и «минусы» еврейского землеустройства, являлось все то же хозяйство «Горки» («Ахдус») в Велижском уезде. Располагалось оно в четырех верстах от Велижа по Усмынскому тракту и в 84 верстах от железнодорожной станции Витебск. В хозяйстве имелось 23 дес. пашни, 9 дес. лугов, 2 дес. выгона, 10 дес. пустоши. Главными занятиями его членов являлись полеводство и животноводство, основными продуктами сбыта – лен и молочная продукция. Артель имела утвержденный устав, в ней состояло 5 семейств с 26 душами, из которых 15 являлись трудоспособными, никто из них отдельного хозяйства не вел. В период полевых работ хозяйство дополнительно принимало наемных рабочих. Оно начало переход на семиполье, но не хватало сельскохозяйственных машин: имелось только 3 одноконных и один пароконный плуг, 7 деревянных, одна пружинная и одна дисковая бороны. Из скота в хозяйстве имелись: по 4 коровы, лошади, теленка, от всех четырех коров ежедневно получали 36 фунтов молока. В 1926 г. был построен и начал функционировать кирпичный завод, изготавливавший в одной имевшейся печи 3500 шт. кирпича. Для жилья были отведены два дома, требовавших капитального ремонта. Условия проживания являлись стесненными: на каждого члена артели приходилось немногим более одной квадратной сажени жилплощади. И при этом в одном из домов проживало частное лицо, некто Скрыжевский, никакого отношения к артели не имевший. Судом было принято решение о его выселении, но он продолжал занимать квартиру, допуская к тому же погромы своим скотом посевов и коллективный лугов. Имелись также баня, 3 сарая, амбар, 3 хлева, ледник, каретный сарай, но все постройки также требовали ремонта. Продукты выдавались на каждую семью в равном количестве, поэтому все они питались отдельно. Оставляла желать лучшего медицинская помощь: имелась лишь небольшая аптека при кирпичном заводе; только его рабочие обеспечивались и спецодеждой. Чтобы хозяйство стало по-настоящему жизнеспособным, требовалось увеличить количество членов до 30–35 чел. и укрепить материально-производственную базу [14, л. 26–27]. Губисполком по согласованию с ГубЗУ и уездными организациями посчитал возможным доприселить в коллектив несколько

семей из малоземельных районов, но практическое решение вопроса затянулось более чем на год [14, л. 3].

В Торопецком уезде 4 еврейские семьи с 24 едоками, выехавшие из уездного города, основали практически на голом месте трудовую земледельческую артель в с. Знаменском. Они временно разместились в шалашах и палатках, скот содержали в поле, земля переселенцам попала плохая (была занята кустами и пнями). Через короткое время были выстроены 2 жилых дома и надворные постройки, расчищены участки, которые приобрели «культурный» вид, введен правильный севооборот, и уже на следующий год получен неплохой урожай: ржи – 70 пудов с десятины, овса – 40 пудов, корнеплодов – 1700 пудов. Имелись достижения и в животноводстве, наладились отношения с местными крестьянами, которым артель предоставляла в пользование сельскохозяйственные орудия [18].

Сдерживало переход евреев на земледелие и то обстоятельство, что большинство из них не желало расставаться с прежними занятиями. «Основное занятие еврейского населения – кустарные промыслы и мелкая торговля, – подчеркивалось в отчете еврейской секции губкома ВКП (б) за летний период 1926 г. – Экономическое положение их не одинаковое, ибо в отличие от сельской местности, кустари и мелкие торговцы, живущие в городах, находятся в более лучших материальных условиях. Крупные предприятия, где сконцентрированы большей частью еврейские рабочие, почти отсутствуют, кроме Невеля... Землеустроительная работа среди евреев до сего времени не достигла больших успехов. Льготы, которые были даны кустарям и мелким торговцам, несколько улучшили их экономическое положение, но это не исключает тот факт, что часть еврейского населения, и в особенности мелкие торговцы, пытаются перейти к более продуктивному труду, к земледелию...» [8, л. 11–12].

Все перешедшие на земледелие евреи нуждались в финансовой помощи, каковую не всегда получали. Губернская комиссия по землеустройству евреев в апреле 1927 г. прямо констатировала, что кредитованию еврейских коллективов и хозяйств не уделялось достаточного внимания, поэтому предлагалось начать с выявления «потребности населения в кредите» [14, л. 209]. В 1927 г. ОЗЕТу в целях укрепления его финансового состояния было разрешено выпустить лотерею в количестве 1 млн билетов по 50 коп. В числе главных выигрышей были: дом стоимостью 10 тыс. руб., переселенческое имущество на 1200 руб., полное оборудование кустарной мастерской на 2 тыс. руб., поездка в уже существующие еврейские земледельческие колонии, путевка в дом отдыха и др. За отделением ОЗЕТ в Псковской губернии было закреплено 3000 билетов [19]. Первые из них в количестве 50 шт.

были получены в октябре, и сразу же по подписным листам отправлены в поселения, а вскоре ОЗЕТ выделил еще 170 билетов [20].

В феврале 1927 г. вопрос о работе среди еврейского населения был обсужден секретариатом Псковского губкома ВКП (б), который вновь подчеркнул, что «в некоторых местах не до конца усвоена важность работы среди национальных меньшинств, не изжиты случаи нездоровых настроений, невнимательного отношения к нуждам трудящегося еврейского населения, недостаточна работа по втягиванию еврейской массы в производство и земледелие, еврейские сельскохозяйственные коллективы недостаточно материально обеспечены...» [21, л. 70].

В том же 1927 г. Псковская губерния была упразднена и на ее бывшей территории в составе обширной Ленинградской области образованы Псковский и Великолукский округа. Накануне упразднения, когда границы округов были уже намечены, последовал вывод, что в будущем Псковском округе «нет компактных групп еврейских коллективов», а потому организация окружной секции ОЗЕТа признавалась нецелесообразной [14, л. 211]. Примерно 9/10 всего еврейского населения прежней губернии оказалось сосредоточенным в Великолукском округе (около 30 тыс. чел.), поэтому центр тяжести всей «еврейской» работы переносился сюда. По предложению ЦК КомЗЕТа вместо бывшей губернского КомЗЕТа создавалась Комиссия по землеустройству трудящихся евреев при Великолукском окрисполкоме. В ведение ее перешли бывшие уезды, в которых была сосредоточена основная часть еврейского населения – Холмский, Торопецкий, Себежский, Невельский, Великолукский, Велижский, разделенные теперь на районы. В них стали создаваться районные комиссии ОЗЕТа, пункты с населением свыше 100 чел. евреев прикреплялись к зонам их деятельности. В дальнейшей работе по подбору переселенцев «на землю» КомЗЕТ рекомендовал руководствоваться следующими принципами:

«1. Дать возможность переселиться на землю главным образом лицам без определенных занятий – мелким торговцам... ремесленникам в местах их постоянного проживания, безработным служащим, рабочим и др.

2. Переселение квалифицированных рабочих и служащих, имеющих постоянную работу или службу, а также кустарей, имеющих постоянный заработок, недопустимо» [22].

Каждый переселенец по решению Комиссии ОЗЕТ относился в зависимости от имущественного положения к определенной категории и, исходя из этого, получал различную денежную помощь для обустройства в местах вселения. К 1-й категории относились наиболее маломощные семейства, не имевшие средств для обустройства. Таковым выплачивался кредит в размере 1140 руб.; 2-ю категорию составляли

семьи, имевшие определенные средства, а также лошадь, они получали 990 руб.; представители 3-й категории, имевшие рабочую лошадь, телегу, плуг, могли рассчитывать на получение 910 руб.; следующие, более обеспеченные категории (4–5-я), с учетом разной степени имущественного положения, – по 680–640 руб., и наконец, 6-я категория, «которая все приобретает на свои средства», – только 48 руб. [23].

Великолукские окружные организации начали с того, что в конце 1927 г. снова провели обследование состояния «еврейской работы» в ряде районов. Оно показало, например, что значительная часть населения жила в бедности, молодежь, имевшая средства, уезжала в большие города, а бедные молодые люди либо оказывались безработными, или же нанимались на работу к кустарям; еще хуже обстояло дело с этим у девушек. «Настроение среди еврейского населения в общем хорошее и здоровое, – подчеркивалось в акте, – но материальная необеспеченность вызывает недовольство. Еврейские кустари-бедняки в зависимости от своей еврейской общины и зажиточных кустарей. Несмотря на то, что бедняцкая часть населения на 100% вступает в кооперативы, они еще не удовлетворяют запроса. Кустарям приходится покупать товар у частного спекулянта. Во главе общины стоит зажиточная часть населения...» [24, л. 24–25]. Существовавшие еврейские сельскохозяйственные коллективы по-прежнему были малочисленны. В отношении одного из них (в с. Ильино, объединявшем 8 семей) комиссия рекомендовала «на этом клочке земли оставить максимум 5 семей, остальные три объединить в другой коллектив и наделить землей; коллектив оформить в ТОЗ, предоставить ему кредит на сельхозмашины, лошадей, скот и постройки, выделить свой фонд земли» [24, л. 25].

В коллективе «Красный став», образовавшемся в 1926 г., состояло 5 семейств с 20 едоками. Вследствие внутренних склок одна семья была исключена, в четырех оставшихся семьях осталось 15 едоков, при этом три семьи были родственниками, поэтому не было возможности оформить коллектив официально. К тому же многие из них еще не оторвались от прежнего занятия – торговли. В конце 1927 г. в Велижском районе с просьбой о наделении землей поступило 17 заявлений от разорившихся торговцев, для которых требовалось изыскать фонд свободных земель [24, л. 26–28].

Все более решительное вытеснение частного из торговли могло стать одним из резервов пополнения за счет его земледельцев. В Невеле, например, за короткое время (конец 1927 – начало 1928 г.) закрылось 114 торговых заведений, из них 87 еврейских, но расчеты на переход их к земледелию не оправдались. «Если учесть, что в среде еврейского населения и так было много деклассированного элемента, то теперь

оно еще больше увеличилось, – подчеркивал Великолукский окружком ВКП (б). – Работа по переводу еврейского населения на сельскохозяйственный труд дает пока мало эффектов и должна быть значительно усилена за счет имеющихся в округе свободных земель» [25, л. 135]. Даже в случаях, когда вопрос казался близким к разрешению, со стороны земорганов нередко допускалась nepозволительная волокита.

«Работа среди евреев-крестьян шла по линии обобществления их хозяйств, – отмечалось в отчете Великолукского окружкома за октябрь 1927 – март 1928 г. – Настоящий курс в землеустроительной политике евреев осуществлялся в русле общей стратегической линии, направленной на коллективизацию крестьянских хозяйств, поэтому и ранее созданные сельскохозяйственные коллективы, и вновь организуемые составили в Великолукском округе целую группу «национальных еврейских колхозов» [26, л. 30].

В Великолукском округе была сосредоточена основная масса еврейских колхозов Ленинградской области, в остальных районах которой они были редчайшим явлением. Так, по данным учета, на середину 1929 г. во всей области числилось 18 еврейских колхозов, 14 из них находилось в Великолукском округе, в то время как в Псковском округе их было всего 2 [28, с. 18, 61]. В конце 1929 г. в Великолукском округе имелось уже 16 еврейских коллективных хозяйств, объединявших 75 дворов с 300 едоками. Несколько выросло и число единоличных еврейских хозяйств: в 1926 г. таковых имелось 991, а в 1929 г. – 1102. «В составе колхозов 50% было торговцев, из которых 15% вычищено, как противодействующих колхозному строительству и классово-чуждых», – подчеркивалось в одном из отчетов окружкома партии в конце ноября 1929 г. [27, л. 19]. Ряд хозяйств просуществовал недолго и распался, некоторые объединялись, меняли названия, поэтому число их постоянно менялось (табл. 1). В течение того же 1929 г. корреспонденты окружной газеты «Наш путь» посетили большинство национальных колхозов, в том числе еврейских, и о своих наблюдениях рассказали на ее страницах:

«Сельхозартель «Пролетарий» Невельского района – сколоченная наспех нацменовская артель, члены ее евреи. При возникновении колхоза в него вошла небольшая группа бедноты, большинство же составляли крепкие кустари. Существует артель уже второй год. Как и следовало ожидать, зажиточная часть артели с первых же дней стала прибегать к найму за себя поденщиков и искала побочного заработка. Зажиточные праздновали религиозные праздники, а одно семейство даже занималось торговлей. Бюро колхозов своевременно обратило на это внимание. Артель пополнилась рабочими, ей был отпущен кредит, нездоровые уклоны пошли на убыль,

Таблица 1

«Национальные еврейские колхозы» в Великолукском округе в 1929 г.

Название, тип хозяйства	Район	Время образования	Число хозяйств/едоков
«Ахдус-Горки», сельскохозяйственный коллектив	Велижский	Февраль 1925 г.	8/28
«Труженик», сельхозартель	Невельский	1925 г.	5/33
«Красный став», сельскохозяйственный коллектив	Велижский	Май 1926 г.	6/21
Сопкинская сельхозартель	Куньинский	Май 1926 г.	5/29
«Заря», ТОЗ	Ильинский	1927 г.	6/31
«Красные горки», сельхозартель	Ленинский	Март 1928 г.	5/27
«Пролетарий», сельхозартель	Невельский	Март 1928 г.	7/39
Поречьевское ТОЗ	Пореченский	Октябрь 1928 г.	25/71
«Рябовщина», сельхозартель	Велижский	1928 г.	4/16
«Еврейский труженик», сельхозартель	Пустошкинский	Февраль 1929 г.	6/31
Щукинская сельхозартель	Локнянский	Апрель 1929 г.	5/22
«Колпино», сельхозартель	Невельский	Не установлено	5/24

Примечание. Сост. по: [27, л. 13].

и сейчас артель считается самым сильным нацменьшинским колхозом в Невельском районе...» [29].

«Слабовата и малочисленна еврейская сельхозартель «Рябовщина» Великолукского района. Но в то же время она имеет и много здорового: правлением налажен учет, оплата в этом году производится по денно, в целях повышения производительности труда перешли на сдельщину. Плохи, однако, жилищные условия. Но к разряду слабых отнести ее нельзя хотя бы потому, что до нового урожая она обеспечена хлебом. Чтобы сделать эту артель более мощной, намечается два выхода: слить ее с артелью «Горки», или пополнить новыми членами из еврейской бедноты. Если почему-либо не будет желающих евреев, то возможно пополнение и русскими, только людьми, которые совершенно свободны от национальных и иных предрассудков. При разрешении этого вопроса нужна большая осторожность...» [30].

««Труженик» Невельского района – еврейская сельхозартель, имеет трехлетний стаж, в борьбе за новое переустройство жизни эту артель можно безошибочно назвать мученицей. Дело в том, что в первое время она была под сильным влиянием стариков и пожилых, которые усиленно противостояли обобществлению имущества. Из среды молодежи в борьбе со стариками выдвинулся Аншель Ханин, который создал крепкое ядро, отстаивающее новые порядки. Сейчас все имущество обобществлено, и налицо все дело к тому, чтобы артель начала жить здоровой жизнью» [31].

«Еврейская сельхозартель «Основа» Локнянского района по мощности довольно крепкий колхоз. Жилые постройки в плохом состоянии, но хуже всего то, что они не обобществлены.

Некоторые члены имеют даже доходы от своих квартир – от 10 до 20 руб. в месяц. И не только это: даже молочные продукты члена артели сбывают. Артель организовалась в 1927 г., казалось бы, пора расстаться с собственническими привычками, от которых общественное хозяйство страдает. Такое состояние артели вредит делу. В этом году она получила 657 руб. чистой прибыли, а при обобществлении имущества и при более внимательном отношении, была бы прибыль больше» [31].

«Еврейская сельхозартель «Горки» Великолукского района организована давно, была переполнена малоустойчивым элементом, в прошлом году пришлось ее реорганизовать. Результат получился хороший. Все имущество обобществлено, только один член артели имеет в городе собственный дом. Артель стала более трудоспособной. В эту зиму заработали 1000 руб. на извозе: вывезено 25 куб. саж. дров для кирпичного завода, который и создан им же два года назад. В этом году ожидается значительный доход от кирпичного завода и сада площадью 2 га. Под лен в этом году отведено 7 га вместо трех в прошлом. За счет бросовых земель увеличено общее поле площади на 10%. Все, что можно использовать, будет засеяно. Неплохо поставлено животноводство, скот артели считается лучшим в районе. Главная преграда – низкое качество почв: они тяжелые, глинистые. При 28 едоках артель имеет 26 га пашни. В целях развития животноводства и рационализации хозяйства после проведения весенних сельхозработ намечается слияние этой артели с артелью «Рябовщина», расположенной по соседству» [31].

«Еврейский труженик» – маломощный колхоз Великолукского района. Почвы песчаные, под

пашней всего 26 га, артель намерена в этом году расширить площадь под картофель и другие корнеплоды» [32].

«Нацменовская еврейская артель «Сопки» Куньинского района за время своей работы не завоевала среди бедняцко-средняцкого населения никакого авторитета. В артели применяется наемный рабочий труд, есть немало и других беспорядков. Пленум сельсовета, обсуждая эти ненормальности, решил колхоз этот расширить, влив туда еще 23 бедняцких хозяйств» [32].

«Колхоз «Крестьянин» Куньинского района организован на развалинах ликвидированной еврейской сельхозартели. Колхоз имеет много хорошего, но и много недостатков. Овес до настоящего времени (декабрь 1929 г. – А. Ф.) не обмолочен, в беспорядке сложен на улице, снопы гниют под дождем. Лен еще не снят с поля. Скотные дворы в беспорядке, слаба трудовая дисциплина...» [32].

На состоявшемся в июне 1929 г. окружном съезде колхозов зашла речь и о национальных артелях, и вполне справедливо в одном из выступлений подчеркивалось, что такие колхозы «организуются иногда из людей, которые до этого о сельском хозяйстве ничего не знали. Следовательно, требовать от них того, что можно от других, мы не можем». Говорилось также о необходимости более тесной связи еврейских колхозов с ОЗЕТОМ [33]. Однако уже спустя несколько месяцев, в ноябре того же 1929 г. Великолукский окружком ВКП(б) подчеркивал, что «перспективы для дальнейшего существования еврейских колхозов не имеется ввиду малого количества земли, и еврейским колхозам придется влиться в общие крупные колхозы, которые теперь создаются». При этом окружком отметил имевшие место факты «национал-шовинизма» среди евреев, что выражалось в том числе в нежелании объединяться в общий крестьянский колхоз: «Мы с русским хамом не братва». «Чистку» же колхозов от классово-чуждого элемента некоторые рассматривали в качестве одной из форм «национального гонения»; имелись в колхозах и случаи антисемитизма [27, л. 19–20].

Упор на создание «колхозов-гигантов», естественно, не оставлял места мелким хозяйствам, а к последним относились почти все еврейские колхозы. «Национальные колхозы еще замкнуты, они малы – по 8–10 хозяйств, на площади от 35 до 100 га, – писала газета «Наш путь». – Среди нацмен есть еще люди, которые крепко держатся за хуторскую систему, налицо случаи принятия, протаскивания в колхоз кулака и нэпмана», а поэтому «неотложная задача – сделать коренной перелом в работе среди нацменьшинств в сторону развития только коллективизации сельского хозяйства, его расхуторизации...» [34].

Вытеснение частника из торговли в конце 1920-х гг., а также разорение многих куста-

рей пополняли среду людей без определенных занятий, которых в официальных документах нередко называли «деклассированным элементом». В связи с этим предпринимались попытки привлечь их к земледельческому труду, а затем и в колхозы. В ноябре 1929 г. секретариат Великолукского окружкома ВКП (б) даже обсудил вопрос «О состоянии работы по коллективизации деклассированного еврейского населения округа»; отметив «наличие значительной массы деклассированной еврейской бедноты в округе» и «слабое состояние работы по его коллективизации», он поручил инструктору по нацменработе Е. Б. Каган глубже изучить этот вопрос и внести подготовленные предложения в окружком [35, л. 106].

Доклад Е. Б. Каган «О состоянии деклассированной еврейской бедноты в Великолукском округе» был заслушан уже в феврале 1930 г., чему предшествовал ее выезд совместно с областным агрономом в три района для изучения состояния дел об организации и укрупнении еврейских колхозов. Обследование показало, что «ОкрЗУ не имеет никакого плана и совершенно не занимается этим вопросом». Поскольку большинство еврейских колхозов были мелкими, а шло укрупнение не только их, то актуальным признавалось объединение нескольких национальных хозяйств. В то же время констатировалось засорение колхозов «классово-чуждым элементом». Так, в еврейском колхозе «Сопки» Куньинского района «за последнее время принято без всякого согласования с советскими органами 5 «лишенцев», в колхозе «Плиссы» Невельского района руководство состоит из зажиточной части и применяет наемный труд, в «Горках» Велижского района зажиточная часть препятствует укрупнению колхоза и т. д. [36, л. 67].

В принятой по докладу Е. Б. Каган резолюции подчеркивалась «необходимость мобилизовать еврейских рабочих и трудящихся для решительной борьбы с еврейским кулаком и незрелыми среди некоторых евреев настроениями, типа «Среди евреев нет злостных торговцев, эксплуататоров, кулаков, евреи все за Советскую власть, евреи не способны на контрреволюционную работу». Эти шовинистические доводы разбиваются практикой в нашем округе.

Еврейский кулак, как и все кулаки, ведет борьбу против мероприятий партии и советской власти. Он устраивает нелегальные собрания против выставления кандидатур в Советы (в Себеже), против коллективизации (Усвяцкий район), а целый ряд выступлений еврейских кулаков и нэпманов говорит, что они не отличаются от общего классового врага. При этом надо обратить внимание на деклассированную еврейскую бедноту и всеми мерами содействовать улучшению ее экономического положения.

Исходя из того, что еврейское население округа сконцентрировано в городах и местечках бывшей «черты оседлости», где производство развито слабо, а при царском строе на земледелие и в государственные учреждения евреи не допускались по целому ряду национальных ограничений, большинство еврейского населения вынуждено было заниматься торговлей. За время существования Советской власти не было возможности такое количество еврейского населения втянуть в производственный труд, и большая часть вынуждена продолжать торговлю до последних лет (табл. 2). В нашем округе на сегодняшний день имеется около 1200 еврейских семейств, которые считаются деклассированной беднотой...» [37, л. 47–48].

Секретариат окружкома ВКП (б) предлагал: «выявить возможность заполнить еврейские колхозы городской и местечковой еврейской беднотой, городские и сельские фонды свободных земель для организации еврейских колхозов и огородных объединений» [37, л. 50].

К этому времени в Великолукском округе существовали следующие еврейские колхозы, сеть которых в связи с проводимым укрупнением по сравнению с 1929 г. претерпела изменения и продолжала меняться [37, л. 55–57]:

Почти все хозяйства испытывали нехватку сельхозинвентаря, нуждались в капитальном ремонте их жилые и хозяйственные постройки. Тенденция же к обязательному укрупнению мелких хозяйств могла в скорой перспективе

Таблица 2

Характеристика еврейских колхозов в 1930 г.

Название и тип хозяйства	Район	Число хозяйств/едоков	Земельная площадь, га	Наличие скота, голов	Примечания
«Горки» («Ахдус»), с/х артель	Велижский, Амотинский с/с	40/180	280 (пашни – 125)	Рабочего – 18, продуктивного – 22	–
«Рябовщина», с/х артель	Велижский	–	–	–	Объединена с сельхозартелью «Горки»
«Заря», ТОЗ	Ильинский	6/29	–	–	Ликвидировано
«Сопки», с/х артель	Куньинский, ст. Назимово	8/33	51	Рабочих лошадей – 7, продуктивного скота – 9	Объединена в общий колхоз «Сопки», где имеется еврейская национальная секция
«Щукино», с/х артель	Локнянский	10/45	85	7 продуктивного скота	Влилась в общий колхоз «Дружба»
«Красная горка», с/х артель	Ленинский	8/38	43	Рабочего – 4, продуктивного – 7	Вместе с двумя другими артелями – «Верный путь» и «Майская» – объединены в колхоз «Майский»
«Старые Сокольники», с/х артель	Новосокольнический, Рыковский с/с	30/196	–	–	Подробные сведения отсутствуют
«Труженик», ТОЗ	Невельский, д. Плисы	7/31	35	Рабочего – 7, продуктивного – 9	Объединено с коммунальной «Луневская»
«Пролетарий», с/х артель	Невельский, Топорищенский с/с	15/71	153	Рабочего – 14, продуктивного – 31	–
«Новый путь», с/х артель	Невельский	14/42	35	Рабочего – 5, продуктивного – 9	–
С/х артель в г. Невеле	Невельский	46/165	300	–	–
«Знамя», с/х артель	Октябрьский, ст. Торопа	36/88	70	Рабочего – 13, продуктивного – 18	–
С/х коммуна Крестовского с/с	Усмынский	–	–	–	Сведений нет
«Новый пахарь», с/х артель	Усвятский, Адамовский с/с	35/165	122	Рабочего – 13, продуктивного – 27	–

Примечание. Сост. по: [37, л. 55–57].

привести к тому, что национальных колхозов (в том числе еврейских) в округе вообще не останется. Посчитав такое направление политически неправильным (оно противоречило принципам тогдашней национальной политики), руководство округа решило несколько попридержать процесс слияния национальных колхозов, особенно объединения их с русскими колхозами и даже не возражать против существования в течение какого-то времени «карликовых» артелей.

В апреле 1930 г. бюро Великолукского окружкома ВКП (б) постановило «усилить работу по коллективизации сельского хозяйства национальных меньшинств, добиться к осени 1932 г. полного выявления батрачества и середняцко-бедняцких хозяйств, не останавливаться перед созданием мелких колхозов, ведя при этом решительную борьбу с неправильной тенденцией в ряде мест на искусственное слияние во что бы то ни стало национальных колхозов с русскими и на рассасывание нацменколхозов в общерусских колхозах» [38, л. 102].

В будущем, однако, ситуация сложилась так, что остались только колхозы без указания на их национальный состав, т. е. смешанные. Еврейские колхозы оказались нежизнеспособными, в процессе укрупнения они объединялись с более экономически мощными, а евреи в их трудовых коллективах составляли меньшинство. Несмотря на предпринимаемые усилия по землеустройству евреев, значительных результатов они не имели. Земледелием решила заняться лишь очень небольшая часть еврейского населения, не прижились национальные еврейские колхозы, и в конечном итоге евреи земледельческой нацией в СССР так и не стали.

Список литературы

1. Данные Всероссийской демографической переписи населения 28 августа 1920 г. Псковская губерния: в 2 вып. Вып. 2: Национальность, пол, грамотность. Псков : Губстатбюро, 1923. 58 с.
2. Нацменьшинства губернии // Псковский набат. 1927. 1 февр.
3. Ривес Я. Состояние и перспективы работы среди еврейских трудящихся масс // Спутник большевика. 1926. № 2 (54). С. 54–57.
4. Крастынь Я. Заметки о работе среди трудящегося еврейского населения // Псковский набат. 1927. 3 апр.
5. Государственный архив Псковской области (далее – ГАПО). Ф. Р-590 (Исполком Псковского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов). Оп. 1. Д. 1969.
6. Переход евреев Псковщины на земледелие // Псковский набат. 1926. 27 авг.
7. Отделение документов новейшей истории и по личному составу Государственного архива Псковской области (далее – ОДНИЛС ГАПО). Ф. 1 (Псковский губернский комитет РКП (б)). Оп. 4. Д. 440.
8. ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 428.
9. Там же. Д. 429.
10. Там же. Оп. 3. Д. 683.
11. Там же. Оп. 1. Д. 379.
12. ГАПО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 1532-а.
13. Там же. Д. 1553.
14. Там же. Д. 1756.
15. ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1. Оп. 4. Д. 430.
16. Там же. Д. 442.
17. Евреи на земле // Псковский набат. 1927. 24 дек.
18. В национальных колониях // Псковский набат. 1927. 31 мая.
19. Пупко Д. Всесоюзная лотерея общества по землеустройству трудящихся евреев // Псковский набат. 1927. 4 авг.
20. Землеустройство трудящихся евреев // Псковский набат. 1927. 29 окт.
21. ОДНИЛС ГАПО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 451.
22. К переселению трудящихся евреев // Наш путь. 1928. 3 марта.
23. Землеустройство трудящихся евреев // Псковский набат. 1927. 7 сент.
24. ОДНИЛС ГАПО. Ф. 5712 (Великолукский окружной комитет ВКП (б)). Оп. 1. Д. 25.
25. Там же. Д. 28.
26. Там же. Д. 32.
27. Там же. Д. 143.
28. Национальные меньшинства Ленинградской области: сборник материалов / сост. П. М. Янсон. Л. : Орготдел Ленинградского облисполкома, 1929. 104 с.
29. По нацменовским колхозам // Наш путь. 1929. 13 апр.
30. Муха М. С. Еврейские коллективные хозяйства доказали, что они являются лучшей школой перевоспитания еврейских масс // Наш путь. 1929. 14 апр.
31. М. Л. Расширяем артель «Сопкино» // Наш путь. 1929. 10 окт.
32. Филиппов В. Колхоз «Крестьянин» должен улучшить свою работу // Наш путь. 1929. 19 дек.
33. Завершился окружной съезд колхозов // Наш путь. 1929. 28 июня.
34. Каган. О нацменколхозах // Наш путь. 1930. 4 февр.
35. ОДНИЛС ГАПО. Ф. 5712. Оп. 1. Д. 87.
36. Там же. Д. 133.
37. Там же. Д. 213.
38. Там же. Д. 172.

Поступила в редакцию 03.10.2022; одобрена после рецензирования 03.11.2022; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 03.10.2022; approved after reviewing 03.11.2022; accepted for publication 20.01.2023

ХРОНИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 276–280
Izvestiya of Saratov University. History. International Relations, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 276–280
<https://imo.sgu.ru> <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-276-280>, EDN: HJGKKG

Сообщение
УДК [[005.745:001]:94(47+57)|1922|](470.44-25)|2022|

Феномен многонационального Советского Союза: по итогам работы международной научной конференции

А. П. Мякшев

Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, Россия, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Мякшев Анатолий Павлович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории и историографии, myakshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, Author ID: 391367

Аннотация. Представлена информация о прошедшей 14–15 октября 2022 г. Международной научной конференции «Феномен многонационального Советского Союза: история, наследие и социальная память». Участники обсудили широкий спектр теоретико-методологических, исторических, экономических, философских, юридических, культурологических, лингвистических проблем образования, становления, распада единого государства и его последствий. В представленных докладах нашел отражение уникальный исторический опыт формирования и функционирования Советского Союза как государства-цивилизации, требующий своего дальнейшего осмысления и изучения.

Ключевые слова: Советский Союз, советское государство, советская экономика, советские нации, федерация, социализм, советский народ, русский язык

Для цитирования: Мякшев А. П. Феномен многонационального Советского Союза: по итогам работы международной научной конференции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2023. Т. 23, вып. 2. С. 276–280. <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-276-280>, EDN: HJGKKG

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Communication

The phenomenon of the multinational Soviet Union: Based on the results of the international scientific conference

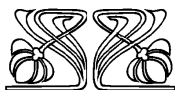
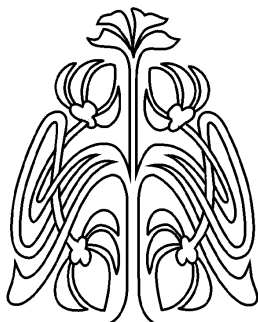
A. P. Myakshev

Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia

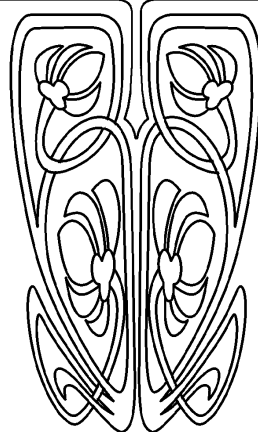
Anatoly P. Myakshev, myakshev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2997-2618>, Author ID: 391367

Abstract. The information about the International Scientific Conference “The Phenomenon of the Multinational Soviet Union: History, heritage and social memory” held on October 14–15, 2022 is presented. The participants discussed a wide range of theoretical and methodological, historical, economic, philosophical, legal, cultural, linguistic problems of education, formation, disintegration of a single state and its consequences. The presented reports reflect the unique historical experience of the formation and functioning of the Soviet Union as a state-civilization, which requires further reflection and study.

Keywords: Soviet Union, Soviet state, Soviet economy, Soviet nations, federation, socialism, Soviet people, Russian language

ПРИЛОЖЕНИЯ

For citation: Myakshv A. P. The phenomenon of the multinational Soviet Union: Based on the results of the international scientific conference. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, 2023, vol. 23, iss. 2, pp. 276–280 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2023-23-2-276-280>, EDN: HJGKKG

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

14–15 октября 2022 г. в Институте истории и международных отношений Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского состоялась Международная научная конференция «Феномен многонационального Советского Союза: история, наследие и социальная память», организованная кафедрой истории Отечества и историографии и прошедшая в рамках актуализации научным сообществом юбилейной даты – 100-летия образования СССР. Обращение к юбилеям выдающихся исторических событий служит историкам не только предметным поводом, но и позволяет подвести определенные итоги накопленных научных знаний по данному историческому явлению, а также указать социуму на предмет осмысления советской эпохи с учётом практик современности. Не менее важным представлялось столкновение мнений профессиональных исследователей советской истории в поисках взаимоприемлемых научных «компромиссов» по сложным дискуссионным вопросам. Одной из задач конференции явилось особое внимание к фальсификации советской истории на предмет её искажения в угоду сегодняшней политической конъюнктуре.

Конференция объединила историков, филологов, экономистов, этнологов, филологов Саратова, Москвы, Белгорода, Донецка, Саранска, Ульяновска, Ярославля, казахстанских Астаны и Петропавловска. Открывая пленарное заседание, председатель оргкомитета конференции директор Института истории и международных отношений СГУ имени Н. Г. Чернышевского Т. В. Черевичко указала, что проблема образования и распада Советского Союза – тема, находящаяся в центре внимания специалистов-историков, а уникальный опыт формирования и функционирования советского государства требует дальнейшего осмысления и изучения. Образование СССР, заключила она, стало поворотным пунктом в мировой истории XX в., оказало колоссальное воздействие на его государственное, социальное и культурное развитие. Развитию России был дан невиданной мощи импульс, превративший её в одну из двух сверхдержав новейшего времени.

Организация работы конференции включила как традиционные формы обсуждения докладов в рамках пленарного и секционных заседаний, так и применение цифровых сервисов онлайн-площадок. Центральной темой конференции, безусловно, стало обсуждение специфики советского государства – цивилизации. Заседание открыл доклад заведующего кафедрой отечественной средневековой и новой истории Яро-

славского государственного университета имени П. Г. Демидова, профессора Ю. Ю. Иерусалимского и настоятеля храма великомученика Андрея Стратилата в с. Сулость Ростовского района Ярославской области архимандрита Сильвестра об основных принципах создания мобилизационного государства в Советском Союзе в 1930-е гг. Докладчики убедительно доказали, что мобилизационная модель позволила в кратчайшие сроки нарастить экономический и образовательный потенциал СССР, что явилось одной из главных причин победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Поскольку СССР как федеративное государство устраивался по этническому принципу, заявил в своём докладе заведующий кафедрой Отечественной истории и историографии Саратовского госуниверситета профессор В. Н. Данилов, то важнейшей задачей советского нарратива по национальному вопросу являлось обоснование исторической правомерности нахождения народов в составе единого государства. Если в бывших союзных республиках в настоящее время «в большей степени» реализована концепция «тюрьмы народов», заключил Виктор Николаевич, то в современной российской историографии большинство исследователей придерживается формулы «наименьшего зла», причём «баланс плюсов и минусов вхождения в состав России разными историками для разных народов оценивается по-разному».

Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Н. А. Араловец обратилась к демографической истории Советского Союза. Несмотря на то, что в СССР сохранялось доминирование однонациональных брачных союзов и в 1970-е гг. обозначилась тенденция снижения прироста числа межнациональных браков и этнически смешанных семей, подчеркнула исследователь, «многонациональный состав населения, широкое распространение русского языка, в том числе в инонациональной среде, миграционный обмен между союзными республиками, заметное сокращение национальных традиций при вступлении в брак и создании семьи способствовали распространению межнациональных браков и этнически смешанных семей, особенно в городах». В докладе профессора кафедры Отечественной истории и историографии Е. Н. Морозовой был представлен оригинальный взгляд на формирование многонациональной культуры как структурного элемента советской культурной политики.

В докладе доктора исторических наук С. Ш. Казиева и кандидата исторических наук Е. Н. Бурдиной из Петропавловска (Республика Казахстан) было заявлено, что политика коренизации в Казахстане являлась частью

интегративной стратегии национального строительства, направленной на выравнивание социального и культурного уровней развития советских народов и формирование на основе классово-солидарности сообщества социалистических наций. Оживленную дискуссию вызвал доклад профессора кафедры Отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета А. П. Мякшева «Советский народ как новая историческая общность: «прерванный полёт», фантом или исторический миф?». Рассмотрев рождение и становление идеологии «советский народ как новая историческая общность людей», А. П. Мякшев заявил, что в 1970-е гг. новая историческая общность стала превращаться в реально существующий и развивающийся исторический субъект. При этом незавершенность и противоречивость формирования новой исторической общности были представлены автором доклада в качестве одной из причин распада единого государства. Прозвучал и дискуссионный вывод о том, что историческое существование новой общности – советский народ – вне контекста российско-советского имперства невозможно. Возрастающий интерес к имперской исторической тематике констатировал в своём докладе профессор кафедры политических наук Саратовского государственного университета Н. И. Шестов. Предположив, что дискуссии о том, «можно ли и на каких основаниях считать Советский Союз историческим продолжением Российской империи», обусловлены «большим разнообразием смыслов, которые специалисты вкладывают в понятие «империя», Николай Игоревич заявил, что «в ракурсе социально-мифологическом СССР был продолжением Российской империи». В заключении доклада автор высказал важную мысль о том, что нынешняя актуализация имперского мифа в сознании современного российского общества вполне вписывается в логику мирового политического процесса, поскольку «Россия сегодня – всего лишь один из участников масштабного процесса бегства от глобализации и конкуренции наиболее сильных национальных государств мира за обладание «имперской мощью» в разных её экономических, политических, военных и культурных проявлениях».

Доклад профессора Саратовской государственной юридической академии Т. В. Заметиной касался основ национально-государственной политики в советской федерации. На взгляд Тамары Владимировны, «реализуя национальную политику, советское государство было вынуждено, с одной стороны, обеспечивать внедрение в сознание масс единых идеологических установок в этой сфере, с другой – поддерживать национальные меньшинства, недоминирующие этнические общности». Было сделано важное заявление о том, что политика государства в отношении этнических общностей носила всеохватывающий

протекционистский характер. В этой связи интересный доклад об образовании АССР Немцев Поволжья «в контексте теории мировой революции» представил профессор кафедры Отечественной истории и историографии А. А. Герман.

Наиболее острую дискуссию вызвало обсуждение проблемы причин распада Советского Союза. Один из ведущих российских специалистов в области истории «позднего» СССР, автор двух изданных в 2022 г. монографий по данному периоду («Эпоха Брежнева: советский ответ на вызовы времени, 1964–1982» и «Золотой век» социализма: Советский Союз и мир, 1964–1982»), ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Ф. Л. Сеницын представил доклад «Развитой социализм: советский ответ на вызовы современности». Фёдор Леонидович указал на серьёзность вызовов, «которые «навалились» на советскую систему». По его мнению, «эти вызовы имели и эндогенный (обусловленные событиями в самом СССР), и экзогенный (воздействие из-за рубежа) характер, а также широкий спектр происхождения и проявлений». Ф. Л. Сеницын утверждает, что действия «брежневского руководства», посчитавшего возможным на возникшие вызовы ответить внедрением «идеологических новаций», не были эффективными, а многое не было реализовано либо не использовано. В конечном счете, считает исследователь, «в рамках единственной государственной идеологии достичь баланса в «моральном» и «материальном» факторах не удалось, и в условиях формирования «общества потребления» «материальный фактор» взял перевес». Аналогичную позицию изложил профессор кафедры Отечественной истории и историографии Саратовского государственного университета А. А. Гуменюк, проанализировавший в своём докладе тезис о ключевой роли социально-психологического кризиса второй половины 1970 – середины 1980-х гг. в распаде советского государства и отказе от социалистических ценностей. Выступление профессора кафедры экономической теории и национальной экономики Саратовского государственного университета Г. А. Черемисинова было посвящено характеристике советской экономики как оригинальной разновидности рыночного хозяйства, функционировавшего в режиме фиксированных ценовых регуляторов макроэкономических рынков товаров, рабочей силы, денег и капитала. Чрезвычайное положение в финансовой сфере СССР Георгий Александрович связал с действиями «руководства РСФСР во главе с Б. Н. Ельциным по переводу крупнейших предприятий союзного значения под юрисдикцию России с одновременным снижением ставки налога на их прибыль». Перешагнув за «порог дозволенного», заключил профессор, «в бюджетном финансировании, правящая власть во главе с Б. Н. Ельциным отравила нашу экономику к всеобщей деградации».

и распаду». Большой интерес вызвал доклад профессор-политологов И. В. и О. В. Бахловых из Мордовского госуниверситета им. Н. П. Огарева, отметивших, что «распад СССР серьезно скорректировал соотношение сил в мировой экономике, превратив Россию, по оценке классиков неомарксизма, в полупериферию капиталистической мир-системы». Игорь Владимирович и Ольга Владимировна утверждают, что в ситуации глобальной турбулентности последствия распада СССР переживаются в настоящее время «даже острее, чем прежде», поскольку сегодняшние события «детерминированы в том числе пролонгированным кризисом советской системы, просчетами и ошибками, допущенными как в ходе советского государственного строительства, так и ускоренного и лишённого компенсаторных механизмов процесса демонтажа условных «внутренней» и «мировой» империй СССР».

В выступлении известного российского философа, профессора Саратовской государственной юридической академии Н. Г. Козина «Уроки русской смуты» была предпринята попытка мировоззренческого осмысления уроков истории России «за последние 100–150 лет». Николай Григорьевич пришел к следующему выводу: страна и нация живут в логике перманентного кризиса национальной идентичности, конечным истоком которого «является стремление наряду, а в ряде случаев и вместо, формационной модернизации России навязать ей изменение типа локальности ее цивилизации». Идеологическому фактору в процессе распада СССР был посвящен доклад заведующего кафедрой политических наук Саратовского госуниверситета, профессора А. А. Вилкова.

Анализ последствий распада Советского Союза был представлен в выступлениях заведующего кафедрой философии культуры и культурологии Саратовского госуниверситета Е. В. Листвиной «Социокультурный след СССР в современной культуре» и профессора кафедры политических наук Саратовского госуниверситета А. А. Казакова «Отношение современной российской молодежи к СВО в контексте последствий распада СССР».

В рамках работы секции «Русский язык в СССР и на постсоветском пространстве: проблемы и достижения» особый интерес вызвал совместный доклад профессора кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского госуниверситета, заслуженного деятеля науки РФ О. Б. Сиротининой и профессора этой же кафедры А. В. Дегальцевой. По мнению ученых, русский язык на территории СССР «не только обогатился благодаря связям с другими народами и культурами, но и сумел стать объединяющим началом для многонационального населения государства», причём «охрана норм русского языка, борьба за чистоту и правильность речи являлись важнейшими

задачами сохранения единства многонациональной страны». Однако в 1990-е годы, как отмечают Ольга Борисовна и Анна Владимировна, «демократизация языка обернулась его жаргонизацией и даже криминализацией», а поскольку русский язык по-прежнему «остаётся связующим звеном для всех народов нашей многонациональной страны», «охрана его норм должна стать первоочередной задачей» на современном этапе развития государства. В докладе профессора кафедры русского языка, речевой коммуникации и русского как иностранного Саратовского госуниверситета О. В. Мякшевой «Русский язык молодёжи: полюсы существования в современном российском обществе» утверждалось, что кризисную ситуацию в языковой сфере спасает «обращение к национальным корням, помогающее формировать у молодого поколения духовно-нравственный, патриотический стержень в мировоззрении, возвращающее родному русскому языку его культуросберегающую функцию».

Наибольший интерес в работе секции «Миграции как фактор социокультурной трансформации в регионах СССР, России и странах постсоветского пространства» вызвали выступления профессора кафедры философии Саратовской государственной юридической академии И. Н. Коновалова о специфике процесса адаптации и социализации мигрантов в пограничных районах Саратовской области, доцента кафедры Отечественной истории и историографии Саратовского университета М. В. Булычёва «Этнические анклавные территории Саратовского края: формирование и потенциал развития», директора филиала Института истории и этнологии имени Ч. Ч. Валиханова (Петропавловск, Республика Казахстан) кандидата исторических наук Н. А. Абуова «Политический статус и миграции депортированных граждан Польши в 1940–1946 гг. в СССР», а также сообщение доктранта Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилёва Г. С. Ильясовой «Миграционные процессы на территории Северо-Казахстанской области: по материалам 1999–2022 гг.».

На заседании секции «Региональная история: военные и социокультурные аспекты» особое внимание привлёк доклад профессора кафедры истории, культуры и социального развития Московского государственного областного университета С. В. Левина «Статистика в Российской империи и в СССР: преемственность и противоречия».

Мероприятие привлекло внимание научного сообщества саратовских вузов, о чём наглядно свидетельствовало большое количество гостей, среди которых были не только преподаватели и сотрудники, но и студенты, магистранты и аспиранты гуманитарных факультетов. Участники конференции поднимали в своих выступлениях актуальные и острые вопросы, что вызвало

на пленарном заседании и в секциях ряд научных дискуссий.

Подводя итоги научной конференции, участники отметили её плодотворную работу и необходимость продолжать сложившуюся традицию обсуждения дискуссионных вопросов советской

истории. Материалы 35 докладов опубликованы в сборнике статей под редакцией А. П. Мякшева «Феномен многонационального Советского Союза: история, наследие и социальная память» (Саратов: Саратовский источник, 2023. 269 с.).

Поступила в редакцию 18.01.2023; одобрена после рецензирования 19.01.2023; принята к публикации 20.01.2023
The article was submitted 18.01.2023; approved after reviewing 19.01.2023; accepted for publication 20.01.2023

ISSN 1819-4907 (Print). ISSN 2542-1913 (Online)
Известия Саратовского университета. Новая серия.
Серия: История. Международные отношения. 2023.
Том 23, выпуск 2

ИЗВЕСТИЯ САРАТОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА Новая серия

Серия: Акмеология образования. Психология развития
Серия: История. Международные отношения
Серия: Математика. Механика. Информатика
Серия: Науки о Земле
Серия: Социология. Политология
Серия: Физика
Серия: Филология. Журналистика
Серия: Философия. Психология. Педагогика
Серия: Химия. Биология. Экология
Серия: Экономика. Управление. Право

